

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского»
Международная Академия Психологических Наук



ИНТЕГРАЦИЯ В ПСИХОЛОГИИ: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА

Сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции

Ярославль
2021

УДК 159.9
ББК 88
И 73

Печатается по решению редакционно-издательского
совета ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Интеграция в психологии : Теория, методология, практика : сборник
И 73 материалов IV Всероссийской научно-практической конференции [4 мая 2021 г.] /
под науч. ред. В.А. Мазилова. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. – 206 с.
ISBN 978-5-00089-498-9

В настоящий сборник включены тексты статей и тезисов, представленных на научно-практическую конференцию, посвященную обсуждению проблем интеграции в психологии. Конференция проходила на базе Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского и была организована кафедрой общей и социальной психологии.

Представленные материалы отражают многообразие и широту научно-практических интересов исследователей в области проблем теории, методологии и практики интеграции в психологии. В сборнике обсуждаются вопросы методологии интеграции психологического знания и психологического сообщества, технологии интегративных процессов в психологии, прикладные аспекты интеграции в психологии, а так же проблемы организации и реализации междисциплинарных исследований в психологии.

Материалы конференции будут интересны всем, кто интересуется проблемами теории, методологии, практики психологического исследования.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-00089-498-9

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2021
© Авторы материалов, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТЕГРАЦИЯ В ПСИХОЛОГИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ (вместо предисловия)	5
---	---

РАЗДЕЛ 1. МЕТОДОЛОГИЯ ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

<i>Анимова Н.П.</i> Системогенез деятельности как теоретическая основа педагогических исследований	13
<i>Богомаз С.Л., Пашкович С.Ф.</i> Культурная интердетерминация как основание интеграции психологического знания	16
<i>Завгородняя Е.В.</i> Разработка стратегии интеграции психологического знания: проблема предметной области психологии	20
<i>Козлов В.В.</i> Методология интеграции психологического знания и психологического сообщества	24
<i>Мазилев В.А.</i> Интеграция психологического знания как методологическая проблема психологии	28
<i>Позняков В.П.</i> Представления К.К. Платонова о системе психологических наук и современные тенденции дифференциации и интеграции в отечественной социальной психологии	39

РАЗДЕЛ 2. ТЕХНОЛОГИИ ИНТЕГРАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ПСИХОЛОГИИ

<i>Акопов Г.В.</i> Интеграция подходов к постановке и решению проблемы сознания: проект Чарлза Вайтхеда	47
<i>Длужневская Л.А., Длужневский И.Г.</i> Психоаналитическая интерпретация элиминации субъекта в современной социальной философии	55
<i>Зеленкова Т.В.</i> Интегративные методы в психологической практике	59
<i>Зобков В.А.</i> Интеграция теории и практики в воспитании отношения человека к жизнедеятельности	63
<i>Козлов В.В.</i> Интегративный потенциал психоанализа	66
<i>Ледовская Т.В.</i> Интеграция психологического знания как условие развития современной теории совладающего поведения	70
<i>Мединцев В.А.</i> Планирование интеграции психологического знания	72
<i>Токарев Я.В.</i> Интегративный взгляд на семантику в онтопсихологии	76
<i>Толочек В.А.</i> Полевые исследования как предмет методологической рефлексии	81

РАЗДЕЛ 3. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

<i>Базиков М.В., Задорожнюк И.Е., Мазилев В.А.</i> Психология отношений и поиск нового показателя Индекса развития человеческого потенциала	89
<i>Богомаз С.Л., Пашкович С.Ф.</i> Нарративный подход в психолого-педагогическом сопровождении адаптации личности с повреждением опорно-двигательного аппарата	99
<i>Бугайчук Т.В.</i> Психолого-педагогический мониторинг способностей школьников	104
<i>Васильева С.Н.</i> Методологический подход к теории и практике тренинга развития жизнеспособности человека	109
<i>Гордякова О.В., Лебедев А.Н., Орлова Н.В.</i> Высшие социальные эмоции и мотивация поведения потребителей в системе маркетинговых коммуникаций	113
<i>Кисляков П.А., Шмелева Е.А., Силаева О.А.</i> Психолого-педагогическое и медико-социальное обеспечение психологической безопасности детей в условиях цифровизации	117
<i>Корнеева Е.Н., Богомоллова Т.Б.</i> Специфика переживания страха смерти мужчин и женщин разных возрастов в условиях пандемии	120

<i>Ледовская Т.В., Белякова Е.А.</i> Представления о партнере у получателей социальных услуг психоневрологического интерната	124
<i>Лопатина Н.В.</i> Оценка востребованности применения интегративного подхода в изучении социально-психологических характеристик личности преступника-рецидивиста	127
<i>Масляная О.В., Скворцова А.Б.</i> Диалектика эмоциональной лабильности в ситуации дистанционного обучения	130
<i>Морожанова М.М.</i> Архитектоника переживания в контексте интегративной методологии психологической науки	134
<i>Мухамбеткалиев Д.К., Турчин А.С.</i> Психологические проявления профессиональной деформации учителей, проходящих послевузовскую образовательную подготовку	138
<i>Назаров В.И., Афонина А.В., Белова Е.А.</i> Интегративный подход к стрессосовладающему поведению субъектов образовательной системы	140
<i>Перегонцева Т.В., Стрижак Н.Ю.</i> Учет возрастных факторов одаренности как условие успешного профессионального самоопределения школьников (из опыта работы)	143
<i>Позняков В.П., Поддубный С.Е., Вавакина Т.С.</i> Эмпирические типы экономического самоопределения российских предпринимателей	146
<i>Полянко А.В., Старцева О.Е.</i> Влияние непроверенной информации на развитие массовой паники	148
<i>Рубцова Е.А., Александрова Е.А.</i> Исследование саморепрезентации современной южнокорейской молодежи в виртуальном пространстве	150
<i>Рубцова Н.Е.</i> Психологическая готовность к научной деятельности	153
<i>Рукавишников Н.Г.</i> Психологическая готовность к школе и ее связь с тревожностью	159
<i>Силаева О.А.</i> Интегративная технология формирования безопасного социального поведения детей дошкольного возраста в инклюзивной образовательной среде	163
<i>Сольнин Н.Э., Ледовская Т.В.</i> Аксиологический подход к исследованию способности к волонтерской деятельности	165
<i>Соснин В.А.</i> Национальная безопасность России на рубеже XX-XXI веков в контексте методологии психологической науки	168
<i>Стрижак Н.Ю., Каримова В.М.</i> Развитие техники чтения младших школьников на уроках русского языка посредством написания зрительных диктантов И.Т. Федоренко	171
<i>Тамазин М.В., Цымбалюк А.Э.</i> Взаимосвязь развитости эмоционального интеллекта и сформированности представления о карьере у студентов вуза	175
<i>Ульянова Г.В., Филатова О.В.</i> Психологическое сопровождение сотрудников многофункциональных центров (МФЦ)	178
<i>Филатов Д.О.</i> Личностные детерминанты психической надежности студентов колледжа в учебной деятельности	181

РАЗДЕЛ 4. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

<i>Лебедев А.Н., Гордякова О.В., Орлова Н.В.</i> Феномен ценностной поляризации населения в междисциплинарных исследованиях политической рекламы	187
<i>Редина А.В.</i> Синергетика в современном психологическом исследовании: новый вектор в изучении феномена одиночества в подростковом и раннем юношеском возрасте	191
<i>Рогачева Т.В.</i> Комплексная реабилитация как практическое применение результатов междисциплинарных исследований	195
<i>Слепко Ю.Н.</i> Интеграция естественных и гуманитарных наук в контексте нового понимания предмета психологии	199
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	204

ИНТЕГРАЦИЯ В ПСИХОЛОГИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ (вместо предисловия)

Перед читателем сборник трудов четвертой всероссийской научно-практической конференции, которая в этом году посвящена проблемам интеграции в психологию - «Интеграция в психологии: теория, методология, практика». Конференция 2021 года, на которой обсуждаются проблемы интеграции в психологию, явилась непосредственным продолжением трех предыдущих конференций, состоявшихся в 2018, 2019 и 2020 гг. (Взаимодействие, 2018; Взаимодействие, 2019; Интеграция в психологии, 2020). Таким образом со времени проведения предыдущей конференции прошел всего один год. Срок явно небольшой. Можно смело констатировать, что высокая актуальность тематики сохранилась, что подтверждается, в частности, значительным интересом к конференции 2021 года и большим числом заявок.

Однако в самые последние годы проблема неизменно вызывает повышенный интерес психологов, что представляется далеко не случайным. За повышением интереса к проблеме интеграции психологического знания в настоящее время, как можно полагать, стоит все более отчетливое понимание психологами того, что развитие психологической науки идет совсем не так, как того хотелось бы и как ожидалось. Возможно, эта неудовлетворенность и стимулирует интерес части психологического сообщества. Интеграция знания, которая еще недавно рассматривалась психологами как явно желаемая, но перспективная и долгосрочная цель, выходит на первый план и становится первоочередной задачей современной психологической науки.

Конференция 2021 года посвящена 100-летию со дня рождения М.С.Роговина.

М.С. Роговин (1921-1993) - известный отечественный психолог, доктор психологических наук, профессор. М.С. Роговин - выдающийся отечественный психолог, внесший вклад в разработку многих вопросов психологии (Мазилев, 2006; Мазилев, 2011; Мазилев, 2016). М.С. Роговин специалист в области военной, когнитивной психологии, общей психологии, истории и философии психологии, психопатологии, клинической и медицинской психологии. Известный переводчик психологической литературы, человек невероятно широкого кругозора и эрудиции.

В свете темы нашей статьи в первую очередь необходимо подчеркнуть, что М.С. Роговин в силу ряда причин был оригинальным философом психологии, имеющим свое представление о происхождении и развитии психологии, что позволило ему вскрыть противоречия и механизмы развития психологической науки и, таким образом, выявить тенденции в ее развитии. Забегая вперед, отметим, что он смог увидеть те опасности на пути развития психологической науки, которые не были видны его современникам. В данной статье акцентируем внимание лишь на тех вопросах, которые составляют особую актуальность для современной психологии. В свое время соображения М.С. Роговина не были услышаны и восприняты психологическим сообществом. Более того, они прозвучали явным диссонансом: психология в шестидесятые годы находилась «на подъеме», существовала явная эйфория по поводу ее перспектив, разделяемая и зарубежными, и отечественными психологами.

Представляется невероятным, что М.С. Роговин в 1960-е годы писал о мировой психологии, которая находится в процессе становления, рассматривал процесс, закономерности и опасности этого процесса. Во всей советской психологии было, как кажется, всего два человека, принявших на себя ответственность за мировую психологическую науку. Первым был С.Л. Рубинштейн, обозначивший свою позицию в 1940 году (см. подробнее (Мазилев, 2020)).

Михаил Семенович Роговин родился 27 октября 1921 года в Москве в семье известного переводчика и философа С.М. Роговина. Поступил на механико-математический факультет Московского государственного университета. Был призван в армию, прошел Великую Отечественную войну, участвовал в войне с Японией. Был командиром экипажа танка, затем, после ранения, - инструктором, военным переводчиком. После войны М.С. Роговин окончил Военный институт иностранных языков, поступил в аспирантуру по психологии в МГИИЯ к В.А. Артемову. В 1956 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблема понимания». В конце пятидесятых-начале шестидесятых годов работал в фундаментальной библиотеке по общественным наукам АН СССР. В шестидесятых годах М.С. Роговин работал на кафедре психологии МГПИ им. В.И. Ленина. В семидесятых и восьмидесятых был профессором на факультете психологии Ярославского государственного университета. В последние годы жизни был заведующим кафедрой психологии в Московском государственном лингвистическом университете. За это время им были написаны и опубликованы книги и учебные пособия: «Введение в

психологию» (Роговин, 1969), «Философские проблемы теории памяти» (Роговин, 1966), «Проблемы теории памяти» (Роговин, 1977), «Психологическое исследование» (Роговин, 1977а), «Структурно-уровневые теории в психологии» (Роговин, 1977б), «Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования» (Роговин, 1988), «Исследование отрицания в практической и познавательной деятельности» (Роговин, 1985), «Основы исследования в акциональных науках» (Роговин, 1993) и другие. Всего им было опубликовано около трехсот пятидесяти работ. «Основы лингвистической психологии» Михаил Семенович закончить не успел - в сентябре 1993 года Роговина не стало...

М.С. Роговин один из пионеров интеграционного движения в новейшей отечественной психологии. Свои историко-методологические взгляды он впервые систематически сформулировал в своей докторской диссертации (Роговин, 1968), а затем в книге «Введение в психологию» (Роговин, 1969). Затем последовал ряд других методологических публикаций (Роговин, 1974; Роговин, 1995 и др.).

Известно, что в отечественной психологии с успехом использовался категориальный анализ (М.Г. Ярошевский, А.В. Петровский, В.А. Петровский, К.К. Платонов и др.). Обратим внимание, что первым в советской психологии к анализу соотношения и динамики понятий обратился в своей диссертации М.С. Роговин: «Основное содержание диссертации состоит в прослеживании внутренней динамики психологических и патопсихологических понятий, которая анализируется как бы по трем срезам, проведенным через психологию на разных уровнях. На первом - конкретные факты истории психологии как науки являются показателем движения психологических понятий. Второй уровень - внутренние взаимоотношения психологических понятий, их самодвижение, связанное с функционированием определенных психологических механизмов. И третий уровень - динамика понятий внутри теоретических систем психологии» (Роговин, 1968, с. 5).

Вывод, который делает М.С. Роговин в результате своего исследования, знаменателен: «Прослеживание исторически изменчивого содержания основных психологических и патопсихологических понятий позволяет в известной мере преодолеть традиционное представление о психологии как совокупности изолированных и застывших “сущностей”, функций и перейти к пониманию ее как сложной многоуровневой системы знаний, динамика которых определена целым рядом “внешних” и “внутренних” факторов (обусловленность логической структуры психологии ее историческим развитием как сменой донаучного, философского и научного этапов ее развития и соотношением их как характеристикой любого хронологически фиксируемого периода, в том числе и современного ее состояния; дифференциация и интеграция областей психологического исследования; взаимосвязь и взаимовлияния психологии и смежных наук, эволюция метода и связанная с этим дифференциация содержания понятий; интеграция понятий в объяснительные схемы). Если с точки зрения стоявших перед работой задач на первый план выступала одна из наиболее отчетливых тенденций развития современной психологии, а именно, отход от функционального принципа и углубление межфункциональных исследований, то выработка на этой основе более адекватной системы понятий не сводится к “отмене” функциональных понятий, а представляет, скорее, результат стремления установить системы более простых, экспериментально или клинически верифицируемых понятий, из которых функциональные можно было бы вывести с помощью логических умозаключений» (Роговин, 1968, с. 25).

Не имея возможности здесь охарактеризовать позиции М.С. Роговина сколь-нибудь подробно, отошлем заинтересованного читателя к публикациям самого М.С. Роговина и статьям о нем (Мазилев, 2000; Мазилев, 2006а; Мазилев, 2006б).

Обратимся к тематике настоящего сборника.

Среди сложных и многоплановых методологических проблем психологии особое место занимает проблема психологического знания. Сложность проблемы связана, в частности, с многочисленностью различных контекстов, в которые включается проблема знания. Особенность этой проблемы состоит, как представляется, в том, что в ней сплетены в единый узел практически все нерешенные вопросы психологии, поэтому распутать его чрезвычайно трудно. Впрочем, нельзя исключить, что кому-то из психологов, достаточно далеких от методологических проблем психологической науки, такая проблематика может показаться странной или надуманной: психологическое знание несомненно существует, поэтому его надо добывать, а не обсуждать, какое оно и что в нем не так. Тем более, что по точному замечанию А.В. Юревича, психологическое знание и востребовано, и хорошо продается (Юревич, 2018). Как отмечает А.В. Юревич несколькими строками ниже, «диспропорция между неудовлетворительным состоянием психологического знания и его высокой востребованностью не может не настораживать, поскольку рано или поздно может обернуться предъявлением психологическому сообществу оправданных рекламаций» (Юревич, 2018, с. 9-10). Поэтому нельзя не согласиться

с выводами ведущего методолога психологии: «В результате постановка вопроса о том, что же представляет собой психологическое знание, как оно организовано и структурировано, вполне уместна и сейчас...» (Юревич, 2018, с. 10).

Отметим, что в последнее время в исследовании вопросов научно-психологического знания достигнут значительный прогресс. Опубликован объемистый сборник научных трудов «Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития» (Психологическое знание, 2018), в статьях которого содержится обсуждение различных аспектов проблемы. Как отмечают редакторы, «авторов этой книги объединяет убеждение в том, что разнообразие его видов не отменяет существования ряда его общих характеристик, которые дают возможность говорить о нем как едином целом, хотя, как будет показано, степень его единства и целостности оставляет желать лучшего, что традиционно является одной из главных проблем психологической науки и практики» (Журавлев, 2018, с. 7).

Необходимо отметить, что значительный прогресс в области исследования психологического знания достигнут в работах А.В. Юревича. В частности, им предложена структура психологического знания. К числу структурных элементов психологического знания А.В. Юревич относит: базовые «идеологии» и сопряженные с ними системы методологических принципов; категории; теории; законы; обобщения; объяснения и интерпретации; прогнозы и предсказания; факты и феномены; знание контекста (установления фактов и проявления феноменов); эмпирически выявленные корреляции между феноменами; описания; методики; технологии; знания, ассимилированные психологией из смежных наук (Юревич, 2010, с. 16-17).

Составление практически едва ли не полной номенклатуры составляющих психологического знания, несомненно, представляет собой значимое достижение, тем более, что оно сочетается с разработанной автором структурой психологической теории, что немало способствует систематизации психологического знания и понимания роли отдельных составляющих в общей структуре теории (Юревич, 2018).

Нельзя не упомянуть также фундаментальное исследование Д.В. Ушакова «Анатомия психологического знания», в котором предпринят анализ психологического знания в масштабе психологии в целом. В частности, на наш взгляд, очень важно обсуждение проблемы психологического знания в контексте предмета психологии. Д.В. Ушаков отмечает: «Современная психология сконцентрирована на решении множества специфических задач, что приводит к формированию локальных моделей. Сложность вопроса об архитектуре усугубляется непонятностью путей ответа на него. Проблема синтеза моделей связана с принципиально особым способом работы. Испытанное психологами вырывание частей из действительности здесь ничего не дает. В психологии возникает потребность в своего рода лапласовском уме, т. е. всеобъемлющем интеллекте, который мог бы принимать в расчет всю совокупность мыслимого. Но только в отличие от физики в психологии эту совокупность составляют не координаты и импульсы всех частиц во Вселенной, а все возможные проявления человеческой психики, ее разрозненные части, связанные глобальной архитектурой. Суммируя сказанное, можно констатировать, что структура предмета психологической науки такова, что она провоцирует нашу науку на превращение в собрание не связанных между собой моделей разрозненных объектов, теряя образ единого человека. Это свойство в современной психологии заметно уже при беглом взгляде на любую ее область - фрагментированность теоретического пространства бросается в глаза» (Ушаков, 2018, с. 87).

Чрезвычайно важной является постановка вопроса о связи знания и имплицитной теории психики: «В силу единства психики, проявляющегося в единстве сознания, личности и т. д., язык психологии по необходимости должен быть глобальным, способным обозначать все стороны психики, а значит, содержать в себе ее глобальную имплицитную теорию» (Ушаков, 2018, с. 100).

Отметим, что Д.В. Ушаков, фиксируя, что в современной психологии происходит в основном производство локальных моделей, отмечает, что «подлинное решение заключается в том, чтобы увидеть объект как многомерный и предложить адекватную такому видению модель» (Ушаков, 2018, с. 95). Д.В. Ушаков выделяет и описывает два возможных направления интеграции моделей: синтез в направлении «сверху вниз» и синтез в направлении «снизу вверх» (Ушаков, 2018). Оценивая эти варианты, Д.В. Ушаков отмечает: «Как бы ни казался теоретически привлекательным синтез в направлении «сверху вниз», реальное психологическое исследование в подавляющем большинстве состоит в производстве и проверке локальных моделей, дополненных отдельными попытками синтеза «снизу вверх». Современная психология, особенно западная, сделала однозначный выбор в пользу операционализируемых понятий как базовых, от которых единственно только и может отталкиваться научная психология. Целостный образ человека не очень заботит профессиональных психологов» (Ушаков, 2018, с. 105-106).

Отметим, что очень важно, на наш взгляд, сопоставление подходов к проблеме в отечественной и мировой психологии: «Ход мысли “сверху вниз” не оказался всерьез интересным для коллег с Запада. В их традиции по вполне рациональным основаниям перспективность исследования оценивается по возможности порождения на его основе экспериментальных исследований и описывающих их текстов. Сам по себе теоретический ход мысли, пусть даже и работающий на создание целостного образа человека, не является продуктом, способным вызвать резонанс при конвейерной организации науки. Он может оказаться лично интересным для кого-то из западных профессоров, стать предметом размышления на досуге у камина, но это не тот жанр, который способен сегодня спровоцировать поток работ, а, следовательно, привести к высоким показателям цитирования. Менее жесткие по сравнению с западными критерии оценки работ являются, с одной стороны, проявлением нашей расхлябанности и допускают прорыв низкокачественной научной продукции, но, с другой стороны, они же открывают и больший простор для появления действительно нового (Александров, 2005). Возможно, особенности отечественной психологии могут помочь ей получить преимущества того хромого верблюда, который при повороте оказывается впереди каравана» (Ушаков, 2018, с. 111-112).

Говоря о настоящем сборнике, обратим внимание, что его структура как раз и построена по логике движения методологического познания «сверху вниз». *Первый раздел* сборника посвящен обсуждению общеметодологических вопросов интеграции психологического знания и психологического сообщества. В нем представлены результаты анализа роли системогенетического подхода в организации интегративных исследований в педагогической психологии, педагогических науках (Н.П. Ансимова); результаты понимания культурной индетерминации как основы интеграции психологического знания (С.Л. Богомаз, С.Ф. Пашкович); результаты разработки стратегии интеграции психологического знания в контексте разработки проблемы предмета психологии (Е.В. Завгородняя); общеметодологический анализ проблемы интеграции психологического знания и психологического сообщества (В.А. Мазиллов; В.В. Козлов); обсуждается роль исследований К.К. Платоновым проблемы системы психологической науки в современной разработке проблем социально-психологического знания (В.П. Позняков).

Второй раздел сборника отражает результаты исследований, посвященных конкретным технологиям реализации интегративного подхода в анализе психологического знания. В разделе представлены исследования, предметом которых является использование интегративного подхода к исследованию проблемы сознания в психологии (Г.В. Акопов), решения задач психологической практики (Т.В. Зеленкова), к воспитанию отношения человека к жизнедеятельности (В.А. Зобков), к развитию теории совладающего поведения (Т.В. Ледовская). В ряде публикаций анализируется опыт психоаналитических исследований в понимании проблем современной социальной философии (Л.А. Длужневская, И.Г. Длужневский) и вклад теории психоанализа в интеграцию психологического знания (В.В. Козлов). Отдельные работы посвящены теоретическим, эмпирическим и экспериментальным методам интеграции психологического знания (В.А. Мединцев, Я.В. Токарев, В.А. Толочек).

Третий раздел настоящего сборника включает в себя статьи, в которых авторы предлагают использовать интегративный подход к решению прикладных аспектов анализа психологического знания - психологии отношений (М.В. Базиков, И.Е. Задорожнюк, В.А. Мазиллов), адаптации личности (С.Л. Богомаз, С.Ф. Пашкович), развития способностей (Т.В. Бугайчук), жизнедеятельности человека (С.Н. Васильева), организации и управлению учебной, профессиональной, другими видами и типами деятельности человека (О.В. Гордякова, А.Н. Лебедев, Н.В. Орлова; П.А. Кисляков, Е.А. Шмелева, О.А. Силаева; Т.В. Ледовская, Е.А. Белякова; О.В. Масляная, А.Б. Скворцова; Д.К. Мухамбеткалиев, А.С. Турчин; В.И. Назаров, А.В. Афонина, Е.А. Белова; Т.В. Перегонцева, Н.Ю. Стрижак, В.М. Каримова; В.П. Позняков, С.Е. Поддубный, Т.С. Вавакина; Н.Э. Солянин, Т.В. Ледовская; Д.О. Филатов; М.В. Тамазин, А.Э. Цымбалюк; Г.В. Ульянова, О.В. Филатова; Н.Е. Рубцова; О.А. Силаева; Е.А. Рубцова, Е.А. Александрова; Н.В. Лопатина). Так же читателям настоящего сборника будут интересны предложенные авторами данного раздела работы, посвященные применению интегративного подхода к изучению эмоциональной сферы человека в условиях стрессогенных ситуаций (Е.Н. Корнеева, Т.Б. Богомолова; М.М. Морожанова; А.В. Полянко, О.Е. Старцева; Н.Г. Рукавишникова; В.А. Соснин).

Четвертый раздел является новым для проводимой конференции, однако проблемы, обсуждаемые в нем, уже давно являются актуальными для российской и зарубежной психологической науки. В разделе представлены результаты исследований, объединенные общей проблемой междисциплинарного подхода к решению проблем в психологической науке. Интерес читателя вызовут исследования, посвященные проблеме ценностной поляризации населения и ее изучения средствами междисциплинарного исследования политической рекламы (Лебедев А.Н., Гордякова О.В., Орлова Н.В.); так же осо-

бый интерес вызовет изучение феномена одиночества подростков и юношей средствами синергетического подхода в психологии (Редина А.В.), проблемы комплексной реабилитации как практического применения результатов междисциплинарных исследований (Рогачева Т.В.), некоторых пределов взаимосвязи естественных и гуманитарных наук в контексте современных данных о предмете психологической науки (Слепко Ю.Н.).

Библиографический список

1. Взаимодействие академической и практико-ориентированной психологии в сфере образования: материалы I Национальной научно-практической конференции с международным участием / под науч. ред. проф. В. А. Мазилова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. 188 с.
2. Взаимодействие академической и практико-ориентированной психологии в сфере образования: материалы II Национальной научно-практической конференции с международным участием / под науч. ред. проф. В.А. Мазилова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. 132 с.
3. Журавлев А. Л. Предисловие / А. Л. Журавлев, А. В. Юревич // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития. Москва : Институт психологии РАН, 2018. С. 7-8.
4. Интеграция в психологии: теория, методология, практика: материалы III национальной научно-практической конференции с международным участием / под науч. ред. доктора псих. наук, проф. В.А. Мазилова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 279 с.
5. Мазиллов В. А. Когнитивная методология психологической науки: уровневый подход // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. V Всероссийская научно-практическая конференция / под ред. Ю.П. Поваренкова. Ярославль : ЯГПУ, 2011. С. 57-59.
6. Мазиллов В. А. Методология психологии на современном этапе: проблемы и перспективы // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции / под редакцией Ю.П. Поваренкова. Ярославль : ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2007. С. 42-48.
7. Мазиллов В. А. Михаил Семенович Роговин и методологические проблемы психологии // Проблемы психологии и эргономики. 2000. № 3. С. 36–39.
8. Мазиллов В. А. Михаил Семенович Роговин – методолог психологии // Методология и история психологии. 2006а. Т. 1. Вып. 2. С. 103-113.
9. Мазиллов В. А. Михаил Семенович Роговин - философ психологии // Сибирский психологический журнал. 2006б. № 24. С. 32–36.
10. Мазиллов В. А. Прогресс на фоне кризиса // Вопросы психологии. 2017. № 6. С. 107-116.
11. Мазиллов В. А. С. Л. Рубинштейн и будущее психологии // Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления / Отв. ред. Н. В. Борисова, М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев. Москва : ИП РАН, 2020. С. 164-184.
12. Мазиллов В. А. De anima: предмет психологии и границы его постижения // Высшее образование сегодня. 2019. № 6. С. 70-80.
13. Развитие ребенка / Под ред. А.В. Запорожца и Л.А. Венгера / Пер. с англ. М. С. Роговина. Москва : Просвещение, 1968.
14. Роговин М. С. Анализ познавательного стиля при психологическом изучении деятельности / М. С. Роговин, А. В. Соловьев // Психологические проблемы рационализации деятельности. Ярославль : ЯрГУ, 1976. С. 12–22.
15. Роговин М. С. Введение в психологию. Москва : Высшая школа, 1969. 381 с.
16. Роговин М. С. Изменение семантико-логической структуры психологических исследований // Вопросы философии. 1983. № 11. С. 76–87.
17. Роговин М. С. Научные критерии психической патологии. Ярославль : ЯрГУ, 1981. 78 с.
18. Роговин М. С. Основные направления анализа диагностического мышления в психопатологии (проблемная лекция). Ярославль : ЯрГУ, 1989. 69 с.
19. Роговин М. С. Основные положения общепсихологической структурно-уровневой теории // Познавательные процессы и личность в норме и патологии. Ярославль : ЯрГУ, 1995. С. 10–12.
20. Роговин М. С. Проблема понимания: автореф. дис. ... канд. пед. наук (по психологии). Москва, 1956. 16 с.
21. Роговин М. С. Проблемы теории памяти. Москва : Высшая школа, 1977а. 181 с.
22. Роговин М. С. Психологическая природа неопределенности / М. С. Роговин, А. В. Соловьев, Л. П. Урванцев // Проблемы экспериментальной психологии и ее истории. Москва : МГПИ, 1973. С. 187-230.
23. Роговин М. С. Психологическое исследование. Ярославль : ЯрГУ, 1979. 66 с.
24. Роговин М. С. Пьер Жане // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 6. С. 100-110.
25. Роговин М. С. Развитие структурно-уровневого подхода в психологии // Системные исследования. Ежегодник. Москва : Наука. 1974. С. 187–230.
26. Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль : ЯрГУ, 1977б. 80 с.

27. Роговин М. С. Структурно-уровневый анализ соотношения субъективных и объективных компонентов процесса познания (при исследовании восприятия, представлений и мышления) / М. С. Роговин, Л. П. Урванцев, Л. М. Иванов // Вопросы философии. 1985. № 2. С. 48–61.
28. Роговин М. С. Теоретические основы психологического и психопатологического исследования / М. С. Роговин, Г. В. Залевский. Томск : ТГУ, 1988. 288 с.
29. Роговин М. С. Уровневая структура действия / М. С. Роговин, А. В. Соловьев, Л. П. Урванцев // Психологическая рационализация деятельности. Ярославль : ЯрГУ, 1978. С. 10–21.
30. Роговин М. С. Уровневая структура психики в учении Аристотеля // Системные исследования. Ежегодник. Москва : Наука, 1978. С. 152–168.
31. Роговин М. С. Философские проблемы теории памяти. Москва : Высшая школа, 1966. 168 с.
32. Роговин М. С. Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории: автореф. дис. ... док. пед. наук. Москва, 1968. 28 с.
33. Ушаков Д. В. Анатомия психологического знания // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. Москва : ИП РАН, 2018. С. 71-114.
34. Юревич А. В. Методология и социология психологии. Москва : ИП РАН, 2010. 280 с.
35. Юревич А. В. Структура психологических теорий // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. Москва : ИП РАН, 2018. С. 141-159.

В.А. Мазилев, Ю.Н. Слепко, Т.В. Бугайчук

РАЗДЕЛ 1

МЕТОДОЛОГИЯ ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

СИСТЕМОГЕНЕЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Статья посвящена проблеме интеграции психологического и педагогического знания. В качестве теоретико-методологической основы педагогических исследований, связанных с проблемой повышения качества образования, предлагается использовать концепцию системогенеза деятельности, разработанная академиком В.Д. Шадриковым и развиваемая его учениками. Рассматривается возможность использования принципов системогенеза и обобщенной модели профессиональной деятельности. Придается важнейшее значение системогенезу вектора мотив-цель и личностных смыслов деятельности педагога в процессе его профессионализации. Делается вывод о ведущей роли ценностно-смысловых основ деятельности в формировании педагога как профессионала.

Ключевые слова: интеграция, системогенез педагогической деятельности, принципы системогенеза, вектор мотив-цель, качество образования.

N.P. Ansimova

SYSTEMOGENESIS OF ACTIVITY AS A THEORETICAL BASIS OF PEDAGOGICAL RESEARCH

Abstract. The article is devoted to the problem of integration of psychological and pedagogical knowledge. It is proposed to use the concept of systemogenesis of activity, elaborated by academician V.D. Shadrikov and developed by his students as a theoretical and methodological basis for pedagogical research related to the problem of improving the quality of education. The possibility of using the principles of systemogenesis and a generalized model of professional activity is considered. The most exceptional importance is attached to the systemogenesis of the motive-goal vector and the personal meanings of the teacher's activity in the process of his professionalization. The conclusion about the leading role of the value-semantic bases of activity in the formation of the teacher as a professional is made.

Keywords: integration, systemogenesis of pedagogical activity, principles of systemogenesis, vector of motive-purpose, quality of education.

Интеграция научного знания – одна из основных тенденций современной науки. Особенно большое значение это имеет для психологии и педагогики, которые издревле были связаны неразрывно между собой – психология всегда выступала в качестве теоретической и эмпирической основы педагогических исследований и педагогической практики.

Качество современного образования также во многом зависит от того, как будет использовано интегрированное психолого-педагогическое знание.

Переход на новые образовательные стандарты, ориентированные на достижение образовательных результатов (предметных, метапредметных и личностных) до сих пор вызывает значительные трудности в условиях реализации конкретного образовательного процесса, что обусловлено множеством причин, как объективного, так и субъективного характера (Ансимова, 2019; Ансимова, 2018; Перминова, 2013) и др.

Решение этой проблемы предполагает опору на единую методологию и теорию, которые позволили бы не только провести сравнительный анализ требований к результатам образования на разных образовательных ступенях, но и обеспечить их преемственность.

В качестве такой основы, с нашей точки зрения, может выступать концепция системогенеза деятельности, разработанная академиком В.Д. Шадриковым и развиваемая его учениками (Ансимова, 2006; Карпов, 2009; Карпов, 2013; Карпова, 2008; Поваренков, 2008; Шадриков, 1982; Шадриков, 2004; Шадриков, 2013) и др.

Методологические принципы, на которых базируется концепция системогенеза (Карпов, 2009), могут служить хорошей научной базой для организации педагогических исследований, связанных с проблемой повышения качества образования.

Так, в частности, принцип неравномерности развития, предполагает, что освоение деятельности осуществляется неравномерно – одни компоненты деятельности могут интенсивно развиваться, в то время как другие претерпевают лишь незначительные изменения, что позволяет выделить отдельные компоненты, а также и соответствующие им компетенции, преимущественно развивающиеся на конкретном этапе профессионализации. При этом отдельные компетенции могут оставаться на относительно постоянном уровне развития при переходе на следующий этап профессионального развития, а значит, и их операционализированные характеристики будут оставаться примерно такими же.

Принцип гетерохронности позволяет заключить, что разные компоненты деятельности могут формироваться с разной скоростью и достигают своего максимального развития на разных этапах, что обеспечивает разный уровень выраженности одних и тех же компетенций на различных этапах профессионализации.

Принцип одновременности закладки компонентов системы дает возможность фиксировать формирование основных компонентов психологической системы деятельности, проявляющихся в умении ставить цель, принимать решения, анализировать нужную для деятельности информацию, уже на этапе школьного обучения, например, в педагогических классах.

Принцип иерархизации позволяет нам сформировать иерархическую модель профессиональных компетенций, а принцип конкордантности обуславливает необходимость скоординированности всего процесса формирования педагога как профессионала и синхронизации отдельных этапов этого процесса.

На основании системогенетического подхода к деятельности В.Д. Шадриковым была представлена обобщенная модель, в структуру которой, с его точки зрения, должны входить следующие компоненты: «представления о целях деятельности специалиста; представления о тех функциях, к выполнению которых он должен быть подготовлен, о результатах подготовки компетентного специалиста и его индивидуальных качествах, которые должны быть сформированы как профессионально важные; представления о нормативных условиях, в которых эта деятельность должна протекать; навыки принятия решений, связанных с деятельностью; навыки работы с информацией, обеспечивающей успешность деятельности; формирование представлений о личностном смысле деятельности» (Шадриков, 2004, с. 6).

С помощью такой модели может быть описана любая профессиональная деятельность, в том числе и педагогическая. При этом на каждом этапе профессионализации конкретные характеристики содержания отдельных функциональных блоков для специалистов, которые находятся на разных уровнях образования, должны иметь существенные различия. Однако, несмотря на различия, модель специалиста «должна соотноситься с моделью выпускника общеобразовательной школы (или других учебных заведений, окончание которых дает право на получение высшего образования)» (Шадриков, 2004, с. 6).

Системогенетический подход к деятельности позволяет сделать вывод о том, что каждый из функциональных блоков деятельности в той или иной степени должен быть представлен на всех этапах ее освоения, а значит, у педагога на любом этапе профессионализации должны проявляться в той или иной степени все компетентности, что, в свою очередь, должно найти свое отражение в образовательных результатах обучающихся на всех уровнях педагогического образования.

Системообразующим фактором, определяющим эффективность формирования деятельности, является вектор «мотив – цель», от которого зависит и то, как будет формироваться система деятельности, и то, как она будет осуществляться уже подготовленным профессионалом. Мотивы и цели деятельности педагога претерпевают определенные изменения в ходе его профессионализации. Но для того, чтобы его деятельность была эффективной, эти компоненты деятельности должны включать некоторую нормативную (одобренную обществом, профессиональным сообществом, соответствующую логике и назначению данной профессии) составляющую, которая будет определенным образом проявляться на всех этапах профессионализации.

Развитие мотивационного компонента деятельности может идти, как минимум, в двух направлениях: трансформации личностных мотивов в трудовые за счет того, то специалист раскрывает личностный смысл своей деятельности; и «дрейфа мотивов», т.е. изменения структуры мотивов, появления новых мотивов и инволюции старых, изменения их роли, значимости и места в общей иерархической структуре мотивов на разных этапах профессионализации (Шадриков, 1982).

Важнейшим моментом освоения любой деятельности является ее принятие, т.е. формирование отношения к ней как своей деятельности. Для того чтобы это произошло, важно обеспечить соответствие представлений об этой деятельности ведущим потребностям реализующего ее человека. Именно это и будет формировать мотив на овладение данной деятельностью.

Так, далеко не для каждого из обучающихся в педагогических классах (как представителей первого этапа освоения педагогической деятельности) профессия педагога уже стала желаемой будущей

деятельностью. Наверняка встречаются подростки, которые выбрали этот профиль по другим причинам – невозможности выбора другой специализации в силу особенностей успеваемости или специфики своих способностей, слабом представлении о других видах деятельности, дружеских привязанностях к тем, кто выбирал этот профиль на основе объективных обстоятельств и пр. Поэтому вопрос о мотивации выбора является важным для обеспечения эффективного формирования необходимых для педагогической деятельности компетенций. Аналогичная проблема возникает и в том случае, если первым этапом освоения профессии оказывается педагогический колледж или педагогический вуз.

Таким образом, первоначально потребности школьников могут реализовываться в других видах деятельности, не связанных с выбранной профессией, и только по мере овладения самой деятельностью становятся профессиональными мотивами. Важнейшим условием для этого является осознание личностного смысла педагогической деятельности каждым обучающимся (Шадриков, 2004). От этого будет зависеть то, как будущий педагог будет выстраивать свою деятельность, на что он будет ориентироваться при ее осуществлении, как будет идти весь процесс его профессионализации, насколько напряженной или, наоборот, привлекательной для него станет деятельность педагога. Наши исследования ценностно-смысловой сферы педагогов подтвердили, что основой осуществления профессиональной деятельности являются не просто личностные ценности, а те смыслы, которые вкладывает в них педагог (Ансимова, 2006).

Любая сложная деятельность, в том числе педагогическая, предполагает существенные различия в смыслах деятельности ее субъектов. При этом, как отмечает А.У. Хараш, в деятельности, которая протекает в присутствии других людей, которые всегда могут к ней как-то отнестись, оценить, всегда открывается два смысловых пласта – «смысл для себя» и «смысл для других» (Хараш, 1981). И если первый из них не требует каких-либо обоснований для личности и связан с истинным мотивом деятельности, то второй обязательно «предполагает наличие за каждым элементом поведения, презентуемого воспринимающему, определенного социально кодифицированного, конвенционального и общедоступного значения» (Хараш, 1981, с. 31).

В связи с этим ценностно-смысловой компонент деятельности педагога можно считать обязательным условием не только эффективной ее реализации, но и качественного ее освоения на всех этапах профессионализации.

По мере освоения педагогической деятельности (пробные уроки, учебные и производственные практики и пр.) может меняться и представление самого человека о выбранной им профессии, разные ее аспекты начинают приобретать для него личностный смысл и, в конце концов, становятся более или менее привлекательными. В конечном итоге личностный смысл должна приобрести сама профессиональная деятельность. Изучение динамики личностных смыслов крайне важно для грамотной организации освоения профессии, т.е. организации образования на разных этапах освоения деятельности педагога.

В связи с тем, что системообразующим фактором любой деятельности является вектор «мотив – цель», то мотив побуждает и придает личностный смысл деятельности, а цель направляет и определяет способ выполнения деятельности (Ломов, 1984).

В результате осознания обучающимся своих мотивов могут возникать, как «цели-мотивы», при которых деятельность направляется на достижение цели в соответствии с ведущим мотивом, так и «цели-антимотивы», при которых деятельность оказывается направленной на подавление или нейтрализацию осознанного мотива, что собственно и приводит к «дрейфу мотивов».

Реальная связь целей и мотивов может быть реализована в личностно-значимых целях, т.е. целях, имеющих личностный смысл для субъекта деятельности и связанных с его потребностями и мотивами. Деятельность, которая направляется такой личностно-значимой целью, всегда является более эффективной и требует меньше энергетических затрат, а значит, с большей вероятностью приведет к запланированному результату.

Поэтому важным для эффективного освоения и последующей реализации педагогической деятельности является не только анализ системогенеза деятельности в целом, но и анализ системогенеза ценностно-смысловой составляющей профессиональной педагогической деятельности.

Библиографический список

1. Ансимова Н.П. Преимущество образовательных результатов среднего общего и высшего образования // Ярославский психологический вестник. 2019. Вып. 2(44). С. 111–125.
2. Ансимова Н.П., Беляева О.А. Метапредметные образовательные результаты школьников как основа формирования универсальных компетенций студентов. // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 57-70.
3. Ансимова Н.П. Психология постановки учебных целей: монография. Ярославль: ЯГПУ, 2006. 267 с.

4. Карпов А.В. Перспективы разработки проблемы принципов системогенеза деятельности // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: мат-лы 4-й Всероссийской научно-практ. конф. / под науч. рук. Ю.П. Поваренкова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009. С. 17 – 22.
5. Карпов А.В. К проблеме состава и содержания принципов системогенеза. // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: мат-лы 6-й Всероссийской научно-практ. конф. / под науч. рук. Ю.П. Поваренкова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013. С. 22 – 26.
6. Карпова Е.В. Структура и генезис мотивационной сферы личности в учебной деятельности. Ярославль: ЯГПУ, 2008. 536 с.
7. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука. 1984. 445 с.
8. Мазилев В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: МАПН. 2017. 419 с.
9. Перминова Л.М. Методологическое обеспечение взаимосвязи школьных образовательных стандартов в условиях преемственности общего среднего и высшего образования // Образовательные технологии. 2013. № 4. С. 39-49.
10. Поваренков Ю.П. Проблемы психологии профессионального становления личности. Ярославль: Канцлер, 2008. 400 с.
11. Хараш А.У. Восприятие человека как воздействие на его поведение // Психология межличностного познания. М.: Педагогика, 1981. С. 25 – 42.
12. Шадриков В.Д. Новая модель специалиста: инновационная подготовка и компетентностный подход // Высшее образование сегодня. 2004. №8. С. 26–31.
13. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука. 1982. 186 с.
14. Шадриков В.Д. Психология деятельности человека. М.: Институт психологии РАН, 2013. 419 с.

УДК 159.9

С.Л. Богомаз, С.Ф. Пашкович

КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРДЕТЕРМИНАЦИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены перспективы развития современной психологии в следующих основных направлениях: 1) включение исследуемых феноменов в контексте многомерности, мультипарадигмальности и мультидисциплинарности, предполагающей привлечение ресурсов знаний, накопленных в сопряженных системах парадигмальных координат психологического знания и смежных областей знания; 2) осознание диалогико-интердетерминационного характера взаимодействия многомерных разнокачественных интердетерминантов; 3) культуризация психологического знания посредством привлечения концептуального аппарата современной культуральной психологии; 4) выход за рамки персонцентризма за счет включения в плоскость анализа интердетерминирующего влияния эго-протяженности, включающей социальное и природное окружение, помещенное в конкретный историко-социокультурный контекст.

Ключевые слова: мультипарадигмальное психологическое знание, диалогическая интердетерминация, культурная интердетерминация.

S.L. Bogomaz, S.F. Pashkovich

CULTURAL INTERDETERMINATION AS THE BASIS FOR THE INTEGRATION OF PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE

Abstract. The article considers the prospects for the development of modern psychology in the following main areas: 1) the inclusion of the studied phenomena in the context of multidimensionality, multiparadigmality and multidisciplinary, which involves the use of knowledge resources accumulated in the conjugate systems of paradigm coordinates of psychological knowledge and related fields of knowledge; 2) awareness of the dialogic-interdetreminal nature of the interaction of multidimensional different-quality inter-determinants; 3) the culturization of psychological knowledge through the use of the conceptual apparatus of modern cultural psychology; 4) going beyond personocentrism by including in the plane of analysis the inter-determinative influence of the ego-extension, including the social and natural environment, placed in a specific historical and socio-cultural context.

Keywords: multi-paradigm psychological knowledge, dialogic interdetermination, cultural interdetermination.

Введение. Осуществление комплексного анализа проблемы социального прогресса предполагает прослеживание эволюции мировоззрения на протяжении истории человечества, что потребовало разработки конструкта «культурно-научная традиция», позволившего проследить динамику мировоззренческих оснований различных традиций (культурный синкретизм, теоцентризм, антропоцентризм, модернизм, постмодернизм), дополнив их традицией поликультурного диалогизма, нашедшей свое высшее воплощение в диалоге как условии, механизме и движителе культуры и науки в условиях многообразия. На примере изменений, происходивших на протяжении истории человечества, показано поступательное движение от фрагментарного, фетишизируемого мировоззрения, к более системному, человекоцентрированному знанию, первоначально ориентированному на нахождение универсальных (объективных) законов мироустройства, а затем, столкнувшись с проблемой потенциальной исчерпаемости инновационного и эвристического ресурсов любого знания, основанного на неизменном универсальном основании, приходящего к идее необходимости и продуктивности его многообразия, многоголосости в его постижении, мультипарадигмальности и поливариантности (Метатеория..., 2017).

Психологическое знание представляет собой ярчайший пример такой многоликости и многоголосости, делающей достижение некоего консенсуса весьма непростой задачей. Для решения данной проблемы был разработан интегративно-эkleктический подход, который позволил показать бесперспективность монологических решений и обосновать продуктивность подхода диалогического, предлагающего в качестве альтернативы традиционной логике доказательства или/или логику диалогическую – и/и (Янчук, 2000).

Теоретические основы исследования. Многие ученые уже начиная с первой половины XX-го века (Л.С. Выготский, В. Джемс, Дж.-Г. Мид, З. Фрейд и др.) оперировали целостным, междисциплинарным знанием, позволяющим рассматривать человека, как системное нефрагментаризированное образование, акцентируя внимание на взаимодействие целого и составляющих его частей. Исследователи того времени обладали уникальной способностью уместить все человекознание в одной голове, коммуницируя друг с другом на основе этого системного видения. Цитируя Л.С. Выготского: «Мы старались исследовать отношение слова к предмету, к действительности. Мы стремились экспериментально изучить диалектический переход от ощущения к мышлению и показать, что в мышлении иначе отражена действительность, чем в ощущении, что основной отличительной чертой слова является обобщенное отражение действительности. Но тем самым мы коснулись такой стороны в природе слова, значение которой выходит за пределы мышления как такового и которая во всей своей полноте может быть изучена только в составе более общей проблемы: слова и сознания. Если ощущающее и мыслящее сознание располагает разными способами отражения действительности, то они представляют собой и разные типы сознания. Поэтому мышление и речь оказываются ключом к пониманию природы человеческого сознания. Если «язык так же древен, как сознание», если «язык и есть практическое, существующее для других людей, а, следовательно, и для меня самого, сознание», если «проклятие материи, проклятие движущихся слоев воздуха изначально тяготеет над чистым сознанием», то очевидно, что не одна мысль, но все сознание в целом связано в своем развитии с развитием слова» (Выготский, 1982, с. 336).

К сожалению, с течением времени на смену им пришло огромное количество узких специалистов, обладающих узким специализированным знанием о фрагментах, но даже не обсуждающим контекст целостности. Человек же в своем взаимодействии с внутренним и внешним (социальным и природным) миром выступает как интегрированное целое со всеми своими противоречиями и решениями, обусловленными комплексным влиянием и биологической природы, и экзистенциальной вотканности, и бессознательных процессов, и влияния среды и многого многого другого, результирующего его поведение.

Материалы и методы исследования. Материалом послужили работы известных зарубежных и отечественных ученых психологов, касающиеся заявленной проблемы. Используются методы научного психологического исследования теоретического уровня: философско-психологический анализ и синтез, моделирование и триангуляция, сравнения и обобщения. Методы применялись в системе, но выбор каждого из них определялся возможностью устанавливать причинную связь, выявлять внутреннюю структуру, движущие силы развития предметов, процессов и отношений, а также его способностью вступать во взаимосвязи с другими методами.

Результаты и их обсуждение. Общая характеристика существующего многообразия психологического знания может быть представлена в виде ряда трехмерных континуумов. По критерию разнокачественности природ: биологическое – психическое – социальное; по критерию сфер реальности:

осознаваемое – бессознательное – экзистенциальное; по критерию областей изучения: личность – окружение – активность и др. Парадигмальное многообразие представлено еще более широким спектром подходов: бихевиористским и его современным развитием в виде когнитивно-наученческой модификации; интеракционистским; психоаналитическим; когнитивистским; экзистенциально-феноменологическим; деятельностным и др. Методологические основания парадигмального многообразия в виде альтернативных онтологоэпистемологических дихотомий (объективное – субъективное; детерминизм – индетерминизм; наследственность – изменчивость; познаваемость – непознаваемость; атомизм – холизм; рационализм – иррационализм; статичность – динамичность; номотетическое – идиографическое и др.), как и обоснование невозможности их сведения к единому основанию были представлены в специальном исследовании (Метатеория..., 2017; Янчук, 2000).

Бесперспективность развития психологии в условиях дезинтегрированной совокупности частных представлений об общем предмете изучения актуализировало стремление к нахождению потенциально возможных оснований интеграции. Было показано, что именно в диалоге альтернатив, в том числе и на парадигмальном уровне, появляется уникальная возможность преодолевать неизбежную для любого знания, построенного на универсальном, неизменном догматическом основании, ситуации тупика, характеризующегося исчерпываемостью его эвристического потенциала, яркой иллюстрацией чего являются научные революции. Обоснование идеи межпарадигмального диалога как механизма развития психологического знания и демонстрация его эвристических возможностей потребовала переопределения предмета психологии, с целью создания условий интеграции мультипарадигмальных ресурсов углубления понимания психологической феноменологии. Мы считаем, что в качестве предмета психологии следует рассматривать «бытие-в-мире-самости как био-психо-социальную социокультурно-интердетерминированную диалогическую сущность во взаимодействии с социальным и природным окружением в осознаваемо-неосознаваемо-экзистенциальном измерении» (Метатеория..., 2017).

Возобновление интереса к культурной обусловленности психологической феноменологии послужило основанием для выдвижения идеи о четырехмерности континуума, где культура выступает в качестве четвертого универсального всепроникающего измерения. Причем эмпирические подтверждения влияния культуры (наличие выраженных кросс-культурных различий) накоплены в различных областях научного знания (антропология, биология, медицина, нейронауки и др.). Реализация социокультурно-интердетерминистского диалогического подхода в методологическом аспекте предполагает прояснение ряда связанных проблемных областей: теоретического доказательства и метода исследования. Становится очевидной ограниченность эксплицитно структурированного доказательства (основывающегося на необходимости эмпирического подтверждения любого элемента теории) и необходимость повышения роли имплицитно структурированного доказательства (основывающегося на меньшей зависимости от эмпирического подтверждения и акцентировании на логической последовательности и непротиворечивости, убедительности и принятия заинтересованным и квалифицированным читателем) (Метатеория..., 2017).

Для понимания вклада В.В. Козлова, В.А. Мазилова, В.А. Янчука, А.Г. Асмолова и других выдающихся мыслителей в культурный переворот в психологии важно отметить и то, что они работали во время безусловного господства бихевиористской экспериментальной традиции в психологии, трактовавшей все психические явления исключительно в стимульно-реактивной схеме и всячески избегая какого-либо упоминания, а тем более проникновения в находящийся между стимулами и реакциями «черного ящика», представляющего внутренний мир человека. Эти исследователи не побоялись войти в этот черный ящик, наполнив его культурным содержанием в виде языковой знаковой опосредованности, определяющей изменяющиеся по мере культурного развития изменения значений. «Открытие» этого ящика и привело к революционным процессам в развитии психологического знания и его перспективах.

Центральное понятие культурно-исторического подхода «культура», в современном прочтении трактуется как научаемая конфигурация понятий, образов, обобщений, представлений, ценностей, норм и других символических элементов, широко разделяемых членами данного общества или социальной группы, которая функционирует как ориентационная и нормативная структура поведения и как коммуникативная матрица, посредством которой поведение интерпретируется, интегрируется, координируется и санкционируется. Культура не является статичным образованием, а представляет собой живой, саморазвивающийся механизм, качественно прирастающий на каждом последующем витке смены поколений, получающих в концентрированном и критически (или некритически) переосмысленном виде опыт предшествующих.

Развивая идеи Л.С. Выготского, наработанные на материале мышления и речи, В.А. Янчук экстраполировал культурный контекст на все многообразие проявлений психологической феноменологии, описание которого представлено в различных системах парадигмальных координат, подходов и

направлений исследований в рамках социокультурно-интердетерминистской диалогической метатеории интеграции психологического знания.

В рамках метатеории разнокачественное, многомерное и мультипарадигмальное психологическое знание может быть отображено в рамках следующих четырехмерных континуумов, каждый из компонентов которых находится в состоянии опосредованной культурой интердетерминации: биологическое ↔ психическое ↔ социальное ↔ культурно-обусловленное; осознаваемое ↔ бессознательное ↔ экзистенциальное ↔ культурно-обусловленное; личность ↔ окружение ↔ активность ↔ культурно-обусловленное.

Введенные четырехмерные пространства интеграции психологической фено-менологии отражают сложившуюся в последние годы тенденцию окультуривания различных областей исследований и выраженного стремления к междисциплинарной интеграции и кооперации. В частности, обсуждая проблематику соотношения культурного и биологического применительно к человеческим эмоциям, Д. Матсумото и Х. Хванг показывают, что культура регулирует эмоции посредством субъективных внутренних переживаний (2). Культура влияет на относительную интенсивность эмоциональных переживаний. Она способствует возникновению культурных эмоций, которые являются уникальными в человеческой культуре и требуют культурных знаний для выявления. Эти эмоции могут быть универсальными, но не обязательно биологически обусловленными и могут различаться в различных культурах. Например, стыд, чувство вины, ревность и любовь существуют во всем мире, но обладают существенными культурными различиями в отношении культурных обстоятельств, вызывающих их, по форме выражения, функциям и значениям. Культуры также вырабатывают эмоции посредством формирования значений, проявляющихся в аттитюдах, ценностях и представлениях об эмоциях, требующих высших психических функций, включая абстрактное мышление, память и язык, направляющих то, как человек думает об эмоциях. Все это в высшей степени определяется именно культурой.

Наглядная демонстрация специфики диалогической интердетерминации была продемонстрирована В.А. Янчуком на примере феномена био-психо-социальной адаптации. Она представляет собой социокультурно-интердетерминистский диалогический процесс согласования природных, биологических и психологических состояний, социокультурных диспозиций, направленный на достижение баланса (физиологического, психологического, экзистенциального) во взаимодействии с непосредственным и опосредованным социальным и природным окружением. Причем, ситуация рассматривается в контексте комплексного интердетерминационного взаимодействия био-психо-социального или природного, психического и социального диалогического свойства. Интердетерминистский диалогический характер такого рода взаимодействия проявляется в постоянном изменении условий достижения найденного компромисса, выступающим в качестве одного из ведущих механизмов и условий развития.

В процессе диалогической интердетерминации формируется та самая интер-субъективность, определяющая достижение в том числе и межкультурного взаимопонимания. Интерсубъективный подход включает взаимодействие факторов личности и окружения все в том же контексте культуры. Он констатирует, что культура существует на множественных уровнях, представляя процесс коллективного строительства консенсуса членами культурного сообщества в целях управления экологией. Интерсубъективный подход рассматривает культурную обусловленность поведения как «целенаправленное поведение, направляемое стратегическим использованием культурно предписываемых скриптов (закодированных в интерсубъективном знании культуры) в среде людей, осведомленных о различных ограничениях и возможностях локального окружения для достижения значимых целей (например, эпистемических, и идентичности и коммуникативных целей)». Благодаря адаптивной природе культурно обусловленного поведения в случае возникновения средовых изменений соответственно меняется и оно. Таким образом, формирование интерсубъективности выполняет эпистемическую, коммуникативную функции, а также формирования идентичности.

Интерсубъективный подход предоставляет новую перспективу культурной компетентности. По общему признанию, индивиды, интернализовавшие основополагающие ценности и нормы собственной культуры или развившие автоматизированные культурные скрипты до уровня регуляторов поведения являются компетентными членами данной культуры. Более того, обладание интерсубъективностью составляет основу культурной компетентности, особенно для лиц, живущих в неродной культуре. Например, иммигранты, обладающие знанием культурных нюансов, демонстрируют лучшую социокультурную адаптацию и более социально компетентное взаимодействие (по пара-метрам достижения личностно значимых целей и качества отношений) с членами коренной культуры (Янчук, 2000). Наконец, межкультурные контакты меняют и культурную экологию. Частые межкультурные контакты могут изменять даже относительно гомогенное культурное пространство в мультикультурное, в котором сосуществуют местная и иностранная культуры. Комплексное взаимодействие биологического, психического и

социального активно изучается во всех сферах жизнедеятельности. Эти факторы были интегрированы в рамках широкопризнанной био-психо-социальной модели. Такого рода исследования стимулировали и интеграцию междисциплинарную, демонстрирующую продуктивность совместного обсуждения феномена человека и как био-психо-социальной сущности и как физического объекта. Именно диалог представителей качественно отличающихся областей знания позволил сформировать общее понимание специфики гетерогенности природы человека, своеобразия монодисциплинарных и мультидисциплинарных ракурсов рассмотрения феноменологии поведения и, главное, направления и потенциальные возможности в расширении горизонтов и углубления понимания проблематики.

Заключение. Резюмируя изложенное, еще раз подчеркнем непереоценимость вклада выдающихся мыслителей первой половины XX-го века (Л.С. Выготский, В. Джемс, Дж.-Г. Мид, З. Фрейд и др.) в культурный переворот в психологическом знании. Именно благодаря их блестящим исследованиям стало осознаваться то выдающееся специфически человеческое качество знаковой или семиотической опосредованности его взаимодействия с внутренним и внешним миром. Помещая в знаковой форме мир в собственное сознание, человек получает уникальную возможность выхода за рамки данности, бытия здесь и сейчас, моделировать и прогнозировать, а, следовательно, и преобразовывать мир. Оценивая перспективы развития культурной психологии, нам видятся в следующих основных направлениях: 1) включение исследуемых феноменов в контексте многомерности, мультипарадигмальности и мультидисциплинарности, предполагающей привлечение ресурсов знаний, накопленных в сопряженных системах парадигмальных координат психологического знания и смежных областей знания; 2) осознание диалогико-интердетерминационного характера взаимодействия многомерных разнокачественных интердетерминант; 3) культуризация психологического знания посредством привлечения концептуального аппарата современной культуральной психологии; 4) выход за рамки персоноцентризма за счет включения в плоскость анализа интердетерминирующего влияния эго-протяженности, включающей социальное и природное окружение, помещенное в конкретный историко-социокультурный контекст.

Библиографический список

1. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982. 504 с.
2. Метатеория психологического знания: теория и практика : монография / В. А. Янчук, С. Л. Богомаз [и др.]. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. 455 с.
3. Янчук В. А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: Интегративно-эклектический подход. Минск: Бестпринт, 2000. 376 с.

УДК 159.9

Е.В. Завгородняя

РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИИ ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМА ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. Констатируется состояние фрагментации психологического знания, несогласованности совокупности существующих представлений о предмете психологии, необходимость его рефлексии с учетом сложности, разнообразия и, возможно, непредсказуемости формирующегося нового знания. Определена актуальность совершенствования моделей интеграции, акцентирована необходимость новых подходов, созвучных запросам современной психологии. Обоснована целесообразность применения концепта «культурно-психологическое направление». Предпринята попытка упорядочения представлений о совокупности психологических явлений путем создания четырехмерного пространства указанных явлений, различных по уровню детерминации, пространственным, временным параметрам, фокусом внимания исследователей.

Ключевые слова: методология, психологическое знание, интеграционные процессы, стратегия интеграции, многомерное пространство.

Development of a strategy for the integration of psychological knowledge: the problem of the subject area of psychology

Abstract. The state of fragmentation of psychological knowledge, inconsistency of the set of existing ideas about the subject of psychology, the need for its reflection, taking into account the complexity, diversity and, perhaps, the unpredictability of the emerging new knowledge. The urgency of improving integration models is determined, the need for new approaches that are in tune with the demands of modern psychology is emphasized. The expediency of applying the concept of "cultural and psychological direction" is substantiated. An attempt has been made to streamline ideas about the set of psychological phenomena by creating a four-dimensional space of these phenomena, different in the level of determination, spatial, temporal parameters, the focus of researchers.

Keywords: methodology, psychological knowledge, integration processes, integration strategy, multidimensional space.

Актуальность совершенствования моделей интеграции, разработки новых подходов, созвучных запросам современной науки, связана, в частности, с трудностями развития психологии в условиях несогласованной совокупности разных представлений об общем предмете изучения. По мнению Г.А. Балла, трудности интеграции в контексте развития современной психологии связаны со сложностью изучаемых психологией объектов – онтологической (обусловленной многогранностью, противоречивостью, динамичностью изучаемых психологией объектов) и гносеологической. Последняя обусловлена рядом факторов: поливариантностью познания предмета психологического исследования; ролью субъективных предпочтений и установок исследователя; наличием субъектных качеств у тех, кого исследуют; необходимостью согласования результатов применения исследовательских методов разной степени объективности. Поэтому и сама психологическая наука является сверхсложной, построенной из трудно согласуемых, порой противоречивых частей (Балл, 2017). Сложность, противоречивость психологической науки обусловлена также ее положением среди других сфер культуры: она граничит (с частичным перекрытием сфер) с естественными и социальными науками (биология, социология и др.), философией, художественной литературой, искусством, теологией, опытом мистиков и других носителей трансперсональных переживаний. Эти перекрытия обуславливают целесообразность употребления концепта «культурно-психологическое направление» (по аналогии с направлениями в искусстве), что определяется как комплекс специфических представлений о психологических явлениях, особый способ понимания их причин, роли в жизни человека в зависимости от области культурно-психологического перекрытия. Можно выделить различные направления познания психологических явлений (теологическая, философская, художественная, естественная, социогуманитарная), доминирующие в разные культурно-исторические эпохи, которые в контексте современной социокультурной и познавательной ситуации (в условиях информационного общества, мультикультурных и глобализационных тенденций современности) активно взаимодействуют, что усиливает указанную выше сложность и противоречивость психологического знания.

В разработке интеграционной стратегии мы базируемся на представлении о сложности, разнообразии психологической феноменологии, непредсказуемости ее развития и изменений; а также на представлении о структурно-функциональной разноуровневости психологической науки (Гарбер, 2013). Это предполагает работу в следующих направлениях: определение границ, междисциплинарных связей, специфики психологической феноменологии; выяснение оснований для построения гетерогенно-многомерного пространства психологического знания; построение метапространства теорий, основанных на качественно отличных онтолого-эпистемологических основаниях; определение различий интеграционных процессов на различных уровнях функционирования психологической науки; определение условий содействия интеграционным процессам «сверху»; выяснение условий фасилитации интеграционных процессов «снизу»; поиск путей содействия интеграционным установкам исследователей.

В рамках этой статьи сосредоточимся на одной из интеграционных задач - моделировании пространства психологического знания как имеющегося, так и вероятного. По мнению В.А. Мазилова, осуществление интеграции психологии связано с преобразованиями в самой науке, в частности, новым позиционированием предмета общей психологии, который бы выполнял роль матрицы. Предметная

матрица выступала бы объединяющей платформой для сформированного в рамках различных подходов знания, что с использованием инструментов коммуникативной методологии способствовало нефорсированной его интеграции (Мазиллов, 2020).

Модели таких матриц уже есть. В частности, А. Клиреманс (Cleeremans, 2010) предлагает модель, в которой психологическое знание представлено в форме трехмерной матрицы сферы психологии: уровней описания (биологический, индивидуальный, групповой) перспективы (нормальность, изменение и развитие, патология); метода (интервенции, экспериментирования и моделирования). Полученные таким образом 27 секций матрицы предложено рассматривать как описание имеющихся сфер психологии, базовую структуру ее интеграции.

Другой вариант матрицы предложил В.А. Янчук (Янчук, 2018), автор социокультурно-интердетерминистской диалогической метатеории интеграции психологического знания. Янчук считает, что существующее многообразие психологического знания может быть представлено в ряде континуумов – по критерию разнокачественности природ: биологическое-психическое-символическое; по критерию сфер отраженной реальности: осознаваемое-бессознательное-экзистенциальное; по критерию сфер изучения: личность-окружение-активность. Системообразующим принципом выделенных континуумов выступает культурная обусловленность, которая выступает как общая универсальная интердетерминанта.

Мы развиваем свою версию матрицы, опираясь на существующие разработки, идеи, модели, базируясь на учете контекстов современной социокультурной и познавательной ситуации, тенденций междисциплинарной интеграции в изучении феномена человека, осознании сложности, разнообразия, развития психологической феноменологии, представлениях о ее разноуровневости, многогранности; важности выяснения оснований ее упорядочения.

Учитывая указанное, предметное поле психологии желательно определить как можно шире, то есть целесообразным будет такое определение, в котором есть место позициям различных теорий, всем сферам, локациям и фокусам изучения с учетом различных характеристик психологической феноменологии. Предметное поле психологии (совокупность психологических явлений в широком смысле) является чрезвычайно сложным, разнокачественным и непредсказуемо изменяющимся. Оно – многомерное, разноуровневое, гетеродетерминированное, гетерогенное, разномасштабное.

Модель предметного поля психологии должна быть многомерной, в частности, следует обратить внимание на пространственные, временные, энергетические и ценностные измерения. Психологические явления могут быть преимущественно внутренние или внешние, глубинные или поверхностные; во временном аспекте – могут быть мгновенные и длительные, изменчивые и стабильные; могут быть агентами влияния или объектами воздействия, иметь отношение к дефицитарным ценностям или ценностям развития и полноты бытия, могут сочетать в себе противоречивые характеристики. По масштабу – психологические явления могут охватывать большие массы людей (состояние паники), а могут касаться только одной умной крысы.

Учитывая большое количество возможных измерений психологической феноменологии, мы предлагаем ограничить их круг четырьмя, а именно: выбрать такие основания (критерии): по критерию уровней детерминации; по критерию психологической локации (сфер выявления); по критерию продолжительности; по критерию историко-культурных фокусов внимания.

Представленные измерения, несмотря на их ограниченное количество, позволяют включить в плоскость анализа достижения различных подходов (поведенческого, когнитивного, психодинамического и экзистенциально-феноменологического), а также различные отрасли психологических исследований.

Исходя из сказанного, мы рассматриваем предметную область психологии как совокупность психологических явлений, свойственных высоко развитому существу (одному или многим, людям, животным или другим неизвестным нам существам); указанные явления имеют различные временные, энергетические, пространственные характеристики, представляющие различные аспекты, сферы и уровни детерминации, связанные с различными факторами – естественными, биосоциальными, культуральными, экзистенциально-смысловыми. В частности, речь идет о различных аспектах психологической феноменологии (с опорой на идеи В.А. Роменца о ситуации, мотивации, действии и последствии в контексте поступкового подхода к истории психологии), о выделенных нами сферах (личностных, в широком смысле) – интраперсональной, экстраперсональной, трансперсональной и метаперсональной, а также о явлениях разного уровня детерминации – психоприродной, психобиосоциальной (общие для людей и развитых животных), психокультуральной, психоекзистенциальной.

Упомянутые психологические аспекты бытия человека в мире или фокусы внимания исследователя – это: 1) «ситуация» (включение в плоскость анализа обстоятельств социального и природного

окружения, историко-социокультурного контекста) как вызов человеку, контекстность существования, обстоятельства роковые и фортунные, «закинутость» человека в мир как «естественный эксперимент», 2) мотивация человека – страхи, желания, стремления, ценности бытийные и дефицентные, 3) действие – поведение, активность, наблюдаемая извне, конструктивное или деструктивное преобразование ситуации, 4) рефлексия – внутренняя активность, осмысление существования, прошлого, настоящего, будущего, сфера вызревания идей, замыслов, проектов.

Речь идет о фокусах внимания к психологическим аспектам человеческой жизни на протяжении истории зарождения и развития психологического знания в недрах теологии, философии, литературы, искусства, науки от античности до современности, в дальнейшем конституированных как аспекты (зоны, области) изучения психологии; причем идеоцентрическая фиксация (а не временное акцентирование) на одном из аспектов приводила к потере исследователями целостного видения психологии человека.

Частично с указанными аспектами, фокусами внимания пересекаются выделенные нами сферы, различающихся пространственными характеристиками, – интраперсональная (переживания, внутренняя психологическая активность, частично подлежащая самонаблюдению), экстраперсональная (активность, наблюдаемая извне), трансперсональная (состояние измененного сознания, прозрения, сны, видения, связанные с глубинным опытом, образами коллективного бессознательного, родовой памяти) и метаперсональная (психологическое воздействие человека вне его физического отсутствия, психологические аспекты продуктов творческой деятельности – «душа в заветной лире», различные варианты «психологической жизни человека, его влияния на других людей после его биологической смерти»).

Психологические явления различаются по своим динамико-временным характеристикам (время продолжения, динамичность), а также метафорам, которые их отражают; по этому признаку можно выделить следующие группы явлений: совокупность кратковременных явлений, подобных движению огня или ветра (эмоциональная вспышка, озарение, момент восторга, мелькнувшая мысль); совокупность текучих, меняющихся, подобных движению воды явлений (движение ассоциаций, эмоциональные процессы, размышления и т.п.); совокупность стабильных, при этом не лишенных развития. подвижности, гибкости явлений (психологические свойства, которые могут меняться, развиваться); совокупность статических ригидных явлений, подобных чему-то застывшему, тяжелому (жестко фиксированные привычки, стереотипы, навязчивости, идеи-фикс, фанатичные убеждения).

Изучение различающихся по указанным характеристикам явлений, вероятно, предполагает предпочтение различных подходов (например, выбор системного, сетевого или синергетического подхода).

В пространстве психологического мы рассматриваем явления разных уровней детерминации: психоприродный (совокупность психологических явлений, наблюдается у людей и животных, тесно связана с естественными внешними и внутренними факторами – климатом, вирусными инфекциями, генетикой, физиологией и др.); психобиосоциальный (совокупность психологических явлений, подобных у людей и животных с развитым мозгом, тесно связана с их социальной природой, протокультурными ритуалами и обучением, передачей накопленного опыта от одного индивида или особи другим); психокультуральный (совокупность психологических явлений, присущая людям, связана с разнообразием, сложностью, богатством созданных ими культур, культурно-символическим характером действий и взаимодействий, внутренней и внешней активности); психоэкзистенциальный (совокупность психологических явлений, связанных со способностью человека к творческому воображению, интуитивным прозрениям и рефлексии, в частности, к критическому отслеживанию культуральных и природных воздействий на свое психическое состояние, образ мышления и т.д., значимостью ценностно-смысловых аспектов, поисками смысла жизни). Изучение разных явлений требует качественно отличных инструментов, основанных на различных эпистемологических основаниях, обращения к методологии и методам исследования, принятым в естествознании или социогуманитарных науках.

Итак, в процессе рассмотрения психологической феноменологии было предложено четыре дифференциальных измерения на основании критериев уровня, временных характеристик, психологической локации, фокуса внимания исследователя. Указанные измерения существуют как взаимодополняющие, расширяют возможности и глубину постижения природы представленных феноменов. Если взять к рассмотрению психологическую специфику человека в различных аспектах ее психологии, представленных указанными измерениями, крайне важным является нахождение объединяющей общей сети, присутствующей в каждом из них. Построение интегративного пространства предусматривает определение стержня, который объединяет все другие составляющие. Таким всепроникающим

интегратором выступает личность, «стержень-сеть», «полифункциональный орган», который обеспечивает сбалансированность целостного функционирования, осуществляет взаимопроникновение и взаимодействие гетерогенных гетеродетерминированных явлений (в частности воплощение экзистенциальных озарений в произведениях культуры). Нарушение баланса, появление признаков дисгармонии может свидетельствовать как о фазе творческого процесса, динамике развития, так и об опасности душевного расстройств. Таким образом разноразмерное, многомерное, гетерогенное, поливариантное (под влиянием различных эпистемических, парадигмальных и синтагматических факторов) психологическое знание может быть отражено в рамках четырех измерений, представляющих знания о явлениях, различных по уровню, аспектам, пространственным, временным параметрам, при этом каждая из плоскостей касается знаний об опосредованном личностью взаимопроникновении природы, культуры и экзистенции.

Библиографический список

1. Балл Г.О. Раціоналістична орієнтація в методології людинознавства: наукове видання. Київ: Видавництво ПП «СКД». 2017. 300 с.
2. Гарбер И.Е. Трансформация психологического знания в условиях информационного общества. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. Томск. 2013. 23 с.
3. Мазилов В.А. Интеграция в эпоху кризиса психологии. Интеграция в психологии: теория, методология, практика: материалы III национальной научно-практической конференции под ред. В.А. Мазилова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. С. 37-61
4. Роменец В.А., Маноха І.П. Історія психології ХХ століття. Київ: Либідь, 1998. 992 с.
5. Янчук В. Культурно-диалогический интердетерминистский метаподход к анализу психологической феноменологии: теоретико-прикладные возможности. Теоретичні дослідження у психології. Харьков: Монограф. 2018. Том IV. С. 21-82.
6. Cleeremans A. The grand challenge for psychology: integrate and fire! *Frontiers in Psychology*, 22 April 2010. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2010.00012>.

УДК 159.9

В.В. Козлов

МЕТОДОЛОГИЯ ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Аннотация. В статье обсуждается проблема методология интеграции психологического знания и психологического сообщества. Автор считает, что такая методология должна опираться на принципах организации объяснительной и воздействующей ее составляющих с одной стороны, с другой - реализоваться на общем, частном и конкретном уровнях.

Ключевые слова: методология, интеграция, знание, сообщество, теория, метод, психолог, ценности, смыслы.

V.V. Kozlov

METHODOLOGY FOR INTEGRATING PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE AND PSYCHOLOGICAL COMMUNITY

Abstract. The article discusses the problem of the methodology of integrating psychological knowledge and psychological community. The author believes that such a methodology should be based on the principles of organizing the explanatory and its influencing components, on the one hand, and, on the other, should be implemented at the general, private and specific levels.

Keywords: methodology, integration, knowledge, community, theory, method, psychologist, values, meanings.

Методология интеграции психологического знания и психологического сообщества должна опираться на принципах организации объяснительной и воздействующей ее составляющих с одной стороны, с другой реализоваться на общем, частном и конкретном уровнях.

Расшифровка, объяснение и понимание этого посыла заняло бы несколько сот страниц подробного текста. В силу масштабности этой задачи мы пока этот посыл оставим до лучших времен.

Архимед однажды произнес: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю».

Мы бы могли повторить за Архимедом: «Дайте мне методология и я смогу объединить психологическое знание и психологическое сообщество»

Как известно, Архимеду не дали точку опоры и он не перевернул Землю.

Мы же в той самой ситуации, как и Архимед – у нас нет методологии интеграции, то есть мы не знаем, как объединить психологическое знание и психологическое сообщество.

Но мы можем эту проблему мыслить и предполагать определенные стратегии интеграции.

При этом мы понимаем, что на уровне знания чрезвычайная пластичность и динамичность психики делает практически невозможным создание единой, раз и на всегда принятой теории психического; единственное, чему мы можем следовать, так это импульсам самопознания, а существующие теории помогают нам лишь организовывать эти импульсы, и если повезет – создавать новые теории и подходы на основе своего опыта и мотивации, интересов и визионерских поисков, научных исследований и теоретических обобщений.

Само охватывание мыслью, научным пониманием, рефлексией, концептуализацией сущности не исчерпывает процесса и основы бытия, присутствия в жизни, со-бытия с другими.

Мы уже неоднократно писали, что интегративная психология как способ и культура постмодернистского мышления осуществляет совокупность определённых принципов научного существования: использование и интроекция в поле психологического мышления культурного и познавательного потенциала предшествующих исторических периодов; радикальный плюрализм и толерантность; стирание границ между массовой и элитарной психологическими культурами, субкультурами Востока и Запада, через разнообразие психологического языка; равноправие стилей мышления и познавательных парадигм психологии, признание их самоценности; конвенциональность психологического знания, то есть психология как наука уже имеет в социальной культуре определенный набор устойчивых характеристик, выделенных в качестве значимых (Козлов, 2007; Козлов, 2016; Козлов, 2019).

Язык, ценности, исследовательские стратегии интегративной психологии обращены ко всему социуму вне всякой дифференциации, учитывая весь спектр интересов и настроений различных социальных групп, применяя универсальные, основанные на общих антропоцентрированных ценностях и убеждениях смыслы и методы (Козлов, 2016; Козлов, 2018). На наш взгляд, это наиболее перспективные стратегии и принципы новой традиции науки.

Холистический императив интегративной психологии, на наш взгляд, соответствует требованию научного мировоззрения о природе человека.

Наш метакогнитивный тезис, что бытие человека целостно и интегрировано, а наука, обращенная к бытию в своей предметной области, в теории и методологии, должна соответствовать этому бытию и иметь качество целостности и интегрированности, имеет основательные перспективы в формировании методологии интеграции психологического знания.

Существует ли это знание уже сегодня? На мой взгляд, существует.

Каждый из психологов может запустить в систему интернета любую категорию психологии, начиная от «психики» заканчивая «ощущением». В итоге мы получаем многомерное представление из 3,5 млн. концептов психологического дискурса, которые могут задать весьма подробное представление. На ознакомление с этим массивом информации необходимо более 100 лет упорного труда одному человеку. Если еще добавить работы на английском, немецком, французском, итальянском, китайском и японском языках, получится еще 500 лет.

Я точно знаю, что при самой выраженной мотивации, уже 10-ая статья вызывает утомление и печаль души (автором проведено множество экспериментов в этом направлении).

Печаль и утомление на самом деле от того, что при этом степень энтропии понимания возрастает и индивидуальное сознание исследователя в конце концов вместо ясной интеграции получает напряженный хаос противоречивых представления.

И уже просто хочется смотреть, как за окном идет майский дождь.

С одной стороны – есть возможность интеграции представлений о психической реальности, но она съедает время и жизнь человека и не приводит к пониманию.

С другой – сама интеграция, знания о понятиях, включающая представления множества психологов о теории, исследовании и практике психологии и изложенная в стотомнике «Основы общей психологии», не найдет благодарного читателя.

С третьей – к психологии возникло «пользовательское» отношение, когда в соответствии с практической или когнитивной заботой человек выбирает минимальный концепт психологического дискурса, обозначая его знанием психологическим.

Таким образом, мы можем предположить, представить и осознать, что интегративная психология существует как мегапространство смыслов цифровой реальности, но при этом мы в силу своей когнитивной простоты и отсутствия временных, витальных, мотивационных ресурсов, не имеем возможности познать ее в полноте и масштабности.

Конечно, мы бы могли закончить данный раздел как профессор Мазилев В.А. свою статью «Теоретические методы в психологии: возвращение из изгнания»: «Настоящая статья не претендует на сколь-нибудь детальное освещение вопроса о теоретических методах в психологии, она лишь в очередной раз ставит эту проблему и призывает мыслящих молодых психологов заняться ее детальным исследованием» (Мазилев, 2020).

Я верю, что у нас есть мыслящие молодые психологи, но возникнет ли у них потребность в исследовании методологии интеграции психологического знания и психологического сообщества, вероятность не очень высокая.

Наверно поэтому В.А. Мазилев сам предлагает стратегию интеграции психологического знания: «Нам уже приходилось писать о том, что логика выделения единиц неизбежно приводит к тому, что происходит «воплощение» психического, в частности, его сведение к тем или иным моделирующим представлениям. Иными словами, уже в процессе понимания психического происходит определенная редукция. Такое сведение представляется неизбежным. Этого не произойдет, если мы будем понимать под предметом науки психологии целостность, то есть совокупный предмет. Это создает принципиальную возможность идти не от элементов или единиц, а именно от целого. В нашем случае моделирующим представлением (отметим, забегая вперед) выступает «мир», но внутренний мир, который имеет свою архитектуру (созданную на основе опыта философских и психологических исследований в предшествующие столетия).

Обратим внимание еще на один момент. Это единство не задается декларативно, а обнаруживается через единство входящих в него компонентов, которые трактуются не как разнородные, а, напротив, как взаимообусловленные. Именно поэтому можно утверждать, что при таком подходе используется нередуктивная логика исследования.

Такой подход позволяет: аккумулировать психологическое знание, формировать корпус знания; обеспечивать интеграцию, соотнесение знаний и их консолидацию; сделать предмет инструментальной работы; обеспечить выполнение предметом определенных функций в структуре психологического знания; выполнить роль предметной матрицы, которая определяет аккумулирование содержания и работу с ней, выполняя роль предметной объединяющей платформы; использовать инструмент коммуникативной методологии и осуществлять нефорсированную интеграцию психологического знания, сформированного в рамках различных подходов (Мазилев, 2020).

Во многих отношениях Мазилев В.А. в своей статье декларирует: «Выход есть» и направление к методологии интеграции психологического знания существует.

Здесь всегда возникает вопрос – кто будет идти в этом направлении и реализовывать нередуктивную логику исследования?

Мы не отрицаем достижений ни одной парадигмы психологии и наше отношение к ним прагматично: возможен и рационален выбор любой парадигмы, которая в данный момент и в данной ситуации решает большее число проблем, заданных контекстом жизни.

Мы совершенно уверены, что существует одна психология, по-разному выполненная в текстах разных парадигм, школ и личностей.

По этой причине интегративная психология предлагает механизмы развития психологического знания, в качестве которых выдвигаются: взаимодействие между всеми парадигмами и направлениями психологии, интегративный диалог альтернативных подходов, традиций, школ и критическое рефлексивное позиционирование.

В 2003 г. автор статьи написал «Манифест интегративной психологии», который затем был принят на Международной Конференции «Интегративная психология: теория и практика» в апреле 2004 года. Методология интеграции психологического сообщества в этом документе заключалась в очень правильных пожеланиях в этой предметной области.

Следовательно, исходя из нашего истинного стремления, мы должны стремиться к объединению и жить в духе непротиворечивости.

И сегодня я согласен и поддерживаю этот тезис и дух непротиворечивости является залогом интеграции. Стремиться это процесс, хотя, на мой взгляд, само стремление к объединению и жизни в духе непротиворечивости является результатом кропотливой психологической работы личности, когда она меняется в позицию доверия, понимания и принятия. И после 40 лет жизни в психологии я могу сказать, что этот труд непосилен для многих представителей теории и практики этой науки.

Мы разные, но не чужие.

Мы на самом деле и разные и в основном чужие, ибо живем в разных смысловых мирах психологии, отделенных кастами, пространством, временем, образованием, мышлением, пониманием и представлением о самой психологии.

Что касается не чужих, то конечно есть много психологов, объединенных духом времени, пространством и образованием и это наполняет оптимизмом.

Эти принципы должны быть включены в программы психологических школ и направлений, им должны обучаться все представители психологии.

Это пожелание было продиктовано логикой Манифеста и ждет своего времени. Манифест стал основным стратегическим документом Международной Академии психологических наук в начале 2000-ых годов. Он был с воодушевлением принят профессором Новиковым В.В. и президиумом МАПН.

Впишется ли этот Манифест в логику существования школ и парадигм, которые придерживаются стратегии автономизации, сепарации и оппозиции – вопрос открытый.

Представители интегративной психологии должны быть живым примером такого единства в понимании и действии.

Тезис вне сомнения правильный – эталоны и примеры необходимы в любое время. В этом смысле для меня были и остаются образцами психолога Роговин М.С., Брушлинский А.В., Климов Е.П., Новиков В.В. Они были добрыми, поддерживающими и понимающими.

Людей такого рода Виктор Васильевич Новиков называл «светочами».

Третий принцип - идея психологического сообщества взаимопонимания и взаимной поддержки. Мы стремимся сами и призываем всех психологов стремиться к созданию в масштабах всей планеты такого сообщества психологов, в котором будут удовлетворяться потребности психологов в самореализации и в котором рождается, расцветёт и утвердится психолог, познавший немислимую ранее полноту жизни и реализующий духовные функции социальных сообществ.

Для создания такого сообщества необходима универсальная языковая среда, наподобие языка математики или физики, в которой понятийная система психологии истолковывается однозначно независимо от парадигмы, школы, личности, а также их кооперативное взаимодействие.

Стратегия интегративной психологии - постижение природы человека через сопровождаемое критической рефлексией интегрирование, синтез раз-личных традиций, подходов, логик, диагностического и психотехнического инструментария, при сохранении их автономии в последующем развитии. Суть ее заключается в многоплоскостном, многомерном, многоуровневом, разновекторном анализе, создающем возможность качественно иного исследования, предполагающего включение в плоскость анализа аспектов множественности, диалогичности, многомерности психического феномена (Козлов, 2007; Козлов, 2018; Козлов, 2019).

Становление в интегративную позицию, которая по сущности является метасистемной по отношению ко всем парадигмам психологии, предоставляет возможность отстраненного анализа и обеспечивает возможность нового качественного скачка в развитии психологического знания с одной стороны, личностного и группового развития с другой.

Для познания немислимой ранее полноты жизни и реализации духовных функций социальных сообществ для современного психолога существует только один путь - свободное оперирование многомерным знанием, связанным с наиболее продуктивно работающими в проблемной области духовными традициями, психологическими парадигмами и их диагностическим, психотехническим инструментарием.

Этот путь должен сопровождаться с основательной трансформацией личности психолога и приобретения качеств открытости, гибкости, сострадания, эмпатии, готовности к служению и взаимной поддержки, стремления к творческой самореализации (Козлов, 2016; Козлов, 2018).

Таким образом, задача формирования методологии интеграции психологического знания и психологического сообщества является весьма сложной в организационном и стратегическом аспектах и имеет большие теоретические и практические перспективы в психологии.

Библиографический список

1. Козлов, В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска, или освящение повседневности. — М.: Психотерапия, 2007 - 528 с.
2. Козлов В.В., Донченко И. Психология успеха: жизнь с вершины. Запорожье: СТАТУС,- 2019. – 144 с.
3. Козлов В.В. Психология любви. М., 2016 – 179 с.
4. Козлов, В.В. Актуальные вопросы интеграции психологии // ЧФ. Социальный психолог, № 1 (37), 2019, с.58-68
5. Козлов В.В. Психология буддизма. Четвертое колесо дхармы. - Вологда: Древности Севера, 2016 - 296 с.
6. Козлов В.В. Основы духовной психологии: высшие состояния пробуждения. М.: Институт консультирования и системных решений. 2018 - 280 с.
7. Козлов В. В., Власов Н. А. Психология внушения и внушаемости. М.: МАПН, Институт консультирования и системных решений, 2018. — 276 с.
8. Мазилев В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998. 356 с.
9. Мазилев, В.А. De anima: Предмет психологии и границы его постижения / В.А.Мазилев // Высшее образование сегодня, № 6, 2019, с. 60-70
10. Мазилев, В.А. Предмет психологии: целостность и анализ «по единицам» // Высшее образование сегодня, № 2, 2020, с. 48-56
11. Мазилев, В.А. Теоретические методы в психологии: возвращение из изгнания // Методология современной психологии. Вып. 11 /Сб. под ред. Козлова В.В., Карпова А.В., Мазилова В.А., Петренко В.Ф. – М-Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2020, С. 196-208
12. Мазилев, В.А. Современная общая психология: ключевые методологические проблемы // Методология современной психологии. Вып. 12 /Сб. под ред. Козлова В.В., Карпова А.В., Мазилова В.А., Петренко В.Ф. – М-Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2020, С. 92-110.

УДК 159.9

В.А. Мазилев

ИНТЕГРАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИИ

Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 19-29-07156

Аннотация. В статье интеграция психологического знания рассматривается как наиболее актуальная методологическая проблема. Традиционно предметное пространство общей психологии не является единым, поскольку различные психические явления (психические процессы, психические свойства, психические состояния) рассматриваются как разнородные, определяемые через различные понятия. Как следствие, предмет психологии не выполняет своих функций, являясь только декларированным, и методология как теоретическая концепция не работает с необходимой эффективностью. На историко-психологическом материале показана необходимость осуществления организованных методологических процедур, направленных на интеграцию психологического знания.

Ключевые слова: психология, методология психологии, история психологии, интеграция, знание.

V.A. Mazilov

INTEGRATION OF PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE AS A METHODOLOGICAL PROBLEM OF PSYCHOLOGY

Abstract. The article considers the integration of psychological knowledge as the most pressing methodological problem. Traditionally, the subject space of general psychology is not unified, since various mental phenomena (mental processes, mental properties, mental states) are viewed as heterogeneous, defined through different concepts. As a result, the subject of psychology does not fulfill its functions, being only declared, and methodology as a theoretical concept does not work with the required efficiency. Based on the historical and psychological material, the need for the implementation of organized methodological procedures aimed at the integration of psychological knowledge is shown.

Keywords: psychology, methodology of psychology, history of psychology, integration, knowledge.

На протяжении многих десятилетий проблема интеграции психологического знания была достаточно обсуждаемой. Было опубликовано значительное число исследований, посвященных разработке этой проблемы. Как и в изучении многих вопросов в психологии, интерес к проблеме интеграции то усиливается, но несколько затухает, что имеет вполне понятные причины. Однако в самые последние годы проблема неизменно вызывает повышенный интерес психологов, что представляется далеко не случайным. За повышением интереса к проблеме интеграции психологического знания в настоящее время, как можно полагать, стоит все более отчетливое понимание некоторыми психологами того, что развитие психологической науки идет совсем не так, как того бы хотелось и как ожидалось. Возможно, эта неудовлетворенность и стимулирует повышенный интерес части психологического сообщества к рассмотрению проблемы интеграции психологического знания.

Не хотелось бы в очередной раз поднимать эту тему, но необходимо отметить, что, к сожалению, отсутствует философия психологии, которая бы вырабатывала стратегии развития психологии (см. подробно (Мазиллов, 2017), (Мазиллов, 2020)). Без подробного обсуждения и решения глобальных вопросов существования и развития психологической науки трудно надеяться на быстрое и эффективное решение более частных вопросов.

I

Прежде, чем обратиться к актуальным проблемам интеграции психологического знания, укажем на некоторые упрощенные представления об этом процессе, которые выступают препятствиями на пути реализации интеграции.

Миф первый. Состоит в том, что для реализации интеграции никакой особенной подготовки не нужно, достаточно иметь желание осуществить интеграцию в тех или иных масштабах.

Миф второй. Интеграцию можно начать с «чистого листа», руководствуясь чисто логическими соображениями.

Миф третий. Для осуществления интеграции можно обойтись без исторического анализа.

Не будем обсуждать здесь содержание этих (и других, поскольку список можно легко продолжить) мифов, ответ на них будет дан в тексте статьи.

Собственно говоря, целью настоящей статьи является осуществление историко-методологического анализа эволюции психологического знания, который должен продемонстрировать и обосновать необходимость организации незамедлительной деятельности по интеграции психологического знания. Интеграция знания, которая еще недавно рассматривалась психологами как несомненно желаемая, но явно перспективная и долгосрочная цель, выходит сегодня на первый план и становится первоочередной задачей современной психологической науки.

Для решения поставленной задачи придется сделать предельно краткий историко-методологический очерк трансформации представлений о предмете психологии. Прежде всего необходимо отметить, что говорить о предмете науки имеет смысл только в том случае, если сама наука существует или по крайней мере с помощью предмета конституируется. Поэтому важно различать предметную область и собственно предмет психологии. До возникновения психологии можно говорить лишь о предметной области. Таковой на протяжении многих столетий была душа. Обратим внимание, что еще древние греки различали душу и дух, поскольку они имели разное происхождение: душа изобретается, дух открывается. Душа понималась как источник активности, тогда как дух обнаруживался, когда человек находился в особом состоянии (Хейстад, 2018). Аристотель в своей трактовке разумной души душу и дух фактически соединил.

«Душа» совершенно особый термин в истории человеческой культуры. Именно с понятия души, попытки понять ее тайну, начинается многовековой путь познания самого загадочного в человеке. Начиная с Гераклита, который первым в европейской традиции сделал психе – душу – предметом своих философских размышлений, во все последующие века душа представляла собой главную загадку, вызывающую жгучий интерес. Магистральным направлением формирования психологического знания на протяжении многих веков было философское исследование, использующее методы рассуждения и интерпретации, что можно обозначить как философскую психологию. Первое использование термина психология приходится на начало XVI столетия и принадлежит Марко Маруличу (1450-1524). К сожалению, сама книга великого хорвата до нас не дошла, поэтому, по всей вероятности, он ограничивался (так же, как и его предшественники) указанием на предметную область – рассуждал о душе.

Главным содержанием философской психологии, как хорошо известно, были рассуждения о душе, ее структуре и свойствах. Появление так называемой эмпирической психологии в рамках философской психологии картины принципиально не изменило. Как проницательно отметил П.Фресс,

«оставаясь эмпирической в отношении источника идей, вся эта школа развивает психологию своим анализом психической жизни, который всем еще обязан проницательности философа, склонного к созданию стройных систем» (Фресс, 1966, с. 18).

В XVIII столетии благодаря усилиям Хр. Вольфа (Wolff, 1734; Wolff, 1738), психология заявила о себе как самостоятельная философская дисциплина (см. подробнее (Мазиллов, 1998)), которая на какое-то время даже стала центральной частью философии. По Вольфу, психологий было две – эмпирическая и рациональная, причем различие между ними было чисто методологическим: исследовалась одна и та же душа в разных отношениях. Таким образом, был сделан важный шаг на пути конструирования предмета – он был сделан философом, упорядочивающим массив знаний и строящим систему наук.

Первым психологом, реально выделившим предмет психологии, явился И. Гербарт, приложивший к психологии идеи фихтеанского наукоучения, в частности, учение об основании науки. Целью Гербарта было превратить психологию в науку, сделать ее более строгой дисциплиной, в большей степени похожей на естественные науки. Для этого она – оставаясь в рамках философии – должна опираться на математику, метафизику и опыт. Напомним, по Гербарту, в качестве основания выступают факты сознания (Гербарт, 1895).

Обратимся к провозглашению психологии наукой в семидесятые годы XIX столетия, которое давно ожидалось. В своих «Основаниях физиологической психологии» Вильгельм Вундт обосновывает новую область знания – физиологическую психологию (Wundt, 1874). Сама идея выделения психологии появилась у Вундта десятилетием ранее (Wundt, 1863-64). Физиологическая психология – это дисциплина, которая имеет свой предмет (непосредственный опыт), метод, систему понятий, законы. Обратим внимание, что это дисциплина, в которой полностью устранены кантовские критические замечания к психологии: психология использует математику и эксперимент, устойчивые элементы испытуемый научается выделять в ходе предварительных опытов (напомним, что испытуемый допускался до исследования лишь после того, как пройдет предварительно обучающие запротоколированные 10000 экспериментов), с помощью самонаблюдения изучаются лишь простейшие явления, в которых в силу их простоты и элементарности нарушить ничего нельзя. Кроме того, в состав физиологической психологии включаются ранее проведенные исследования по времени реакции (Ф. Дондерс и др.) и психофизике (Э. Вебер, Г.Т. Фехнер и др.). Обратим внимание, что фехнеровская психофизика требовала значительного переосмысления: Г.Т. Фехнер исходил из психофизиологического тождества, а Вундт рассматривал данные психофизики с точки зрения психофизиологического параллелизма.

Вундт прекрасно понимал, что его акция преждевременна. Впрочем, приведем цитату. В предисловии к первому изданию «Оснований физиологической психологии» Вундт в марте 1874 года писал: «Предлагаемый публике труд имеет целью ограничение но-вой области в науке. Я хорошо сознаю, что моя попытка может быть сочтена преждевременною. В самом деле, даже анатомо-физиологические основания излагаемой науки еще не дос-таточно утверждены, а экспериментальная разработка психологических вопросов едва лишь начата. Но известно, что ориентировка в действительном состоянии науки, хотя бы только возникающей, есть лучшее средство для выполнения существующих в ней пробелов. Чем не-совершеннее будет в этом отношении моя попытка, попытка, надо сказать, первая, тем скорее она вызовет труды ее дополняющие и исправляющие» (Вундт, 1880, с. III).

Стоит отметить, что эта попытка была благожелательно принята научным сообществом. Оценивая реакцию научного сообщества, нужно иметь в виду следующее. Провозглашение психологии наукой было событием долгожданным. Область душевных явлений оставалась последней областью, не охваченной наукой с ее экспериментами и точными измерениями. И вот последняя «крепость» пала перед научным наступлением. Правда, пришлось закрыть глаза на некоторые недоработки.

В свете интересующего нас вопроса сделаем важную констатацию. У Вундта впервые предмет психологии используется для конституирования новой науки – физиологической психологии, которая необходимо должна по своему предмету отличаться и от философии, рассуждающей о душе (от которой декларативно «отделяется»), и от эмпирической психологии, которая с помощью самонаблюдения традиционно изучает душевные явления. Другой важный момент состоит в том, что, по общему мнению, вундтовская психология знаменует собой начало научной психологии. Отсчет будет вестись именно от Вундта. И именно Вундт заложил традицию узкого и ограниченного понимания предмета психологии. Непосредственный опыт – именно он изучался в физиологической психологии. Вундт спешил, вся остальная предметная область психологии осталась в психологии народов.

В известном смысле трагедией для психологии стало ее преждевременное выделение из философии. Говоря о выделении – это традиционная и фактически общепринятая формула – надо отметить,

что она крайне неудачна. Она создает впечатление, что некоторая «часть философии», автономно существовавшая в недрах философского знания, заявила о своем «суверенитете», «автономии» и начала «самостоятельное существование». Это совершенно не соответствует действительности, так как физиологическая психология В.Вундта, которая и была им объявлена отдельной, «самостоятельной» наукой, выстраивалась, конструировалась автором по определенному проекту. Контур этой дисциплины В.Вундт увидел в работах Иммануила Канта. Попытка была долгожданной, но, повторим, не подготовленной.

Физиологическая психология исследовала непосредственный опыт: лишь элементарные психические явления, поэтому охватывала только ощущения и произвольные движения. Соответственно, все высшие психические функции в сферу ее исследований не попадали. Таким образом, предметное поле новой науки было чрезвычайно сужено. Естественно, что при таком подходе можно было настаивать на тезисе, что это наука без всяких «метафизических допущений». Обратим внимание, что и это в полной мере не удалось. Вундт прекрасно понимал, что сознание целостно. Никакие ассоциации не в состоянии объяснить, как из элементов складываются целостности. Вундту приходится постулировать наличие закона творческого синтеза и, как следствие, выводить из него апперцепцию. Апперцепция – некая сила, локализуемая в лобных долях, способная организовывать элементы опыта в целостности.

Принципиальная целостность психического – фундаментальный тезис психологии, которая изучала душу – была отвергнута как отправная точка. Целостность превратилась в то, что следует объяснить в результате исследования.

Обратим внимание на еще один важный момент. Проект Вундта, хотя он не состоялся в той мере, в какой мыслился автором, был первым вариантом последовательной собственно эмпирической психологии. Предполагалось, что данные о предмете будут получены непосредственно. Субъективный метод критиковался, поэтому данные о предмете (непосредственном опыте) получались, по Вундту, только тогда, когда испытуемый проходил специальное обучение, в процессе которого он научался выделять в самонаблюдении то, что соответствовало пониманию предмета. Аналогичная ситуация наблюдалась в Вюрцбургской школе, когда испытуемыми были лишь профессиональные психологи, то есть знающие, что нужно описывать. Как было показано ранее, в психологии того периода наблюдалось довольно много попыток варьировать методы, чтобы добиться нужного эффекта (Мазилев, 1998).

При этом исходили из принципиального допущения, что предмет обнаруживается, непосредственно «является», то есть выступает как явление, феномен. Это в равной степени относилось и к вариантам субъективной, и объективной психологии. В первоначальных вариантах последней полагалось, что изучается поведение, которое непосредственно является наблюдателю. Достаточно скоро выяснилось, что это не вполне так.

Однако со времени появления основных школ (начало XX столетия) в психологии стало ясно, что это допущение неоправданно: реальный предмет как явление исследователю недоступен, он конструируется исследователем. Впервые с этим феноменом, как можно полагать, столкнулись в психоанализе и вюрцбургской школе, так как вытесненные в бессознательное переживания и детерминирующие тенденции непосредственному исследованию были недоступны. В психологии началась новая эпоха.

В качестве промежуточного итога важного для темы нашей статьи, необходимо подчеркнуть следующее. В рамках философской психологии душа понималась как принципиальная целостность, обнимающая психический мир человека целиком. Это было очень значимое положение, поскольку в единстве рассматривались и познание, и чувства, и воля, объединяемые тем, что они принадлежат душе. Обратим внимание и на то, что в учениях о душе – по крайней мере с Фомы Аквинского – присутствовало положение о простоте души. Подчеркнем, что она трактовалась как простая сущность. Если этот тезис нуждается в пояснении, то подход к душе как простой можно уподобить античному пониманию атома как далее неделимого. Иными словами, это положение устанавливало естественный предел познания, за который человеческая мысль двигаться не могла. Подчеркнем, что эта простота никоим образом не препятствовала выделению видов души, а также использованию различных классификаций. Если кому-то последний тезис покажется противоречащим идее простоты, напомним, что, по Демокриту, существовали разные атомы, хотя все они были «далее неделимыми». Еще одно важное обстоятельство: трактовка души как простой не позволяла ее редуцировать к каким-то ограниченным моделям, ибо сущность души как целого, как простой сущности не могла быть сведена к другой сущности. К этому моменту нам еще предстоит вернуться.

Психологи сами отказались от использования понятия души, это было принципиальное решение самих представителей психологической науки, которые руководствовались лучшими побуждениями (Мазилев, 2019). Было тем самым снято ограничение на познание, открывшее дорогу самого разного рода редукциям. Подчеркнем: отказ от души означал тем самым и отказ от идеи принципиальной целостности.

Другим важным промежуточным итогом, достойным быть зафиксированным, отметим то, что Вундт – хотел он этого или нет – породил традицию, которая в психологии жива до сих пор. Смысл ее в том, что решения в психологии являются простыми: важно обнаружить «правильный» предмет и все решится само собой – предшественники не смогли в силу тех или иных причин его обнаружить. В результате кропотливая и длительная работа по построению предмета научной психологии, требующая специального обоснования, свелась лишь к обнаружению того, какой автор нового подхода полагал нужным.

Не имея возможности в силу ограниченности объема публикации рассмотреть вопрос более или менее детально, отметим лишь главное.

В научной психологии (представители различных направлений идентифицировали себя именно так) возникло множество различных подходов, каждый из которых позиционировал себя как новый, современный, правильный, подлинно научный. К альтернативным подходам (так же, как и к концепциям прошлого) отношение было снисходительным, как к «кладбищам феноменологии» (см. ниже). Отметим, что каждый подход исходил из своего понимания предмета психологии, который трактовался как подлинно научный и поэтому неизбежно ограниченный, одномерный (см. (Мазилев, 2017)). Новаторы как правило полемизировали с Вундтом, находя недостатки в его системе, отталкивались от его учения, акцентируя тот или иной недостающий момент. Тем самым была заложена традиция, которая, повторим, жива до сих пор: конструировать простые научные предметы. Поясним эту мысль. Возьмем в качестве примера гештальтпсихологию, которая в первой половине XX столетия выступала образцом научности. Гештальтпсихология, как всем хорошо известно, возникла в значительной степени как реакция на атомизм и конструктивизм вундтовской психологии и отстаивала целостность психических феноменов. Обратим внимание на то, что тезис «целое больше, чем сумма элементов» был сформулирован Х. фон Эренфельсом задолго до возникновения школы гештальтпсихологии. Более того, в 1920-е гг. в Германии существовало около десяти направлений и подходов, исповедующих принцип целостности. Заслуга гештальтпсихологии состояла не в эмпирическом подтверждении феномена целостности (как часто полагают), а в попытке расширить феноменологию, показать универсальность гештальта и дать естественнонаучное объяснение гештальтообразования общенаучными принципами (изоморфизм). Но подход так и остался одномерным, идея уровней психического осталась для классической гештальтпсихологии чуждой.

Аналогичным образом психоанализ, разрабатывая проблемы бессознательного, также выстраивал общую психологию, акцентируя обнаруженные феномены (которым вундтовская психология не придавала большого значения). Классический бихевиоризм, ориентируясь на исследования поведения животных, попытался вообще устранить трудности субъективного метода самым радикальным образом. Все это достаточно хорошо известно историкам психологии.

Число примеров можно множить и множить. В известном смысле «подтверждением» представленной картины является исключение, похоже единственное в мировой психологии. Речь о выдающемся французском психологе Пьере Жане. Судя по исследованию Г.Элленбергера, он был действительным «первооткрывателем» идеи психоанализа. В отличие от Фрейда он не заикнулся на открытии феномена, продолжил более широкие исследования, что позволило ему создать монументальную теорию человеческой психики, в которой максимально (на время создания и разработки теории) учитывается сложность психической жизни человека. Отправляясь от поведения (используя термин не «comportement», а «conduite») и используя категорию действия, автор выстраивает многоуровневую генетическую теорию, в которой органично учитываются и биологические и социальные факторы и собственная активность человека (см. подробно (Роговин, 1969)). Почему исключение является «подтверждением»? Ответ прост. Теория Жане осталась непонятой и/или не оцененной по заслугам. Это не помешало известному числу авторов позаимствовать некоторые из обнаруженных и описанных гениальным французом механизмов (без ссылок на заимствования) и попытаться встроить их в свои, куда более узкие системы. Повторим, П.Жане был, вероятно, единственным исключением. Создается впечатление, что психология двадцатого столетия не заметила трудов титана психологической науки, не вписавшегося в традицию, созданную Вильгельмом-Максом Вундтом, которая «свято» хранится и психологами уже XXI века. Чтобы завершить тему, скажем, что в ознаменование столетия посещения Фрейдом клиники «Сальпетриер» в Париже, где он был на стажировке у Ж.-М.Шарко в 1885–1886 гг.,

была установлена мемориальная доска. П.Жане, проработавший там несколько десятков лет, подобной чести не удостоился... Вернемся к развитию психологии.

Внутри каждого из множества подходов (это и основные школы, и другие, менее известные подходы в психологии) происходила определенная эволюция. В целом можно выделить две важные, связанные, но различные тенденции:

Экспансия, то есть попытка экстенсивно расширить свою частную трактовку предмета на как можно большее научное пространство (такая эволюция идеи прекрасно описана Л.С.Выготским в «Историческом смысле психологического кризиса» (Выготский, 1982).

Эволюция подхода (условно говоря, интенсивная), связанная с его развитием и углублением: если подход существовал достаточно долго, намечалась стихийная интеграция, то есть выход за рамки исходных представлений, заимствование и использование понятий из других направлений (тенденция, хорошо известная в истории психологии – см. историю и происхождение неопрецизионизма, необихевиоризма и т.д.). Подробно такая эволюция прослежена автором на примере гештальтпсихологии (см. (Мазилев, 2017)).

Не имея возможности развивать эту тему в рамках настоящей статьи дальше, отметим только, что внутри этих подходов формировались теории тех или иных психических явлений (восприятия, мышления, памяти, личности и т.д.), которые их авторам представлялись общими научно-психологическими теориями, тогда как реально они неизбежно были частными теориями, поскольку были сформулированы в рамках ограниченно понимаемого предмета.

Для того, чтобы обозначить как указанные теории относились к предшествующим и альтернативным, рожденным в других подходах, воспользуемся блистательным описанием А.В.Юревича, откуда выше было уже процитировано выражение «кладбища феноменологии». А.В.Юревич пишет: прошлое психологии «обычно предстает как скопление ошибок, нагромождение артефактов, паутина тупиковых направлений исследования или, в лучшем случае, как беспорядочное накопление феноменологии, которое по отношению к психологии грядущего призвано сыграть ту же подготовительную роль, какую философия сыграла по отношению к науке. Именно в силу такого отношения к прошлому психологическое знание не кумулятивно, а любое новое направление психологической мысли уверенно отменяет все предыдущие, видя в них только «кладбища феноменологии», фон для оттенения своих достоинств и иллюстрации чужих ошибок» (Юревич, 2008, с. 5). Таким образом психология – в том числе и современная – представляет совокупность различных подходов, теорий, практически не соотносимых между собой.

Для того, чтобы осознать всю трагичность ситуации, создавшейся в психологии, вспомним, что Л.С.Выготский в рамках своего варианта научной психологии обосновал перспективность анализа по единицам. Л.С.Выготский, как известно, писал в «Мышлении и речи» (1934): «Под единицей мы подразумеваем такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и которые являются далее неразложимыми живыми частями этого единства... Психологии, желающей изучить сложные единства, необходимо понять это. Она должна заменить методы разложения на элементы методом анализа, расчленяющего на единицы. Она должна найти эти неразложимые, сохраняющие свойства, присущие данному целому как единству, единицы, в которых в противоположном виде представлены эти свойства, и с помощью такого анализа пытаться решить встающие перед ним вопросы» (Выготский, 1934, с.9).

Заметим, что, не зная «всех свойств, присущих целому» – это оказывается неизбежным при таком рода подходе – очень проблематично выделить адекватные единицы...

Подведем промежуточный итог. Подход, доминирующий в современной психологии, если выражаться языком В.П.Зинченко (см. ниже), может быть охарактеризован как «путь от единицы анализа к теоретической конструкции в целом». Под его обаяние попал даже мудрый С.Л.Рубинштейн, писавший: «Для того, чтобы понять многообразные психические явления в их существенных внутренних взаимосвязях, нужно прежде всего найти ту «клеточку» или ячейку, в которой можно вскрыть зачатки всех элементов психологии в их единстве» (Рубинштейн, 1946, с. 173).

Для того, чтобы читатель осознал реальное многообразие подходов, появившихся в психологии в двадцатом столетии и претендующих на подлинную научность, автору придется привести обильные цитаты из работы только что упомянутого отечественного методолога В.П.Зинченко, который проделал огромный труд, скрупулезно выделив и перечислив перечень единиц, выделенных стараниями психологов ушедшего века.

Как отмечал автор, «Проблема конструирования единиц анализа, адекватных той или иной предметной области исследования или данному конкретному предмету той или иной науки, решается

как на уровне философской методологии, так и на уровне методологии конкретно-научной (курсив мой – В.М.)» (Зинченко, 1983, с. 81).

История поиска единиц анализа психики, согласно Зинченко, заслуживает специального теоретико-методологического исследования. Проблема выделения единиц возникала в каждом направлении психологической науки, претендовавшем на создание непротиворечивой теории психических явлений. Нельзя не согласиться с выводом В.П.Зинченко, что «путь от единицы анализа к теоретической конструкции в целом далеко не прост и не всегда заканчивается успехом» (Зинченко, 1983, с.83).

«Тем не менее, – отмечает В.П.Зинченко, – осознанное выделение единицы анализа – признак методологической зрелости того или иного направления в науке и начало систематического построения теории. Соответственно, и для оценки той или иной концептуальной системы, описывающей психические явления, полезно представить себе ее исходные посылки, выражающиеся в данных единицах анализа. Противоречия и расхождения между различными концептуальными системами наиболее ярко и выпукло обнаруживаются именно между единицами анализа, положенными в основу той или иной теории» (Зинченко, 1983, с.83).

Обратим внимание на скрупулезность проведенного историко-методологического исследования. В.П.Зинченко приводит длинный список единиц анализа психики, которые использовались в психологии. «В истории психологии в качестве единиц анализа психики выступали ощущения, представления, идеи (ассоцианизм); структурные отношения между фигурой и фоном (гештальтпсихология); реакция или рефлекс (соответственно, реактология и рефлексология); поведенческий акт (бихевиоризм). В необихевиоризме, в частности, проблема единиц анализа рассматривалась в качестве центральной Э.Толменом, работы которого оказали большое влияние на современную когнитивную психологию. Он дополнил схему «стимул-реакция» системой промежуточных переменных, организованных в 83 квазипространственные когнитивные карты. В западноевропейской психологии проблему единиц анализа особенно обстоятельно обсуждал Ж.Пиаже, который в качестве таковой выделил обратимые операции, рассматриваемые в контексте более широких операторных структур, высшей из которых является интеллект» (Зинченко, 1983, с. 84).

В.П.Зинченко продолжает перечисление, отмечая, что по сравнению с операциями и обратимыми операторными структурами частным случаем выступает использование в качестве единиц анализа мнемических и моторных схем, характерное для Ф.Бартлетта и ряда его последователей в современной англо-американской литературе» (Зинченко, 1983, с. 84). Также, по В.П.Зинченко, были попытки использования в качестве единиц анализа психики и определенных состояний субъекта, таких как установки (Узнадзе) или значащие переживания (Ф.Н.Бассин).

Как указывает Зинченко, это только чистые типы: «Мы привели примеры относительно чистых, так сказать, стерильных, типологических единиц психологического анализа, репрезентирующих либо когнитивную, либо эмоционально-оценочную или либо, наконец, волевою, поведенческо-исполнительную сферу (см. познание, чувство, воля). В истории психологии имеются также примеры вариантов единиц анализа, которые характеризовались как целостные недифференцированные образования» (Зинченко, 1983, с. 84-85).

Надо полагать, что число «претендентов» на роль единиц сильно возросло – работа В.П.Зинченко была опубликована в 1983 году, сорок лет – срок не малый.

Понятно, что за прошедшие годы ситуация в психологии изменилась. Изменилась в том отношении, что в 1980-е еще продолжался энтузиазм, начавшийся в 1960-е, многие верили в перспективы психологии, в «психозойскую» эру, в «науку будущего». Сейчас этого нет, психологию заметно теснят нейронауки и когнитивные науки, претендуя на проблемные области, которые традиционно относились к психологии. Престиж психологии падает, многие полагают, что психология должна перестать существовать как самостоятельная наука, уступив место конгломерату узких психологических дисциплин, изучающих отдельные проблемы и явления.

Неизменной ситуация остается в том, что что единства в понимании предмета по-прежнему нет. Не будем сейчас в рамках этой статьи прописывать все проблемы, наличие которых поставило сегодня научную психологию на грань выживания. Отошлем желающих к подробному их описанию (Мазиллов, 2020в), (Мазиллов, 2020, 2020а).

По нашему глубокому убеждению, психология представляет собой фундаментальную науку, без вклада которой невозможно построение научной картины мира (Мазиллов, 2019, 2019а).

Ныне налицо полномасштабный кризис. Однако, проблема в том, что такой кризис нельзя преодолеть наскаком, поскольку он требует изменения позиции психологов относительно судьбы своей науки, а перемена участи явно предполагает длительную и систематическую работу по систематизации и интеграции научного психологического знания. Работа требует усилий и времени. Ее невозможно

сделать быстро, но она необходима. Вызывает глубокую печаль равнодушие большинства психологов к судьбе своей науки. Ситуация критическая, психология утрачивает свои позиции. Особенно обидно то, что психология может исчезнуть как самостоятельная наука, по сути, так и не став ею (Мазилев, 2021а).

Хотим мы того или нет, интеграция психологического знания представляет ныне единственный выход из сложившейся ситуации. Перспективы возможной интеграции будут обсуждаться в заключительной третьей части настоящей статьи.

II

Сейчас обратимся к другому аспекту той же многогранной проблемы интеграции психологического знания. Познание психического отличается от познания физического мира, хотя в любом процессе научного познания, конечно, имеет место некоторое моделирование. В сфере изучения психики есть своя явная специфика, пусть она не всегда заметна.

Предшествующие исследования показали, что понимание сложных психических явлений имеет свои механизмы. Первоначально они обнаружили при изучении процессов, происходящих у исследователя–психолога в процессе планирования научного исследования и получили название «предтеории», потом обнаружилось, что эти феномены универсальны и возникают всегда, когда происходит понимание сложных психических явлений. Психическое явление представляет собой абстракцию, которая не может исследоваться, не подвергнувшись некоторой конкретизации. Речь идет о трансформации исходной абстракции практически одновременно по трем направлениям: выбор основной идеи метода, выбор базовой категории, конструирование моделирующих представлений.

Не имея возможности в рамках настоящего текста обсудить этот вопрос с надлежащей полнотой, отошлем к другим публикациям (Мазилев, 2020; Мазилев, 2020а; Мазилев, 2021).

В процессе понимания выбирается один из трех возможных вариантов, определяющих «идею» предмета и метода: либо субъективный вариант, «от самосознания», предполагающий ориентацию на субъективный метод, либо объективный – «от поведения», предполагающий объективный метод, либо комплексный — представления таковы, что предполагают использование сочетания этих возможностей.

Выбирается базовая категория, задающая общую стратегию понимания рассматриваемого явления. Основные базовые категории: структура, функция, процесс, уровень, генезис (или их сочетание).

Собственно «моделирующие представления». Моделирующие представления всегда являются искусственной конструкцией, привлекаемой для понимания и объяснения. Согласно Н.Г. Алексееву, моделирующие представления «обеспечивают целостность последовательности процедур и могут содержать некоторые обоснования на этот счет. Подобные схемы, как правило, замыкаются на некоторый образ материальных предметов и связей между ними (Алексеев, 1971).

Будем помнить, что рассмотрение психики неизбежно предполагает замену исходной абстракции (в силу ее труднодостижимости и сложности для понимания): происходит замена непостижимого объекта другим, более доступным для понимания. Поэтому, когда мы говорим о психике, в действительности рано или поздно в нашем рассуждении появляются такие понятия, как «отражение», «деятельность», «поведение», «регуляция», «адаптация», «личность», «ориентировка» и пр.

Таким образом, понятно, что предмет психологии в действительности имеет достаточно сложную структуру, включающую в себя различные компоненты. Можно говорить о декларируемом предмете. В настоящее время под декларируемым предметом обычно имеется в виду «психика», поскольку именно она заявляется в большинстве публикаций качестве предмета психологической науки.

Поэтому в действительности используется «заместитель» декларируемого предмета – отражение, деятельность, поведение и тому подобное, который уместно именовать рационализированным предметом. И, наконец, тот конструкт, который порождается при участии моделирующих представлений, вполне заслуживает наименование реального предмета.

Вернемся к продукту, который формируется у исследователя (подчеркнем, что процесс формирования его обычно не осознается). Будем называть его предтеорией, подчеркивая тем самым, что это начало исследования, но вовсе не его результат. Вот это и выступает в качестве реального предмета исследования. Именно с ним исследователь производит познавательные и исследовательские действия, исходя из него выстраивается метод. Еще раз подчеркнем, что все описанные нами выше процессы происходят не на сознательном уровне исследователя. Сам исследователь вероятно объяснит свои выборы и сделанные ограничения как интуицию и будет абсолютно прав: эти процессы исследователем не осознаются. Уместно здесь заметить, что именно из предтеории рождаются гипотезы – вероятные

предположения о предмете исследования, которые будут проверяться. Предтеория синтезирует и имеющееся личностное знание, и потенциально возможные направления его развития. Обратим внимание, что любое осмысленное психологическое исследование – и теоретическое, и экспериментальное, и любое эмпирическое – предполагает ту или иную предтеорию. Это явление универсальное.

И еще один, принципиально важный момент. Выше нами рассматривался вопрос о многовариантности психологических теорий, трактующих одно и то же психическое явление и расцениваемых авторами как общие теории. Попробуем предельно кратко рассмотреть этот вопрос в свете рассмотренных вышеописанных процессов моделирования.

Предположим, что рассматривается, например, мышление. Поскольку мышление как психическое явление представляет собой абстракцию, то прежде чем мышление станет предметом исследования происходит следующее.

Выбирается идея метода. Или предполагается использовать феноменологический метод, мышление вслух, словесные отчеты испытуемых и т.д., или же фиксировать движения взора, миограммы речевых мышц, физиологические корреляты эмоций и т.д. Как уже упоминалось выше, возможно комплексное использование методов обеих групп.

Выбирается базовая категория. Мышление может рассматриваться как структура, как функция, как процесс, а также с позиции его генезиса и уровня организации. Как выше упоминалось, могут использоваться сочетания базовых категорий.

Наконец, моделирующие представления. Как отмечалось, требуется, выражаясь языком Н.Г. Алексеева, «замыкание» на некоторый образ материальных предметов, то есть «неуловимое» мышление должно предстать в каком-то более осязаемом обличье. История психологии свидетельствует, что вариантов было очень много. В XIX столетии это «полипняк образов», то есть соединение представлений (по И. Тэню); направленное течение представлений; рассуждение, ориентированное на достижение цели и т.д. (Мазиллов, 1998). В вюрцбургской школе впервые появляется такое моделирующее представление как решение задачи, которое в дальнейшем заняло доминирующие позиции. Однако изобретение метода решения задач не способствовало унификации, так как задач оказалось множество: это и механические головоломки, и прохождение лабиринта, и задачи стандартные, и задачи, требующие догадки... Задачи, требующие специальных знаний (математические, физические, химические и т.д.) и задачи, таковых не требующие.

Понятно, различные задачи связаны с различными базовыми категориями, различными методами. Специальные исследования такую связь подтверждают (Мазиллов, 1998). Выбор всегда осуществляется так, чтобы подтвердилось исходное предположение, заложенное в предтеории. Как представляется, из сказанного выше ясно, что сочетания моделирующих представлений, базовых категорий и идей метода приводят в результате проведенного исследования к формулированию множества различных теорий. Самое печальное в этой ситуации, на наш взгляд, то, что авторы, не уделяя традиционно должного внимания методологическому анализу, позиционируют свои научные результаты как теории мышления вообще, общие теории, тогда как они таковыми не являются, ибо получены на конкретном специфическом материале. То есть в самом лучшем случае это лишь частная, парциальная теория мышления, но никак не общая. Если к сказанному добавить распространенное заблуждение, согласно которому теории несоизмеримы, то мы получаем набор психологических теорий мышления, не соотнесенных между собой и претендующих на статус теорий мышления в целом.

Как нам представляется, из этой ситуации есть выход. Если продолжать говорить о мышлении, которое мы взяли в качестве примера, то необходимо в первую очередь разработать полную классификацию мыслительных задач, которые используются в качестве моделирующих представлений. Созданные теории необходимо рассматривать именно как парциальные. Соотносить их возможно, используя процедуры, предусмотренные коммуникативной методологией. Как представляется, это логичный путь к разработке более общих теорий мышления, построенных на материале групп, классов задач, их типов. Видимо, это и есть возможный путь к общей теории решения мыслительных задач. Психологическая теория мышления видится как итог этой работы, когда аналогичная работа будет проведена по исследованиям мышления, основанных на других моделях.

III

В первой части настоящей статьи был сделан вывод о том, что современная психология идет по пути, обозначенному как «от единицы анализа к теоретической конструкции в целом». Заметим, что, по нашему мнению, этот путь далек от идеала. Дело в том, что психологическое познание имеет свои закономерности, о чем часто забывают. Не имея возможности раскрыть это в настоящем тексте, отошлем к подробному описанию (Мазиллов, 2020).

Однако, может быть найден и другой путь. Этот другой путь сформулирован в работах В.Д.Шадрикова. Суть состоит в том, что предмет психологии понимается как целое, внутри которого по-новому осмысляются отношения между составляющими.

В качестве такового авторами было предложено рассматривать внутренний мир человека (Шадриков, 2006; Шадриков, 2015). Была проведена проверка, которая показала, что конструкт «внутренний мир человека» удовлетворительно выполняет функции, которые должен выполнять предмет психологии в структуре психологического знания и обладает необходимыми характеристиками (см. подробнее: (Мазилев, 2020).

Поскольку данная трактовка была эксплицирована во многих публикациях (Шадриков, 2006; Шадриков, 2015; Мазилев, 2020), не будем здесь ее приводить, лишь отметим некоторые моменты.

Предмет в такой трактовке понимается как совокупный, т.е. охватывает всю психическую реальность.

Внутренний мир человека представляет собой сложное образование, имеющее онтологический статус.

Внутренний мир человека имеет свою архитектуру, позволяющую операционализировать внутренний мир и приступить к его исследованию. Основными моментами, определяющими архитектуру внутреннего мира, является его уровневое строение и наличие структур: выделены индивидуальный, субъектный и личностный уровни. Входящие в состав внутреннего мира структурные компоненты в целом соответствуют традиционному выделению психических явлений. Новым является переосмысление категорий «способности» и «мысль», что позволяет рассматривать внутренний мир как реальное единство компонентов. Например, переосмысление категории способности позволяет рассматривать психические процессы и психические свойства человека не как различные составляющие, но как образующие единство. Ясно, что, разделяя психику на отдельные психические процессы, рассматривая их сами по себе, психические свойства и состояния как отдельные психические явления, мы закрываем дорогу для осмысления внутреннего мира как целого. Единство внутреннему миру дает новое понимание способностей, которые соединяют психологические свойства человека и его психические процессы.

Добавим к этому, что способности имеют уровневое строение, могут быть выделены индивидуальный, субъектный и личностный уровни, что придает внутреннему миру объемность. На личностном уровне, в частности, появляются духовные состояния, что позволяет говорить о духовных способностях. Таким образом, архитектура внутреннего мира предстает целостной и объемной, что создает возможность использовать ее как платформу для интеграции психологического знания.

Использование категории внутренний мир человека позволяет удовлетворительно решить психофизиологическую проблему.

Наконец, отметим, что использование категории внутренний мир в качестве предмета позволяет вернуть в психологию возможности объяснения, в том числе и причинно-следственного (см. подробно: (Мазилев, 2020)).

В 1890 году Уильям Джемс писал о том, что были мыслители, отрицавшие существование внешнего мира, но в существовании внутреннего мира никто не сомневался. Предлагается вернуть внутренний мир в качестве предмета психологии. Сегодня мы понимаем, что внутренний мир существует реально, имеет онтологический статус. Стоит специально подчеркнуть, что такая позиция представляет собой в известном смысле возврат к традиционным взглядам на психологию, продолжает традиции классической психологии, но на новом уровне.

Конечно, вышеизложенное стоит интерпретировать как первые шаги в заявленном направлении. Впереди долгий путь, требующий многих усилий.

Первоочередной задачей психологии внутреннего мира человека является исследование того, как внутренний мир человека – психологическая функциональная система – порождает и обеспечивает функционирование образа мира.

И – в заключение – несколько соображений о том, что содержалось во второй части статьи.

Поэтому психология – если бросить беспристрастный взгляд – поражает огромным количеством различных теорий. Ситуация обостряется тем, что авторам-психологам представляется удобным помнить про работы Т.Куна и П.Фейерабенда, акцентируя тот момент, что теории (как и факты) являются несоизмеримыми. Не имея возможности обсуждать здесь эту тему, скажем, что применительно к психологии несоизмеримость не доказана. Исследования приводят к выводу о принципиальной соизмеримости теорий одного уровня в психологии, поскольку теория (и факт) обычно рассматриваются в

целом, что и создает впечатление несоизмеримости. В действительности – если осуществить специальный анализ – могут быть обнаружены инвариантные структуры, обеспечивающие сопоставимость различных теорий (см. подробнее: (Мазиллов, 2020б)).

Созданные теории необходимо рассматривать именно как парциальные. Соотносить их возможно, используя процедуры, предусмотренные коммуникативной методологией (Мазиллов, 2017; Мазиллов, 2020). Не имея возможности описывать здесь коммуникативную методологию в целом, отметим лишь, что принципиальная новизна подхода, реализуемого в коммуникативной методологии состоит в том, что сопоставляются не завершенные оформленные психологические концепции одного уровня, а предтеории, которые, как оказалось, являются структурными инвариантами, поэтому их компоненты соотносимы. В случае использования для соотнесения готовых теорий мы сравниваем две теории мышления (эмоций, личности, деятельности и т.д.), в результате чего складывается стойкое впечатление, что не совпадают значения терминов, поэтому проще сказать, что теории несоизмеримы. В коммуникативной методологии предлагается сопоставлять компоненты предтеории, которые автором не формулируются и очень часто вообще не осознаются, но зато оказываются подлежащими реконструкции и соотносимыми исследователем–методологом.

Как можно было видеть, решать проблему интеграции без философско-психологической, методологической и инструментальной проработки практически невозможно. В любом случае, если психология хочет сохранить свой статус фундаментальной научной дисциплины, работа по интеграции совершенно необходима.

Библиографический список

1. Алексеев Н.Г. О психологических методах изучения творчества / Н.Г.Алексеев, Э.Г.Юдин // Проблемы научного творчества в современной психологии / Под ред. М.Г.Ярошевского. М.: Наука, 1971. с. 151-203
2. Вундт В. Основания физиологической психологии. М.: Типогр. М.Н.Лаврова и Ко., 1880. 1040 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1934. 344 с.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений. т.1. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
5. Гербарт И. Ф. Психология. СПб.: Изд. редакции журнала «Пантеон литературы», 1895. 278 с.
6. Зинченко, В. П., Смирнов, С. Д. Методологические вопросы психологии. М.: МГУ, 1983. 164 с.
7. Мазиллов, В.А. De anima: Предмет психологии и границы его постижения // Высшее образование сегодня, № 6, 2019, С. 60-70.
8. Мазиллов В.А. О природе научного психологического знания// Социальное и профессиональное становление личности в эпоху больших вызовов. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. с.94-102
9. Мазиллов В.А. Предмет психологии. Монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. 186 с.
10. Мазиллов В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. 419 с.
11. Мазиллов В.А. Современная общая психология: ключевые методологические проблемы // Методология современной психологии. Вып. 12 /Сб. под ред. Козлова В.В., Карпова А.В., Мазилова В.А., Петренко В.Ф. – М.-Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2020а. С.92-110
12. Мазиллов В.А. О соизмеримости теорий в современной психологии // Наука как общественное благо: сборник научных статей / Научн. ред. и сост. И.Т. Касавин, Л.В. Шиповалова: В 7 томах. Т. 2. Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2020б, с. 121-124
13. Мазиллов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998. 356 с.
14. Мазиллов В.А. Психология в борьбе за существование // Методология современной психологии. Вып. 13 /Сб. под ред. Козлова В.В., Карпова А.В., Мазилова В.А., Петренко В.Ф. – М-Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2021, с.259-286
15. Роговин М.С. Введение в психологию. М., 1969. 384 с.
16. Роговин М.С. Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории: автореф. дис. ... док. пед. наук. – М., 1968. – 28 с
17. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. Изд. второе. М.: Гос. уч.-пед. изд-во мин. просв. РСФСР, 1946. 704 с.
18. Фресс, П. Развитие экспериментальной психологии // Экспериментальная психология / Ред. П.Фресс, Ж.Пиаже. Вып.1,2. М.: Прогресс, 1966, с.15-98.
19. Хейстад У.М.. История души. М.: Текст, 2018. – 477 с.
20. Шадриков В.Д. Внутренний мир человека. Москва : Логос, 2006. 386 с.
21. Шадриков В.Д., Мазиллов В.А. Общая психология. Москва : Юрайт, 2015. 411 с.
22. Шадриков В.Д. Способности и одаренность человека. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2019. 274 с.
23. Юревич А.В. Психология в современном обществе // Психологический журнал, № 6, т.29, 2008, с. 5-14

24. Wollf Ch. Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosophiae practicae actheologicae naturalis tractationem via sternitur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1738. 720 S.
25. Wollf Ch. Psychologia rationalis, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide innotescunt, per essentiam et naturam animae explicantur et ad intimiorem naturae ejusque autoris cognitionem profutura propontur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1734. 680 S.
26. Wundt W. Vorlesungen über die Menschen und Thiereseele. Leipzig: Boss, 1863–1864. Bd. 1. XIV, 491 S.; Bd. 2. VII, 463 S.
27. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874. XII, 870 S.

УДК 159.9

В.П. Позняков

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ К.К. ПЛАТОНОВА О СИСТЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. В докладе представлены результаты анализа представлений выдающегося российского психолога советского периода К.К. Платонова о предмете социальной психологии, её месте в системе психологических наук, междисциплинарных связях и отраслях. Излагаются авторские представления об интеграционных процессах в развитии социально-психологического научного знания. Рассматривается история и перспективы появления новых отраслей социальной психологии на стыке с другими науками, изучающими человека и общество. Результаты исследования показывают, что формирование новых отраслей и направлений в отечественной социальной психологии проходит по различным основаниям. Перспективы интеграции социально-психологического знания видятся автором в развитии междисциплинарных исследований новых социальных явлений и проблем развития российского общества.

Ключевые слова: К.К. Платонов, история психологии, социальная психология, система психологических наук, интеграция, междисциплинарные исследования, социально ориентированные отрасли психологии.

V.P. Pozniakov

K.K. PLATONOV ON THE SYSTEM OF PSYCHOLOGICAL SCIENCES AND MODERN TRENDS IN DIFFERENTIATION AND INTEGRATION IN RUSSIAN SOCIAL PSYCHOLOGY

Abstract. The report presents the results of the analysis of the views of the outstanding Russian psychologist of the Soviet period, K. K. Platonov, on the subject of social psychology, its place in the system of psychological sciences, interdisciplinary relations and branches. The author's ideas about integration processes in the development of socio-psychological scientific knowledge are presented. The article deals with the history and prospects of the emergence of new branches of social psychology at the intersection with other sciences that study man and society. The results of the study show that the formation of new branches and directions in Russian social psychology takes place on various grounds. The author sees the prospects for the integration of socio-psychological knowledge in the development of interdisciplinary research of new social phenomena and problems of the development of Russian society.

Keywords: K. K. Platonov, history of psychology, social psychology, system of psychological sciences, integration, interdisciplinary research, socially oriented branches of psychology.

Работа выполнена по госзаданию № 0138029-2021-0001

Обсуждение теоретических, методологических и прикладных проблем интеграции в психологии стало уже доброй традицией ярославской психологической школы (Интеграция в психологии..., 2020). Этому во многом способствовала и способствует научная и организаторская активность инициатора и идейного лидера этих конференций, одного из ведущих теоретиков и методологов современной

отечественной психологии В.А. Мазилова (Мазилов, 2008, 2015 и др.). Проведение нашей конференции и публикация её материалов совпали по времени с памятной для психологов датой. 7 июня 1906 года, сто пятнадцать лет назад, родился Константин Константинович Платонов – выдающийся российский советский психолог, внёсший значительный вклад в развитие отечественной психологической науки, стоявший у истоков целого ряда её отраслей и направлений: психологии труда и авиационной психологии, медицинской психологии и психологии религии психологии (Кольцова, Журавлёв, 2020, и мн. др.). В заключительный период своей творческой жизни Платонов много сил отдал задаче восстановления и развития отечественной социальной психологии, отстаивая авторские представления о её предмете, задачах, основных направлениях исследования и отраслях. Вместе с Борисом Фёдоровичем Ломовым и Екатериной Васильевной Шороховой Платонов по праву считается одним из основателей российской академической школы социальной психологии, сложившейся в Институте психологии АН СССР в 1970-е годы. Платонов одним из первых в российской психологической науке сделал попытку систематизации понятий научной психологии и отраслей психологического знания. В докладе представления К.К. Платонова о месте социальной психологии в системе психологических наук, её междисциплинарных связях и отраслях рассматриваются в контексте современных тенденций дифференциации и интеграции социальной психологии.

Теоретические представления Платонова о предмете и задачах социальной психологии сформировались в период острых дискуссий по данному вопросу, проходивших в научном сообществе в начале 1960-х годов (Журавлёв, Почебут и др.). В ходе этих дискуссий Платонов последовательно отстаивал идею о праве социальной психологии на статус самостоятельной отрасли психологической науки. Этот тезис Платонов аргументировал положением о том, что предметом социальной психологии являются психические явления. В качестве основных объектов исследования социальной психологии Платонов выделял личность, т.е. человека как представителя общества, участника общественных отношений, субъекта сознания, а также различного рода социальные общности, большие и малые группы людей, в рамках которых они связаны общением и взаимодействием, в процессе которого устанавливаются и реализуются объективные социальные связи между людьми и социальными группами – общественные отношения (Платонов, 1971). Атрибутивным признаком, выделяющим социальную психологию в системе психологических наук, по мнению автора, является то, что в рамках социальной психологии исследуются закономерности психических явлений, свойственные личности только в группе или характеризующие только группу людей.

В более ранних публикациях (Платонов, 1971) для обозначения круга явлений, изучаемых социальной психологией, её предмета и названия самой науки Платонов использовал термин «общественная психология». В более поздних работах он разделял онтологическое и гносеологическое значение этих терминов, говоря о социальной психологии как отрасли психологической науки и сохраняя определение «общественная психология» для определения исследуемых явлений (Платонов, 1975; Платонов, 1982). В современных публикациях термин общественная психология практически не используется, хотя при этом каждый раз возникает необходимость пояснения смысла использования термина «социальная психология». Когда авторы говорят и пишут об особенностях социальной психологии представителей различных социальных общностей (этнических, демографических, профессиональных и пр.) этот термин по-прежнему используется в онтологическом смысле, а когда речь заходит об определении конкретного научного направления социальной психологии или её отрасли – в гносеологическом. Впрочем, такого рода омонимы встречаются и в ряде других наук, примером чего может служить термин «экономика», который в русском языке используется и для обозначения онтологических явлений, связанных с данной сферой общественной жизни (хозяйство, производство, обмен и потребление), и для названия науки, которая эти явления изучает. Я обращаю внимание читателей на эту, казалось бы, исключительно терминологическую проблему, потому, что в значениях используемых терминов (в данном случае – общественная и социальная) есть существенные различия. Дело в том, что определение «социальный» в научном обороте нередко используется для обозначения групповых форм жизнедеятельности и поведения, характерных не только для людей, личностей, представителей различных социальных групп и носителей сознания, но и для обозначения групповых форм жизнедеятельности и поведения животных и даже микроорганизмов (Панов, 2011). Определение же «общественный», по крайней мере, в русском языке, прямо указывает на то, что речь идёт о явлениях, характерных и специфичных для человеческого общества с присущими ему атрибутивными признаками (производство, культура, язык, идеология и, конечно же, общественная психология).

На мой взгляд, именно этой терминологической проблемой, в том числе, объясняется активное обращение в последние годы отечественных психологов к использованию понятия «менталитет», ко-

торое сформировалась в рамках общественных наук (истории, этнографии, культурологи и пр.), имеющих давние междисциплинарные связи с психологической наукой, но предпочитающих вводить и использовать для обозначения явлений, безусловно имеющих явно психологический смысл, свои понятия, отличные от традиционных понятий социальной психологии. И психологии вынуждены обращаться к этому термину и давать ему толкование с использованием терминов, принятых в психологической науке (См.: Кольцова, Журавлев, 2018; Юревич, 2013 и др.). На мой взгляд, это, как раз пример того самого «стыка» наук, о котором писал в своё время Платонов, подчёркивая, что стык это не соприкосновение, а взаимопроникновение (Платонов, 1971), при котором каждая из «стыкующихся» наук, изучающих сходные объекты и явления, стремится сохранить свой собственный предмет, методы и систему понятий.

В этой связи хочется обратить внимание на ещё один важный теоретический вопрос, сформулированный в работах Платонова. Утверждая статус социальной психологии как отрасли психологической науки, имеющей в качестве своего предмета человеческую психику и сознание, Платонов, вместе с тем, прямо заявляет, что объектами, изучаемыми социальной психологией, выступают не только отдельные люди, личности, индивидуальные носители, субъекты психики и сознания, но и человеческие общности. Именно на этом основании он предлагает разделять психологию индивидуальную и общественную (социальную) как отрасли психологической науки (Платонов, 1982). Однако, если рассматривать психику и сознание с позиций философского материализма, а Платонов твёрдо и последовательно придерживался этой позиции, онтологически носителем и психики, и сознания может выступать только отдельный человек, личность. Какой же смысл вкладывает Платонов в активно используемые им для обозначения явлений общественной психологии термины «групповая психология», «групповое сознание»? Этот вопрос сохраняет свою актуальность и для современной социальной психологии, важными разделами которой признаются такие направления, как психология больших и малых групп, а в системе понятий активно используются термины групповой (или коллективный) субъект (психических явлений). Платонов даёт на этот вопрос однозначный ответ. В процессе совместной жизнедеятельности, у людей, входящих в одни и те же группы (общности) в процессе совместной деятельности и общения формируются сходные, похожие, характерные для представителей данной группы (общности) и отличные от представителей других групп (общностей) психологические особенности (знания, представления, ценности и т.п.). При этом в группе могут выделяться индивиды (отдельные её члены), более или менее ярко выражающие и проявляющие эти характерные для группы в целом психологические особенности. В этом, и только в этом, подчёркивает Платонов смысле, можно говорить о явлениях группового сознания и массовидных психических явлениях. Тем самым, в рамках социальной психологии сохраняется единство и предмета психологической науки (явления психики и сознания человека), и её метода (основным методом социально-психологических исследований по-прежнему выступают различного рода опросы, участниками которых являются индивидуальные респонденты). Вместе с тем, результаты эмпирических исследований психологических особенностей представителей тех или иных социальных групп (общностей) позволяют выделять, анализировать и интерпретировать как общие, характерные для представителей данной группы особенности психики и сознания, так и специфические свойства, различающие представителей разных групп. В этой связи хочется ещё раз обратить внимание читателей на богатство и мудрость русского языка, в котором слова, используемые социальной психологией как термины для обозначения её основных понятий: «общность (группа людей)», «общение (взаимодействие между людьми, предполагающее связь между его участниками, т.е. наличие группы)», «общество (объединение людей и человеческих общностей)», «общее (сходное, разделяемое членами группы)», имеют общий для всех смысловой корень, имеющий смысл не просто взаимодействия, но объединения, сходства вплоть до единства.

Проанализировав представления Платонова о предмете социальной психологии и её основных объектах в контексте современного состояния исследований в той области, перейдём ко второму вопросу – о взаимосвязях социальной психологии с другими научными дисциплинами и отраслями психологической науки и о структуре самой социальной психологии, её разделах, отраслях и научных направлениях. Отметим, что взгляды самого Платонова по данному вопросу менялись на протяжении его жизни и научной деятельности. Достаточно сравнить содержание двух его монографий, специально посвящённых, в том числе, данной проблеме (Платонов, 1972, 1982). Наиболее полно и в окончательном (для автора) виде эти взгляды представлены в последней, прижизненно опубликованной монографии (Платонов, 1982). Здесь автор, обращает внимание на то, что ранние попытки построения системы психологической науки, в том числе и его собственные, требуют пересмотра: «Теперь уже очевидно, что построить систему психологических наук, располагая эти науки и их отрасли в линейном порядке,

невозможно. Трудно их уложить и в двухмерную систему блоков. Это показали, в частности, как приведённые в предыдущем параграфе классификации (речь идёт о классификации психологических наук, представленной в библиотечно-библиографической квалификации для научных библиотек, содержащих раздел «Психология», и классификации психологических наук, входящих в номенклатуру учёных степеней кандидатов и докторов психологических наук - прим. авт.), так и мои попытки дать такой проект системы» (здесь Платонов ссылается на свою первую монографию 1972 года (Платонов, 1972) -- прим. авт.). И далее автор предлагает использовать в качестве модели системы психологических наук образ дерева, имеющего корни (философские проблемы психологии), комель, переход корней в ствол (история психологии) и основной ствол общей психологии, предметом которой являются общие закономерности психики, на понимание ею которых опираются все частные психологические науки. «В свою очередь, «ствол общей психологии разделяется на два ствола: индивидуальной психологии и социальной психологии, конечные ветви которых частично не только переплетаются, но и срastaются между собой так же, как срastaются вершины этих двух стволов» (Платонов, 1982, с. 287). Обращаю внимание читателя на то, что термин «отрасль», используемый не только в психологической науке, но и в науковедении для обозначения частей, структурных элементов науки, очень близок по смыслу образу дерева науки, предлагаемому Платоновым. Важнейшее качество этого образа, с точки зрения более общей проблемы интеграции в психологии, которой посвящена данная конференция – именно единство, целостность, интегрированность психологического знания (одно дерево), предполагающее, вместе с тем, с одной стороны, внутреннюю дифференциацию (разветвление), а с другой, – рост, развитие, появление новых ветвей и направлений будущего роста, питающихся от общих корней и отходящих от общего ствола.

В предлагаемой Платоновым системе психологических наук социальной психологии уделяется очень важное место. Речь идёт не просто об одной из отраслей психологии, как это было представлено в предыдущей монографии. Платонов предлагает рассматривать социальную психологию как один из двух мощных стволов психологической науки, вторым из которых является индивидуальная психология. В рамках данной статьи нас интересует именно первый ствол, который, как и дерево психологической науки в целом, характеризуется и целостностью, единством, так и актуальными и потенциальными направлениями роста, развития. «От ствола социальной психологии после ветвей её методологии и истории отходят ветви палеопсихологии (лежащей на пересечении с археологией), исторической психологии (с историей и искусствоведением) и этнопсихологии (с этнографией). Здесь же, с передней стороны, отходит ветвь психологии религии, имеющей предметом различные проявления религиозной психологии. ... Несколько выше на стволе социальной психологии находится ветвь национальной психологии, выше которой ствол опять раздваивается» (Платонов, 1982, с. 290). В качестве первого разветвления ствола социальной психологии Платонов предлагает выделить две группы её отраслей, которые он обозначает как группу коммуникативно-психологических наук и группу наук психологии труда. К первой группе Платонов относит психологию спорта, педагогическую психологию и юридическую психологию. В качестве отраслей, относящихся ко второй группе, Платонов называет военную психологию, авиационную психологию и развивающуюся на её основе космическую психологию, а также инженерную психологию. В качестве относительно самостоятельных направлений психологии труда автор называет психологию профессионально-технического образования и психологическую трудовую экспертизу. Предложенная Платоновым классификация отраслей социальной психологии, как и система психологических наук в целом, безусловно, может вызвать у современного исследователя ряд вопросов и возражений. Я хотел бы обратить внимание на некоторые конструктивные, позитивные её особенности. Это, во-первых, последовательная и чёткая авторская позиция в отношении предмета социальной психологии и её отраслей (о чём я писал уже в начале статьи) и, во-вторых, эмпирическая обоснованность предлагаемой классификации. Она не является простой теоретической схемой, а отражает реальное состояние отечественной психологической науки (и социальной психологии, в частности), того исторического периода, когда создавалась автором. И, так же, как символизирующий её образ дерева, может рассматриваться как живой, растущий организм, имеющий перспективы роста, изменения, развития.

К.К. Платонов, характеризуя систему психологического знания, в качестве внешних условий дифференциации психологических наук называет «связи психологической науки с другими науками и обслуживаемыми ими отраслями практики, совместное решение с ними теоретических вопросов, необходимых для практики этой смежной науки, однако при преобладающем значении теории психологической науки. В силу последнего эти появляющиеся на стыках науки остаются именно психологическими науками или их отраслями» (Платонов, 1982, с. 280). В качестве отраслей социальной психологии, сложившихся к тому времени, Платонов называл палеопсихологию, историческую психологию,

этнопсихологию и психологию религии, в качестве перспективных, оформляющихся отраслей - экономическую психологию, психологию искусства и психологию спорта (там же).

По нашему мнению, необходимо уточнение оснований и механизмов формирования новых отраслей психологической науки в целом и социальной психологии в частности. А.Л. Журавлёв, рассматривая процессы дифференциации и интеграции в социальной психологии, в качестве оснований дифференциации выделяет следующие: ведущая ориентация на различные (теоретический, эмпирический, в частности, экспериментальный и практический) методы анализа, изучение различных видов жизнедеятельности человека и его общностей, приложение социально-психологических знаний в различных сферах общественной жизни и основные объекты исследования (Социальная психология, 2002, с. 5-9). Если говорить о теоретическом уровне интеграции социальной психологии с другими фундаментальными науками, например, с экономикой, политологией, менеджментом, здесь отчётливо наблюдается тенденция развития теоретических представлений о законах общественной жизни в целом и её отдельных сферах, изучаемых соответствующими общественными науками (соответственно, о социологии, экономике, правоведении, политике, управлении и пр.) в рамках обеих «материнских» дисциплин. Примером использования теоретических подходов и концептуального аппарата психологии в смежных науках могут служить психологическое направление в социологии, субъективная школа в экономике и т.д. В свою очередь, в структуре самой социальной психологии в качестве её самостоятельных отраслей отчётливо сложились и приобрели статус самостоятельных отраслей экономическая социальная психологи, социальная психология труда, юридическая психология, политическая психология, психология управления. Такой двойной статус прикладных отраслей социальной психологии неоднократно отмечал А.Л. Журавлёв (Журавлёв, 2011). Однако в отношении целого ряда других отраслей социальной психологии, также вполне заслуженно признаваемых научным сообществом в качестве самостоятельных её отраслей, основания и механизмы их появления существенно различаются. В качестве таких оснований можно выделить, как минимум, следующие. Во-первых, это сферы общественной практики и виды социальной деятельности, в рамках которых и для обслуживания которых проводятся теоретико-эмпирические и прикладные исследования в области социальной психологии. Поле сложившихся, оформившихся и потенциальных, формирующихся отраслей социальной психологии поистине неисчерпаемо. Какую бы сферу общественной практики мы не взяли в качестве объекта научного изучения, поскольку речь идёт о сфере социального взаимодействия, совместной деятельности и общения между людьми, она (эта сфера) реально или потенциально выступает объектом, в том числе, социально-психологического исследования. Здесь можно назвать такие, общепризнанные в качестве относительно самостоятельных отраслей социальной психологии, дисциплины, как психология торговли, психология рекламы, психология предпринимательства, психология религии, психология искусства, и мн. др. В свою очередь, в рамках этих отраслей социальной психологии можно выделить направления исследований, ориентированные, прежде всего, на поиск новых эмпирических фактов и закономерностей о человеческом общении и взаимодействии между людьми в рамках соответствующих сфер общественной практики, и направления исследований и практических разработок, ориентированные, прежде всего, на приложение теоретических положений, исследовательских и диагностических методов и сформированных на их основе рекомендаций на практике. Не случайно, в последние годы психологическое образование становится признанным элементом специального высшего образования специалистов самого широкого профиля (экономистов, юристов, менеджеров, врачей, педагогов и мн. др.), издаются многочисленные учебные пособия, где в популярной форме излагаются практически ориентированные сведения в области социальной психологии. Наконец, специально можно выделить научные направления, которые также обладают многими признаками относительно самостоятельных отраслей социальной психологии, отличающиеся по механизмам и основаниям своего выделения. В качестве примера можно привести, с одной стороны, такие отрасли и разделы современной социальной психологии, как социальная психология конфликта, психология влияния, психология дискурса, с другой стороны – психологию агрессии, психологию паники, психологию влечения и эмоционально близких отношений. Нетрудно заметить, что в приведённых примерах в качестве основания для выделения самостоятельного научного направления, а некоторых случаях и самостоятельной отрасли социальной психологии, выступают сами социально-психологические явления, прежде всего, феномены межличностного, межгруппового взаимодействия и массовой психологии, которые могут проявляться в самых разных сферах общественной жизни и закономерности протекания которых, в силу их высокой значимости, могут и должны изучаться и учитываться в самых разных отраслях общественной практики. В современных публикациях, посвящённых истории, методологии и теории социальной психологии авторы пишут уже не об отраслях социальной психологии, а о «социально-ориентированных отраслях

психологии» (Журавлёв, 2011), о естественно-научной и социогуманитарной парадигмах в психологическом знании (Кольцова, 2018). Приведённые примеры говорят о том, что психологическая наука в целом всё более активно включается в процессы интеграции научных знаний о человеке и обществе. При этом важно, чтобы в процессе интеграции в систему социогуманитарных наук психологическая наука, и социальная психология как одна из её отраслей, наиболее активно участвующая в этом процессе, не утратили специфики своего предмета. Приведённые рассуждения и примеры из истории развития социально-психологического знания не претендуют на формулировку окончательных представлений о структуре социальной психологии, а лишь показывают, что формирование новых её отраслей и направлений проходит по различным основаниям.

Библиографический список

1. Журавлёв А.Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
2. Журавлёв А.Л., Почебут Л.Г. К 60-летию дискуссии о предмете социальной психологии // Психологический журнал. 2019. Т. 40. №34. С. 99-109.
3. Интеграция в психологии: Теория, методология, практика. Материалы III национальной научно-практической конференции с международным участием / Под научной редакцией В.А. Мазилова. Издательство: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. Ярославль, 2020.
4. Кольцова В.А. Гуманитарное знание: история и перспективы развития / Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития // Под ред. А.Л. Журавлёва, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
5. Кольцова В.А., Журавлёв А.Л. Платонов Константин Константинович. Жизнь и научное творчество / Выдающиеся учёные Института психологии РАН // Ред. А.Л. Журавлёв. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 303-328.
6. Кольцова В.А., Журавлев А.Л. Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета / Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
7. Мазилев В.А. Интеграция психологического знания. Ярославль: МАПН, 2008.
8. Мазилев, В.А. Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы // Психологический журнал. 2015. № 3(36). С.87-96.
9. Панов Е.Н. Индивидуальное— коллективное — социальное в природе и в обществе. Бегство от одиночества. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2011.
10. Платонов К.К. Что изучает общественная психология. М.: Изд-во «Знание», 1971.
11. Платонов К.К. О системе психологии. М.: Мысль, 1972.
12. Платонов К.К. Личность как объект социальной психологии // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 71-88.
13. Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. М.: Наука, 1982.
14. Социальная психология. Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: «Пер Сэ», 2002.
15. Юревич А.В. К проблеме базовых компонентов национального менталитета / Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 4. С. 89–100.

РАЗДЕЛ 2

ТЕХНОЛОГИИ ИНТЕГРАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ПСИХОЛОГИИ

**ИНТЕГРАЦИЯ ПОДХОДОВ К ПОСТАНОВКЕ И РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ:
ПРОЕКТ ЧАРЛЗА ВАЙТХЕДА**

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 19-013-00816)*

Аннотация. В статье представлен аналитический обзор проекта интенции научных знаний по проблеме сознания Проект реализован в форме коллективной монографии под названием «Происхождение сознания в социальном мире», под редакцией Чарлза Вайтхеда (The Original of Consciousness in the Social World / Edited by Charles Whitehead). В книге собраны статьи авторов, поддерживающих линию интеграции масштабной совокупности научных представлений о сознании, подкрепляемых изысканиями в сферах нейронауки, когнитивной науки, социальной антропологии, лингвистики, этологии и др. Авторам удалось выстроить новое концептуальное пространство постановки и решения проблемы сознания. В качестве основополагающей категории рассматривается понятие социальных представлений в обновленном после Э. Дюркгейма варианте; субкатегориями выступают понятия: «социальный мозг» (social brain), «социальное экранирование» (social display), «социальные зеркала», коллективные представления и др. Решение трудной проблемы сознания (психофизическая проблема) связывается с преодолением имплицитных установок ученых, ориентированных на эталоны науки Запада в отличие от Востока. Новая отечественная методология позволяет снять остроту противопоставления исследовательских позиций в этой сфере.

Ключевые слова: сознание, социальные представления, культуральная нейронаука, социальный мозг, социальные зеркала, социальное экранирование.

G.V. Akopov

INTEGRATION OF APPROACHES TO THE FORMULATION AND SOLUTION OF THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS: THE PROJECT OF CHARLES WHITEHEAD

Abstract. The article presents an analytical review of the project of the intention of scientific knowledge on the problem of consciousness. The project is implemented in the form of a collective monograph entitled "The Origin of Consciousness in the Social World", edited by Charles Whitehead. The book contains articles by authors who support the line of integration of a large-scale set of scientific ideas about consciousness, supported by research in the fields of neuroscience, cognitive science, social anthropology, linguistics, ethology, etc. The authors managed to build a new conceptual space for posing and solving the problem of consciousness. The concept of social representations in the version updated after E. Durkheim is considered as a fundamental category; subcategories are the concepts: "social brain", "social screening" (social display), "social mirrors", collective representations, etc. The solution to the difficult problem of consciousness (psychophysical problem) is associated with overcoming the implicit attitudes of scientists focused on standards science of the West as opposed to the East. The new domestic methodology makes it possible to remove the acuteness of the opposition of research positions in this area.

Keywords: consciousness, social beliefs, cultural neuroscience, social brain, social mirrors, social display.

Стремительное развитие универсальных технологий во всех сферах жизнедеятельности человека, массовая информатизация и техноориентированная цифровизация, вкупе с новыми экологическими и вирусно-бактериальными угрозами человеческой жизни привели к новой постановке вопроса о месте науки в современном обществе (Наука как..., 2020).

Новому осмыслению целеполагания в социально-экономической жизни человеческих сообществ способствует также масштабный всплеск интереса к проблеме сознания в последней четверти XX века и по настоящее время. Бихевиористская ориентация окончательно потеряла свое доминирующее положение в психологии и смежных с ней науках. Распространение когнитивизма вызвало новую

дифференциацию и интеграцию соответствующих наук. Возникли такие новые направления исследований, как нейронаука, нейрокогнитивная наука, нейролингвистика, нейроэкономика, нейропсихология сознания, наука о сознании и др.

Новые аппаратные методы изучения мозга и мозговых процессов (ЭЭГ, МЭГ, МРТ, ПЭТ, ТМС) определили новые возможности решения психофизической (психофизиологической) проблемы. В зарубежной науке о сознании она приобрела статус трудной проблемы (Hard problem) (Акопов, 2010; Ревонсуо, 2013; Чалмерс, 2013; Honderich, 2014 и др.). В отечественной психологии, развивавшейся более эволюционно и не испытавшей скачкообразного перехода от бихевиоризма к когнитивизму, новые программы исследований сознания (Аллахвердов, 2000; Василюк, 1993; Зинченко, 1991; Карпов, 2011; Петренко, 2013; Райков, 2000 и др.) во многом следуют логике преемственности. Вместе с тем, это совершенно разнокачественные подходы к проблеме сознания (Акопов, Дорошко, 2019). Специфика отечественных и зарубежных исследований (Акопов, 2020) связанная с многомерностью явлений сознания (Петренко, 2013), определяется поиском различных базовых оснований категориальных пространств постановки и соответствующих решений проблемы сознания (Акопов, 2019). Если в российской психологии и смежных науках решения ищут преимущественно в социально-когнитивных категориях, то в англоязычной науке и философии, главным образом, в нейрокогнитивных. Очевидно, что в любом случае основным контекстным фактором является интегративность искомого решения, то есть нахождение такого решения «трудной проблемы» сознания, которое позволит объяснить сознание как целостный феномен.

В новой интегративной модели сознания как многомерного явления должны найти объяснение также моменты единства сознания с множеством других, онтологически и эпистемологически связанных с ним психических явлений. В логике междисциплинарных комплексных и системных изысканий по проблеме сознания, получивших общее наименование «Наука о сознании» в зарубежных англоязычных работах, интегративная модель должна дать ответы на множество вопросов взаимосвязи и взаимообусловленности мозговых процессов с сознанием или поиска так называемых нейронных коррелятов сознания. Еще один вопрос интеграции связан с темой биоэволюции, зарождения и развития сознания, а также социокультурной детерминации сознания. В рамках каждой из перечисленных тем возникает ряд частных, но важных в интегративном плане вопросов. Так, вопрос сущностной дефиниции сознания определяет более или менее широкий спектр представлений как у специалистов, так и у представителей смежных наук (Акопов, 2010; Baruss, 2008). Встречаются как монокачественные (монокатегориальные) дефиниции сознания и соответствующие интегративные модели: сознание-внимание (Graziano, 2015), сознание-смысл (Агафонов, 2003), сознание-рефлексия (Ревонсуо, 2013), сознание-информация и др., так и многомерные (поликатегориальные) теории сознания.

Авторы интегративных теорий сознания в той или иной мере определяют свои методологические позиции, в частности, в отношении физикализма, дуализма, редукционизма и других «измов» (Ревонсуо, 2013; Honderich, 2014; Velmans, 2002), а также в методических аспектах исследований сознания как субъективного явления (позиция от первого лица) - либо объективного явления (позиция от третьего лица).

В связи с тем, что, как мы предполагаем, к началу XXI века интерес к нейрокогнитивным теориям сознания и попыткам их интеграции стабилизировался, дополнительно, либо альтернативно к ним, в англоязычных исследованиях стали публиковаться интеграционные модели социальной и социокультурной ориентации. Это, в частности, работа М. Graziano «Сознание и социальный мозг» и монография «Происхождение сознания в социальном мире» под редакцией Чарлза Вайтхеда (Whitehead, 2008). В первой книге осуществлена попытка выстроить целостную концепцию, объединяющую множество эмпирических исследований и теоретических построений других авторов на основе категории внимания. Предлагаемая автором «схема внимания» изначально структурирована как комплекс нейро- и социо-когнитивных функций, что обеспечивает развитие и проявление социоперцептивных (theory of mind) и само-познавательных способностей на основе соответствующих мозговых процессов.

Если в исследовании М. Грациано осуществлена попытка объяснения социальных свойств сознания посредством интеграции нейрокогнитивных свойств мозга как биологической субстанции, то в коллективной монографии, подготовленной Вайтхедом, предпринята попытка комплексного объяснения явлений сознания социокультурными факторами. С этих методологических позиций, Вайтхед в иной логике рассматривает «трудную проблему» сознания, атрибутируя эту «трудность» социальными представлениями, убеждениями (beliefs), сформировавшимися в науке со времен Галилея. Аргументация Вайтхеда основана на ряде положений, которые, в свою очередь, можно также отнести к классу социальных представлений. В вводной части книги он пишет, что «люди воспринимают и оценивают факты, идеи, мнения по-разному, в зависимости от идеологии общества, в котором живут. Идеология всегда имеет политическую основу (Whitehead, 2008, с.7). И далее: «привилегированный статус науки

в постиндустриальном обществе дает возможность утверждать истинность чего-либо для авансирования исследований» (там же). Понятие «трудная наука», считает Вайтхед, идеологично и дает возможность в применении к одной части нашего опыта говорить об «объективности», ссылаясь на авторитет науки, а к другой – «субъективности», в том смысле, что мнения неученых не так истинны (там же). Эту аргументацию автор Введения дополняет тем, что помимо нейронауки существенную роль в исследованиях сознания играет социальная антропология (там же, с.8). Любые научные данные неизбежно воплощаются в интерпретациях, обусловленных культурой общества, в котором рождены и работают ученые. И это не личные установки или убеждения, а множество коллективно принятых и никогда не подвергаемых сомнению мировоззренческих положений (там же).

Уместно отметить, что о специфике содержательных и формальных характеристик науки той или иной территориальной общности ученых пишут многие исследователи, связывая это с фактором культурно-исторической детерминации менталитета, включая и научный менталитет.

Исследовательская рефлексия Вайтхеда подводит его к отрицанию универсализма западной науки, которая несмотря на мощь и успехи, не избавилась от «культурной эндемичности» с такими свойствами, как этноцентризм, индивидуализм, сексизм и преувеличенная оценка работы в сравнении с игрой. В отношении научных установок в западной науке Вайтхед высказывает сомнения в рациональных основаниях преувеличенного или даже надуманного (invented) физикализма, когнитивизма, логоцентризма, геноцентризма (Whitehead, 2008, с.10).

Отметим также, что тема физикализма – одна из главных в постановках и решениях трудной проблемы сознания и является содержательно сопряженной с устойчивым противопоставлением исследовательских позиций от 1-го или 3-его лица (first person-third person perspective). В последнем случае «эксплуатируется» тема объективного-субъективного знания в науке и мировоззрении. Как известно, в конце XIX-начале XX в.в. эти вопросы были в центре общественного внимания в российской науке в целом и в психологии, в частности. В этом контексте представляет интерес факт смены В.М. Бехтеревым первоначальной ориентации по исследованию сознания (в 1888 г. он опубликовал в Казани книгу «Сознание и его границы») на «объективную психологию», то есть психологию, стоящую на позициях естественных наук как образце объективности (Акопов, 2017).

Как отмечает Вайтхед, только после 50-х годов когнитивная нейронаука обратилась к исследованиям базовых сенсорных процессов человека и животных, а через более чем 30 лет – подошла к изучению «социального мозга» (social brain). По мнению Вайтхеда «западный индивидуализм стал причиной длительной задержки в понимании существенной роли социальности в возникновении и развитии сознания в его реципрокной связи с человеческой психикой и мозгом (Whitehead, 2008, с.15-16). Уже в начале нового века «произошло продуктивное объединение нейронауки с социальной психологией» и оформление нового направления исследований – «социальная когнитивная нейронаука».

Вайтхед считает необходимым включать социальные антропологические знания в нейронаучные исследования сознания, по крайней мере, в следующих направлениях:

1. Кросскультурные изыскания по сопоставимым свойствам сознания для «установления истинности всеобщего характера человеческого сознания и поведения»;
2. Социокультурный анализ науки, научных менталитетов для выявления и «минимизации социально-политических установок в теоретической работе», что позволит вернуться к «исследовательским основаниям» для соответствующей рефлексии (там же, с. 19).

Предваряя изложение центральных тем книги, автор уточняет свою позицию в связи с утверждением, что «сознание per se (по сути) не является проблемой для науки» и в то же время свою одновременную вовлеченность в исследование сознания. Вайтхед принимает науку о сознании как способствующую созданию моделей взаимосвязи и взаимообусловленности внутреннего (ментального) и внешнего миров человека (там же, с.19).

В качестве первой главной темы книги Вайтхед определяет воспринимаемый людьми ментальный опыт (experience), принимаемый ими как значимый, равноценный у себя и у других, разделяемый частично или полностью с другими людьми. Вторая и третья темы связаны с представлениями людей по отношению к реальности в контексте истинности либо иллюзорности этих представлений в их социокультурном оформлении, а также природа воспринимаемой реальности. Обозначенные темы определяют «фундаментальную задачу науки о сознании», решение которой ищется в социальных категориях интересубъективности, социального экранирования (social display) и др. (там же, с. 20).

Понятие социального экранирования играет важную роль в работах многих авторов, представленных в книге. Этим понятием охватывается множество видов активности человека, начиная от экспрессии лица и «языка тела» до «высоко утонченных форм, таких как музыка, танец, пантомимика и

зрительные образы». Социальное экранирование, часто называемое «коллективными репрезентациями», служит объединению культурных сообществ посредством языка, ритуала и других многообразных культурных средств (там же). В этой логике особое значение приобретают исследования по невербальной коммуникации и невербальному социальному поведению. Вайтхед ссылается на работы С. Trevarthen'a по интересубъективности у детей от рождения до 3-х месяцев, а также М. Weisbuch и N. Ambady (лицевая экспрессия и язык тела у взрослых), обозначая роль «невербальной социальной психологии» в развитии таких проявлений сознания, как целенаправленная манипуляция младенцев с объектами и коммуникация с людьми у младенцев. Такая коммуникация превалирует у младенцев, согласно исследованию (там же, с. 21).

В состав понятия «социальный дисплей» можно включить непереуведенное на русский и часто встречающееся в англоязычных работах по сознанию словосочетание “theory of mind” или, реже - “mindreading”. Последнее, достаточно близко по смыслу, можно интерпретировать как способность «прочтения психического состояния» у себя и у других людей. В рассматриваемой монографии “theory of mind” интерпретируется как способность понимать поведение других и свое в терминах внутренних познавательных состояний, т.е. в проявлениях знания чего-либо, веры во что-то, представляемых образов и намерений (там же, с.17). Данная способность подтверждена у высших приматов и у детей, начиная с 3,5 лет.

Другим важным понятием в книге является «социальный мозг». Концепция социального мозга была предложена L. Brothers в проекте по интеграции учения о поведении и нейрофизиологии приматов в новую область научных изысканий. Со своей стороны, Вайтхед видит в этом логику единства нейронауки и социальной антропологии, а в контексте работ R. Terner'a, как всеобъемлющее влияние культуры на функциональную анатомию мозга. Соответственно этому «культурная дифференциация в структурах мозга вероятно соотносится с популяциями» (там же, с. 26).

Концепция социального мозга получила серьезную поддержку в связи с гипотезой «зеркальных нейронов», предложенной учеными из Пармы во главе с G. Rizzolatti. Вместе с тем, Вайтхед, продолжая линию интеграции, помещает в центр исследований сознания социальные представления, неотделимые по убеждению автора, от представлений о реальности в целом (там же, с. 29).

Завершая вводную часть книги, Вайтхед определяет сквозной характер темы социальных представлений во всех трех частях собранной им коллекции научных «репрезентаций» о сознании. Это, в частности, коллективные представления, индуцированные культурой и включающие представления о реальности, в том числе о мозговых (кортикальных) процессах репрезентаций самопознания, самосознания и даже визуальной перцепции, оформляемых релевантной культурой (там же, с. 30). Понятие коллективных репрезентаций включает как истинные представления, так и заблуждения (истинность опровергается, как только ей присваивается статус заблуждения), а также затрагивает причины культурной необходимости «подгонять» (falsity) наши представления о мире и себе (там же).

Во второй и третьей частях книги представлены работы, определяющие роль интерактивных взаимодействий в преадаптации детей к культуре, в приобретении культурных навыков, установок, ценностей, убеждений, способов жизни. Рассматриваются процессы передачи социальных представлений и установок сверх словесного взаимодействия, а также роль эмоциональных систем и социальных взаимоотношений, определяющих групповое сплочение в процессах, способствующих конформности и внушаемости. Анализируется предполагаемая роль зеркальных нейронов в становлении коллективного сознания, а также аргументация сторонников квантового редукционизма в решении трудной проблемы сознания.

Завершая Введение, Вайтхед метафорически определяет сознание как то, что нас объединяет, как и то, что этимология этого слова подразумевает (со-знание).

Важным звеном проекта интегративной постановки проблемы сознания в рассматриваемом сборнике является совместная статья Тернера и Вайтхеда «Как коллективные репрезентации могут менять структуру мозга» (Turner, Whitehead, 2008). Авторы, по-видимому, усматривая в новой предметной области «Социальная когнитивная нейронаука» определенную логику связей: социум – личность – мозг, задаются вопросами: «Могут ли коллективные репрезентации иметь свое представительство в мозге?»; «Какова роль эмоций в «картировании» коллективных репрезентаций в мозге?»; «Каким образом эта интернализация поддерживает и развивает коллективные репрезентации?» (Turner, Whitehead, 2008, с. 49-53). Уместно отметить, что в свое время А.Р. Лурия в той или иной степени ответил на эти вопросы.

Что касается термина «репрезентация», широко распространившегося в англоязычных исследованиях по проблеме сознания, то, как поясняют авторы, имеют место два типа репрезентаций: 1) коллективные, фактически совпадающие по смыслу с введенным Э. Дюркгеймом понятием «коллек-

тивные представления»; 2) кортикальные, формируемые с раннего детства в результате взаимодействия младенца с матерью, динамично развивающихся и проявляющихся затем в формах восприятия себя, друг друга и мира в целом в процессах актуализации интересубъективности, регулируемых коллективно определенной системой понятий, правил, нормативных представлений, (вероятно) закрепляемых в физических структурах, формирующихся анатомически и/или функционально в головном мозге (Turner, Whitehead, 2008, с. 54-55).

В этом же направлении «учета культурного контекста и двоякой направленности интеракций социокультурных факторов с нервными и генетическими механизмами оформления вариаций феномена сознания» обсуждается специфика западного и восточного мировоззрений в проявлениях человеческого «Я» в статье J.V. Chiao, Z. Li и T. Narada. В статье приведены примеры эмпирических исследований, подтверждающих социо – культурно - геномную детерминацию сознания и соответствующих динамических структур мозга у представителей индивидуалистической и коллективистической культур; показана специфика таких проявлений сознания как визуальная перцепция, самопрезентация и др. (J.V. Chiao, Z. Li и T. Narada, 2008, с. 61-65).

Гипотеза зеркальных нейронов, несомненно, имеет важное значение в интегративной схеме, отставиваемой в монографии. Поэтому в сборник помещена статья С. Sinigaglia, в которой последовательно рассматриваются аргументы Е. Borg, поставившие под сомнение гипотезу зеркальных нейронов. Приведенные в статье контраргументы уточняют и расширяют проблему поведенческих интенций с позиций социальной психологии и нейронауки (Sinigaglia, 2008).

Эти позиции конкретизируются и укрепляются в статье Вайтхеда с названием: «Нейронные корреляты работы и игры. Что могут рассказать исследования по визуализации мозга и анимационные мультфильмы о социальных дисплеях, самосознании и эволюции человеческого мозга». Автор выстраивает категориальный «каркас» интеграции разрозненно исследуемых нейромозговых, био- и социоэволюционных, социокоммуникативных и психологических явлений. Здесь также, как и в редакционном введении, Вайтхед артикулирует необходимость отхода от западных методологических установок в науке и определяет неучтенные ниши существующих исследовательских программ. Это, в частности, недостаточно оцененная роль игры в сравнении с работой, социального интеллекта в сравнении с общим, искусства в сравнении с наукой и технологиями. Автор подчеркивает важность такого «инструмента» социокультурной жизни человека, как «социальное экранирование» в формах песен, танцев, различных видов искусства, символических образов, ролевых игр, кооперативного взаимодействия в производстве и других видах деятельности, в совокупности определяющих «фундамент человеческой культуры» (Whitehead, с. 93-94). Используя в статье понятие «социальных зеркал» со ссылкой на работы W. Dilthey'a, J.M. Baldwin'a, G.H. Mead'a, представляющих социологию и культурную антропологию, Вайтхед, видимо, отличая его от понятия «социальных экранов», функционирующих также в песнях, играх, танцах, перформансах (игра, выполняет также функцию коммуникации (ссылка на S. Jenni др) в формах «игрового расширения коммуникации» (Whitehead, с. 101) связывает с экранами «отображение и выражение чувств, ощущений, восприятий, мыслей и образов» (там же, с. 99-100).

Перечисляемое далее, по-видимому, как следующее звено в интеграционной логике, положение о том, что социальные зеркала определяют в свою очередь функционирование индивидуальных зеркал сознания, в свою очередь связано с явлениями самосознания и осведомленности о сознании у других людей, что обеспечивается и развивается процессами социального экранирования как в фило-, так и онтогенезе (там же). Приводя такое объяснение, Вайтхед отмечает наличие альтернативной теории Р. Naggus'a, полагающего что рефлексивное сознание дается человеку от рождения, а восприятие и понимание сознания у других приобретаются на основе последующего субъективного опыта самосознания как первичного явления, ссылаясь также на работы А. Gopnik и А. N. Meltzoff (там же).

Отталкиваясь от вышеупомянутого понятия и соответствующей теории социального зеркала, Вайтхед в спектре различных модусов социального экранирования, с которыми связано формирование различных уровней самосознания и социального познания и эмпатии, особо выделяет «имплицитные экраны» (Whitehead, с. 114), такие как эмоциональные жесты-призывы, традиционные игры, песни и танцы, детерминирующие познавательную активность на уровне эмоций, желаний и взаимоотношений. Такие экраны, считает Вайтхед, часть биологического наследства.

Постулируя далее коммуникативность как древнейший тип живой активности, имеющий место на клеточном уровне, Вайтхед, в следующем звене интеграции опирается на категорию коммуникации, рассматривая ее в тесной связи с категорией игры как перформанса («игровое расширение коммуникации»).

Устойчивость проявлений этих типов сознания во все времена и у всех народов наводит на мысль о физической и биологической подоплеке такой двойственности. В статье Криса Кнайта, профессора Антропологии Университета Восточного Лондона «Честные фэйки и истоки языка» (Knight,

2008) рассматриваются две версии этой проблемы: «Цифровое сознание в аналоговом мире» и «Аналоговое сознание в цифровом мире». С очевидностью относя человеческий язык к классу цифровых систем, автор анализирует точки зрения на происхождение, сущность и функции языка таких известных исследователей как J.L. Austin, N.Chomsky, S. Pinker, J.R. Searle и приходит к выводу, что язык невозможно понять только как наследуемый биологический объект; человеческий язык является также специфически оформленным конструктом для осуществления социальных функций, в частности, «коммуникативного мышления» и «коллективных представлений» (Knight, с. 240-241).

Далее, в статье M.Gratier и С. Trevarthen'a на материале музыкальных нарративов «детско-материнской вокализации» показан механизм действия одного из имплицитных экранов. Базовой категорией здесь выступает понятие «нарратив без слов», основанное на процессах темпоральной организации в языке и музыке (Gratier, Trevarthen, 2008, с.123). Интеракция матери и младенца при такой нарративно-бессловесной организации взаимно спонтанных голосовых звуковоспроизведений является одним из примеров имплицитного социального экранирования, основанного на социокультурном контексте. Более того, такая активность является мульти-модальной, так как включает «общетелесную представленность индивида в коммуникативном процессе» (там же, с. 124]. Смысл «музыкального нарратива» в отличие от «разговорного нарратива» передается без слов (там же, с. 125).

Тема невербальности в проявлениях сознания продолжается в статье M.Weisbuch и N. Ambady. Авторы считают, что люди могут приобретать одинаковые установки, представления и поступки независимо от речевой коммуникации. Поэтому невербальное влияние более важно для развития культуры в сравнении с вербальным (Weisbuch, Ambady, 2008, с. 159, 178).

Переход от невербальных феноменов сознания к структурным образующим сознания, приближающим к его вербальным проявлениям осуществлен в статье M. Apter'a «Реверсивная теория, Виктор Тернер и опыт ритуала». Автор, отталкиваясь от структуралистских позиций В.Тернера и К. Леви-Строса, определяет в качестве главной холистичной функции сознания поиск смыслов, которые определяют активность, проясняющую смыслы в зависимости от противопоставлений и контрастов (Apter, 2008, с. 185). Согласно реверсивной теории Аптера, осознаваемый опыт структурирован и включает четыре «домена»: 1) смыслы-цели; 2) правила, обусловленные социокультурным контекстом; 3) транзакции с внешним миром в различных проекциях «Я»; 4) отношения к окружающему миру и себе (там же, с. 186). В процессе жизнедеятельности в центре сознания находится тот или иной домен и изменения «внутри домена более драматичны, чем между доменами». Реверсивность определяется Аптером как переход от одного из доменов к другому, вызванный «мотивированными умственными установками (там же, с. 186-187). Для каждого домена Аптер рассматривает оппозицию мотивов, соответствующих способу обретения опыта. Так, в смысло-целевом домене это либо стремление к достижению цели в будущем, либо к достижению наслаждения в настоящем, довольствуясь самим движением к цели. Такая же бинарность в отношении домена правил, реализуемых либо нет в конформистских, либо негативистских состояниях сознания (там же). Для домена транзакций это следующие оппозиции: а) борьба за власть и контроль, т.е. доминирование над другими; б) налаживание взаимоотношений с другими. Для домена отношений: эгоцентрические (для себя), либо социоцентрические (для других) отношения. Реверсивность по Аптеру означает возможность периодической или спорадической смены позиций (как частично, так и вполне осознаваемых) внутри домена или между доменами для концентрации усилий в каком-то одном направлении (там же, с. 188). Исходя из сконструированной системы «мотивационных состояний» (достижения-наслаждения, обязанности-свобода, власть-любовь, индивидуальность-общность), автор рассматривает типологию социокультурных ритуалов, в соответствии с которыми формируются те или иные мотивационные состояния и происходит их закрепление как необходимых в обществе. Это, в частности, аффирмационные, объединяющие, испытательные, трансформационные, игровые и т.д. (там же, с. 192-194).

В статье особо рассматривается ритуал восстания (ссылка на M. Genkman'a), способствующий преодолению накопившегося негативного состояния. В этом ритуале, реального или символического освобождения, в процессе отбрасывания всех правил, происходит переживание свободы и осуществляется новое объединение на основе обновленного переживанием сознания, отвергающего старое объединение. Apter объясняет ритуал восстания также с позиций реверсивной теории (Apter, 2008, с. 199).

В целом, такое социально-психологическое и социокультурное дополнение выстраиваемой участниками монографии модели интеграции исследований по проблеме сознания, позволяет объяснить разнообразные девиации и делинквенции индивидуального и социального характера.

Другое дополнение связано с социальной организацией жизни у слонов, определенные формы поведения которых L.A. Bates, P.C. Lee и др. интерпретируют как признаки проявления эмпатии (Bates, Lee и др., 2008).

К статье С. Knight'а «Честные фейки и происхождение языка» предпослано предисловие редактора, анонсирующее био-социо- антропологическую и археологическую аргументацию скачкообразного происхождения человеческой культуры и языка, а также концепцию «цифрового сознания». С. Knight анализирует различные точки зрения на происхождение, сущность и функции языка и, соответственно, языкового сознания. В противовес теории Хомского, автор приходит к выводу, что язык не является «просто биологически наследуемым объектом, а специфически оформленным для социальных функций», таких, как «коммуникативное мышление и коллективные представления», а также когнитивное развитие (Knight, 2008, с. 240-242).

Иную, редко обсуждаемую в литературе линию связи эмоций и сознания вносит в общую картину статья Е. Cardena. Автор рассматривает эмоции как «интерсубъективные системы» с самого рождения человека (Cardena, 2008, с. 253).

В последних двух статьях сборника рассматриваются вопросы «коллективного сознания и социального мозга» (Combs, Krippner, 2008) и «представления о сознании и реальности» (Baruss, 2008).

Понятие коллективного сознания, включающее разделяемые людьми ощущения, объекты внимания, памяти, восприятия, переживаний и т.д., а также намерения «быть вместе-одной общностью» отличается от хорошо известного, введенного Э. Дюркгеймом, более узкого понятия «коллективные представления». Авторы рассматривают коллективное сознание с позиций эволюции человеческого общения, а также мозговых коррелятов, таких как «зеркальные нейроны» (Combs, Krippner, 2008, с. 264-266). Для обоснования привлекаются также теория М. Donald'а о мимикрии, которая предшествует языковой коммуникации, и теория «социального зеркала». Приводятся примеры «трансмиссии спящих во времени культур» (dreamtime culture) среди австралийских аборигенов с высоким уровнем коллективного сознания (ссылка на N. Drugy и A. Voigt), выводящие на передний план проблему границы между социальным и биологическим, нейрофизиологическим и геномным в человеке, как более релевантную интеграционной задаче. К этой совокупности аргументов авторы добавляют со ссылкой на G. Murphy тезис о том, что в человеческом мышлении и сознании значительно больше группового, корпоративного, нежели индивидуального (Comb, с.266-267).

Рассматриваются также социокультурные факты всплесков и перепадов в достижениях науки и искусства в определенные исторические периоды на определенных территориях и странах, объясняемые авторами резонансностью и эмпатийностью коллективного в индивидуальном сознании (Comb, Krippner, 2008, с. 272-273).

В завершающей книгу статье I. Baruss представлен анализ термина «сознание», а также материалы опросов ученых и студентов, имеющих исследовательское (публикации) и познавательное (соответственно) отношение к проблеме сознания. В первой части автор ссылается на работу T. Matsoulas'а, который нашел в Оксфордском Английском словаре 29 определений и выделил из них 4 базовые, а именно: сознание о других, сознание о себе, поведенческое сознание и субъективное сознание (саморефлексия) (Baruss, с. 277-278). Во второй части, по материалам опроса 334 ученых, выполненного совместно с R. Moore, с применением кластерного и факторного анализа, выявлены материалистическая и трансцендентальная позиции в определениях сознания, причем, представления о сознании, как оказалось, тесно связаны с представлениями о реальности. Трансцендентальная позиция, в свою очередь, дифференцируется на консервативную и экстраординарную, основанную на представлениях об опыте околосмертных состояний сознания у некоторых людей, подтверждающем независимое от тела существование сознания, а также на представлениях об аномальных (парапсихологических) явлениях, которые трудно объяснить физическими законами (Baruss, с. 280-288).

Заключение. Подводя итог обзору книги – весьма объемной и многоплановой по содержанию, достаточно сложной по построению и по логическим связям теоретических позиций из разных областей науки, а также различных контекстов используемого эмпирического материала, тем не менее, можно заключить, что собранная Ч. Вайтхедом коллекция изысканий различных авторов носит целостный характер и интегрирует многообразные аспекты проблемы сознания в современной научной литературе (многомерность сознания).

Предпринятый нами ранее анализ различных аспектов постановки и решения проблемы сознания позволил выстроить определенную типологию в широком поле исследований сознания (Акопов, 2019). В рассматриваемой монографии представлены практически все фиксированные типы постановок проблемы сознания. Наиболее активно обсуждается территориально обусловленный тип исследований сознания, идентифицируемый Вайтхедом как Западный и Восточный научный менталитеты. Отталкиваясь от критики западных представлений о науке и, в частности, о сознании, авторы книги выстраивают пространство решений проблемы сознания исключительно в социальных категориях, адаптируя нейронные и нейро-когнитивные теории сознания в логике оформляемого ими пространства в

категориях социальных представлений, социальных экранов, функционирование которых атрибутируется во всей интегрируемой цепочке: антропокультура - коллективное сознание - индивидуальное сознание - социальный мозг – биоэволюция - геном.

Таким образом, по мнению авторов, достигается научно-теоретическое единство и целостность представлений о происхождении сознания. Однако, с позиций современной методологии, представленных, в частности, в работах В.А. Мазилова, в программе Вайтхеда затронуты только две из четырех линий интеграции, а именно - линии коммуникативной методологии и когнитивной методологии (Мазиллов, 2001). Вместе с тем, сфокусированность программы на проблеме сознания, сопряженной не только теоретически, но и практически со всеми релевантными науками, иными знаниями и сферами жизнедеятельности человека, позволяет преодолеть одну из главных трудностей интеграции - несообразность или несопоставимость исходных предметных областей исследования (Мазиллов, 2006). В соответствии с этим можно констатировать, что в современном мире именно сознание является «универсальной проблемой» (там же.) и коллективу авторов книги «Происхождение сознания в социальном мире» удалось в значительной степени приблизиться к интегральному решению данной проблемы.

Библиографический список

1. Агафонов А.Ю. Основы смысловой теории сознания. СПб.: Речь, 2003.
2. Акопов Г.В. Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
3. Акопов Г.В. Категория сознания в современной психологии. Самара: Порто-принт, 2019.
4. Акопов Г.В. Направления и формы интеграции психологических знаний в контексте развития науки // Интегративный подход к познанию психологии человека. Санкт-Петербург, 2017. - Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, под ред. Е.Ю. Коржовой. С. 87-107
5. Акопов Г.В. Пространства значений категории сознания в современных русскоязычных и англоязычных исследованиях // Мир психологии. - № 1(101). - 2020. - С. 20-29.
6. Акопов Г.В., Дорошко Г.П. Пространства категорий проблемы сознания в российской психологии советского периода // Мир психологии. 2019. №2 (98). С. 48-57.
7. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. Том 1. Экспериментальная психологика. СПб., 2000.
8. Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 5-19.
9. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15-36.
10. Карпов А.В. Психология сознания: метасистемный подход. Москва: РАО, 2011.
11. Мазиллов В.А. Коммуникативная методология психологической науки: возможный путь интеграции психологического знания. Сибирский психологический журнал. №24, 2006. С65-69.
12. Мазиллов В.А. Психология на пороге XXI века. Ярославль. МАПН, 2001.
13. Наука как общественное благо: Сборник научных статей / Науч.ред. и сост. Л.В. Шипова-лова, И.Т. Касавин: в 7 томах. [Электронный ресурс]. – Москва: Изд-во «Русское общество истории и философия науки», 2020. 978-5-6043173-8-9. – Режим доступа: <http://rshps.ru/books-congress-2020t3.pdf>
14. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. - 2-е изд., доп. - Москва: ЭКСМО, 2013.
15. Райков В.Л. Общая теория сознания: (Иерархия сознаний и задачи человеческого существования). М., 2000.
16. Ревонсуо А. Психология сознания / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2013.
17. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС; ЛИБРОКОМ, 2013.
18. Apter M.J. (2008). Reversal Theory, Victor Turner, and the Experience of Ritual // The Original of Consciousness in the Social World / Edited by Charles Whitehead. Imprint Academic, UK, USA, p.p. 184-203.
19. Baruss I. (2008). Beliefs about Consciousness and Reality: Clarification of the Confusion Concerning Consciousness // The Original of Consciousness in the Social World / Edited by Charles Whitehead. Imprint Academic, UK, USA, p.p. 277-292.
20. Bates L.A., Lee Ph.C., Njiraini N., Poole J.H., Sayialel K., Sayialel S., Moss C.J., Byrne R. (2008) Do elephants show empathy? // The Original of Consciousness in the Social World / Edited by Charles Whitehead. Imprint Academic, UK, USA, p.p. 204-225.

21. Cardena E. (2008). Consciousness and Emotions as Interpersonal and Transpersonal Systems // The Original of Consciousness in the Social World / Edited by Charles Whitehead. Imprint Academic, UK, USA, p.p. 249-263.
22. Chiao J.Y., Li Zh., Harada T. (2008). Cultural Neuroscience of Consciousness: From Visual Perception to Self-Awareness // The Original of Consciousness in the Social World / Edited by Charles Whitehead. Imprint Academic, UK, USA, p.p. 58-69.
23. Combs A., Krippner S. (2008). Collective Consciousness and the Social Brain // The Original of Consciousness in the Social World / Edited by Charles Whitehead. Imprint Academic, UK, USA, p.p. 264-276.
24. Gratier M., Trevarthen C. (2008). Musical Narrative and Motives for Culture in Mother-Infant Vocal Interaction // The Original of Consciousness in the Social World / Edited by Charles Whitehead. Imprint Academic, UK, USA, p.p. 122-154.
25. Graziano, M.S.A. (2015). Consciousness and the Social Brain. Oxford University Press.
26. Honderich, T. (2014) Actual Consciousness. Oxford University Press.
27. Knight Ch. Honest Fakes and Language Origins // The Original of Consciousness in the Social World / Edited by Charles Whitehead. Imprint Academic, UK, USA, p.p. 236-248.
28. Sinigaglia C. (2008). Mirror Neurons: This is the Questions // The Original of Consciousness in the Social World / Edited by Charles Whitehead. Imprint Academic, UK, USA, p.p. 70-92.
29. Turner R., Whitehead Ch. (2008) How Collective Representations Can Change the Structure // The Original of Consciousness in the Social World / Edited by Charles Whitehead. Imprint Academic, UK, USA, p.p. 43-57.
30. Velmans M. (2002). How Could Conscious Experiences Affect Brains? // Journal of Consciousness Studies. Vol.9, № 11. (2002). Special Issue. p. 3-29.
31. Weisbuch M., Ambady N. (2008). Non-Conscious Routes to Building Culture: Nonverbal Components of Socialization // The Original of Consciousness in the Social World / Edited by Charles Whitehead. Imprint Academic, UK, USA, p.p. 159-183.
32. Whitehead, Ch. (2008). The Original of Consciousness in the Social World / Edited by Charles Whitehead. Imprint Academic, UK, USA.
33. Whitehead Ch. (2008). The Neural Correlates of Work and Play // The Original of Consciousness in the Social World / Edited by Charles Whitehead. Imprint Academic, UK, USA, p.p. 93-121.

УДК 159.923.2

Л.А. Длужневская, И.Г. Длужневский

Психоаналитическая интерпретация элиминации субъекта в современной социальной философии

Аннотация. В западной социальной философии, так же, как и в отечественной социальной и клинической психологии, всё чаще говорится о влиянии социальных изменений на структуру личности современного человека. В статье предлагается попытка интерпретации данного влияния с позиций интросубъективного психоанализа, согласно которой данный феномен обусловлен сочетанием двух факторов: структурной слабости Я индивида, обусловленной особенностями современной семьи, и высокой степенью неопределённости условий жизни в современном обществе.

Ключевые слова: диффузная идентичность, самость, дефицитарная самость, самоидентичность, интросубъективный психоанализ.

L.A. Dluzhnevskaja, I.G. Dluzhnevskii

Psychoanalytic interpretation of elimination of the subject in modern social philosophy

Abstract. In Western social philosophy, as well as in Russian social and clinical psychology, it is increasingly said about the influence of social changes on the structure of the personality of a modern person. The article proposes an attempt to interpret this influence from the perspective of intersubjective psychoanalysis, according to which this phenomenon is due to a combination of two factors: the structural weakness of

the Self of the individual, due to the characteristics of the modern family, and a high degree of uncertainty of living conditions in modern society.

Keywords: diffuse identity, self, deficient self, self-identity, intersubjective psychoanalysis.

В современной западной социальной философии большую популярность приобретает метафора «смерти субъекта», подразумевающая, что в современном мире происходит исчезновение того типа человека, который отвечал бы классическому представлению о субъекте, наделённом таким набором качеств как цельность личности, обладание центром инициативы, индивидуальный стиль и т.д. (Джеймисон, 2014). Ему на смену пришёл индивид, чья идентичность представляет собой набор поверхностных идентификаций, связанных с различными социальными ролями и не образующих когерентного целого (Бауман, 2005). Место центра инициативы занимают адаптационные реакции, обусловленные разнообразными социальными контекстами, в которых данный индивид себя обнаруживает (Lasch, 1991).

Феномен исчезновения классического субъекта имеет множество социологических и культурологических интерпретаций, однако большинство из них сводится к изменениям в социально-экономической структуре общества. (Андерсон, 2011). Возникновение товарного капитализма обуславливает тотальную коммодификацию культурной жизни, в т.ч. и самого индивидуума, чья идентичность произвольно принимается и меняется из соображений экономической выгоды и престижа (Джеймисон, 2018). Вышеуказанные концепции описывают положение дел в западных обществах, и на первый взгляд может показаться, что для России они не столь актуальны. Тем не менее, в отечественной клинической психологии описывается схожая проблематика, связанная с утратой идентичности, как новой культурной нормой нашего общества (Соколова, 2015). Получают распространение такие феномены как диффузная идентичность, нарциссизм, обесценивание межличностных отношений, моральный релятивизм и т.д. (Соколова, 2012). Помимо этого, отмечается поляризация индивидуальных характеристик между представителями различных поколений. Если молодёжи в целом более свойственны те же личностные черты, что и для западного индивида, описанного теоретиками постмодерна, то старшее поколение в большей степени характеризуется депрессивностью, безысходностью и чувством отчуждённости от текущей социальной ситуации. Демаркационная линия между этими двумя группами проходит по тому, на какое время пришлось личностное становление индивида: до распада СССР или после (Соколова, 2014).

В рамках отечественной социальной психологии при описании этих процессов ссылаются на фактор субъективной неопределённости, который понимается как индивидуальная реакция на неопределённость объективную, вызванную нестабильной социальной ситуацией, непредсказуемостью общественных отношений, фактором аномии и т.д. (Белинская, 2014).

Нужно заметить, что клиническая психология является не только концептуальной рамкой для объяснения указанных социальных феноменов, но и изменения в её теории в какой-то степени могут являться их симптомом. Так, приблизительно в то же самое время, когда, по версии западных социальных философов, произошла смена культурной парадигмы, имевшая своим следствием формирование индивида нового типа, в психотерапевтической литературе (по преимуществу, психоаналитической) был впервые описан новый синдром, впоследствии концептуализированный как пограничная организация личности (т.е. находящаяся на границе между невротической и психотической) (Мак-Вильямс, 2015).

И если судить по тому резонансу, которой данный синдром получил в многочисленных психоаналитических работах, выпущенных в следующие десятилетия, он, наряду с нарциссическим расстройством, стал настоящим симптомом эпохи, сменив на этом месте истерический конверсионный невроз, характерный для эпохи модерна (и, к слову, почти исчезнувший с распространением пограничных и нарциссических расстройств). Центральное место в симптомокомплексе данного синдрома, по мнению большинства исследователей, занимает диффузная идентичность, характеризующаяся набором диссоциированных друг от друга личностных черт, зачастую находящихся между собой в противоречивых отношениях, благодаря чему в ранних исследованиях пограничная личностная организация называлась «как будто личность». Однако, данные противоречия существовали лишь для стороннего наблюдателя, сам индивид не обнаруживал никакого несоответствия (Кернберг, 2015).

Нужно отметить, что рефлексия по поводу влияния культурных изменений на ведущую психопатологию эпохи свойственна и самим психоаналитикам. Так, основоположник психоаналитической психологии самости Х.Кохут задаётся вопросом о том, что привело к нивелированию структурно-динамических конфликтов и выходу на передний план психологических расстройств, имеющих корни в нарциссической сфере, то есть связанных с нарушениями самости, по преимуществу с её дефицитностью. Будучи прежде всего клиническим психологом, он связывает эти изменения не с широкими трансформациями в социально-экономической и культурной области, а в первую очередь с изменениями, произошедшими в структуре семьи, обусловившими изменения в условиях воспитания ребёнка и раннего становления личности.

Согласно его мнению, приход нуклеарной семьи на смену расширенной семье привёл к устранению родителей от воспитания детей на большой промежуток времени. Родители большую часть жизни посвящают решению материальных вопросов и построению карьеры. И ключевым моментом здесь является то, что это происходит вдалеке от семьи, что имеет своим следствием исключение возможности наблюдения ребёнком за родителями в процессе их профессиональной деятельности (то есть невозможности ребёнком наблюдать проявление родителем своего мастерства). Воспитывающийся в таких условиях ребёнок лишён возможности как получать постоянный эмоциональный отклик на свои переживания и потребности, так и идеализировать своих родителей, глубоко с ними идентифицируясь (Кохут, 2017б).

Таким образом, мы можем видеть, что основная черта индивида эпохи постмодерна совпадает с ведущим симптомом, который выделяется клиническими психологами в наиболее распространённом психическом расстройстве, получившем самое широкое распространение в ту же самую эпоху. Вопрос о том, является ли диффузная идентичность новой культурной нормой, или её по-прежнему следует рассматривать в качестве клинической патологии, является слишком сложным, чтобы рассматривать его в рамках данной работы. Нужно только отметить, что, как видно из теоретического обзора, приведённого выше, всё больше социологов и клинических психологов склоняются к первому варианту. Вне зависимости от решения данного вопроса, мы, опираясь на клинические наблюдения Х. Кохута и используя собственный опыт психологического консультирования, попытаемся дать интерпретацию формированию диффузной идентичности в социокультурных условиях современного общества. Мы предполагаем, что это формирование происходит в несколько этапов, и факторы, обуславливающие этот процесс, связаны как с трансформацией семьи, так и более широкими социальными изменениями. Эти изменения не были учтены Х. Кохутом как из-за его концентрации исключительно на событиях раннего детства, так и в силу отсутствия в теории психологии самости необходимого для данной интерпретации категориального аппарата. Интерсубъективный психоанализ, на наш взгляд, лишён этого недостатка.

Для начала скажем несколько слов о том, как вообще описывается и концептуализируется формирование чувства идентичности (самость) в рамках данного направления. Согласно взглядам ведущих теоретиков данного направления, чувство собственного Я, его целостности, согласованности, непрерывности во времени и способности быть центром инициативы, конституируется в тех интерсубъективных контекстах, в которых принимает участие индивид. Безусловно, раннее детство, и прежде всего диада «родитель-ребёнок», играет основополагающую роль в формировании чувства самости. Однако, в отличие от подавляющего большинства других психодинамических направлений, интерсубъективный психоанализ признаёт исключительную важность вклада всех этапов жизненного цикла в установление и поддержание (или, напротив, в дезинтеграцию и фрагментирование) самости. Это обусловлено отказом от реификации самости, от рассмотрения её как жёсткой психической структуры, раз и навсегда сформированной в первые годы жизни. Самость рассматривается скорее, как динамический психический процесс, безусловно паттернизированный, но вместе с тем постоянно воссоздаваемый (или дезинтегрируемый) во всех интерсубъективных системах, в которых человек принимает участие на протяжении всей жизни (Столорю, 2011).

Одним из основных способов формирования самости в рамках интерсубъективных контекстов является отзеркаливание. Этим термином обозначается процесс отражения индивиду Другим его эмоциональных переживаний, чувств, личностных качеств (Х. Кохут, 2017а). Если на ранних этапах развития эмоциональные переживания понимаются значимым другим, принимаются и отражаются в развёрнутом виде, то это способствует их артикуляции, осознанию и интеграции в структуру самости. В противном случае они остаются в неартикулированном виде и диссоциируются от структуры самости. Последовательное непринятие или игнорирование эмоциональных состояний приводит к формированию дефицитарной самости, склонной к фрагментации (Столорю, 2016).

Условия воспитания в современной семье приводят к развитию дефицитарной самости, так, как это описано выше в изложении исследований Х. Кохута. Эта недоразвитая психическая структура становится тем базисом, на котором формируется диффузная идентичность, после того как индивид попадает в более широкий социальный контекст современного общества.

Современная социальная жизнь отличается высокой степенью неопределённости и фрагментированности, на что указывают как зарубежные социологи, так и отечественные социальные психологи. Однозначное отнесение индивида к определённому социальному классу заменяется спорадическим участием в многочисленных социальных группах по профессиональному, семейному, субкультурному и иным признакам. Большинство указанных групп предъявляет индивиду свои требования, зачастую находящиеся между собой в отношении противоречия. Индивид с дефицитарной самостью, вовлечённый в указанные социальные контексты, вынужден с целью адаптации формировать конгломерат поверхностных идентификаций. Отождествление с тем или иным набором стереотипов облегчается недостаточной

эмоциональной интегрированностью индивида. Идентификации меняются от контекста к контексту, а недостаток структурированности и интегрированности в ядре самости позволяет игнорировать отсутствие согласованности между ними. Если в обществе модерна (равно как и в советском обществе) существовало неявное социальное требование когерентности личности, то сегодня эти требования имплицитно изменились и от индивида требуется скорее адаптивность. Сочетание этих неявно изменившихся требований и новых психологических характеристик индивида имеют своим следствием формирование у последнего гиперадаптивности. Указанный конгломерат несогласованных между собой идентификаций и распознаётся как диффузная идентичность.

Однако, было бы не совсем корректным представлять ситуацию таким образом, что формирование диффузной идентичности является полностью автоматическим процессом усвоения поверхностных идентификаций, становящимся возможным в силу структурной слабости ядра самости и основным исключительно на адаптационных реакциях. Индивид с дефицитарной самостью испытывает патологический голод по отзеркаливанию, не удовлетворённый в раннем детстве. Эти фрустрированные нарциссические потребности получают определенное удовлетворение через одобрительный отклик со стороны окружения на вышеуказанные идентификации. Данный отклик ложно распознаётся как удачно установленная сэлф-объектная связь, то есть удовлетворение потребностей в отражении и альтер-эго, и закрепляет идентификации в структуре идентичности. Это, однако, приводит не к укреплению и развитию самости (поскольку отзеркаливаются не подлинные черты личности, остающиеся в неартикулированном и диссоциированном виде, а адаптационные реакции на окружение), но к фиксации на навязчивом поиске новых подобных отражений и двойников, то есть к определенной форме навязчивой социальности. Нелишним будет отметить, что данный социальный процесс может затронуть не только индивидов с нарушениями в нарциссической сфере. Для индивидов с интегрированной самостью нарциссическая потребность в отражении остаётся актуальной на протяжении всей жизни (хотя и не принимает патологические формы). Существование в социальной ситуации, предъявляющей требования гиперадаптивности, а не когерентности личности, приводит к фрустрированию этой естественной потребности, что, в предельном варианте, также может привести к дезинтеграции и фрагментации самости.

Помимо этого, можно также предположить, что формирование диффузной идентичности может выполнять и иные психологические функции. Так, Р. Столороу и его коллеги указывают, что при работе с пограничными клиентами основополагающее значение имеют эмоциональные реакции аналитика. Когда клиент демонстрирует те самые переживания и личностные качества, которые в детстве не получили возможности развития, не нашли интересубъективных контекстов, в которых они могли бы быть поняты, приняты, артикулированы и интегрированы в структуру самости, а аналитику не хватает эмпатических возможностей понять их значение – клиент проявляет тревогу фрагментации собственной личности и реагирует либо агрессией, либо замыканием в себе, либо поверхностными стереотипными действиями (Столороу, 2011). В связи с этим, можно предположить, что диффузная идентичность выполняет также и защитную функцию. Отсутствие аффективной сонастройки со стороны ближайшего окружения в раннем детстве является весьма болезненным опытом, который, будучи усвоен, формирует устойчивый перенос. Это означает, что у человека формируются бессознательные формы организации опыта, а также ожиданий от него в будущем. Таким образом, в случае отсутствия понимающих эмоциональных реакций со стороны окружения в детстве, индивид ожидает аналогичных реакций отвержения и игнорирования от любых интересубъективных контекстов. Те переживания и личностные черты, которые могли бы составить ядро самости, остаются неартикулированы и диссоциированы. И, более того, тот самый конгломерат поверхностных идентификаций, который и составляет диффузную идентичность, является в том числе (а может быть и прежде всего) защитным механизмом, предотвращающим человека от повторной травмы отвержения в подобном мире.

Таким образом, наш опыт индивидуального психологического консультирования показывает, что под поверхностью внешнего оптимизма гиперадаптивности и навязчивой социальности скрывается глубокая тревога, связанная с невозможностью получить аффективный сонастроенный отклик на свои переживания, с неудовлетворенной нарциссической потребностью в отражении и со страхом отвержения (ретравматизации) (Длужневская, 2017).

Исследования западных социологов и социальных философов, а также отечественных клинических и социальных психологов, указывают на утрату современным человеком своего Я, утрату когерентности собственной личности. В качестве детерминант этого феномена указываются такие социокультурные и социоэкономические феномены как тотальная коммодификация культуры и дестабилизация общественных отношений. Попытка рассмотреть эти феномены с точки зрения интересубъективного психоанализа, приводит к похожим выводам, однако с некоторыми уточнениями. Резюмируя результаты нашего теоретического исследования, можно сказать: 1. В современном мире такие черты как отсутствие

когерентной личности, которые в прошлом считались клинической патологией, становятся культурной нормой. 2. Если в прошлом они приводили к дезадаптации, то сегодня они являются условием гипердаптивности в связи с имплицитно изменившимися социальными требованиями. 3. Основание диффузной идентичности – дефицит в нарциссической сфере, вызванный изменением структуры семьи, а также социальных условий её существования. 4. Диффузная идентичность – результат многочисленных поверхностных идентификаций, сформированных в различных социальных контекстах. 5. Эти идентификации выполняют функцию восполнения неудовлетворенной нарциссической потребности в отражении, а также защитную функцию по отношению к страху отвержения, формируемому в раннем детстве.

Библиографический список

1. Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Территория будущего, 2011. 208 с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
3. Белинская Е.П. Неопределённость как категория современной социальной психологии личности // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С. 3.
4. Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры. Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2014. 414 с.
5. Джеймисон Ф. Постмодернизм или Культурная логика позднего капитализма. М.: Институт Гайдара, 2018. 808 с.
6. Длужневская Л.А. Стратегии работы с экзистенциальной травмой / Л.А.Длужневская, И.Г.Длужневский // Ярославский психологический вестник, № 2 (38), 2017. С.69-72.
7. Кернберг Отто Ф. Тяжёлые личностные расстройства. М.: Класс, 2014. 464 с.
8. Кохут Х. Анализ самости. Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности. М.: Когито-Центр, 2017а. 368 с.
9. Кохут Х. Восстановление самости. М.: Когито-Центр, 2017б. 316 с.
10. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика. М.: Класс, 2015. 592 с.
11. Соколова Е.Т. Культурно-историческая и клинико-психологическая перспектива исследования феноменов субъективной неопределённости // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 2012. №2. С. 37-48.
12. Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015. 896 с.
13. Соколова Е.Т. Утрата Я: клиника или новая культурная норма? // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. 41. №3. С. 191 – 209.
14. Столороу Р. Д. Травма и человеческое существование. Автобиографические, психоаналитические и философские размышления. М.: Когито-центр, 2016. 120 с
15. Столороу Р. Клинический психоанализ. Интерсубъективный подход / Р. Столороу, Б. Брандшафт, Дж. Атвуд. М.: Когито-Центр, 2011. 256 с.
16. Lasch, Christopher. The culture of narcissism: american life in an age of diminishing expectations. W. W. Norton & Company, inc., 1991. 304 p.

УДК 159.9.07

Т.В. Зеленкова

Интегративные методы в психологической практике

Аннотация. В статье рассматриваются интеграционные тенденции в психологической практике. Излагаются базовые принципы разработки многоуровневой модели психотерапевтического процесса с позиций интегративного подхода. В основе модели лежат теоретические представления об интегративной природе образа мира человека, который имеет уровневое строение и подчиняется принципу рекурсивности. Представлены результаты контролируемого экспериментального исследования эффективности интегративной модели. Показано, что представленная модель психотерапевтической помощи в практической работе является гибкой, динамичной и продуктивной.

Ключевые слова: интегративные методы, психологическая практика, интегративная модель, психотерапия, психологическое исследование.

Integrative methods in psychological practice

Abstract. The article examines the integration tendencies in psychological practice. The basic principles of developing a multilevel model of the psychotherapeutic process from the standpoint of an integrative approach are stated. The model is based on theoretical ideas about the integrative nature of the image of the world, which has a level structure and is subject to the principle of recursiveness. The results of a controlled experimental study of the effectiveness of the integrative model are presented. It is shown that the presented model of psychotherapeutic assistance in practical work is flexible, dynamic and productive.

Keywords: integrative methods, psychological practice, integrative model, psychotherapy, psychological research.

Введение. Современный этап развития психологии характеризуется устойчивым стремлением к интеграции психологического знания, что проявляется в глубоких методологических дискуссиях, тематике конференций и публикаций, свидетельствуя о зрелости и осознанности психологическим сообществом необходимости решения данных вопросов. Однако психологическая практика в плане реализации обсуждаемых идей продолжает оставаться и в методологическом отношении, и в реальной деятельности обособленной областью, отделенной от общего потока интегративных направлений психологии.

Психологическая практика, в отличие от практической психологии, подразумевает ситуацию оказания психологической помощи, деятельность «по преобразованию и изменению психической реальности психологическими средствами» (Карицкий, 2002, с.224). Одно из основных отличий психологической практики состоит в том, что кроме научных знаний она может опираться на эвристические модели, личностное знание и непосредственный личный опыт специалиста (Зеленкова, 2015). Это порождает многочисленность различных психотерапевтических практик и потерю ориентировки специалистов в поле наиболее результативных методов психологической помощи. Действительно, еще в 2002 году их было более 500 (Психотерапевтическая..., 2002). Учитывая важность взаимопотенцирования (синергии) различных средств и методов психотерапии, практические психологи начинают создавать комплексные психотерапевтические системы, сочетающие методы когнитивной, поведенческой, психодинамической и других школ. Появляются направления, основанные на взаимодействии нескольких методов: синтетическая психотерапия, использующая в лечении пациента все доступные знания разных школ на основе научного синтеза, эклектическая психотерапия, основанная на внетеоретическом синтезе психотерапевтических методов и предполагающая ориентацию на индивидуальное проявление клинических признаков расстройства независимо от теоретических взглядов психотерапевта и др. (Карвасарский, 2010).

Однако большинство форм интеграции в психологической практике часто складывалось самопроизвольно, без учета их теоретического обоснования, ориентируясь только на решение проблемы. Поэтому «поиск научных оснований интеграции, которые способствовали бы повышению эффективности психотерапии, - как отмечает, А.Б. Холмогорова, - по-прежнему актуален» (2011, с. 9). Интегративную психологию называют «духом времени» для психотерапевтической практики XXI века (Александров, 2009). В связи с этим целью данного исследования являлось построение модели групповой психотерапии, основанной на принципах интегративного подхода, и экспериментальное исследование эффективности этой модели.

Теоретические основы исследования. При разработке модели психологической практики мы взяли интегративную концепцию образа мира, описанную нами ранее (Зеленкова, 2019), поскольку она отвечает задачам преобразования и изменения психической реальности человека в ситуации оказания ему психологической помощи. Из всех форм интеграции для указанных целей мы выделяем сочетание двух форм: сетевой (функциональная интеграция), для которой характерно синергетическое взаимодействие различных психотерапевтических методов, и холархической (структурная интеграция), в основе которой лежит упорядочивание эволюционных уровней развития индивидуального сознания с помощью включения «свернутых» нижележащих уровней в вышележащие (Зеленкова, 2020). Сетевая организация обеспечивает внутриуровневые процессы преобразования психического состояния человека, холархическая – создает межуровневые связи.

Для данной модели мы выделяем пять уровней психотерапевтической работы. Обозначение уровней аналогично выделенным К. Уилбером стадиям фило- и онтогенетического развития человека: биофизический (телесный), эмоционально-перцептивный, когнитивно-поведенческий, нормативно-ролевой и рационально-рефлексивный (Уилбер, 2004). Каждый уровень предполагает использование

сочетания психотерапевтических методов, объединенных по принципу сетевого взаимодействия, что создает условия для возникновения синергетических связей внутри уровня и потенцирует связи между уровнями. Конкретная психологическая практика (в данной случае психотерапия) реально осуществляется на каком-либо из ведущих уровней, включающем в качестве фоновых все нижележащие уровни.

Первый уровень – биофизический (телесный) – поддерживается психофармакологией (если это требуется) и методами телесно-ориентированной психотерапии, взаимно потенцирующими друг друга. Основная задача этого уровня – осознание телесных реакций и формирование навыков управления ими.

Для работы на втором уровне - эмоционально-перцептивном – была разработана мультимодальная техника (Патент, 2013), основанная на вариативной сенсорной стимуляции, вызывающей эмоциональный отклик и ассоциации с собственной проблемной ситуацией. Она обеспечивает функциональную внутриуровневую интеграцию вместе с приемами гештальт-терапии. Основная задача этого уровня – осознание перцептивных и эмоциональных реакций по поводу проблемной ситуации и формирование навыков управления телесностью с помощью эмоций. Телесность при этом включена в общий интегративный процесс, но предстает как фоновый уровень, управляемый вышележащим (эмоционально-перцептивным). Достижение определенных результатов на этой стадии позволяет переходить на более высокий уровень психотерапевтических изменений - когнитивно-поведенческий.

На третьем уровне функциональную интеграцию выполняют приемы и методы рационально-эмоциональной-поведенческой терапии (А. Эллис) в сочетании с гештальт-терапией. Основной задачей здесь является дифференциация и осознание эмоций, когнитивных и поведенческих установок по отношению к проблемной ситуации, и на этой платформе – формирование навыков управления эмоциями и телесностью, представленных на фоновых уровнях, с помощью языковых средств. Это, в свою очередь, создает основу для работы на следующем, нормативно-ролевом уровне.

Определенная степень осознанности поведенческих установок, мыслей и чувств дает возможность использования на четвертом уровне психотерапевтических методов и приемов, связанных с ролевым поведением в группе (психодрама, гештальт-терапия, системная семейная психотерапия, методы транзактного анализа). Основная задача на данном уровне – упорядочивание личных мотивов, эмоций и телесности с помощью правил и ролевых установок, характерных для группового поведения.

Работа на пятом, рационально-рефлексивном уровне связана с задачей осознания собственной индивидуальности, вербализации и анализа собственного опыта, формированием навыков принятия решения. Функциональную интеграцию здесь выполняют методы когнитивной и личностно-ориентированной психотерапии. Структурная интеграция достигается включенностью в психотерапевтическую работу достижений, полученных на предыдущих, фоновых уровнях. Таким образом, создается интегративная модель психотерапевтической работы, которая может использоваться в практике как в индивидуальной форме, так и в групповой.

Материалы и методы исследования. Описанная интегративная модель психотерапии апробировалась и применялась в разных вариантах сетевой организации методов функциональной интеграции в Московском НИИ психиатрии в течение нескольких лет. При этом структурный принцип интеграции не изменялся. Проверка эффективности модели проводилась на группе родственников больных психическими расстройствами шизофренического спектра. В основном, выборку представляли матери, у которых были выявлены аффективные и невротические расстройства (F-32, F-45, F-48).

В исследовании участвовали две терапевтические группы, экспериментальная и контрольная, включавшие соответственно 11 и 12 человек, получавших однородное психофармакологическое лечение. Экспериментальная группа проходила курс психотерапии по интегративной модели, контрольная – в рамках планового курса психотерапии. В обеих группах проводилось диагностическое обследование до начала и после окончания психотерапии. В качестве диагностических методов использовались: шкалы психопатологической симптоматики SCL-90-R (L.R. Derogatis), Я-структурный тест Аммона (Ich-Struktur Test von G. Ammon, ISTA), методика «Индекс жизненного стиля» (Life Style Index, LSI, R. Plutchik, H. Kellerman, H. Conte) и методика для психологической диагностики копинг-механизмов E. Heim. Объективность выводов обеспечивалась использованием статистических критериев: U-критерия Манна-Уитни и W-критерия Вилкоксона.

Основные результаты исследования. Эффективность интегративной модели проверялась двумя способами: в сравнительном исследовании с использованием контрольной группы и в исследовании динамики изменений психических состояний внутри экспериментальной группы до и после окончания всего комплекса занятий.

В сравнительном исследовании объектом внимания было проявление психопатологической симптоматики (по L.R. Derogatis) и копинга (по E. Heim). Полученные результаты показали, что до

начала занятий участники обеих психотерапевтических групп не показали значимых различий по указанным выше диагностическим методикам. После завершения терапевтических курсов по показателям U-критерия Манна-Уитни были констатированы значимые различия среднегрупповых показателей испытуемых экспериментальной и контрольной групп. Прежде всего, отметим, что по сравнению с контрольной группой у испытуемых экспериментальной группы значимо ниже были показатели психопатологической симптоматики: депрессии ($p \leq 0,01$), соматизации, межличностной сензитивности, тревожности, враждебности и общего индекса тяжести психопатологической симптоматики ($p \leq 0,05$).

Уровень адаптивности копинг-механизмов анализировался по отношению к каждой из трех сфер: когнитивной, эмоциональной и поведенческой. Нами было выявлены значимые различия (использовался критерий U Манна-Уитни) между группами в уровне адаптивности когнитивных ($p \leq 0,01$) и поведенческих ($p \leq 0,05$) копинг-механизмов.

Исследование динамики психологических изменений проводилось в отношении центральных Я-функций (по G. Ammon) и механизмов психологической защиты (по R. Plutchik, H. Kellerman, H. Conte). Достоверность полученных результатов определялась W-критерием Вилкоксона.

Результаты показали снижение уровня деструктивных составляющих тревоги ($p = 0,01$) и внутреннего Я-отграничения ($p = 0,025$). Снижился также уровень дефицитарности функций агрессии ($p \leq 0,01$), внешнего Я-отграничения ($p \leq 0,05$) и нарциссизма ($p \leq 0,01$). Одновременно отмечалось повышение конструктивной составляющей агрессии ($p \leq 0,025$), тревоги ($p \leq 0,05$) и внутреннего Я-отграничения ($p \leq 0,05$).

Исследование защитного профиля участников экспериментальной группы после цикла интегрированной психотерапии показало, что повышенный уровень напряженности механизмов регрессии и проекции остался только у 36% участников группы, а эффективность механизмов компенсации и интеллектуализации значительно повысилась.

Таким образом, модель психотерапии, построенная на взаимодействии двух форм интеграции, показала положительные результаты в практике изменения психической реальности участников терапевтической группы при оказании психологической помощи.

Заключение. Начиная с того периода, когда количество различных психологических практик превысило разумный объем для ориентации специалистов в поле восприятия и оценки их применимости, возникла не только необходимость классификации, что качественно сделано, например, в работе И.Н. Карицкого (2002), но и объединения, группировки нескольких методов для решения одной задачи. Синтез методов психологической практики показал более широкие возможности в преобразовании и трансформации психических состояний человека, что проявилось в возникновении различных форм интеграции с недостаточным теоретическим обоснованием.

В настоящей работе описываются результаты построения и экспериментального исследования модели групповой психотерапии, основанной на принципах интегративного подхода. В основе модели лежат теоретические представления об интегративной природе образа мира человека, который имеет уровневое строение и подчиняется принципу рекурсивности.

На любом актуализированном (текущем) уровне психотерапевтической работы проблема решается в области периферических структур образа мира. Достижение устойчивых результатов позволяет сформироваться ядерным структурам этого уровня и создает условия для перехода на более высокий уровень, работа на котором позволяет увидеть, насколько устойчивыми оказались достижения предыдущего уровня. В случае отрицательных результатов необходим возврат и продолжение работы. Положительные результаты создают возможность решения задач более высокого уровня, при этом ядерные структуры предыдущего уровня становятся периферической основой для формирования ядерных структур текущего уровня и т.д.

Результаты проверки работоспособности данной интегративной модели групповой психотерапии с помощью экспериментального контролируемого исследования показали значительное улучшение у испытуемых показателей психопатологической симптоматики, повышение степени адаптивности когнитивных и поведенческих копинг-механизмов.

Исследование динамики психологических изменений показало сдвиг большинства центральных Я-функций в сторону снижения деструктивных и дефицитарных составляющих, и повышения конструктивных, а также снижение уровня напряженности некоторых механизмов психологической защиты.

Представленная интегративная модель психотерапевтической помощи является достаточно гибкой и динамичной, при следовании принципам сетевой внутриуровневой организации она позволяет менять сочетание методов в зависимости от конкретной задачи, и может применяться как в групповой, так и в индивидуальной форме.

Библиографический список

1. Александров А.А. Интегративная психотерапия. СПб.: Питер, 2009. 352 с.
2. Зеленкова Т.В. Исследовательская и практическая психология: на пути от «схизиса» к «схезису» // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 265-308.
3. Зеленкова Т.В. К проблеме рекурсивности структуры образа мира // Наука как общественное благо: сборник научных статей / В 7 томах. Т. 2. [Электронный ресурс]. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2020. С.103-106. Режим доступа: <http://rshps.ru/books/congress2020t2.pdf>
4. Зеленкова Т.В. Образ мира в контексте позитивного постмодернизма // Новые тенденции и перспективы психологической науки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2019. С. 170-195.
5. Карвасарский Б.Д. Российская психотерапия: состояние и перспективы развития // XV съезд психиатров России. М.: ИД «МЕДПРАКТИКА-М», 2010. С. 308.
6. Карицкий И.Н. Теретико-методологическое исследование социально-психологических практик. М., Челябинск: Социум, 2002.
7. Патент № 2500350. Российская Федерация, МПК А61В 5/16, G09В1/00. Способ реабилитации больных невротическими расстройствами: заявлено : 07.11.2012, опубликовано : 10.12.2013 / Празднова В.А., Зеленкова Т.В.; заявитель ФГБУ МНИИП. 8 с.
8. Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б.Д. Карвасарского. Спб.: Питер, 2002.
9. Уилбер К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия. М.: АСТ, 2004.
10. Холмогорова А.Б. Интегративная психотерапия расстройств аффективного спектра. М.: ИД «МЕДПРАКТИКА-М», 2011.

УДК 159.923

В.А. Зобков

Интеграция теории и практики в воспитании отношения человека к жизнедеятельности

Аннотация. Рассматривается вопрос об интеграции теории и практики в процессах воспитания отношения человека к жизнедеятельности, характеризующегося триединством отношения к себе, деятельности, другим людям. Интеграция такого воспитания возможна только в условиях целенаправленной деятельности в образовательных учреждениях, где обращается внимание не только на интеллектуально-волевое воспитание, а в большей мере на эмоционально-духовное развитие.

Ключевые слова: интеграция, системность, воспитание, отношение, жизнедеятельность, теория и практика.

V.A. Zobkov

Integration of theory and practice in the education of a person's attitude to life

Abstract. The article deals with the integration of theory and practice in the processes of educating a person's attitude to life, characterized by the trinity of attitude to oneself, activity, and other people. Integration of such education is possible only in conditions of purposeful activity in educational institutions, where attention is paid not only to intellectual and volitional education, but to a greater extent to emotional and spiritual development.

Keywords: integration, consistency, education, attitude, life activity, theory and practice.

Введение. Требования к личности молодого человека в связи с постоянно меняющимися социальными условиями возрастают. Они (требования), как правило, в основном соотносятся с повышением социальной активности, которая связана не только с усвоением современных знаний, формированием и развитием профессионально важных умений и навыков, хотя это актуально и важно, но в большей мере – с формированием субъектных качеств / черт личности: самостоятельности, инициа-

тивности, сознательного и ответственного отношения к выполняемой деятельности, креативности, духовности, что способствует вкладу в общественное развитие, так и осознанию целесообразности своей жизнедеятельности.

На необходимость теоретической и эмпирической разработки проблемы отношения человека к жизнедеятельности указывали В.Н. Мясищев (Мясищев, 1960), Л.И. Божович (Божович, 1968), В.А. Мазиллов (Мазиллов, 2016) и др. Так, В.Н. Мясищев рассматривал отношения человека как одну из важнейших категорий психологии, связывая её с развитием и формированием личности. При этом учёный указывал, что теоретические вопросы психологии отношений неразрывно связаны с практикой, характер и результаты которой требуют знания психологии человека.

Важнейшая цель воспитания ребёнка, учащегося – дать ему такое воспитание, которое способствовало бы развитию не только интеллектуально-волевой сферы психической деятельности, а было бы также направлено на активное развитие эмоционального, коммуникативного, мотивационно-смыслового компонентов психической деятельности, на формирование саморегуляции поведения и деятельности (Зобков, 2004; Зобков, 2012; Зобков, 2018). Итогом такого воспитания является развитое, здоровое тело, доброжелательное и ответственное отношение к делу (деятельности), самостоятельность и инициативность в решении насущных проблем, что обеспечивает успех и позитивные переживания в жизнедеятельности

Системность в воспитании отношения человека к жизнедеятельности

Целенаправленное наблюдение за поведением ребёнка, учащейся молодёжи в разных видах их деятельности, общения с другими детьми даёт конкретный психодиагностический материал, который следует использовать в процессах эмоционального, волевого, интеллектуального, коммуникативного, мотивационно-смыслового воспитания. Результатом развивающегося человека выступает сформированная система качеств / черт человека, характеризующих его с разных сторон и свойств, к которым следует отнести в первую очередь мотивацию и самооценку (Зобков, 2004; Зобков, 2020). Системность в воспитании указывает на две важнейшие характеристики человека как социального существа.

Первая характеристика обуславливает единство свойств и качеств / черт человека. Система свойств (мотивация, самооценка), качеств / черт человека, формируясь в общении и деятельности, находит своё проявление также в общении и деятельности, определяет отношение конкретного человека к делу (деятельности), другим людям (коллективу), самому себе и влияет тем самым на специфику организации субъект-субъектных взаимоотношений и субъект-объект-субъектных взаимодействий.

Личность, представляя собой единое целое, в котором каждое свойство, каждое качество / черта неразрывно связаны с другими, приобретает своё определённое значение в зависимости от взаимоотношений свойств и качеств / черт личности. Например, настойчивость как удержание уровня притязаний, уровня цели в ситуации, затрудняющей достижение цели действия, имеет положительное значение только в сочетании с социально-значимыми морально-нравственными качествами, с адекватной самооценкой. Совсем иное содержание будет иметь эта черта, если она непосредственно связана и является результатом лично-престижной мотивации, неадекватно завышенной или заниженной самооценки (упрямство, агрессивность, пассивность).

Вторая характеристика демонстрирует устойчивость свойств и качеств / черт личности. При всей пластичности и изменчивости психологических проявлений личности отчётливо выступает относительное постоянство её психологического склада, что позволяет с определенной вероятностью прогнозировать поведение конкретной личности в той или иной ситуации. Отметим, что лишь бы психологический склад развивающегося человека был сформирован так, чтобы благоприятно воздействовал на развитие социальной действительности, самого себя, людей, с которыми происходит непосредственное и опосредованное взаимодействие. Другими словами, чтобы в процессах воспитания детей и учащейся молодёжи обращалось особое внимание на формирование позитивного отношения растущего человека к жизнедеятельности как триединства отношения к себе, деятельности, другим людям.

Однако, практика показывает, что в настоящее время существуют только теоретические призывы к формированию активной творческой позиции человека, наблюдается слабая направленность в воспитательном процессе становления качеств / черт, обуславливающих позитивное, социально-активное отношения к себе, деятельности, другим людям, где формируется и проявляется самостоятельность, инициативность, трудолюбие, ответственность, организованность, дисциплинированность, отзывчивость, познавательная активность, настойчивость, уверенность, общительность, целеустремлённость и др. Именно перечисленные качества / черты будут определять мотивационную направленность человека, лягут в основу его самооценки, характеризуя в целом индивидуально-личностную составляющую человека, оказывающую в дальнейшем влияние на продуктивность его жизненного пути.

Индивидуально-личностное развитие человека осуществляется в той социальной среде, в которой человек проживает, учится, общается, взаимодействует. Социальная среда формирует социальное поведение, усваиваемое, прежде всего, в результате действия социальных факторов, к которым, в первую очередь, следует отнести социально-организованные – семью, средства массовой информации, воспитательно-образовательные учреждения, трудовые коллективы, и во вторую очередь – социально-стихийные факторы: улицу, места проведения досуга, различного рода молодёжные группировки.

Мы считаем, что ту общественную психолого-педагогическую систему, которая существовала ранее и была направлена на воспитание личности с активной жизненной позицией школьника, студента, рабочего, служащего, гражданина, следует возродить. Психолого-педагогическая технологическая система – это октябрятские, пионерские организации в школах, комсомольские организации в средних и высших специальных учебных заведениях, в армии, в трудовых коллективах. Основным смыслом названных организаций как социальных факторов индивидуально-личностного развития человека связан с постепенным и непрерывным формированием патриотического, нравственно зрелого человека, что находит свое проявление в сознательной учебе, социальной активности во всех сферах общественно-трудовой деятельности. В данном случае претензии многопартийной системы нашего общества на возрождение определённых традиций социалистического общества, в большинстве своём положительных, могут быть отклонены, так как деятельность будет направлена на формирование общественно значимой личности молодого человека, за которым стоит будущее России. Возрождение общественных детских и молодёжных организаций – это путь по преодолению кризисного состояния молодёжной среды в современной России, это социальные факторы формирования субъекта жизнедеятельности, содержанием которой является сознательное и ответственное отношение человека к себе, деятельности, другим людям, Родине. В этих общественных организациях, как правило, происходит слияние теории и практики воспитания отношения человека к жизнедеятельности.

Заключение.

Отношение человека к жизнедеятельности – это интеграция отношения к себе, деятельности, другим людям, где специфически проявляется единство индивидуального, личностного и субъектного, оказывающего существенное влияние на продуктивность жизнедеятельности. Хотя в настоящее время ставятся вопросы об интеграции теории и практики в воспитании позитивного отношения к жизнедеятельности, однако практика показывает, что имеется существенный разрыв между теорией и практикой. На практике всё значительно сложнее и не всегда теоретические положения подтверждаются на практике. В воспитании отношения человека к жизнедеятельности акцент, как правило, делается на развитии интеграции интеллектуального и волевого компонентов психической деятельности и недостаточно внимания уделяется эмоционально-нравственному воспитанию, без которого личность теряет духовность, приобретая взамен ориентацию на деньги, власть, богатство, на потерю субъектности в триединстве отношения человека к жизнедеятельности

Заметим, что, хотя в настоящее время и ставятся вопросы по воспитанию личности молодого человека, однако отсутствует планомерная и целенаправленная психолого-педагогическая технология по формированию личности с социально-адекватным типом отношения к деятельности, в котором отражена эмоционально-духовная сущность Я-отношение/личность. На наш взгляд возрождение общественных детских и молодёжных организаций (октябрятские, пионерские организации, комсомольские организации в школах, средних и высших специальных учебных заведениях, в армии, в трудовых коллективах) – это путь по преодолению кризисного состояния в молодёжной среде в современной России, это социальные факторы формирования личности, ориентированной на сознательное и ответственное отношение к себе, деятельности, другим людям. Именно за такой молодёжью стоит будущее России.

Библиографический список

1. Божович, Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте / Л.И. Божович – М.: Просвещение. – 1968. 464 с.
2. Зобков, А.В. Личностно-деятельностные компоненты саморегуляции учебной деятельности в переходный от старшего школьного к студенческому периоду обучения: дисс. канд. психол. наук. Владимир. 2004. 214 с.
3. Зобков, В.А. Структурно-содержательные компоненты отношения человека к деятельности // Актуальные проблемы психологического знания. – 2012, №3. С. 88-92.
4. Зобков, В.А. Генезис отношения человека к себе / В.А. Зобков – Владимир: Калейдоскоп. – 2018. 172 с.
5. Зобков В.А. Методология личностного развития: учебное пособие для вузов. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. 172 с.

6. Мазилев, В.А. Отношение как категория методологии психологии / В.А. Мазилев // Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы. Владимир – М.: Изд-во «Транзит-ИКС». 2016. С. 31-37.

7. Мясичев, В.Н. Личность и неврозы / В.Н. Мясичев – Л.: ЛГУ. 1960. 427 с.

УДК 159.9

В.В. Козлов

Интегративный потенциал психоанализа

Аннотация. Автор статьи обнаруживает фундаментальные разногласия в психологии относительно основополагающей динамики человеческого ума, природы эмоциональных расстройств, техник психотерапии и прикладной психологии. Это относится не только к школам, которые возникли на базе таких априорно несовместимых философских подходов, как бихевиоризм и психоанализ, но также и к тем направлениям, основатели которых начинали, исходя из тех же или очень схожих посылок. Автор предполагает, что необходимо формирование интегративной психологии, которая могла бы разрешить эти противоречия и парадигмальные концептуальные оппозиции.

Ключевые слова: разногласия, парадигма, психоанализ, гипноз, субъект, психотерапия, теория.

V.V. Kozlov

The integrative potential of psychoanalysis

Abstract. The author of the article reveals fundamental disagreements in psychology regarding the fundamental dynamics of the human mind, the nature of emotional disorders, psychotherapy techniques and applied psychology. This applies not only to schools that arose on the basis of such a priori incompatible philosophical approaches, such as behaviorism and psychoanalysis, but also to those directions, the founders of which started from the same or very similar premises. The author suggests that it is necessary to frame an integrative psychology that could resolve these contradictions and paradigmatic conceptual oppositions.

Keywords: disagreement, paradigm, psychanalysis, hypnosis, subject, psychotherapy, theory.

Даже беглый взгляд на западную психологию обнаруживает фундаментальные разногласия относительно основополагающей динамики человеческого ума, природы эмоциональных расстройств, техник психотерапии и прикладной психологии. Это относится не только к школам, которые возникли на базе таких априорно несовместимых философских подходов, как бихевиоризм и психоанализ, но также и к тем направлениям, основатели которых начинали, исходя из тех же или очень схожих посылок.

Лучше всего это видно на примере сравнения теорий классического психоанализа, сформулированных Зигмундом Фрейдом, и концепций Альфреда Адлера, Вильгельма Райха, Отто Ранка и Карла Густава Юнга; все они вначале были его поклонниками и преданными учениками, а затем создали свои собственные школы, критикующие классический психоанализ.

Взгляды относительно психодинамики еще более усложняются, если учесть психологические системы, созданные духовными традициями Запада и Востока. Среди них можно назвать различные формы йоги, дзен-буддизма, випассану, ваджраяну, даосизм, суфизм, алхимию или каббалу (Козлов, 2018; Козлов, 2016; Фрейд, 1991). Существует огромный разрыв между большинством западных психотерапевтических школ и этими утонченными, изысканными теориями ума, сформировавшимися в результате многовековых глубинных исследований сознания. И все же существует преемственность между психоанализом, аналитической психологией Юнга и интегративной психологией. Все они принадлежат той традиции европейской психологии XX века, которая называется глубинной психологией (Козлов, 2007).

Самой влиятельной фигурой, оказавшей действие на все развитие гуманитарных наук 20-го столетия, вне сомнения была личность Зигмунда Фрейда. Любая теоретическая система, которая появилась во время жизни этого воистину великого психиатра, психолога и философа науки, находилась во взаимосвязи с его теоретическими и практическими исследованиями.

Сеансы гипноза, проводимые с истерическими больными Жаном Мартином Шарко в парижской больнице Сальпетриер, а также исследования гипноза, проводимые в Нанси Ипполитом Бернгеймом и Амбруазом Огюстом оказали глубокое влияние на профессиональное развитие Зигмунда Фрейда. Во время своего учебного путешествия во Францию Фрейд посетил группы Шарко и Нанси, где научился использованию гипноза. Он применял полученный навык в своих ранних исследованиях бессознательного пациентов. Ранние аналитические рассуждения Фрейда были вдохновлены его работой с одной пациенткой, страдавшей истерией, которую он лечил совместно со своим другом Джозефом Брейером. Эта пациентка, которую Фрейд в своих работах называет мисс Анна О. переживала эпизоды спонтанных необычных состояний, в которых она постоянно возвращалась в детство. Возможность наблюдать переживание травматических воспоминаний, происходившее в этих состояниях, а также психотерапевтические эффекты этого процесса оказали глубокое влияние на становление идей Фрейда (Козлов, 2007).

Однако ввиду многих причин, в том числе что Берта Паппенгейм не вылечилась и была помещена в психиатрическую больницу, Фрейд в дальнейшем радикально изменил свою стратегию. Он отказался от использования гипноза и переместил акцент от непосредственных переживаний к свободным ассоциациям, от действительной травмы к фантазиям по поводу эдипова комплекса, от сознательного переживания и эмоционального отреагирования бессознательного материала к динамике переноса. Оглядываясь назад, можно сказать, что эти перемены были неудачными: они ограничили западную психотерапию и задали ей на последующие пятьдесят лет неправильное направление (Гроф, 1994). В результате, психотерапия первой половины двадцатого века стала практически синонимом беседы – разговорами один на один, свободными ассоциациями психоанализа и снятием поведенческих обусловленностей.

Как только психоанализ и другие формы вербальной психотерапии набрали силу и завоевали репутацию, статус непосредственного эмпирического доступа к бессознательному драматически изменился. Необычные состояния, ранее считавшиеся потенциально лечебными и способными предоставить ценную информацию о человеческой психике, стали связываться с патологией. С тех пор основным методом лечения этих состояний, если они возникают спонтанно, стало их подавление любыми средствами. Прошло много лет с тех пор, как специалисты начали вновь открывать ценность необычных состояний и непосредственных эмоциональных переживаний.

После отказа от применения гипноза Фрейд разрабатывает основной психоаналитический метод – метод свободных ассоциаций. В это время формируются основные положения фрейдовского учения о бессознательном: понятие о сопротивлении и учение о вытеснении, представление об основных типах влечений и стадиях их развития, понятие так называемого “Эдипова комплекса” и т.д. Принципиальное значение приобретает анализ так называемого феномена переноса. После 1914 года происходят изменения и дополнения в учении о влечениях, вводится представление о двух основных влечениях: “Эросе” и “Танатосе”. Принимает окончательный вид представление об основных инстанциях личности: “Я”, “Оно” и “Сверх-Я”. Таким образом, к двадцатым годам нашего столетия психоанализ сложился как принципиально законченное представление о структуре и функционировании психического.

Классический психоанализ исходит из того, что травматические переживания, аффективные переживания, неисполненные желания, конфликты и т.д. не исчезают бесследно из психики, а подвергаются вытеснению в бессознательное, где продолжают активно воздействовать на психическую деятельность, проявляясь часто в зашифрованной, замаскированной форме в виде символов, невротических симптомов. Они рассматриваются Фрейдом как компромиссные психические образования, возникшие в результате столкновения вытесненных влечений с противостоящей им внутренней цензурой сознательного “Я”. Такого же рода компромиссные психические образования Фрейд видел в сновидениях и ошибочных действиях (оговорках, описках, забывании слов, впечатлений и намерений, знаний и т.д.), островах. Эти наблюдения вывели Фрейда за пределы собственно психиатрии и поставили проблему связи между нормальными и патологическими явлениями психики: в тех и других существуют общие психические механизмы символизации, замещения, компенсации (Фрейд, 1991).

Согласно Фрейду, каждое психическое явление должно быть раскрыто в трех аспектах: динамическом (как продукт взаимоотношений разных сил); энергетическом (энергетические взаимоотношения в реальном психическом процессе); структурном (место и роль сознательного, предсознательного и бессознательного: “Оно”, “Я”, “Сверх-Я”).

Для демонстрации рассмотрим динамику двух основных влечений человека: влечение к жизни (Эрос) и влечение к смерти (Танатос).

Влечение к жизни (Эрос) действует по принципу наслаждения и стремится к упрочнению целостности жизни. Танатос стремится к возвращению в бессознательное состояние, предшествующее рождению, и действует по принципу нирваны. В своей активности оба основных влечения сталкива-

ются с внешним миром, который для них слишком беден и враждебен, чтобы обеспечить непосредственное удовлетворение влечения к жизни, он провоцирует существенные изменения основных влечений, происходящие на основе их переориентации и торможения. Результат – заторможенное, отсроченное, основанное на замещении, но лишь благодаря этому относительно надежное и приносящее пользу удовлетворение влечений. Динамика влечений, таким образом, выступает как борьба между Эросом и Танатосом, Эроса с внешним миром и Танатоса с внешним миром.

Учение о различных формах и проявлениях психической энергии было разработано еще в 90-е годы позапрошлого века. Фрейд считал: основная психическая энергия заключена в “либидо”. Учение о психической структуре Фрейда сводится к следующему: психика как некая целостность состоит из трех структур – “Я”, “Оно”, “Сверх-Я”.

Наиболее архаическая, безличная, всецело бессознательная часть психического аппарата получила наименование “Оно”. Это резервуар психической энергии, где локализованы все основные влечения, стремящиеся к немедленному удовлетворению. Эта часть психики лишена контакта с внешним миром и не знает различия между внешней реальностью и субъективной сферой.

Вторая психическая структура – “Я”, формируется как оттиск внешней реальности на начальной массе влечений и импульсов. “Я” формируется, по мнению Фрейда, под влиянием механизма идентификации. “Я” – посредник между “Оно” и внешним миром, влечением и удовлетворением. “Я” руководствуется принципом реальности, сдерживает бессознательный натиск “Оно” с помощью защитных механизмов, таких, как вытеснение, проекция, регрессия, реактивное образование, идентификация, инверсия.

“Сверх-Я” формируется в результате интроекции социальных норм, воспитательных табу и поощрений и выступает как источник моральных установок личности. “Сверх-Я” функционирует большей частью бессознательно, проявляясь в сознании как совесть, вызываемые им напряжения в психической структуре воспринимаются как чувства страха, вины, депрессии, неполноценности.

Самой красивой метафорой, которая показывала роль личности в функционировании целостной психики, была метафора айсберга. При этом лишь надводная часть этой ледяной глыбы сопоставлялась с Эго, а основная же масса – с бессознательными Ид и Супер-Эго. Даже эта метафора показывает, что предмет исследовательского интереса Фрейда не ограничивается функционированием Эго, а многие феномены, обозначенные им, такие, как либидо, травма рождения, Танатос, Эрос, мифологические протосценарии, имеют поистине интерперсональное и трансперсональное звучание (Козлов, 2007).

Экспериментальные данные, полученные С. Грофом во время исследований по психоделической терапии в Праге, показали, что при глубоких переживаниях, связанных со смертью и биологическим рождением, система Фрейда становилась бесполезной для понимания происходивших процессов. Определенные аспекты процесса смерти-возрождения, особенно значение смерти и кризис смысла, можно было интерпретировать уже с точки зрения экзистенциалистской философии и психотерапии. Особенно это касается разрешение 5 великих проблем и фактов бытия – абсурдности, тварности, никчёмности, одиночества и страдания с целью переживания (но не окончательного приобретения) смысла, бессмертия, могущества, слияния-единения, наслаждения (Козлов, 2016а; Козлов, 2016б; Козлов, 2016в; Козлов, 2010).

Безудержная энергетическая разрядка и последующее разрушение мышечной “брони”, происходящие в менее выраженной форме на биографической стадии, достигают в ходе перинатальных процессов крайней интенсивности. И, например, для работы с такими аспектами психоделического опыта могут быть чрезвычайно полезны терапевтические приемы и концепции, разработанные Вильгельмом Райхом (Гроф, 1994; Козлов, 2010).

По мнению Грофа, основная проблема западной психотерапии, заключается в том, что по разным причинам отдельные исследователи сосредоточили свое внимание преимущественно на одном определенном уровне сознания и обобщили результаты, распространив их на человеческую психику в целом. По этой причине они заблуждаются в главном, хотя могут получать полезные и довольно точные описания уровня, с которым работают, или одного из основных его аспектов (Гроф, 1994).

Одновременно следует отметить, что вклад психоанализа в развитие трансперсональной и интегративной психологии огромен. Чтобы понять это, следует еще и еще раз перечитывать и осмысливать великое наследие Фрейда из точки трансперсонального и интегративного понимания психологии.

Фрейд был выдающимся пионером в расширении границ человеческой психической реальности. Вне сомнения его героические попытки тотального расширения модели мира европейского мышления не всегда удачны, и часто являются ретрансляцией идей, содержащихся в древних духовных традициях и философии, но вне сомнения благородны и искренни.

Как известно, первоначально он сложился как метод лечения неврозов; затем превратился в общепсихологическую теорию, поместившую в центр внимания движущие силы душевной жизни, мо-

тивы, влечения, смыслы; впоследствии стал одним из важных направлений психологии XX в. Психоанализ - первая психологическая теория, которая вычленила в качестве предмета личность и попыталась объяснить ее динамику.

Фрейд не только вычленил личность в качестве предмета психологического исследования и терапии, но и впервые предпринял попытку раскрыть ее в динамическом (как продукт взаимоотношений разных сил), энергетическом (энергетические взаимоотношения в реальном психическом процессе) и структурном (место и роль сознательного, предсознательного и бессознательного).

Фрейдом выдвинуто три принципиальных тезиса, которые показывают пионерский характер психоанализа как важного этапа развития психологии:

А) новый предмет, расширение предмета психологии до личности, сложной топологически, динамически и энергетически, и основная задача психоанализа состоит в том, чтобы помочь страдающему человеку понять истинную причину страданий, скрытую в бессознательном, вспомнить забытые травмирующие переживания, сделать их сознательными и как бы пережить заново; это приводит к эффекту катарсиса. Выявить скрытое, сделать бессознательное содержание осознанным - а значит, доступным осмыслению и отчасти контролю - такова задача психоанализа как психологического метода.

Б) новое отношение к предмету, привнесение нового субъект-субъектного диалогического отношения к личности в отличие от субъект-объектного медико-биологического отношения в физиологической психологии. Общие принципы и задачи психоанализа (Э. Фромм) проявляют именно эту сущность второй волны психологии:

- задача психоаналитического лечения - приспособление клиента. Приспособление понимается как способность человека действовать так, как действует большинство людей данной культуры, и принимает социально одобряемые образцы поведения как критерии душевного здоровья. Эта терапия ориентирована только на социальное приспособление и может снизить страдания невротика до среднего уровня. «Приспособленный человек» выставляет себя товаром, в коем нет ничего устойчивого и определенного, кроме потребности доставлять удовольствие и готовности менять роли. Измена высшему Я и человеческим ценностям ведут к внутренней пустоте и непрочности, в конечном счете, к психогенным болезням.

- задача психоанализа - оптимальное развитие личностных способностей и реализация индивидуальности. Она ориентируется на исцеление души и обретение душевного здоровья, кое неотделимо от основной человеческой проблемы - достижения целей жизни: нравственности, цельности и способности любить. Эта терапия помогает достичь внутренней силы, цельности, уверенности в себе, способности суждения и объективной оценки, что делает ее менее уязвимым и зависимым от меняющихся времен и чужих мнений.

В реальной психоаналитической практике различия общих принципов терапии, в общем, нет. Оба принципа действуют совместно, хотя их соотношение в любом конкретном анализе различно. Понимание этого соотношения и акцентирование на одном из принципов может повысить эффективность психологической помощи.

Если в физиологической и многих других парадигмах и школах психологии мы имеем дело с человеком как объектом исследования, управления, терапии, лечения, манипуляции, то в психоанализе мы уже видим «живого-другого», партнера по взаимодействию, который имеет свой голос и свободен в решении, выборе - вплоть до принятия или неприятия психотерапевтической аналитической игры.

В) новые психологические методы взаимодействия с предметом. В этом аспекте мы можем зафиксировать появление новых и сущностно психологических методов взаимодействия с предметом: ассоциативный метод, анализ снов и толкование сновидений, анализ и толкование различных ошибочных и непреднамеренных (случайных) симптоматических действий повседневной жизни (Козлов, 2007).

Радикальные изменения, происходящие сегодня на планете в сфере межгосударственных отношений, диалога культур, развития науки, образования, утверждения нового мышления и глобального сознания представляют собой различные стороны единого процесса антропосоциотрансформации, имеющего следующие характерные особенности:

Во-первых, современный исторический период не просто новый век или новое тысячелетие, это качественно иной этап планетарной эволюции – становление глобальной цивилизации как единого субъекта.

Во-вторых, доминантой наступающего будущего является интеграция всех сторон человеческой деятельности в цифровой реальности, все более зримо проявляющих себя как аспекты единого процесса революционных изменений.

В-третьих, качественно новое состояние мира ставит человечество перед необходимостью активного и осознанного соучастия в формировании новой планетарной цивилизации. В ином случае вероятность ее деградации резко возрастает.

В-четвертых, происходящие процессы выдвигают человека в качестве ключевой фигуры нового века. Сохранение специфики и уникальности всего того, что было накоплено человечеством в ходе своей долгой истории – залог выживания общечеловеческих ценностей в изменившемся мире.

В-пятых, человечество находится в не имеющем аналогов интенсивном процессе глобализации и трансформации социально-политических структур, а также коммуникативных сетей, техноэко, сферы, активно влияющем на систему “человек – окружающая среда”.

На современной этапе развития пять базовых парадигм «правят балом» в пространстве науки и практики психологии: физиологическая и когнитивистская психология, психоанализ, бихевиоризм, экзистенциально-гуманистическая и трансперсональная парадигмы.

На наш взгляд, изучение всех пяти парадигм как равнозначных в психологии выполняет важнейшую развивающую функцию. Интегративная психология, основателем которого является автор статьи, считает, что ознакомление с основными духовно-религиозными и научными подходами, сделавшими вклад в парадигмальный строй психологии, осознание ценности каждого из них, (особенно психоанализа, который уже встроен в модель мира среднего европейца), разрушает стремление к поиску “истины в последней инстанции”, прививает научную терпимость, способствует формированию творческого, гибкого мышления и реализации высших духовных ценностей культуры.

Библиографический список

1. Гроф С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. Москва : ТПИ, 1994. 504 с.
2. Козлов В.В. Психология смерти / В.В. Козлов, М.В. Кукина. Москва : Институт консультирования и системных решений, 2016а. 376 с.
3. Козлов В.В. Основы духовной психологии: высшие состояния пробуждения. Москва : Институт консультирования и системных решений. 2018. 280 с.
4. Козлов В.В. Вечная психология. Москва : Институт консультирования и системных решений, 2021. 328 с.
5. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска, или освящение повседневности. Москва : Психотерапия, 2007. 528 с.
6. Козлов В.В. Психология буддизма. Четвертое колесо дхармы. Вологда : Древности Севера, 2016б. 296 с.
7. Козлов В.В. Психология любви. Москва, 2016в. 179 с.
8. Козлов В.В. Трансперсональная психология. Измененные состояния сознания, околосмертные переживания, интуиция, психология духовности. Москва : ЭКСМО, 2010. 510 с.
9. Мазилев В.А. Предмет психологии. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 186 с.
10. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. Москва : Наука, 1991. 456 с.

УДК 159.9

Т.В. Ледовская

Интеграция психологического знания как условие развития современной теории совладающего поведения

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-18-00157, <https://rscf.ru/project/18-18-00157/>

Аннотация. Проблема интеграции множества исследований в области педагогической психологии актуальна ввиду и непрерывного реформирования образования. Формулируется идея о том, что субъектно-деятельностный и системогенетический подходы в психологии обладают и теоретическими, и методологическими, и прикладными преимуществами перед другими подходами, что позволяет рассматривать их как надежное основание для развития современной теории совладающего поведения субъекта педагогической деятельности.

Ключевые слова: совладающее поведение, педагог, интеграция, системогенез, междисциплинарность.

Integration of psychological knowledge as a condition for the development of the modern theory of coping behavior

Abstract. The problem of integrating many studies in the field of pedagogical psychology is relevant in view of the continuous reform of education. The idea is formulated that subjective-activity and systemogenetic approaches in psychology have both theoretical, methodological, and applied advantages over other approaches, which allows us to consider them as a reliable basis for the development of the modern theory of governing behavior of the subject of pedagogical activity.

Keywords: coping behavior, teacher, integration, systemogenesis, interdisciplinary.

Современные условия показывают, что образование и как ценность, и как процесс, и как результат претерпевает существенные изменения. Увеличение доли дистанционного обучения в реализации образовательного процесса обнаружило попытки обесценить труд педагога, заменить его на цифровые технологии, «оптимизировав» тем самым преподавательский сектор. В условиях и без того интенсивного изменения требований к подготовке профессионалов, подтверждается актуальность изучения психологии стресса и здоровья не только обучающихся, но и представителей преподавательского состава.

Профессиональное функционирование педагогов является особенно эмоционально-напряженным видом трудовой деятельности, так как профессия «педагог» относится к категории социономических (помогающих) и сопряжена с постоянным присутствием различного рода стрессоров и характеризуется повышенной эмоциональной насыщенностью. Все это требует от педагога наличия ресурсов для совладания со стрессом, навыков саморегуляции и самообладания. В связи с этим, нам видится актуальным изучение совладающего поведения в процессе профессионального становления педагога.

Проблема интеграции множества исследований в области педагогической психологии актуальна ввиду и непрерывного реформирования системы общего и профессионального образования, и необходимости поиска надежных методологических оснований для непротиворечивого понимания предмета педагогической психологии (Слепко, 2020).

Проблема совладания человека со стрессом рассматривается во многих областях науки: психологии личности (Крюкова, 2010) и педагогической психологии (Douglas, 2016; Tashimova, 2014), социальной психологии, клинической психологии, медицине (Wolfradt, 2003), психотерапевтической практике (Schlier, 2020). На сегодняшний день накоплен значительный опыт изучения отдельных аспектов совладающего поведения вообще, и в контексте педагогической деятельности, в частности – разработаны и адаптированы методы диагностики совладающего поведения, доказана детерминация совладания различными факторами, описаны закономерности совладающего поведения, его изменения в разные периоды жизни, рассмотрена система защитно-совладающего поведения педагога и мн.др. Ввиду этого актуальным для современной педагогической психологии является решение задачи интеграции всего обилия психолого-педагогического знания в целостную психологическую теорию становления совладающего поведения в педагогической деятельности.

В разработке теории совладающего поведения в педагогической деятельности должен предметом изучения выступать совладание педагога, наиболее перспективное понимание которого возможно средствами интеграции субъектно-деятельностного подхода (Абульханова К.А., Рубинштейн С.Л., Брушлинский А.В., Знаков В.В., Сергиенко Е.А., Крюкова Т.Л. и др.) и системогенетической теории (В.Д. Шадриков).

1. Рассмотрение совладающего поведения с точки зрения психологии субъекта позволяет проводить анализ совладающего поведения как поведения субъекта, детерминированного рядом факторов: диспозиционным (личностным), динамическим (ситуационным), социокультурным (экологическим) и регулятивным. Поскольку механизмы совладания используются человеком сознательно и целенаправленно, Т.Л. Крюкова относит совладающее поведение к факторам активности человека, называя его дескриптором субъекта и поведением субъекта (Крюкова, 2010).

2. Рассмотрение совладающего поведения в контексте системогенеза позволит рассмотреть развитие структуры совладающего поведения педагога на разных этапах профессиональной педагогической деятельности и в соответствии с кризисами профессионального становления (кризис поиска и выбора профессии, кризис профессиональный (учебно-академический, учебно-профессиональный и др.), кризисы самостоятельной профессиональной деятельности).

3. Структура деятельности в системогенетической концепции - это «целостное единство компонентов (предметных, психологических, физиологических) и их всесторонних связей, которые реализуют дея-

тельность» (Шадриков, 1982, с.14)», тогда как психологическая структура деятельности – «целостное единство психических компонентов и их всесторонних связей, которые побуждают, программируют, регулируют и реализуют деятельность» (Шадриков, 1982, с.14)». В соответствии с последним определением, нами предпринята попытка построения теоретической модели факторов совладающего поведения субъекта профессиональной деятельности как целостного единства психических компонентов и их всесторонних связей, которые побуждают, программируют, регулируют и реализуют совладающее поведение.

4. Разработанная в теории системогенеза технология психологического анализа деятельности (Карпов, 2005; Шадриков, 2013) позволит соотнести множество данных эмпирических исследований в общей и педагогической психологии в единое представление о развитии и функционировании психологической системы совладающего поведения на разных этапах и уровнях профессионального становления педагога.

5. Специфика развития психологической системы факторов совладающего поведения будет проявляться на уровне более мелких единиц ее анализа – элементов функциональных блоков системы. Каждый из них будет отражать специфическое психологическое содержание совладания, соответствующее уровню образования, педагогическому стажу, этапу и критериям профессионализации, индивидуальным способам организации и пр. Именно здесь открываются широкие возможности для интеграции всего многообразия накопленного в психологии знания о развитии субъекта совладания в процессе профессионального становления.

Библиографический список

1. Карпов А. В. Психологический анализ деятельности / А.В. Карпов, И.Г. Савин. Ярославль : ЯрГУ, 2005 144 с.
2. Корытова Г. С. Защитно-совладающее поведение субъекта в профессиональной педагогической деятельности : специальность 19.00.07 "Педагогическая психология" : дисс. на соискание ученой степени доктора психологических наук. Иркутск, 2007. 533 с.
3. Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни. Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. 296 с.
4. Слепко Ю. Н. Системогенез и проблема интеграции исследований в педагогической психологии // Педагогика и психология современного образования: теория и практика : материалы научно-практической конференции, Ярославль, 05–06 марта 2020 года. Ярославль: ЯГПУ, 2020. С. 267-271.
5. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. Москва : Наука, 1982. 182 с.
6. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. Москва : ИП РАН, 2013. 464 с.
7. Douglas H.E. Coping with University Education: The relationships of Time Management Behaviour and Work Engagement with the Five Factor Model Aspects / H.E. Douglas, M. Bore, D. Munro // Learning and Individual Differences. 2016. Vol. 45. Pp. 268-274.
8. Schlier B., Ludwig L., Wiesjahn M., Jung E., Lincoln T.M. Fostering coping as a mechanism of symptom change in cognitive behavioural therapy for psychosis // Schizophrenia Research. Volume 215, 2020. Pp. 416-423.
9. Tashimova F., Pfeifer N., Burdina E., Kudysheva A., Pigovaeva N. Dependence of Student's Educational Activity Meanings on the Peculiarities of Coping Behavior // Procedia - Social and Behavioral Sciences. Volume 136, 2014. Pp. 506-510.
10. Wolfradt U., Hempel S., Miles J.N.V. Perceived parenting styles, depersonalisation, anxiety and coping behaviour in adolescents // Personality and Individual Differences. - Volume 34, Issue 3, 2003. – Pp. 521-532.

УДК 159.9

В.А. Мединцев

Планирование интеграции психологического знания

Аннотация. При обсуждении проблематики интеграции психологического знания недостаточное внимание уделено вопросам её планирования. Поскольку раньше или позже эти вопросы станут актуальными, то есть смысл начать обсуждение вариантов интеграционного проекта в целом и его

плана, в частности. Возможно, единственный на сегодня план интеграции разработан В. А. Мазилковым и Ю. Н. Слепко, этот план может послужить образцом для авторов методологических инструментов интеграции. При разработке и обсуждении планов интеграции может открыться перспектива разрешения контроверз методологических подходов к интеграции, и эти исследования перейдут в новую фазу.

Ключевые слова: интеграция в психологии, проект, план, методологический инструментарий.

V. A. Medintsev

Planning the psychological knowledge integration

Abstract. When discussing the problems of integrating psychological knowledge, insufficient attention is paid to the issues of its planning. Since sooner or later these issues will become topical, it makes sense to start discussing the options for the integration project in general and its plan, in particular. Perhaps the only integration plan for today was developed by V. A. Mazilov and Yu. N. Slepko, this plan can serve as a model for authors of methodological integration tools. When developing and discussing integration plans, the prospect for resolving the controversy of methodological approaches to integration may open up, and integration studies will shift to a new phase.

Keywords: integration in psychology, project, plan, methodological tools.

Широк круг теоретико-методологических, организационных и других проблем интеграции в психологии, которые регулярно обсуждаются в публикациях, однако для формирования перспективы интеграции, полагаю, имеет смысл также уделить внимание разработке общего плана интеграции. На сегодня мне известен лишь один такой план, он был предложен В. А. Мазилковым и Ю. Н. Слепко ещё в 2017 г., но его обсуждений мне обнаружить не удалось (Мазилков, 2017). Ранее я комментировал ту часть упомянутой публикации, в которой рассмотрены механизмы интеграции (Мединцев, 2018), а теперь предлагаю свои суждения о планировании интеграции в психологии.

Возможно, я что-то пропустил, но в последующих работах уважаемых авторов упомянутого плана я не усмотрел дальнейшей разработки проблематики планирования, поэтому кратко изложу их план по публикации (Мазилков, 2017). В пункте 1 предусмотрено описание возможностей и условий применения основных положений коммуникативной методологии к осуществлению комплексных междисциплинарных исследований. Таким образом определён основной методологический инструмент интеграции – коммуникативная методология соотнесения теории и метода, которая обстоятельно разработана В. А. Мазилковым (см. также её обсуждение в (Мазилков, 2016)). Предусмотрены два направления её использования: для упорядочения и организации психологического знания (т. е. работа по интеграции психологического знания); практическое применение в исследованиях (для улучшения понимания позиций других исследователей) (Мазилков, 2016). Согласно пункту 2 необходимо на основе коммуникативной методологии разработать стратегию междисциплинарного исследования в области электоральной активности, спорта высших достижений, других разделов психологии и смежных с психологией дисциплин. Как мне представляется, этот пункт предусмотрен для апробации методологического инструмента и демонстрации его возможностей. В последующих 3-х пунктах предложено разработать: измерительные показатели методики и технологии реализации основных принципов коммуникативной методологии, необходимых для организации комплексных междисциплинарных исследований; методологический, методический и технологический инструментарий проведения междисциплинарных психолого-социологических и психолого-психофизиологических исследований; подготовить методический инструментарий для психолого-социологического и психолого-психофизиологического анализа, провести междисциплинарные исследования. В последнем (6-м) пункте плана предусмотрено обобщение результатов эмпирической и экспериментальной работы, завершение разработки методологии, теории и технологии интенсификации и экстенсификации интеграционных процессов в психологии.

Я рассматриваю этот план как компонент интеграционного проекта, аналогов которому, в том числе в зарубежных психологических публикациях, не нахожу. Различие между проектом и планом я вижу в том, что в первом определена не только последовательность шагов, но и подготовлен весь необходимый для их осуществления методологический инструментарий. Для конструктивного обсуждения этого плана, полагаю, необходима его более глубокая детализация, чтобы исключить возможные разночтения его содержания. К сожалению, этот план пока остаётся вне обсуждений, а без последнего, полагаю, его реализация возможна лишь в локальном эксперименте (для чего необходимы значительные исследовательские ресурсы). Помимо отмеченного, я вижу ценность этого плана

и возможного на его основе интегративного проекта в том, что он может послужить образцом для разработки других интегративных проектов.

Проблематика планирования интеграции осложняется тем, что для создания других интеграционных проектов также есть определённый инструментарий – методологические разработки в психологии, системологии и философии. Остановлюсь на некоторых из них.

Вопросы интеграции психологического знания многие годы разрабатывает В. Н. Панфёров на основе созданной им методологии интегрального синтеза (см. (Панфёров, 2017) и др.). Автор исходит из того, что: «Проблема целостного воспроизводства психологии человека как психологической реальности в научно-исследовательской деятельности и синтезе знаний о человеке является ключевой проблемой психологического познания» (Панфёров, 2017, с. 11). Методологическую конкретизацию такого синтеза предложено осуществить через классификацию шести основных психологических парадигм: психофизиологической, психофизической, психо-рефлексивной, деятельностно-психологической, социально-психологической, психоаналитической. Каждая из указанных парадигм освещает одну из граней взаимодействия человека с миром, каждая из граней взаимодействия является частью предметной целостности психической организации человека. Сложение этих граней в геометрическую фигуру даёт куб как теоретическую модель целостной психической организации человека. Каждая точка на гранях этого куба изображает какое-либо свойство, психологическое качество или психическое образование, она может быть связана с другими точками, расположенными на других гранях, образуя вариации корреляционных отношений между ними. Поиск этих отношений в конкретных исследованиях должен удовлетворить парадигму интегрального синтеза при изучении индивидуальных особенностей психической организации человека.

Если я верно понял идею подхода, то речь идёт не об интеграции психологических теорий, существующих во всех отраслях психологической науки, а об универсальном методологическом инструменте для описания всей известной психологической феноменологии. Не берусь охарактеризовать этот подход как интегративный проект (в приведённой выше моей трактовке последнего) или как план интеграции (поскольку пока нет описания этапов его реализации), но нахожу возможным разработку интеграционного проекта на рассмотренной методологической основе.

Сходной я нахожу ситуацию с подходом, который разрабатывает В. А. Янчук. Для решения проблемы дезинтеграции современного психологического знания он предложил опираться на социокультурно-интердетерминистскую диалогическую метатеорию (см. (Янчук, 2016) и др.). В соответствии с ней любой психологический подход и феномен, ставший предметом психологического изучения, может быть расположен в точке четырёхмерного континуума. Обосновано рассмотрение трёх четырехмерных континуума психологической феноменологии, системообразующим универсальным основанием которых является культура. Указанные континуумы выделены по критериям разнокачественности природ, сфер психического и детерминант поведения. Даже при беглом сравнении с подходом В. Н. Панфёрова можно отметить сходство позиций, с которых исследователи рассматривают интегративную проблематику. При этом существенным представляется использование В. А. Янчуком в своей теоретической модели понятия «культура» и привлечение диалогической методологии для описания взаимодействий между компонентами модели, что, полагаю, плодотворно для описания психологической феноменологии. Что касается планирования интеграции на основе этого подхода, то оно представляется вполне возможным, но пока не реализованным. Первым шагом на этом пути мне представляется интеграция подходов В. А. Янчука и В. Н. Панфёрова в один методологический инструмент возможного интеграционного проекта.

В дискуссиях об интеграции психологического знания одна из позиций заключается в том, что решить вопросы интеграции в психологии невозможно без опоры на методологию, которая базируется на интегративной философской концепции. К примеру, в (Borghini, 2019) отмечено, что: «...эмпирически ориентированная философия может сыграть главную интегративную роль, помогая создать более соответствующее представление о предметной области и выявляя междисциплинарные связи» (с. 1, перевод В. М.). И это было бы осуществимо, если бы сама философия не была дезинтегрирована (см., например, о философских проблемах современной психологии (Edelman, 2012)). А пока современное философское знание можно рассматривать скорее как источник трудностей интеграции психологического знания. Тем не менее идея синтеза знания издавна является одной из линий развития философии. Показательным в этом смысле является современный вариант философии синтеза, разработанной В. И. Моисеевым. В его трудах представлен проект, как пишет автор: «новой логической системы, средствами которой можно впервые универсально выразить разного рода синтетические процедуры как в области знания, так и в самой реальности. Это некая «Логика Открытого Синтеза», которую я предполагаю построить как настоящую аксиоматическую систему

— со своим языком, аксиомами, правилами логического вывода и т. д.» (Моисеев, 2010а, с. 16). В психологическом разделе исследования центральным звеном является трактовка «души»: «Душа – онтологическое основание психологических синтезов, поскольку сама душа являет собою высший синтез всех индивидуальных проявлений субъекта. Выделяя те или иные частные стороны этого синтеза средствами различных своих школ, психология обречена со временем возвести эти стороны к некоторому высшему единству» (Моисеев, 2010б, с. 530). При том, что в данном контексте содержательно неразличимы понятия «синтез» и «интеграция», полагаю, имеет смысл рассматривать этот подход как общенаучную концепцию интеграции знания. Его методологическим ядром является аксиоматико-дедуктивная теоретическая модель, построенная на основе математической теории множеств, а синтез заключается в возможности единообразного описания математических структур всех существующих теоретических моделей, в том числе в психологии. Добавлю, что этот подход остаётся вне поля зрения психологов, в том числе ориентированных на решение интеграционных проблем. Полагаю, что, по крайней мере обсуждение этой философской методологии интеграции способствовало бы формированию интеграционного проекта в психологии.

Значительная часть научного наследия Г. А. Балла связана с совершенствованием методологического инструментария психологической науки, многие разработки направлены на повышение логического совершенства психологических дискурсов и преодоление их методологической разобщённости (Мединцев, 2017). Перспективу такого совершенствования он видел, в том числе, в использовании формализованных описаний. В этой методологической перспективе была выдвинута идея подхода, в котором возможно описание научно-психологической проблематики через наиболее общее гуманитарное понятие культура и наиболее общее математическое понятие множество. Эта идея была реализована в методе теоретико-множественного описания процессов (Мединцев, 2017 и др.). Мы рассматриваем этот метод как вариант универсального, для человековедческих наук, инструмента исследований. Его использование заключается в описании процессов и их компонентов, предмет исследования должен быть представлен в соответствии с его теоретической моделью, построенной согласно универсальной теоретико-множественной форме. Полагаю, этот метод может быть рассмотрен не только как компонент интегративного проекта, но и как инструмент разработки плана этого проекта (в частности, вариант планирования этапов исследований рассмотрен в (Мединцев, 2019)).

Разработка плана интеграции – это часть исследовательской работы, и такое исследование тоже должно быть проведено по плану. Я не сторонник того, чтобы множить итерации планов, но реалистичный план предполагаемой интеграции возможен только при совместном его обсуждении и принятии (разумеется, это лишь необходимое условие, но не достаточное – есть и другие). При этом за основу может быть положен уже готовый план некоторого исследовательского коллектива, в частности тот, который предложили В. А. Мазилев и Ю. Н. Слепко.

Заключение. На нынешнем этапе исследований по интеграции психологического знания сложились предпосылки для предложений и обсуждений компонентов интеграционного проекта, в частности плана его осуществления. Как отмечено в статье, из рассмотренных методологических инструментов интеграции лишь один является частью продуманного плана интеграции. В иной ситуации – будь другие методологические подходы встроены их создателями в планы интеграции – необходимо было бы проводить сравнение планов, например, переходить к обобщениям по результатам их коммуникативно-методологического анализа. Но пока предложен лишь один план и ряд методологических инструментов интеграции в психологии. В этом случае, как представляется, одним из компонентов интеграционного плана должен стать механизм выбора (или формирования на основе анализа и обобщений) основного методологического инструмента проведения интеграции.

Надеюсь, коллеги, заинтересованные в конструктивном развитии интегративных исследований, внесут свои предложения относительно планирования интеграции в психологии. При их обсуждении, возможно, откроется и новая перспектива разрешения контроверз методологических инструментов интеграции, а интеграционные исследования перейдут в новую фазу.

Библиографический список

1. Мазилев В. А. Коммуникативная методология и интеграция психологического знания // Ярославский педагогический вестник. 2016. №3. С. 181–191.
2. Мазилев В. А. Объяснение и понимание в психологической науке. Ответ В. А. Мединцеву // Теоретичні дослідження у психології: монографічна серія / Сост. В. О. Мединцев. Том XI. 2020. С. 49–86. doi: 10.24411/2616-6860-2020-10016.
3. Мазилев В. А., Слепко Ю. Н. Интеграция в психологии // Социальный психолог. 2017. выпуск №1 (33). С. 67–75.

4. Мединцев В. А. Основные системологические идеи Г. А. Балла в психологии и человековедении // Перспективы психологической науки и практики: сборник статей Международной научно-практической конференции. РГУ им. А. Н. Косыгина, 16 июня 2017 г. / под ред. В. С. Белгородского, О. В. Кашеева, И. В. Антоненко, И. Н. Карицкого. М.: РГУ им. А. Н. Косыгина, 2017. С. 91–94.
5. Мединцев В. А. Проблемы, решаемые интеграцией психологического знания; направления и ареалы её реализации // Теоретичні дослідження у психології. Том V. 2018. С. 91–111.
6. Мединцев В. А. Процессуальная трактовка методов теоретического исследования // Теоретичні дослідження у психології: монографічна серія / Сост. В. О. Медінцев. Том VIII. 2019. С. 64–87.
7. Моисеев В. И. Логика открытого синтеза: в 2-х тт. Т.1. Структура. Природа. Душа. Книга первая. СПб.: ИД «Мирь», 2010а. 744 с.
8. Моисеев В. И. Логика Открытого Синтеза: В 2 томах. Том 1: Структура, Природа и Душа. Книга вторая. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2010б. 743 с.
9. Панферов В. Н. Методология интегрального синтеза в психологическом познании (110-летию со дня рождения Б. Г. Ананьева посвящается) / Интегративный подход к познанию психологии человека: В. Н. Панферов, В. В. Знаков, Е. Ю. Коржова и др. / Под научной редакцией Е. Ю. Коржовой. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. С. 11–30.
10. Янчук В. А. Социокультурно-интердетерминистская диалогическая метатеория интеграции психологического знания в контексте проблемы социального прогресса Сборник материалов международной научно-практической конференции: В 8 частях. Часть 1 / Под ред. В. С. Белгородского, О. В. Кашеева, В. В. Зотова, И. В. Антоненко. М.: ФГБОУ ВО «МГУДТ», 2016, с. 317–324.
11. Borghi A. M. and Fini C. Theories and Explanations in Psychology. Front. Psychol. 2019. 10:958.
12. Edelman S. Six challenges to theoretical and philosophical psychology. Front. Psychology. 2012. 3:219.

УДК 301.151, 88.6

Я.В. Токарев

Интегративный взгляд на семантику в онтопсихологии

Аннотация. В статье рассмотрено улавливание, перехват, устранение и контроль семантического поля.

Ключевые слова: семантика, интегративный взгляд, онтопсихология, семантическое поле, психосемантика.

J.V. Tokarev

Integrative approach on semantics in ontopsychology

Abstract. The article deals with the capture, interception, elimination and control of the semantic field.

Keywords: semantic, integrative approach, ontopsychology, semantic field, psychosemantic.

Введение. Интегративный взгляд дает возможность уловить сознание как «саморазвивающееся неструктурированное пространство, способное наполнять реальность смыслом, отношением и переживанием» (Козлов, 2012). Это осознание истинно как для онтогенеза, так и филогенеза сознания для человека и общества в целом.

Такой взгляд помогает совместить телесные ощущения и духовные переживания воедино и продемонстрировать, в каких случаях можно достичь с его помощью истинной целостности и аутентичности. Проблема деления души и тела снимается, то есть психосоматическое единство становится единым. Идеи интегративного взгляда к процессам личности успешно применяются в психологии и организации тренингов. Конечно же, его применение в психологии находится на начальном этапе.

«Как правило, за демонстрируемыми личностными проблемами стоят более глубокие неосознаваемые структуры (гештальты, системы конденсированного опыта, целостности, психической реальности, субличности и т.д.). Они являются не только своеобразными паттернами связи индивидуальной психики с окружающим миром и несут определенный личностный смысл, но и являются отражение глубинных интерперсональных и трансперсональных измерений» (Козлов, 2012).

Для однозначного понимания дальнейших утверждений и выводов рассмотрим основные понятия и термины.

Онтопсихология (от др. греч. «ontos» – бытие, «logos» - изучение и «psyche» - душа) – исследование психической деятельности и ее первичной причинности. Это эпистемическая наука, так как отображает «элементарный принцип, являющийся критерием реальности, функциональным для человеческой логики» (Менегетти, 2007, с. 150). Данной науке удалось выявить элементарные основания человечества в целом. В связи с этим, можно полагать, что она в одинаковой мере применима к каждому бессознательному и каждой культуре. Она подтверждается исключительно фактами: исчезновением симптома и усилением интегрального проекта человека. Онтопсихология - это практика. В случае если субъект не проявляет сознательного сопротивления, применение онтопсихологического метода диагностики и лечения однозначно приводит к ожидаемому результату. Отличие онтопсихологии от других наук состоит в ее собственных эксклюзивных открытиях. По сути, онтопсихология обнаружила три аспекта действительности, основные для осмысления человеческого существования: онто Ин-се – формальная и виртуальная сущность; семантическое поле – перемещение; монитор отклонения – искажение.

В своем труде «Тезаурус» А. Менегетти отмечал, что объектом изучения онтопсихологии является психическая деятельность, свойственная человеческой феноменологии, то есть онтопсихология изучает психический опыт человека, определяет его причины и элементы, способные его упорядочить. «Практика онтопсихологии заключается в распознавании, выделении и применении онто Ин-се, что возвращает человеку способность к аутентичности и креативному развитию в рамках собственного существования» (Менегетти, 2007, с. 154). Согласно А. Менегетти, Психика (от греч. «psycho» - дую, вдыхаю и «psyche» - жизненное начало, жизненный принцип, жизненная сила) - причинная энергия, индивидуализированная в единство действия (при рассмотрении человека). «Сама по себе, являясь причинной энергией сенсорной феноменологии, всегда обратимая и постоянная, при этом проявляясь в пространственно-временных координатах, остается отличной от них» (Менегетти, 2007, с. 196).

«Действие, лежащее в основе модальности мышления и мотивации человеческого существа, в том числе внешних соматических проявлений (тело - это слово, психическое - смысл) (Менегетти, 2007, с. 197). Психическую «реальность» (бессознательное, импульсы, ассоциации, онейрические переложения, галлюцинации, видения и т.д.) следует понимать с той же конкретностью, с какой физик воспринимает материю. Это субъективный мир, действующий как интернациональность, предвосхищающая различную феноменологию, уже формализованное мышление или акт, разум или сознательная воля, фантазирование, художественное творчество и сновидения. В свою очередь психическая деятельность всегда невидима. Мышление или сознание являются феноменологией; и невозможно разглядеть их причину в себе. Когда мы размышляем, то уже отражаем: наше сознание прочитывает только лишь феноменологию. Онто Ин-се - это корень психической деятельности, проект природы, создающий человеческое существо. В последней редукции психическая деятельность - это формализующая потенция. Чистая психическая деятельность является не столько энергией, сколько процессом формализации. Образы являются структурами, с помощью которых возможно реализовывать любое энергетическое изменение. Принцип действует только посредством образов.

Под «психической деятельностью» стоит понимать первичное и основополагающее самодвижение конкретного человека, которое затем проявляется в виде мыслей, эмоций, темперамента, характера, памяти, воли, знания. Под психической деятельностью понимается базовая энергия универсума, обладающая свойством преобразовываться непочатой в первоначале, проявляясь вовне. Если она производит следствия, то в этом случае реорганизуется в собственной причине, в связи с этим циркулярна относительно центра. Таким образом, нет необходимости сводить сущность психической деятельности» только к мыслям, воспоминаниям, эмоциям, психосоматике: они являются всего лишь феноменологией психического импульса. Сама по себе психика постоянно ускользает от каких бы то ни было измерений, присутствуя как явность. Психическая деятельность – это модель определяющая присутствие и специфику действия. Сложность состоит в том, что она проявляется отчасти на сознательном, отчасти на бессознательном уровне. В основе структуры лежат две формы: системы или социально-правовые стереотипы и бессознательные или цензурированные динамические ядра. Динамические ядра бессознательного доминируют в любом чужеродном образовании и отличаются от базисной идентичности субъекта. Таким образом, психическая деятельность (ум) обладает способностью, виртуальностью проявляться и вызывать следствия, оставаясь нетронутой в самой себе.

Информация (от лат. «in action formo, signo» - обозначить действие, придать действию структуру) - ввести новую причинность. «Моделирование» энергетического кванта, этапа существования согласно плану, или модусу, преследующему конкретную цель. Внедрение новой цели в динамиче-

ский, или жизненный, контекст. Формирование новых модулей поведения и ориентиров внутри определенного способа действия. Интуиция (от лат. «*intus actionis*» - внутреннее или сокровенное действие) - знать сокровенность действия. Видеть дело. Знать модусы, или внутренние структуры проекта действия или события. Улавливать координаты гештальта. Знать до появления следствий. Формализация априорного «Я» в «отношении к...». Позиция оптимальной функциональности онто Ин-се в отношении к какому-либо проекту или событию.

Поле (от греч. «*campo*» - сворачиваю, гну, огибаю вокруг) - Условное пространство отношений между двумя или несколькими силовыми точками. Фрагмент динамического движения, преобладающий над другими постоянными динамиками. «Под «семантическим» в онтопсихологии понимается виртуальность, способность запускать следствия, сообразные информации векторной интенциональности» (Менегетти, 2010, с. 216). Таким образом, семантическое поле – это информация, которая, дойдя до адресата, до любого живого существа, структурирует в нем эмоцию, вызывая психомотивное, органическое изменение. Когда переданная энергия достигает единства действия получателя, энергия последнего меняется, формализуется согласно воздействовавшей на него информации. «Информационный передатчик» означает, что модуль осуществляет переход энергии, но не переносит ее. В свою очередь, опосредование информации всегда синергично: оно не перемещает энергию, но есть с энергией. Речь идет не о логическом, а о природном делении. В природе энергия и форма неотделимы друг от друга. Разделить их возможно лишь рационально. Нужно отметить, что семантическое поле уже предполагает универсум энергии во всех своих смыслах. Кроме того, одного семантического поля не существует, мы находимся в сети семантических полей.

Лидер - это тот, кто умеет служить, наладить гармоничные отношения между всеми операторами, будь то на предприятии или в ином контексте, с целью обеспечения максимальной специфической продуктивности, или интегрального результата. Лидер - это оперативный центр множества отношений и функций; это тот, кто умеет распознать пропорцию развития отношений жизни и, от ситуации к ситуации, применять нужную «формулу» для получения решения и реализации в социальном, политическом, экономическом аспекте.

Онто Ин-се или Iso, - это элементарная форма единства действия человека. Оно составляет базовый критерий идентичности индивида как личности и как точки отношения. Ядро, обладающее специфическим проектом, который идентифицирует и отличает человека как личность и как расу в биологической, психологической и интеллектуальной сфере. Его истоки восходят к универсальным принципам жизни. Онто Ин-се - энергетическое, мыслительное ядро, формальный принцип, структурирующий психобиологическую органику человеческого индивида; оно гарантирует и идентифицирует точность (или ее отсутствие) единства действия человека в историческом процессе.

Онтопсихология открыла критерии и проявления человеческой души, выделила потребности этой воплощенной духовной сущности. Душа - жизненный принцип, без которого наша жизнь невозможна; принцип, который онтопсихология определила как онто Ин-се: - Онто Ин-се; прилагательное «онто, онтическое» определяет его принадлежность к бытию, также и трансцендентном смысле; - Организмическое Ин-се: биологическая конфигурация Ин-се; критерий здоровья и источник психомотивного опыта; - Натуристическое Ин-се: тотальность организмического Ин-се в средовой целостности; совокупность позитивных инстинктов, целью которых является исключительно достижение определенной формы нарциссизма и удовольствия в факте существования.

С помощью пятнадцать характеристик онто Ин-се возможно идентифицировать его присутствие в субъекте. Самостное: всегда - едино, неделимо и идентично, независимо от своего действия или приспособления. Целостно-динамичное (холистично-динамическое): действует все целиком путем центростремительного расширения, не имеет частей. Утилитарно-функциональное: его критерий или этика - развитие собственной идентичности, точно следуя принципу функционального утилитаризма - для индивидуации хорошо все то, что ее идентифицирует и возвеличивает ее специфическую функцию. Виртуальное: любая его активность или рост всегда соотносятся с формальным проектом, выражающимся в многозначных проявлениях, зависящих от идентичной формы, которая остается только возможной до момента своего свершения. Экономико-иерархичное: точно соизмеряет любое действие и контакт, осваивая становление на основе приоритетности собственных потребностей (жизнь, идентичность, сосуществование; средства сначала более общие, затем более специфические и т.д.). Победоносное: не контактирует с новой реальностью или гештальтом, если он ему не принадлежит, именно поэтому оно не ведает ошибок, оно всегда точно и, как следствие, не испытывает страха и тоски. Радостное: действует для проявления разума и продвигается, если ему гарантирована приятная новизна эротизма и созерцания. Креативное (созидательное): онто Ин-се - это открытый проект, бесконечно претворяющий себя; завершая гештальт, оно всегда побуждает к следующему,

всегда соразмерному, но превосходящему предыдущий. Духовное и трансцендентное: избегает категорий пространства и времени, а значит, осуществляет и феноменизирует многочисленные события, никогда не становясь одним из них. Агент, действующий внутри семантического универсума: участвует в порядке космической природы. Его интенциональность всегда равнозначна природному гешталту. Посредник между бытием и историческим существованием: онто Ин-се - пуповинная нить между индивидом и контекстом. Историчное: психосоматически структурирует собственную виртуальность в экзистенциальном становлении. Тем самым обнаруживает свою способность использовать в качестве средств категории пространства и времени, а значит, все химико-физические аспекты энергии. Эстетичное: особая техника каждого его действия направлена на достижение целостной пропорции. Удовольствие -его постоянная притягательность. Интенционально-волевое: его единство действия - это тяга к собственному историческому свершению. Святое: индивидуальному бытию внутренне присуще тяготение к совпадению с совершенством проекта или проектирующего, поэтому оно выражает стремление к большей идентичности в бытии, оно всегда с Бытием и устремлено к Бытию.

Интегративный взгляд на семантику

Тема, о которую хотелось бы раскрыть далее - это улавливание, перехват, устранение и контроль семантического поля. Когда человек начинает понимать все сигналы семантического поля, то он на практике познаёт жизнь. Он практически наделён своего рода способностью к всеведению, всеведению в том смысле, что человек знает все те вещи, которые касаются его, не то что бы он знает весь универсум, нет, он знает все то, что касается каким-то образом его самого.

Мир семантического поля - это первый мир энергии и информации космоса. Все, что представляет собой материю, всегда является следствием, результатом некоей априорной динамики, некой предыдущей динамики. Семантический мир - это чистый мир экзистенциальной причинности, но это пока еще не чистая причинность Бытия, так же и само семантическое поле - это феноменология. Семантическое поле изначально может быть единством информации, но затем оно может создавать сетевой эффект. Сетевой эффект, который отбирает определенных конкретных людей из существующего социального контекста какого-то города или из контекста какой-то больницы, из контекста какого-то факультета или университета, любого действующего контекста в любой области.

Если проанализировать все крупные войны, то можно увидеть, что они начинались по причине отбора определенной специфической информации, которая распространялась, передавалась от человека к человеку и затем определяла взрыв бомбы, разжигала войну. Это верно на уровне биологии, на психосоциальном уровне, но тогда почему это не может быть верно на семантическом уровне? И тут нечему удивляться, это элементарные вещи, повседневные, обычные - это сетевой эффект со взрывоопасной целью.

Чтобы хорошо разобраться во всём, что может казаться удивительным, нужно внимательно прочитать то, что написано в «Учебнике по онтопсихологии» А. Менегетти. В этой книге говорится о клинических семантиках, мы видим все процессы, происходящей при болезни или при сопротивлении в психоаналитическом понимании. Однако парадигму картины этого клинического анализа, в патологическом, биологическом, семейном смысле, точно так же можно перенести и на психосоциальный уровень, на уровень отношений, социальных, экономических, политических отношений, то есть на любое событие. Разница лишь в том, что вместо результата в виде невроза у нас будет результат в виде коллективного возбуждения. Затем на ряду с этим нужно хорошо изучить, что такое семантическое поле, опосредованное третьим, поле с эффектом сети и семантическое поле с эффектом триггера. Поэтому, изучив внимательно всё, что об этом написано в учебнике и немного в книге «Семантическое поле», мы находим элементарные основы, простые основы, принципы, которые позволяют понять и расширить представления о том, что сегодня утром нам казалось чем-то экзотичным. По сути, это обнаруживается, когда встречается один из тех людей, который несёт внутри себя потребность какого-нибудь несчастья, потребность в разрушении, я бы даже сказал, что это своего рода человек-фитиль, фитиль в смысле взрывоопасного человека, человек-бомба, есть этот фитиль, который догорает до бомбы и происходит взрыв. Это такой человек, который вступает в контакт с каким-либо несчастьем, бедой, то есть я хочу сказать о том, что многие индивидуальные беды можно устранить.

Когда при возникновении проблемы в момент кризиса, в момент конфликта, я буду видеть, я буду знать, я смогу отличить, таким образом, если у меня есть постоянные тылы в виде совершенствования, связанного с природой, с моим телом, с моей эстетикой или с тем, что я читаю или с моими телефонными звонками. Мы никогда не прибываем в статике, поэтому если мы все будем

жить и мыслить посредственными вещами, посредственным опытом, то мы сами станем посредственными: тип музыки, тип одежды, тип стиля совместной жизни, тип голосования, тип человека, - всё проходит процесс метаболизма, и он направлен либо на рост, либо на потерю. Наш организм никогда не бывает индифферентным, он всегда модулирует себя, он всегда адаптируется, меняется в зависимости от тех отношений, которые выбрал я, которые я выбираю. Если, например, я один, и я останавливаюсь посмотреть на что-то или послушать что-то по радио, что-то глупое, то я сам становлюсь глупым, я сам становлюсь страшным. Например, рассмотрим ситуацию, когда у человека появляется герпес. Он подхватывает его через взгляд, когда смотрит на него, когда смотрит с любопытством, когда он расположен и открыт для этой информации. То есть, когда я смотрю, я осуществляю контакт, открываю своё семантическое поле, для приема, для получения этой герпесной информации и герпес переходит ко мне. Герпес, принцип которого, структуры которого, очень похожи на гетерогенную аплазию в его маленькой форме выражения, в его непостоянстве проявления; герпес непостоянен, он может появиться, а может и не появиться, и это его появления и непоявления всегда зависит от состояния пассивности субъекта в отношении некоторой вирусной информации решительной и сильной. То есть я заражаюсь, потому что патологическая информация оказалась более организованной, чем я, который был открыт и который смотрел.

Именно информация передаётся через контакт, через контакт любого органа моей интенциональности, моей чувствительности, моего сознания. По сути, настоящий человек должен быть всегда бдительный. Но речь не идёт о навязчивой бдительности, это естественная бдительность, например, Животные, птицы, кошки естественным образом радуются жизни, и в тоже время естественным образом остаются бдительными, осторожными

Семантическое поле улавливается, чувствуется, познаётся тогда, когда человек находится в форме. Это означает, что он осознаёт своё единство действия, он присутствует, осознаёт своё экзистенциальное состояние, то есть он присутствует в своей реальности, и просто тотально и целиком и полностью находится самим собой, поэтому он улавливает разницу поступающей информации. Не существует такого семантического поля, которое было бы сильнее моей способности, моего контроля, не существует такого негативного семантического поля, которое было бы больше, сильнее моей воли. Даже если я нахожусь внутри контекста с негативным сетевым эффектом, я могу остановить его, я всегда могу освободиться от него, я всегда могу отделиться от него, я всегда могу иметь иммунитет перед ним. Семантическое поле входит только в том случае, если его принимает субъект, только в том случае, если субъект открыт, расположен, если он посилен. Семантическое поле - это реальность природы, но наше Логико-историческое Я располагает системной, стереотипной информацией. Природа, простота невинность Онто Ин-се проявляется иначе, оно просто смотрит, это хорошо для меня, или это плохо для меня, точно так же, как и с желудком, это происходит, не важно, кто тебе дал еду, мама или ребёнок, или какой-то шеф-повар, если пища неуподобляющая, то желудку будет плохо, тебя стошнит.

Твое онто Ин-се руководствуется тем, хорошо ли это для твоей специфической идентичности или нет, то есть это плюс или это минус, только это важно ничего другого здесь нет, для онто Ин-се не существует ни отца, ни матери, ни ребёнка, ни любимого, оно метаболизирует то, что соответствует проекту жизни. И здесь действуют те же правила, что в биологии: химические, медицинские, физические, - точнее всех их является наша психика, наша психическая деятельность, она намного более точна, не терпима.

Ни один лидер, ни одна крупная личность никогда не проигрывает по причине противодействующих сил, он терпит крах только по причине неэффективности, пассивности или невежества относительно себя, по причине того, что он не проверил возможность тех психических сил, которые находятся рядом с ним. Лидер может немного пострадать, но потом он должен пойти по своему пути, своим делом заняться. Потому что если проходит много времени, лидер становится посредственным, он становится статичным, у него начинается преждевременная старость. Мы несвободные в том, чтобы всегда приспособляться, потому что то из-за происходящего теряются некоторые способности, способности восприятия, чувствительности, ума, воли, - все они снижаются, поэтому мы можем оставаться на каком-нибудь рабочем месте лишь до тех пор, пока это необходимо для жизни, но помимо этого нам нужно искать другие пути. Семантическое поле перемещает информацию, а не энергию. Может казаться, что это энергия, если человек злится, то он может выбрасывать во вне в десять раз больше энергии. Но если этот даёт информацию В, даёт информацию С, даёт информацию Д, то затем в свою очередь, В, С, Д окажут влияния на X, потом еще на один X, и еще на один X, и так получается один, два, три, четыре, человека.

В свою очередь вот это С окажет влияния на одного, двух, трёх и еще четырёх других человек и так далее, то есть это цепная реакция, информация одна, но когда она располагается, храниться, попадает к одному, к двум, трём, к четырём людям, то они в свою очередь влияют на других, два, четыре, пять, шесть человек. Те, кто подвергся влиянию множатся, и происходит взрыв, но энергия всех этих людей - это не энергия А. Когда начинается война - это означает, что информация прошла по всем каналам через миллионы человек, поэтому тот комиссар, тот министр, тот генерал, у каждого свой конёк, каждый командует, и начинается отдача, начинается цепная реакция, вы поняли, что это передача информации, это не передача энергии, но информация, распространившись по всем каналам, вызывает, порождает энергию, но по сути начинается с одного, двух, трёх человек, и потом появляется резонанс. Резонанс возникает, если лидер невнимательный, если лидер, глава, руководитель невнимательный. Единство информации, задаёт единство энергии. У всех людей одна и та же информация.

Интуиция автономная, аутентичная, индивидуальная исключительно принадлежит Онто Инсе, абсолютна в отношении информации жизни, семантическое поле - это информация, которая движется, это внешняя информация, это коммуникация, это информация, это язык, это не имеет ничего общего с интуицией. Интуиция фундаментальна, интуиция видит опасность, но интуиция - это форма креативная, это новая форма, а видеть семантическое поле - это норма для нашего ума, это нормально читать семантическое поле, поэтому один человек может читать семантическое поле и не быть при этом интуитивным. Интуиция - это нечто большее, интуиция - это гений души, а прочтения семантического поля, происходит с помощью проприоцептивного восприятия, способность нашего ума - это чувствительность, которая позволяет понимать.

Выводы. Если рассматривать информацию на примере театра, а именно аплодисментов, то можно заметить, что они всегда начинаются с двух или с трех человек, все остальные подхватывают и начинают хлопать. Это классика жанра. Эксперт же, в свою очередь, понимает, спонтанны ли эти аплодисменты от всей толпы или же управляемы тем первым человеком, который начинает хлопать. Именно в этот момент приходит осознание, что это не энергия двух-трех тысяч человек, это информация, которая пришла и вызвала эту всеобщую реакцию.

Библиографический список

1. Менегетти А. Тезаурус: словарь онтопсихологических терминов. Москва : БФ «Онтопсихология», 2007. 300 с.
2. Менегетти А. Учебник по онтопсихологии. 3-е изд., доп. Москва : БФ «Онтопсихология», 2010. 640 с.
3. Менегетти А. Психосоматика. Москва : БФ «Онтопсихология», 2004. 360 с.
4. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска или освящение повседневности. Москва : Психотерапия, 2007. 528 с.
5. Козлов В.В. Интегративный подход в психологической практике / В.В. Козлов, В.В. Новиков. // Ярославский педагогический вестник. 2012. №1. С. 226-231.
6. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. Москва : Изд-во Моск. Ун-та, 1988. 208 с.
7. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп.. Санкт-Петербург : Питер, 2005. 480 с.
8. Кутырев М.А. Применение психосемантического подхода в изучении личности // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробации результатов исследований. 2015. № 18. С. 66-69.

УДК 159.9

В.А. Толочек

Полевые исследования как предмет методологической рефлексии

Аннотация. Обсуждаются проблема интеграции психологического знания. На примере одной дисциплинарной области (психологии труда) рассматриваются проблемные аспекты методологии, методов, предмета дисциплины, моделей, реальной практики НИР. Выделяются как особый тип НИР «полевые исследования» в пространстве-времени современных организаций как класс «задач со многими неизвестными». Критически анализируются «простые схемы» НИР, которые в сочетании с проблемой объяснения создают сплетения разрозненных составляющих научного знания. Намечаются линии разработок сопряженных вопросов (работа с базами эмпирических данных; формы их представления эмпирик и др.).

Ключевые слова: психология, дисциплина, проблемы, методология, полевые исследования, простые схемы.

V.A. Tolochek

Field research as a subject of methodological reflection

Abstract. The problem of integration of psychological knowledge is discussed. On the example of one disciplinary area (labor psychology), the problematic aspects of methodology, methods, subject of discipline, models, real practice of scientific research are considered. They stand out as a special type of research work "field research" in the space-time of modern organizations as a class of "problems with many unknowns." Critically analyzed are "simple schemes" of scientific research, which, in combination with the problem of explanation, create interweaving of disparate components of scientific knowledge. The lines of development of related questions are outlined (work with databases of empirical data; forms of their presentation by the empiricist, etc.).

Keywords: psychology, discipline, problems, methodology, field research, simple schemes.

Введение. Взаимосвязи состояние методологии дисциплины, понимание ее метода, предмета, технологии проведения исследований, объяснения полученных результатов отмечаются учеными на протяжении более столетия. Даже в пределах нашей дисциплинарной методологии далеко не все «общеизвестно». Даже при строго заданных условиях диагностики, при наличии мощных административных ресурсов методологические и методические проблемы остаются и воспроизводятся в разных масштабах НИР. Одними из наименее разработанных выступают вопросы научных исследований в пространстве-времени современных организаций, что переводят множества отдельных «проблем» в статус «проблем в квадрате», «проблем в кубе». Цель нашего исследования: историко-теоретический анализ методологических, методических и организационных аспектов проведения научно-исследовательских работ (НИР) в современной организации. Методы: анализ научной литературы, психодиагностика, рефлексия опыта научной и практической работы в современных организациях.

Проблемы методологии, методов, понятийного аппарата дисциплины. Комплекс проблемы методологии, методов, понятийного аппарата нашей дисциплины можно проиллюстрировать на примере одной из ее старых и базовых частей (отраслей) – психологии труда (первоначально психотехники, за рубежом выступающей как индустриальная, промышленная психология); одной из базовых частей психологии, в свою очередь, выступившей материнской матрицей для новых отраслей – инженерной и организационной психологии, эргономики, авиационной и космической психологии и др. Такая солидная история, казалось бы, должна уже своим статусом, жизнеспособностью отрасли, ее активной эволюцией, согласованной с изменениями социального запроса и собственным развитием, подтверждать факт решенности основных дисциплинарных задач. Должна, но не подтверждает. По-прежнему остаются открытыми вопросы выделения фрагментов действительности как «предметов» отдельных НИР, схем их методической разработки, «моделей», избираемых в качестве типичного представителя данного класса явлений, выборок обследуемых, батареи методик, форм представления эмпирических данных, их полноты и мн.др.

Так, например, в плане выделения фрагментов действительности как «предметов» отдельных НИР наблюдается парадоксальная ситуация (или, вернее, транслируется вследствие ее нерешенности в масштабе дисциплины в целом). Психология труда выделяется среди других как отдельная дисциплина - 19.00.03. Но даже само ее название «психология труда» (также, как и зарубежные аналоги - «индустриальная психология», «промышленная», «человеческие факторы») представляется не адекватным современной действительности. Уже с конца 1920-х гг. ее предметной областью становится не малопривлекательная работа «работников», не малоквалифицированный труд по принуждению, требующий внешнего контролера, а квалифицированная профессиональная деятельность хорошо подготовленных специалистов; не только профессиональная деятельность на крупных промышленных предприятиях, но в целом, профессиональная деятельность как таковая и ее субъекты.

Вместе с тем, выделение предмета психологии труда учеными, скорее, побуждает к дискуссии, чем к согласию (см. обзор: (Толочек, 2018; Толочек, 2019)). Ограничимся двумя примерами определений, отражающими суждения признанных специалистов. Так, согласно Е.А.Климову, «Психология труда есть ...система психологических знаний о труде как деятельности и трудящемся как ее субъекте» (Климов, 1988, с. 68-69) (здесь и ниже курсивом выделено мною – ТВ). Повторим, что

около столетия психологи изучают не труд как таковой, а профессиональную деятельность хорошо подготовленных людей; ее субъектами выступают не «трудящиеся», а рабочие, мастера, инженеры, служащие, специалисты в разных сферах деятельности – образования, здравоохранения и др. Естественно и необходимо, чтобы к категории «субъекта деятельности» психологи относили не только лишь людей, актуально работающих в данное время, но и обучающихся той или иной профессии, осваивающих ее в качестве ученика, стажера под наблюдением опытного специалиста; равно как и люди в периоды их переподготовки, профессиональной реабилитации и лечения, а также в стадии посткарьереры – после завершения ими активной профессиональной жизни. Согласно Н.С. и Е.Ю. Пряжниковым, «Предмет психологии труда – это субъект труда, то есть работник, способный к спонтанности и рефлексии свой спонтанности в условиях производственной деятельности. ...Субъект труда, в качестве которого может выступать как отдельный индивид, так и ...социальная группа» (Пряжников, 2001, с. 6). Повторим, изучаются не «субъекты труда», а специалисты – рабочие, мастера, инженеры, служащие и др.; не «индивиды», а подготовленные специалисты (т.е., в отношении которых главными выступают не их физические качества, а иные, обобщенно называемые «профессионально важные качества», «компетенции» и пр.). В рамках психологии труда изучаются не социальные группы как таковые, а рабочие группы, команды, бригады, смены и т.п., т.е., люди особым образом объединенные, организованные, подготовленные к их совместной деятельности и взаимодействиям. И едва ли нам в наших психологических исследованиях должно ограничиваться изучением людей лишь «в условиях производственной деятельности». И если психология все еще не «наука о душе», то психология труда – давно не наука о «труде» и «трудящемся», что почему-то не замечается, методологически не рефлексировается.

Итак, признаем, что все «неточности» в описании дисциплины, ее предметной области не могут не «отзываться эхом» на всем последующем – описаниях деятельности людей, констатациях, определениях, выделяемых явлений, закономерностей и пр. Но и такими «неточностями» наше научное изучение профессиональной деятельности людей не ограничивается, а, напротив, усиливается, умножается два ли не на каждом этапе наших научно–исследовательских (НИР) и научно–практических работ (НПР). Честно признаем, что мы, как правило, изучаем лишь «правильные» объекты, явления, процессы; что мы обычно «политически корректно» избегаем обсуждать сложные производственные ситуации, нарушения законности и технологий, этических норм; что цели и задачи наших НИР расходятся с целями и задачами НПР, что затрудняет их интеграцию и саму возможность использовать научные результаты в практике; что наша «наука» и «практика» существуют как бы в «параллельных мирах» (см. обзоры: (Васильева, 2020; Толочек, 2017; Ones, 2017)). Таким образом, вопросы отношения «теории» и «практики» в психологии труда нуждаются в серьезной методологической рефлексии.

Адекватность методов и методологии полевых исследований как условие интрадисциплинарной интеграции. В работах В.А. Мазилова (Мазилов, 2017; Мазилов, 2020 и др.) обсуждаются вопросы путей и перспектив интеграции психологического знания. В логике решения ключевого вопроса дисциплины – ее предмета, предлагается концепция коммуникативной методологии, призванной интегрировать множество составляющих современной психологии.

Размышляя о возможности решения таких задач на примере психологии труда, представляется важным обсуждение и других «составляющих» НИР, заявляющих о себе в их обычной, типовой («повседневной») представленности. Выделим несколько «проблематичных аспектов» прямо и косвенно осложняющих построение дисциплинарной методологии, понятийного аппарата, разработки «канонов» организации и проведения НИР в одной из наиболее «проблематичной сфере» - при работе в пространстве-времени крупных организаций, промышленных предприятий (условно выделяемой нами как проблема «методов и методологии полевых исследований»). В русле этой проблемы внимание акцентируется на множестве условий, осложняющих проведение НИР, условий, которые нам нужно адекватно воспринимать, отражать, использовать в организации научной работы. К таким условиям можно относить сопротивление отдельных обследуемых и целых групп (возрастающее при работе в пространстве-времени крупных организаций, при высоком социальном статусе обследуемых, высокой оплаты их труда, успешности компании на рынке). Типичный опыт психологов – обследование представителей учебных групп в стенах учебных заведений, обследование детей и молодежи, безработных – выступает далеко не универсальным, не «предельным» в плане сложности научной работы.

Есть большой класс «задач со многими неизвестными», который мы называем «полевые исследования» - работа в пространстве-времени крупных организаций; наш опыт рефлексии множества

факторов, определяющих успешность НИР, назовем «методы и методология полевых исследований». И если, например, в экспериментальных исследованиях не были и не могли быть представлены все базовые условия жизнедеятельности людей, то с развитием дисциплины социальный запрос на полноту и адекватность представленности таких условий явно возрастает. В этой связи отдельной актуальной темой становятся «методы», точнее – комбинации дисциплинарной методологии, методов, парадигмальных рамок, типичных дизайнов, обобщенно называемых нами «схемы». Примечательно, что, несмотря на наличие множества «неизвестных» в реальных полевых исследованиях, психологи часто используются предельно простые схемы НИР. «Простые схемы» в сочетании с проблемой объяснения в психологии (Мазилов, 2017; Мазилов, 2020; Юревич, 2006) создают сложные сплетения разрозненных составляющих научного знания.

Признаем «простые схемы» фактами нашей обыденности, «фактами повседневности». В качестве иллюстрации приведем типичные формы гипотез: 1) Объект А обладает свойствами а (иначе, а принадлежит А, или $a \in A$). 2) Объект А отличен от В; некоторые свойства двух объектов различаются - а отличны от свойств в ($A \neq B$, $a \neq v$). 3) В процессе роста (развития) объекта А его свойства a_1 , a_2 , a_3 изменяются (иначе, $A_1 \neq A_2 \neq A_3$, соответственно, $a_1 \neq a_2 \neq a_3$). Приведем и типичные образцы постановки научной проблемы. Объект А1 изучали ученые В и С; первый показал, что А1 характеризуется свойством в, второй ученый – свойством с. Мы изучали А1. Подтверждено, что А1 обладает свойствами в и с ($v, c \in A$). Объект А2 изучали ученые В, С, D, E. Они выделили свойства в, с, d, e. Мы изучали А2. Подтверждено, что А2 обладает свойствами в, с, d, e ($v, c, d, e \in A$).

При использовании простых схем исходные положения содержат лишь ранее выявленные перечни признаков объекта; в таких НИР следствия и выводы часто самоочевидны. Но и при самоочевидности выводов ни совпадение результатов независимых исследований, ни различия выводов почти ничего не добавляют в актив дисциплины, ничего не отрицают, границ адекватности концепций не устанавливают, верификацию чужих и фальсификацию (по К.Попперу) своих концепций не проводят. При сопоставимости исходных посылок и результатов независимых исследований «допустимы» противоположные следствия и выводы. Например, согласно 1й схемы НИР встречаются следующие варианты интерпретации: «Деятельность сотрудников АВС сопряжена с экстремальными условиями. Следовательно, в процессе спонтанного и целенаправленного отбора в этой профессии остаются и реализуются как профессионалы лица, отличающиеся эмоциональной устойчивостью, хорошей саморегуляцией эмоций и поведения и т.п.». Но возможны и иные констатации: «Деятельность сотрудников ВСД сопряжена с экстремальными условиями. Следовательно, в этой профессии имеют место выраженные проявления профессионального выгорания, деструкций и т.п.». Так как при обращении к простым схемам чаще используются разные методики для подтверждения рабочих гипотез, полученные результаты можно интерпретировать крайне широко; при тождестве «исходных посылок» допускаются разные следствия и констатации.

То же имеет место и при 2й схеме НИР - она также допускает разные самоочевидные интерпретации: мужчины отличаются от женщин, успевающие учащиеся отличаются от неуспевающих, более опытные субъекты от менее опытных, более успешные от менее успешных; интегральная индивидуальность (ИИ) мужчин отлична от ИИ женщин, профессиональный менталитет русских отличен от менталитета немцев (французов, японцев) и т.п. При этом обычно отличия, согласно статистикам, констатируются лишь по отдельным параметрам, количественно они чаще незначительны и не требуют радикального изменения сложившихся форм профессиональной деятельности, обучения и пр. При использовании 3й схемы также оставляет простор для разных интерпретаций, но и здесь выводы не выходят за пределы тривиальных констатаций. Во всех случаях результаты НИР де-факто сводятся лишь к констатации – два а-приори разных объекта различаются по некоторым признакам (здесь же заметим – между любыми двумя социальными объектами всегда есть различия).

Итак, простые схемы НИР мало добавляют в актив дисциплины. С одной стороны, нами обычно используются простые схемы НИР, с другой – мы все чаще обращаемся к изучению сложных, многосоставных, комплексных социальных объектов, выступающих в качестве предмета исследования (менталитет и ментальность, жизнеспособность, благополучие, качество жизни, удовлетворенность жизнью, карьера и др.). С одной стороны, мы используем простые типовые объекты как модели (учебные группы школьников, студентов), с другой – притягаем на решение вопросов, не вмещающихся в рамки простых конструкторов (самореализация, личностное и профессиональное развитие, потенциал, жизнеспособность и пр.). С одной стороны, цели и задач НИР декларируются как предельные, призванные «однозначно» разрешить заявленную проблему (как правило, широко изучаемую на протяжении 20-30 лет), с другой – для решения задач избираются простые «модели» (не всегда представляющих свойства социальных объектов в их высокой степени выраженности, развития), а

изучение феноменов чаще ограничивается констатацией отдельных различий между двумя произвольно выбранными объектами.

Признаем, что, простые схемы НИР, в том числе, и в полевых исследованиях, стали фактами реальности, «фактами повседневности». Но они едва ли приближают нас к решению ключевых задач дисциплины (обосновываемых в работах Б.Г. Ананьева, А.Н.Леонтьева, Б.Ф.Ломова, С.Л.Рубинштейна и других ведущих ученых). Следовательно, нам нужно разрабатывать и осваивать новые методические возможности (назовем их условно «сложные схемы»). И такое продвижение необходимо и целесообразно – «методология психологии имеет конкретно-исторический характер» (Мазиллов, 2017, с. 173); «Методология должна быть методологией «снизу». ...методологические положения должны идти ...от проведения психологических исследований, от опыта и обобщений самой психологической науки» (Мазиллов, 2017, с. 10); «выход за пределы изучаемой системы при ее объяснении, не только неизбежен, но и необходим в любой науке, являясь основой углубления объяснений» (Юревич, 2006, с. 102;).

Вместо заключения. В завершении научной работы принято подводить итоги сделанного и обозначать ближайшие перспективы, извиняться за неполноту освещения обсуждаемой проблемы. В отношении методологии современной психологии, скорее, более уместно иное – выделение спектра (не круга) ближайших и перспективных задач. Заслуживает серьезного внимания принцип соизмеримости психологических теорий и соизмеримости фактов в концепции коммуникативной методологии (Мазиллов, 2017; Мазиллов, 2020). Наряду с вероятно верным путем решения комплекса сложных проблем интегративной (коммуникативной) методологии современной психологии – определенностью с предметом, обращением к по-уровневому анализу и описанию концепций и фактов, имеющих инвариантные и вариативные составляющие, требованием согласованности предмета отдельных дисциплинарных областей и предмета отдельных НИР (Мазиллов, 2017; Мазиллов, 2020), можно также наметить и другие линии будущих разработок сопряженных вопросов.

Одна из них - работа с базами эмпирических данных (Калугин, 2019; Толочек, 2020; др.). Формы их представления, формы агрегации массивов эмпирик уже во многом определяют то, что мы способны увидеть и понять; «целостность» таких данных позволит их «транслировать» - многократно использовать как самим исследователем, так и его коллегами.

Выделяя как особый класс «полевые исследования» в пространстве-времени современных организаций, заметим, что они несут «печать времени» и уже поэтому нуждаются в систематической методологической рефлексии. Пока можно лишь констатировать, что такие НИР имеют важные отличия от других типов, в т.ч. - в плане выделяемых методологами типов рациональности (метaparadигм) – классической, неклассической, постнеклассической. Следовательно, особенности «полевых исследований» выступают реальными основаниями для продвижения и развития дисциплинарной методологии. Отдельными и частными здесь выступают вопросы «схемы» НИР (обсуждаемые выше). Очевидно, что и это – открытые вопросы для современной психологии. Завершая наше обсуждение «круга» вопросов, подлежащих осуждению в русле темы интеграции, можно констатировать – регулярный «аудит» актуальных тем, перечень сопряженных вопросов должен быть значительно расширен.

Библиографический список

1. Васильева И.И. Формальное и неформальное: опыт управленческого консультирования в «застойной» экономике // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 3. С. 207–224.
2. Калугин А.Ю. О некоторых методических аспектах исследования индивидуальности человека // Психология. Психофизиология. 2019. Т. 12. № 2. С. 29–40.
3. Климов Е.А. Введение в психологию труда. М.: Из-во Моск.ун-та, 1988. 198 с.
4. Мазиллов В.А. Методология психологической науки: история и современность. - Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. - 419 с.
5. Мазиллов В. А. Предмет психологии. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. 186 с.
6. Пряжников Н.С., Пряжникова Е.С. Психология труда и человеческого достоинства. – М.: Академия, 2001. – 348 с.
7. Толочек В.А. Парадоксы развития отечественной индустриальной организационной психологии [Элект.ресурс]// Организационная психология, 2017. Т. 7. № 4. С. 129-144. (<https://orgpsyjournal.hse.ru/2017-7-4.htm>)
8. Толочек В.А. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности. Методики профессионального отбора. – М.: Юрайт, 2018. -186 с.
9. Толочек В.А. Психология труда.- 3-е изд. доп.- СПб.: Питер, 2020. – 480 с.

10. Толочек В. А., Машкова А. С. Компетенции: методы исследования, результаты, существенные свойства психологических объектов: взаимосвязи и взаимоограничения // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 4. С. 252–270.
11. Юревич А. В. Объяснение в психологии // Психолог. журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 97–106.
12. Ones D. S., Kaiser R. B., Chamorro-Premuzic T., Svensson C. Has Industrial-Organizational Psychology Lost Its Way? // Industrial-Organizational Psychologist. V. 54 (4). 2017. P.67-74.

РАЗДЕЛ 3

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

Психология отношений и поиск нового показателя Индекса развития человеческого потенциала

Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 19-29-07156

Аннотация. Обосновывается необходимость оценивать развитие человеческого потенциала через дополнение его новым показателем, связываемый с такими феноменами как психологическое благополучие и/или психология счастья. Разработанная в первой половине XX века отечественными учеными психология отношений задает зримые параметры для их (количественного) измерения. Предложенный в 1912 г. психологом А. Ф. Лазурским и философом С. Л. Франком и верифицированный В. Н. Мясичевым список из 15 отношений имеет исчерпывающий характер; они могут быть замеряемы по параметру: положительное – отрицательное – нейтральное или по степени выраженности: явное – скрытое, значимое – незначимое, высокое – низкое.

Ключевые слова: человеческий потенциал, психология отношений, экономика счастья, психологическое благополучие, операционализация, психическое здоровье.

M.V. Bazikov, I.E. Zadorozhnyuk, V.A. Mazilov

Relationship psychology and the search for a new indicator of the Human development index

Abstract. The necessity to assess the development of human potential through the addition of its new index to associate with such phenomena as psychological well-being and / or psychology of happiness. Developed in the first half of the twentieth century Soviet scientists psychology of relationships visible sets parameters for their (quantitative) measurement. Proposed in 1912 by psychologist A.F. Lazursky and philosopher S.L. Frank and verified V.N. Myasishchev list of 15 relations is exhaustive ; they can be zameryaemy the parameter : positive - negative - neutral or severity: clear - hidden, significant - insignificant , high – low.

Keywords: human potential, psychology of relationships, economics of happiness, psychological well-being, operationalization, mental health.

Введение. В 1912 году журналом «Русская школа» (1890-1917) была опубликована статья молодых психолога (А. Ф. Лазурского) и философа (С. Л. Франка) о новом направлении психологических и человековедческих исследований, значимость которых проявляется в полной мере только в настоящее время (Лазурский, 1912).

Нельзя не согласиться с мнением, согласно которому «проблема отношений, их содержания, механизмов, структуры развертывания становится сейчас одной из главных в психологии» (Фельдштейн, 2006, с. 5). Концепция психологии отношений, на наш взгляд, имеет значительный эвристический потенциал и допускает возможность новых, в том числе и достаточно неожиданных, приложений. Велики возможности применения категории «отношение» в методологии психологии (Мазиллов, 2007; Мазиллов, 2017; Мазиллов, 2019; Мазиллов, 2011; Мазиллов, 2013).

Представляется, что научная психология еще не осознала реальных размеров того богатства, которое накоплено предыдущими поколениями ученых касательно психологии отношений; это богатство не только действительно существует, но и развивается в самых разных направлениях. Правда, чтобы это осознать, необходимо изменение установки. В рамках психологии отношений накоплено огромное количество научного материала, выдвинуто достаточно гипотез и теорий, сформулирован ряд концепций. Главная проблема состоит в недостаточном реальном взаимном соотношении различных подходов и теорий и к самой категории отношение, и к тем практико-психологическим сферам, в рамках которых она реализует свой потенциал.

У исследователей в этом плане доминируют установки на получение нового, оригинального научного продукта, реальные же интегративные установки выражены минимально, хотя на уровне деклараций процессы интеграции в психологии самими психологами оцениваются чрезвычайно позитивно. Все же востребованность психологии отношений для широкой, и даже глобальной, социальной практики сомнений не вызывает.

Показатели ИРЧП (Индекса развития человеческого потенциала)

Например, актуализируются ее идеи в связи со все в большей мере осознаваемой необходимостью по-новому оценивать развитие человеческого потенциала через дополнение его индекса новым показателем (Человеческий потенциал. . ., 2005, с. 26). Этот показатель не получил пока четкой маркировки, но он несомненно связывается с такими феноменами, как психологическое благополучие или даже – если не побояться опоры на более научный и одновременно кажущийся предельно расплывчатым термин – психология счастья.

Мы попытаемся показать, что разработанная отечественными учеными психология отношений задает зримые параметры для измерения этой крайне тонкой, но и предельно важной для развития человека и его потенциала материи. Действительно, разве не правы евангелисты, писавшие в начале новой эры, что вряд ли будет достойным человек, весь мир приобретший, а душу потерявший. Говорили об этом мыслители всех времен и народов, и нельзя сказать, чтобы их мысли пропали втуне для современных ученых самых различных направлений. . .

В России с 1995 г. используется предложенный в 1990 г. Программой развития ООН показатель – Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Он базируется на интеграции показателей относительно трех сторон жизни населения: здоровье, которое характеризуется ожидаемой продолжительностью предстоящей жизни; образованность населения, измеряемая двумя индикаторами – грамотностью взрослого населения и охватом обучением в начальной, средней и высшей школах; уровень материальной обеспеченности населения в виде ВВП на душу населения, взятого по паритету покупательной способности.

Спецификой связи показателей ИРЧП для России является то, что высокий уровень образованности, сравнявшийся, а то и превосходящий соответствующие показатели в развитых странах, сопровождается низким уровнем здоровья населения. Именно этот показатель и сдерживает темпы роста ИРЧП в целом. В 2008 году он составил $\approx 0,806$, а Российская Федерация заняла соответственно 73 место в ряду почти полутора десятков стран и пропустив вперед себя Белоруссию и Казахстан. Динамика ИРЧП была такова: 1992 – 52 место, 1995 – 114, 2004 – 57, 2005 – 62, 2006 – 65 ($\approx 0,795$), 2007 – 67 ($\approx 0,802$) (Стрельцова, 2011).

По данным Википедии, публикующей сведения из Доклада об ИРЧП от 2 ноября 2011 г., Россия в 2013 году заняла 66 место в списке из 187 стран – вместо 65 места в 2010 году; при этом номинально данный индекс вырос с $\approx 0,751$ до $\approx 0,755$. Лидером ИРЧП ряд последних лет оставалась Норвегия с $\approx 0,943$ Австралия $\approx 0,929$, Нидерланды и США по $\approx 0,910$). На наш взгляд, казус с массовым убийцей Брейвиком, загубившем жизнь более 70 человек, вряд ли оставит первую из этих стран в числе лидеров развития именно человеческого потенциала, даже если он уменьшал число самых бедных, больных и неграмотных; если развитие самых богатых, здоровых (Брейвика признали психически нормальным) и грамотных приводит к такому исходу, то может и не нужно развиваться лишь в данных направлениях?

В первой полусотне стран с наиболее высоким индексом оказались 3 страны Балтии. Согласно классификации Программы развития ООН, в группе с высоким индексом Россию опережала Белоруссия ($\approx 0,756$), от нее отставали Казахстан ($\approx 0,756$) и Украина ($\approx 0,745$). В 2012 Россия ИРЧП составлял $\approx 0,782$, а в 2013 $\approx 0,788$ (58 место в целом). При этом показатель продолжительности жизни достиг 69,1 года, длительность обучения 11,71 года, а ВВП на душу населения – 14.461 доллара (28).

Уже в таком виде ИРЧП характеризует наличие многосторонних взаимосвязей между демографическими, медико-экологическими, социальными, образовательными, морально-нравственными компонентами. Но все же ИРЧП в формулировке ООН вряд ли исчерпывает наличное богатство его проявлений. Не фиксируется, в частности, такой важный момент, как психологическое благополучие человека, так или иначе влияющее на все вышеуказанные компоненты.

Итак, правомерность разговора о необходимости еще одного показателя ИРЧП – уровня психологического (субъективного) благополучия, измеряемого через количественные параметры психологических отношений личности – вызвать сомнений все же не должна. Если начинать не с призывов к счастью, то рассмотрение понятия «психологическое благополучие» (psychological well-being) в зарубежной психологии – в работах Н. Бредберна (Bradburn, 1969), Э. Динера (Diener, 1984), но главным образом К. Рифф (Ryff, 1995), – позволило вычлнить шесть его компонентов.

1. Автономия – способность противостоять мнению большинства, наличие нестандартного мышления и поведения, оценивание себя, исходя из собственных предпочтений. Противоположность автономии – излишняя зависимость от мнения окружающих.

2. Управление средой – успешное овладение различными видами деятельности, способность добиваться желаемого и преодолевать трудности. Противоположность – ощущение бессилия и некомпетентности.

3. Личностный рост – стремление развиваться, учиться и воспринимать новое, ощущение прогресса своего Я. Противоположность – чувство скуки, стагнация, отсутствие веры в ходе овладения новыми умениями и навыками.

4. Позитивные отношения с окружающими – умение сопереживать, быть открытым для общения. Противоположность – неспособность устанавливать и поддерживать доверительные отношения, нежелание искать компромиссы, замкнутость.

5. Наличие цели в жизни – чувство осмысленности существования, ощущение ценности того, что было в прошлом и что произойдет в будущем. Противоположность – ощущение бессмысленности, тоска.

6. Самопринятие – позитивная самооценка себя и своей жизни в целом, осознание и некоторых своих недостатков. Противоположность – в неприятии даже положительных качеств своей личности, неудовлетворенность прошлым и неуверенность в будущем.

Для исследования представлений о психологическом благополучии Рифф в 1995 г. предложила методику «Шкала психологического благополучия» (ШПБ), она рассматривается как свидетельство того, насколько испытуемый выражает свое согласие с пунктами опросника. В целом в указанных трактовках намечается отождествление психологического благополучия с субъективным ощущением удовлетворенности жизнью, что подтверждает идеи Н. Брэдберна и Э. Динера.

Все же данные определения психологического благополучия являются достаточно узкими потому, что в них не задействован важный его индикатор – отношения личности, достаточно легко поддающиеся операционализации, включая в перспективе его представленность в качестве одного из показателей Индекса развития человеческого потенциала. Приоритет в установлении числа и операционализируемых признаков этих отношений принадлежит отечественной психологической науке.

В силу каких причин? Ответ на этот вопрос можно найти в двух книгах В. П. Стрельцовой (первая из которых характеризует психологические, а вторая медико-психологические воззрения великого русского ученого). Мясищевым написано более 300 научных работ, под его руководством защищено 13 докторских и 37 кандидатских диссертаций (Стрельцова, 2009; Стрельцова, 2011).

Надо подчеркнуть, что масштаб личности Мясищева в полной мере лишь предстоит раскрыть: его богатый архив обрабатывается его учениками, в частности В. П. Стрельцовой и ее сотрудниками (включая одного из соавторов статьи). Особенно это касается поистине новаторских его идей относительно медицинской психологии.

Следуя завету И. М. Сеченова, именовавшего изыскания в области медицинской психологии своей «лебединой песней», Мясищев утверждал: эта дисциплина «включает и теоретические и организационно-практические вопросы патогенеза и этиологии психогений и соматогений, в связи с динамикой личности, а также предупреждение и лечение различных заболеваний». (Мясищев В. Н. В. М. Бехтерев и отечественная психоневрология. ЦГНИТД, СПб., Ф. 403, оп. 1, Д.12, л.30). Максима же медицинской психологии в ракурсе психологии отношений в интерпретации Мясищева такова: «Надо, чтобы больной овладел болезнью. Необходимо, чтобы то, что его раньше пугало, перестало вызывать страх» (там же, д. 73 л. С.218 л. 4). Ею определяются не только новые и пока что мало освоенные психосоматические технологии лечения, но также более широкая перспектива развития самого потенциала человека.

Концепция психологии отношений и выводимые из них практики медицинской психологии значимы для фиксации нормы психосоматического здоровья, причем с учетом динамики отношений личности в условиях благоприятного социального окружения. Если вспомнить известную поговорку о том, что раны у победителей заживают быстрее – то важно учесть: это происходит в первую очередь в благожелательной социальной среде, умножающей количество и повышающей качество отношений личности. Воздействие же неблагоприятной среды проявляется в том, что загнанные внутрь и угнетенные там психологические отношения личности рано или поздно проявляются в соматических болезнях.

Психология отношений: история

Начальный пункт научного поиска в данном плане можно отыскать в предложенной Бехтеревым (1857-1927) рефлексологии, где обосновывалась релевантность понятий «отношение организма к среде» и «соотносительная деятельность». Для Бехтерева отношение охватывает не один из видов отправления организма, не одну из сторон его активности, а активность вообще и все ее отправления, при этом воздействие внешней среды он всегда рассматривал через призму внутренних особенностей организма и человеческой личности (как бы предвосхищая знаменитый принцип С.Л.Рубинштейна: внешнее через внутреннее). Бехтерев называет воззрение, при котором ответные реакции организма ставятся в исключительную зависимость от среды, механическим: «Дело не в одном приспособлении внутренних отношений к внешним, но и в использовании внешних отношений для поддержки внутренних отношений. При этом, чем выше тип животного, тем в большей мере выявляется вторая часть этой новой формулы, то есть использование внешних отношений в целях поддержки внутренних отношений» (цит. по Левченко, 2003, с. 86). Несмотря на то, что термин «формула» употребляется здесь скорее в метафорическом смысле, полностью отказаться от идеи измерения качества первых и вторых отношений на наш взгляд, В.М. Бехтерев не стал бы, как раз этот момент в его идее и был позже подхвачен его ближайшими учениками.

В статье А.Ф. Лазурского и С.Л. Франка дается через описание объектов овнешняющихся отношений к среде, причем понятие «среды» (или «объектов») берется в самом широком смысле. «Оно объемлет всю сферу того, что противостоит личности и к чему личность может так или иначе относиться: сюда входят и природа, и материальные вещи, и иные люди, и социальные группы, и духовные блага – наука, искусство, религия и даже душевная жизнь самого человека, поскольку последняя также может быть объектом известного отношения, со стороны личности» (Лазурский, 1912, с. 1-2). Такого смелого по замыслу и обширного по охвату подхода категории «отношение», побуждающего к переосмыслению всех категорий психологии, наука того времени не знала.

Основанием для предлагаемой в этой же статье классификации отношений является характеристика объектов внешней действительности, как утверждают ее авторы, имеющей всеохватный характер и в психическом плане. Классификация включает пятнадцать видов отношений: I) отношение к вещам; II) отношение к природе и животным; III) общее отношение к отдельным людям; IV) половая любовь; V) общее отношение к социальной группе; VI) отношение к семье; VII) отношение к государству; VIII) отношение к труду; IX) отношение к материальному обеспечению и собственности; X) отношение к внешним нормам жизни; XI) отношение к нравственности; XII) отношение к мирозерцанию и религии; XIII) отношение к знаниям и науке; XIV) отношение к искусству (эстетический интерес); XV) отношение к себе самому. Даже спустя больше века с ее создания предлагать новый показатель трудно; на взгляд авторов, уместным был бы и вид «отношение к виртуальной реальности» – но и его можно было бы «раскидать» по другим отношениям.

Как видно, в категорию «отношение» включаются все главные связи человека – и с тем, что вне его, и с тем, что внутри; список отношений имеет исчерпывающий характер. Главное же в том, что большинство из них может быть в принципе замеряемо по параметру: положительное – отрицательное – нейтральное или по степени выраженности: явное – скрытое, значимое – незначимое, высокое – низкое. В принципе, на наш взгляд, можно и нужно обосновать количественное выражение любого параметра из указанных, а также степени его проявленности, хотя на этом этапе авторы статьи внимание не акцентировали.

Это первый текст в психологической науке (причем не только в отечественной, но и в мировой), где категория «отношение» заявляется в качестве ведущей. Надо сказать, что это текст не только первый, но и единственный: после Лазурского и Франка мало кто рисковал как давать перечень отношений, так и устанавливать параметры их операционализируемости. В понятии «отношение» превалирует не абстрактно-биологический или сугубо философский, а конкретно-психологический смысл. В качестве его синонимов Лазурский и Франк используют понятия «интерес», «склонность», «потребность», «форма типичной реакции личности».

Эмоционально-потребностный компонент в содержании понятия «отношение» выражен ими очень отчетливо: «Основным понятием нашей программы... является то или иное отношение личности к разного рода внешним возбудителям. Отношение это может быть *положительным, отрицательным или безразличным*: человек может «интересоваться» известной категорией явлений или благ, питать к ним «склонность», чувствовать в них «потребность» или «ненавидеть», «избегать» их, испытывать к ним «антипатию», или, наконец, быть к ним равнодушным, проходить мимо них так, что они нисколько не задевают его и не вызывают с его стороны никакой ответной, сколько-нибудь специфической реакции» (Лазурский, 1912, с. 3).

Другой важный момент заключается в том, что из числа всех эмоционально-потребностных реакций авторы отбирают типичные, в которых возникшее отношение сливается с основными чертами его носителя, становясь в настоящем смысле слова частью его «я». Исследователями выделены основные характеристики (стороны) *отношения*: «1) наличность или отсутствие определенного отношения (resp. интереса, склонности) к данной категории явлений и степень его интенсивности; 2) специфические формы, качественные особенности интереса; 3) уровень развития или дифференцированности интереса; 4) широта или объем его» (Лазурский, 1912, с. 3). В *первой* стороне показана возможность различения степеней интенсивности отношения; во *второй* предполагается рассмотрение многообразия объектов отношения, способов достижения и форм осуществления отношения; *третья* включает владение оттенками отношения; *четвертая* характеризуется количеством объектов или характеристик объекта, на которые направлено возникшее отношение.

В психическом складе личности в связи с этим отражается, во-первых, весь комплекс из 15 отношений (может быть, это четче видно при отсутствии одного или нескольких из них; итог – связанные с этим дефицитные психические и даже соматические заболевания). Во-вторых, на него же влияет и форма манифестации отношения как интереса или потребности, как проявления любви или ненависти, как предмета симпатии или антипатии. В-третьих, особо значимы и поддаются операционализации все четыре перечисленные здесь стороны отношения.

Таким образом, статья Лазурского и Франка сопрягала две линии развития понятия «отношение» – биологическую и интроспективно-психологическую. С одной стороны, это программа наблюдения, т. е. руководство по реализации в исследовании позиции стороннего наблюдателя. С другой

стороны, в ней отношения личности рассмотрены не сами по себе, а в связи с эндopsихикой; при этом не утрачено эмоционально-потребностное наполнение понятия «отношение». Несомненно, именно такое целостное восприятие всего богатства категории «отношение» было воспринято и применено в практике учеником и Бехтерева, и Лазурского Мясищевым.

В 1930 г. он писал: «...перед объективным учением, в частности перед его экспериментальной частью, выдвигается задача систематического, неотступно настойчивого исследования того, что представляется самым интимным, самым субъективным. Без этого завоевания самых потаенных уголков субъективного невозможно торжество объективного метода» (Левченко, 2003, с. 194). Своеобразным мостиком между первым и вторым как раз и является отношение. Внешнее и внутреннее в личности исследователь описывает как «наслоения» и глубоко коренящиеся тенденции или внутренние предрасположения, которые так ли иначе проявляются в психологических и даже соматических процессах, не всегда благотворных для человека.

Отношения и интегральная психология человека

В связи с этим «система подлинно интегральной психологии человека должна быть построена на основе понятия сознательной личности и ее отношений к ее действительности. Сознательная личность, общественный индивид представляет прежде всего сложную динамическую систему отношений, обусловленную всей историей общественного развития человека», – писал Мясищев в 1935 г. (Левченко, 2003, с. 195). В этом ракурсе он на место психологии элементов или психических функций выдвигает как раз психологию, не отвергающую ни понятия процессов психической деятельности, ни понятия функций, но подчеркивающую, что они определяются динамикой отношений личности к различным сторонам действительности.

Для операционализации категории «отношение» важно следующее утверждение Мясищева: «Отношение – сила, потенциал, определяющий степень интереса, степень силы эмоции, степень напряжения желания или потребности. Отношения поэтому являются движущей силой личности... Отношение человека является не только общим принципом, но и конкретным фактом, регулирующим избирательную динамику его поведения и существенно определяющим свойства его личности. Именно поэтому в целостном изучении личности человека физиологический, психологический и социальный план объединяются понятием его отношения» (Левченко, 2003, с. 220).

В целом отношение можно трактовать, на наш взгляд, как монаду в духе философии Лейбница, т. е. такую единичную субстанцию, которая содержит в себе различающиеся начала субстанций сложных, например, всего мира. Отношение по определению не может быть самодостаточно простым; в трактовке Мясищева оно представляет как соединенность психического и соматического, а его врачебная практика опирается на сущностное видение этой связи.

Опираясь на труды предшественников, Мясищев первым в психологии формулирует проблематику собственно психологии отношений, делая ее предметом специального анализа: он дает определение отношения, выделяет его основные характеристики, описывает развитие отношений в онтогенезе, изучает конкретные виды отношений. «Отношение рассматривается: 1) как связь субъекта и объекта, т. е. в соответствии с принципом отношения организма к среде; 2) как интегральная «позиция» субъекта; 3) как предмет психологии, поскольку психическое определено как система отношений; 4) как одна из категорий психологии, наряду с процессами, состояниями, свойствами личности; 5) как обозначающее конкретную проблематику или специальный раздел психологии, включающий изучение целей, стремлений, тенденций, интересов, оценок, идеалов, потребностей, убеждений» (Левченко, 2003, с. 223).

В целом, подчеркивает Мясищев, отношения человека к действительности требуют не только психологического анализа (включая элементы психоанализа), но также полярно расположенных по отношению к нему физиологического и общественно-исторического объяснений, причем в их единстве. Это и есть комплексный человековедческий подход, позже разрабатываемый коллегой Мясищева Б. Г. Ананьевым (1907-1972) в его знаменитой книге «Человек как предмет познания» (Л., 1969).

Мясищев писал: «Психологические отношения человека в развитом виде представляют целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности. Эта система вытекает из всей истории развития человека, она выражает его личный опыт и внутренне определяет его действия, его переживания. Мы говорим «целостную», потому что относится к действительности человек в целом. Мы говорим о «системе связей» потому, что предмет или лицо, к которому относится человек, представляет не раздражитель и даже не совокупность раздражителей, а их системное единство, так же как и действие человека не представляет собой совокупность мышечных сокращений, а является их синтезом (по одновременности или последовательности). Отношения связывают человека не столько с внешними сторонами вещей, сколько с самим предметом в целом, хотя в отношении к предмету или лицу могут выявляться *разные стороны* в связи с разными сторонами, например, отрицательными и положительными свойствами объекта. Так

как свойства объекта существуют для всех, а действия и переживания, вызываемые объектом, у разных людей, *избирательны* и различны, то очевидно, что источник особенностей переживания и действия лежит в индивиде, в человеке как субъекте отношений, в связи с особенностью его индивидуального опыта. Существенным и характерным является индивидуально избирательный характер связей» (Мясищев, 1995, с. 16 – выделено нами).

Все же Мясищев и в дальнейшем работает над описанием закономерностей развития отношения, его форм и характеристик, над его эмпирическим наполнением. Он считает, что отношение выражает связь личности субъекта с действительностью – объектом, пронизывая «психе» – душу и «сома» – тело; эта связь (как и личность в целом) динамична, процессуальна, структурирована. Такая связь может нарушаться, приводя к возникновению противоречия между личностью и окружающей ее действительностью. Деформируя параметры указанной связи, оно порождает аффективное напряжение, которое рационально не перерабатывается и приводит к функциональным нарушениям: страдают при этом и душа, и тело.

Мясищев углубляется в анализ понятия «отношения» в трех манифестациях: такого дифференцированного концепта, с помощью которого возможно описание наиболее сложной, интегральной единицы психического – личности; обозначения одного из классов изучаемых психологией явлений; конкретно-психологического феномена, доступного изучению посредством эксперимента и наблюдения.

Физиологические корреляты отношений исследованы Мясищевым в написанной в 1944 г. докторской диссертации «Электрокожные показатели нервно-психических состояний у человека». Отношение истолковано здесь как несводимое к одной личности потенциальное психическое образование с особой функцией; как потенциал, проявляющийся сознательной активной избирательностью переживаний и поступков человека, основанной на его индивидуальном, социальном опыте в связи с каким-нибудь предметом, процессом или фактом действительности. Отношения – тот интегральный показатель и одновременно главное звено, нарушение которого связано с деформациями жизнедеятельности организма и личности.

Коррекция нарушений как соматики, так и психики, а также управление формированием личности и ее воспитанием возможны в первую очередь посредством воздействия на отношения. Действительно, их система и есть то, что обеспечивает целостность человека, его существование как сложного единства, субъектно-объектную связь человека с миром. Сознательность, избирательность и активность этой связи, она делает человека не рабом, а хозяином этой связи, считал В.Н. Мясищев, подтверждая это философское положение строго экспериментально.

И к концу 1940-х годов он вплотную подходит к формулировке позиций психологии отношений в ряду кардинальных проблем общей психологии. «В психологическом плане отношения человека представляют субъективную, внутреннюю, индивидуально-избирательную сторону его многообразных связей с различными сторонами действительности и со всей действительностью в целом, развиваясь во взаимодействии, т. е. в связи в окружающим, психика человека не может быть правильно изучена без всестороннего освещения этой стороны связи», – пишет он в 1949 г. (Левченко, 2003, с. 203).

Актуализируя категорию отношения в качестве центральной для понимания личности в норме и патологии, В.Н.Мясищев подчеркивал: «Исходя из того, что понятие отношения несводимо к другим и неразложимо на другие, надо признать, что оно представляет самостоятельный класс психологических понятий» (Мясищев, 1995, с. 352). Надо подчеркнуть, что такая позиция вызвала и критические суждения, которые – как будет видно из нашего анализа – в конечном счете укрепили статус категории отношения.

О статусе категории «отношение»

М.Г. Ярошевский отмечал, что существует «изначальная размытость» в понимании термина «отношение», которая «пугает карты» и «препятствует его продуктивному применению, то есть соединению с ним объяснительных схем, позволяющих осветить психические феномены, мимо которых «проскользает» научная мысль, оперирующая другими категориями. Взамен этого под всеохватывающее понятие отношения подводятся психические свойства и процессы, системно-детерминистский анализ которых требует иных научных средств (категорий). Печальным результатом этого является соблазнительный, но по сути своей уводящий от позитивного решения психологических проблем редукционизм» (Петровский, 2003, с. 197). Конечно, упреки в редукционизме носят в чем-то дежурный характер: таковым «грешит» любая интегральная категория – та же деятельность, или общение, или поведение и т. д.

Ярошевский упрекал Мясищева в том, что будучи увлеченным разработкой теории отношений и определяя личность как ансамбль отношений, тот утрачивает перспективу изучить личность в полном объеме: «Ведь за метакатегорией личности стоит мощный комплекс знаний о человеке, собранных в различных исследовательских поисках в особую целостность, игнорировать интегральный характер которой опасно. Этот комплекс существенно оскудел бы, если изъять из него

все, кроме представлений о свойствах и структуре личности, объединенных под термином «отношение» (Петровский, 2003, с. 198).

Поэтому Ярошевский негативно оценивает позиции тех последователей этой линии, которые утверждают: раскрывая сущность понятия «отношение» в психологии, Мясищев видел психологический смысл отношения в том, что 1) оно является одной из форм отражения человеком окружающей его действительности и что 2) формирование отношений в структуре личности человека происходит в результате выявления им на сознательном уровне сущности тех социальных объективно существующих отношений общества в условиях его макро- и микробытия. Он пишет: «Очевидно, что соединение с понятием «отношение» таких признаков, как «отражение», «сознательный уровень», «сущность социальных отношений общества» не только не делает психический смысл этого понятия (и тем самым концепцию, которая выступает под его девизом) более содержательным, но вообще ставит под сомнение его объяснительную ценность» (Петровский, 2003, с. 198).

Конечно, это не так: чтобы это доказать, достаточно обратиться к операционализации и даже тонкой инструментализации Мясищевым категории отношение, к примеру, в сфере медицинской психологии как отрасли психологической науки и его психопрофилактической практике, приемы которой все в большей мере дифференцируются и продуктивно используются сегодня.

Ярошевский даже ставит сакраментальный вопрос: не получается ли, что понятие отношения вообще является избыточным, беспечно занесенным в научно-психологический лексикон? Однако от положительного ответа на данный вопрос он воздерживается.

Ответ историка психологии и методолога многозначен: «Нет, за ним стоит психическая реальность, и В.Н.Мясищев имел все основания считать, вслед за А.Ф. Лазурским, что это понятие охватывает особый класс неразложимых явлений и несводимых к другим. Тем самым оно обладает содержанием, побуждающим признать за ним категориальное достоинство. Задача заключается в том, чтобы диагностировать систему признаков, гарантирующих нередуцируемость этого содержания к психическим явлениям, данным в объяснительных схемах других категорий» (Петровский, 2003, с. 198). Ярошевский тем самым полагал, что отношение как особая характеристика психической связи индивида с действительностью представлено повсеместно – идет ли речь об образе этой действительности, о мотиве, побуждающем личность совершать или не совершать какое-либо действие и т.п. «Между тем теория отношений (В.Н.Мясищев и др.) склонна считать производными от системы отношений и характерные свойства личности, и мотивы ее поступков, и ее потребности, интересы, склонности, жизненную позицию и многое другое, в конечном счете «растворяемое» во всепоглощающем представлении об этой «универсалии» (Петровский, 2003, с. 199). (Заметим в скобках: герой рассказа Платонова «Сокровенный человек» Фома Пухов трактовал эту «универсалию» негативистски: «Вы очковтиратели, товарищ комиссар! – Почему? – уже занятый делом, рассеянно спрашивал комиссар. – Потому что делаете не вещь, а отношение! – говорил Пухов, смутно припоминая плакаты, где говорилось, что капитал не вещь, а отношение; отношение же Пухов понимал как ничто»).

Ярошевский правомерно подчеркивал, что отношение, будучи базисной категорией, характеризуется значимой для субъекта направленностью (интенциональностью) на объект, в качестве которого могут выступать не только материальные вещи, но также феномены культуры, духовные ценности, другие люди, сам субъект (о чем, кстати говоря, писали учитель Мясищева Лазурский и Франк, как видно из вышеприведенного их списка 15 отношений, к которым, повторим еще раз, пожалуй, можно добавить шестнадцатое: отношение к виртуальным реальностям – и достаточно).

Отношение, по Ярошевскому, не следует идентифицировать с мотивом, эмоцией, потребностью и другими проявлениями индивидуально-личностного плана психической жизни. Действительно, ведь категории отношения присущи такие признаки как заданная субъектом векторизованность психического акта, избирательность, установка на оценку (позитивную, негативную, выражающую безразличие), предрасположенность и готовность к определенному образу действия и др.

Поэтому, вопреки критическому пафосу посылок, вывод Ярошевского о перспективах категории отношение позитивен и конструктивен: «Во всех случаях перед нами базисная психологическая категория, имеющая свой статус. Попытки стянуть к ней богатство других категорий (в частности, например, свести личность, как уже сказано, к «ансамблю отношений») столь же бесперспективны, как универсализация категории образа в гештальттеории или категории действия в бихевиоризме» (Петровский, 2003, с. 199).

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что стоит согласиться с М.Г.Ярошевским в том, что категория «отношение» несомненно и по праву имеет статус базисной категории в системе психологических понятий. Несомненно поэтому, что исследования по психологии отношений должны продолжаться, ибо эта категория, как представляется, не исчерпала своего эвристического богатства, например, в исследовании человеческого потенциала.

Вместе с тем не со всеми положениями, сформулированными классиком отечественной психологической науки, можно согласиться. Начнем с обвинений Мясищева в стремлении свести все богатство личности к «ансамблю отношений». А он и не сводил: достаточно пристально взглянуть в его практическую деятельность как психотерапевта – учет факторов соматических в ней занимает ключевое место. Кроме этого, сам Маркс в его знаменитом шестом «Тезисе о Фейербахе» говорил не о «богатстве личности», а о «сущности человека».

На примере психологии отношений можно скорее увидеть вариант развития научной идеи, многократно прослеженный в истории психологии и описанный еще Выготским в «Историческом смысле психологического кризиса» (1927). В стремлении Мясищева распространить идею отношений на объяснение личности проявляются черты естественного процесса развития идеи. Таким же образом определяется и граница применимости понятия: если «сопротивление» материала становится сильным, это можно рассматривать как намечающуюся «границу» отношения.

Не подлежит сомнению, что «личность» – категория, не сводимая к ансамблю отношений, но для понимания личности важно знать и понимать этот ансамбль отношений, и данное понимание, помноженное на то, что можно назвать комплексом разнородных знаний об органике человека, и обусловило его креативный вклад в отечественное учение о человеке. Пригодное и для измерений человеческого потенциала а глобальном масштабе.

Исследования, которые продолжают традиции психологии отношений, это подтверждают (Человеческий потенциал..., 2005; Столбун, 2005; Стрельцова, 2009; Стрельцова, 2011; Базиков, 2013; Журавлев, 2012; Зобков, 2011; Мазиллов, 2006). В ряде работ успешно и продуктивно исследуются специфические отношения, складывающиеся в той или иной сфере или деятельности. В других работах категория отношение успешно и конструктивно соотносится с другими, что тоже соответствует современным тенденциям в психологической науке и, кстати, выводам самого Ярошевского. А что чрезмерная универсализация той или иной категории бесперспективна – с этим тезисом его оппонент Мясищев согласился бы или по крайней мере признал бы данный тезис достойным глубокой дискуссии.

Психология отношений и медицинская психология

Мясищев стоит в одном ряду с классиками отечественной (советской) психологии, которую можно считать одним из высших пунктов развития мировой психологической науки. Прорывной его вклад при этом – медицинская психология, одним из зачинателей в России по праву считается Мясищев. Этот прорыв стал возможен вследствие междисциплинарной проработки психологии отношений во всем богатстве ее характеристик, опоры на принципы психосоматики, авторской классификации неврозов как пограничной области между нервными и психическими заболеваниями. «Ученый подчеркивал важность изучения психоневрозов для медицинской теории и практики, так как в них наиболее ярко выступают психосоматические зависимости. Мясищев рекомендовал не разъединять психиатрический и неврологический аспекты в изучении неврозов и рассматривать страдающего человека в целом, не сводя при этом психическое к физиологическому... Ядром конфликтов являются противоречия в осознании объективной действительности и субъективных тенденций (по типу «хочу – не могу», «не могу достигнуть, но не хочу отказаться»); неразрешимые противоречия между объективной необходимостью и субъективными качествами личности, между логикой и аффектом» (Стрельцова, 2009, с. 122 – 123).

Указанные и многие другие ученики и последователи Мясищева подтверждают релевантность ключевого момента в его концепции положения о том, что патогенез неврозов детерминируется нарушенными отношениями личности, а тем самым тот или иной невроз является следствием (зачастую социально детерминированного) нарушения, а не его причиной (Стрельцова, 2009, с. 209). Эта идея была выдвинута и обоснована Мясищевым еще в 1930-е годы, подтверждена его подвижническим трудом в годы Великой Отечественной войны и работы по реабилитации больных в послевоенное время, но смогла быть оглашена лишь в середине 1950-х годов. Сыну дореволюционного юриста, брату офицера-эмигранта и сестры, ставшей женой колчаковского офицера, ему не всегда можно было говорить в полный голос – но сделал он для отечественной психологии очень много.

Особенно важным можно считать проведенное им разделение между почвой и источником заболевания (нервно-психического, а по сути любого психосоматического) заболевания; последний надо искать, по всестороннее обоснованному убеждению Мясищева, в истории становления и условиях дальнейшего формирования отношений личности (Стрельцова, 2009, с. 215). Это предполагает включение потенциала такой психотерапии, которая выходит за любые устоявшиеся рамки: выявить источник заболевания можно, только реконструировав личностный инвариант системы отношений, включая отношения общественные, которые постоянно находятся в динамике. Действенной выступает именно рациональная психотерапия, которая ориентирована на сознание личности, способной переделать ее

отношение к себе и другим, к своей болезни и здоровью, нормализует систему отношений, восстанавливая тем самым и нормальную деятельность организма. Лишь такая психотерапия задает ориентацию на конструирование здоровых – во всех смыслах этого слова! – отношений.

Что касается неврозов, то при их возникновении нарушение отношений играет патогенную причинную роль; это характеризует также и все психогенные заболевания, даже и такие как паранойя. Однако в ряде заболеваний мозга нарушенные отношения являются не причиной, а следствием болезни. Это состояния, в которых с регрессом личности меняется характерный для человека индивидуальный способ отношений. Его деформации особенно отчетливо выступают при так называемом лобном синдроме, что указывает на роль нейропсихологии в выявлении причин ряда конкретных заболеваний (Столбун, 2005).

Мясищев особо подчеркивает, что при ряде болезненных состояний отношения имеют тем менее дифференцированный характер, чем тяжелее степень психического недоразвития. «Психогенные нервно-психические заболевания в первую очередь требуют психотерапии. Так называемая глубокая, или рациональная, психотерапия, как мы с нашими сотрудниками показывали неоднократно, основывается на перестройке отношений» (Мясищев, 1995, с. 35).

В целом, утверждает Мясищев, те разделы психотерапии, которые имеют большое значение для всей медицины, связаны главным образом с отношениями человека. Отсюда большая значимость курабельных контактов врача с больным, направленных на перестройку болезненно нарушенных отношений и коррекцию способов реакции больного на них. Любой успешный врач в силу этого не может не быть медицинским психологом.

Более того, выяснение роли нарушенных отношений в патогенезе невроза и в терапии делает понятным, что нервно-психическая профилактика и гигиена не могут пройти мимо учета особенностей личности и ее отношений. Индивидуализм и эгоцентризм, замкнутость и скрытость, тенденциозная эмоциональная («кататимная») переработка впечатлений, недостаточно критическое отношение к себе и самолюбование зачастую являются не только источником психической травматизации, но и причиной болезненно-неадекватной патологически односторонней переработки жизненных трудностей. Что отражается на соматическом уровне: «поедание» собственных печенок, «трепание» нервов, «язвительность» и т.п. – метафоры русского языка здесь выступают неплохими маркерами.

Не забывая о необходимости укрепления физического здоровья, Мясищев подчеркивает важность разработки психологических мероприятий, направленных на блокировку черт, аналогичных только что перечисленным. Здесь, по его убеждению, медицина тесно переплетается с педагогикой и психологией. Тем самым ученым, на наш взгляд, выдвигается программа социально-активной психопрофилактики, обеспечивающей здоровье индивида во всем объеме этого понятия не только соматическое, но и душевное, моральное, социальное и т. п. В такой трактовке здоровье – то, что можно соотнести с понятием развития человеческого потенциала.

Понятие «нервно-психическая профилактика и гигиена» пока недостаточно расшифровано в трудах Мясищева и его последователей. Более глубокая его проработка ставит проблему операционализации ключевых отношений и возможного построения их модели, значимой для психосоматического благополучия индивида и оздоровления общества. Тогда выработка дополнительного к используемым статистикой ООН Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), – а именно: психологического благополучия, – приобретает более четкие контуры.

Глубинное понимание продуктивности подходов Мясищева в сфере медицинской психологии и спрос на его методики будут расти по экспоненте. Причем о стороны не только ученых, но и всех, кто хочет уяснить, что такое психология отношений и как она определяет современную личность во всем богатстве ее проявлений. В русле психологии отношений Мясищев разработал оригинальную теорию эмоции как специфической формы отражения взаимоотношений социальной среды и системы потребностей и мотивов деятельности личности. Близко к этому трактовал эмоции еще один «научный внук» Бехтерева К.К. Платонов, который в 1960 г. писал: «Эмоция является одной из форм отражения, но отражают они не предметы и явления реального мира, а отношения, в которых они находятся к потребностям, цели и мотивы переучивающего человека. Причем эти объективные отношения человек субъективно переучивает как свое отношение к ним» (Платонов, 1960, с. 107).

Процессы психической деятельности, их течение, активность, функциональные характеристики отражаются, согласно В.Н. Мясищеву, в отношениях личности к задаче, процессу и условиям деятельности. Сбои ведут к заболеваниям, причем скорее психологические деформации ведут к соматическим заболеваниям, чем наоборот. Чего стоит только одно меткое его наблюдение, зафиксированное в архивных материалах: «Чрезмерные требования могут привести за собой обезличенность, лицемерие и невротическое развитие» (Семья и психическое здоровье в СССР. ЦГНИТД, СПб., Ф. 403, оп. 1, Д.52, л. 15).

Мясищев и его ученики воспроизводят давнюю традицию отечественной медицины – релевантность психосоматического подхода к любому заболеванию. Именно в силу этого ряд ее выводов столь значим для проблематики исследования всех аспектов человеческого потенциала, и в первую очередь обоснования нового индекса его измерения – уровня психологического благополучия. Система отношений личности при этом выступает одновременно инвариантным детектором и объектом приложения оздоравливающих воздействий. Как раз в этом заключается смысл обоснования нового индикатора не только измерения, но и развития человеческого потенциала (Человеческий потенциал..., 2005).

В связи с этим нужно поставить задачу выработки психологически обоснованных методов выявления, классификации и сопоставления «пунктов сочетаемости (сцепляемости)» вышеуказанных трех компонентов человеческого потенциала, дополнив их концепцией отношений личности, а также и операционализированной методологией выявления и измерения их удельного веса в обеспечении ее психологического благополучия. Чтобы разъяснить, к примеру, такие загадки: почему «богатые» не только «тоже плачут», но и, к примеру, чаще подвержены самоубийствам, склонны к некоторым болезням (особенно связанным со стрессами) и т. д.

Заключение

Сопоставляя понятия человеческий потенциал и человеческий капитал, а также комментируя показатели их развития, нельзя не признать, что они предельно сближаются. Суть в том, что все три показателя значимы для оценки и того, и другого, а если учитывать высокую степень исчисляемости человеческого капитала с опорой на 1) продолжительность жизни человека (косвенно подтверждающего уровень здравоохранения), 2) годов обучения (особенно с учетом того, что оно во все большей носит платный характер и само собой разумеется 3) уровень дохода на душу населения – то понятие человеческого потенциала предстает как бы лишним. Однако оно нужно, поскольку потенциал – это не только наличествующее и даже ожидаемое, но и неожиданное: изобретение персонального компьютера в этом плане то новое, что из тенденций развития человеческого капитала не выводилось, это своеобразное «творение из ничего». Поэтому столь важен новый показатель в Индексе развития человеческого потенциала, учитывающий характер креативности индивида и общества. Замену психологии отношений в данном ракурсе найти трудно.

Что касается фиксации психологического благополучия, то оно не в полной мере исследуется в современной науке. При этом а часто решение психических и других болезней неоправданно дается на откуп людям, далеким от нее: псевдоцелителям, шаманам и т. п. Чем измерить эффект их «заботы», часто имеющий губительные последствия для личности?

Исходя из этого, важно: 1) обосновать модель калькуляций в данном ракурсе всех основных составляющих человеческого потенциала, ориентирующих на обеспечение достойного качества жизни, включая состояния психического здоровья индивида; 2) воспроизвести релевантность выдвинутого отечественными медиками XIX века тезиса о социальном характере большинства болезней человека (их логическим продолжением в XX веке явилась концепция эндопсихики и экзопсихики, разработанная А.Ф. Лазурским и послужившая одним из ключевых источников взглядов В.Н. Мясищева на роль системы отношений человека к внешнему миру и самому себе как ядра личности); 3) наметить контуры программ оздоровления населения России; 4) скорректировать векторы социальной политики с учетом ее нового качества: оптимальной сочетаемости сфер образования и здравоохранения, поскольку образовательный ресурс общества зависит от состояния здоровья нации, а социальные патологии могут подорвать указанный ресурс и снизить качество человеческого потенциала.

Библиографический список

1. Базиков В.М., Задорожнюк И.Е., Шингаров Г.Х. Психология отношений: ретроспективный анализ и возможные приложения // Человек. 2013. №4. С. 18-30
2. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Социальная психология российского предпринимательства. Концепция психологических отношений. Москва : Ин-т психологии РАН, 2012. - 479 с.
3. Зобков В.А. Психология отношения человека к деятельности: теория и практика. Монография. Владимир : Калейдоскоп, 2011. - 263 с.
4. Как проиндексировать счастье? // Российская газета. 2012. 5 апреля.
5. Лазурский А.Ф., Франк С.Л. Программа исследования личности в ее отношениях к среде // Русская школа. 1912. Кн.1 и 2. Кн. 1. Январь. С. 1–24. Кн. 2. Февраль. С. 1–47.
6. Левченко Е.В. История и теория психологии отношений. – СПб: Алетейя, 2003. 312 с.
7. Мазилев В.А. Психология отношений: новые возможности приложения // Психология отношений человека к жизнедеятельности: Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. В.А.Зобкова. Владимир, 2006, с. 82-84

8. Мазилев В.А. Методология психологии на современном этапе: проблемы и перспективы // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией Ю.П. Поваренкова. 2007. С. 42-48.
9. Мазилев В.А. Прогресс на фоне кризиса // Вопросы психологии. 2017. № 6. С. 107-116.
10. Мазилев В.А. De anima: предмет психологии и границы его постижения // Высшее образование сегодня. 2019. № 6. С. 70-80.
11. Мазилев В.А. Когнитивная методология психологической науки: уровневый подход // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. V Всероссийская научно-практическая конференция. Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского; под редакцией Ю.П. Поваренкова. 2011. С. 57-59.
12. Мазилев В.А. Методология современной психологии: актуальные проблемы // Сибирский психологический журнал. 2013. № 50. С. 8-16.
13. Мясищев В.Н. Психология отношений. – М., 1995. 356 с.
14. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология. Москва : Издат. центр «Академия», 2003. 495 с.
15. Платонов К.К. Психология летного труда. – М., 1960. 351 с.
16. Социальный мир человека. — Вып. 5: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Человек и мир: психология конфликта, неопределенности и риска инноваций» 17-19 апреля 2014 года, г. Ижевск/ Под ред. Н.И. Леонова. — Ижевск: ERGO, 2014. — 340 с.
17. Столбун В.Д., Стрельцова В.П. Нейротропное немедикаментозное лечение цисталгии. – Тверь : Лилия, 2005. 352 с.
18. Стрельцова В. П. Психологические воззрения В. Н. Мясищева. – Тверь: Изд-во «СФК-офис», 2009. 288 с.
19. Стрельцова В. П. Медико-психологические и медицинские воззрения В. Н. Мясищева. – Тверь: Изд-во «СФК-офис», 2011. 304 с.
20. Счастливы как никогда // Российская газета. 2012. 18 мая.
21. Фельдштейн Д.И. О развитии фундаментальных психологических исследований. Москва : Изд-во Московского психолого-социального ин-та ; Воронеж : ИПФ Воронеж, 2006. - 16 с.
22. Фесенко П.П. Имеет ли понятие психологического благополучия социально-культурную специфику // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 132-138.
23. Флербе М. За пределами ВВП: в поисках общественного благосостояния // Вопросы экономики. 2012. №3. С. 32-51
24. Человеческий потенциал современной России. – М.: Изд-во СГУ, 2005. 263 с.
25. Bradburn N. The Structure of Psychological Well-Being. Chicago: Aldine Pub. Co., 1969. 318 p.
26. Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. 95. P. 542-575.
27. Easterling R. Does money buy happiness // Public Interest. 1973. V.30. P.4.
28. <http://hdrstats.undp.org/indicators/1.html>.
29. http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/14/hdr2013_en_complete.pdf.
30. Ryff C. D. Psychological well-being in adult life // Current Directions in Psychological Science. 1995. P. 99-104.

УДК 159.9.072.432

С.Л. Богомаз, С.Ф. Пашкович

Нарративный подход в психолого-педагогическом сопровождении адаптации личности с повреждением опорно-двигательного аппарата

Аннотация. Статья посвящена проблеме психолого-педагогического сопровождения психологической адаптации человека с ограниченными возможностями, возникающими вследствие повреждения опорно-двигательного аппарата.

Ключевые слова: психологическая адаптация, копинг-стратегии, люди с ограниченными возможностями, повреждение опорно-двигательного аппарата, нарративный подход.

Narrative approach in psychological and pedagogical support of personality adaptation with damage to the musculoskeletal system

Abstract. The article is devoted to the problem of psychological and pedagogical support of psychological adaptation of a person with disabilities resulting from damage to the musculoskeletal system.

Keywords: psychological adaptation, coping strategies, people with disabilities, damage to the musculoskeletal system, narrative approach.

Введение. Человеческая адаптация происходит на различных уровнях. Посредством генетической и культурной адаптации люди обретают способность приспосабливаться к изменениям в окружающем их природном и социальном мире, приобретающим все более динамичный характер. В наиболее широком значении под адаптацией понимается процесс приспособления или подчинения окружению посредством поведенческих или психических изменений, способствующих достижению оптимального уровня функционирования.

Ситуация ограничения физических возможностей, когда человек лишен возможности свободно передвигаться, совершать действия по самообслуживанию, неизбежно вносит коррективы, касающиеся всех аспектов его жизнедеятельности. Невозможность выполнения набора общепринятых социальных ролей повышает восприимчивость к внушающим влияниям различного рода и может способствовать переходу из состояния активного поиска способов и путей самореализации в состояние пассивной приспособительной жизнедеятельности. В связи с этим актуальной становится проблема психолого-педагогического сопровождения психологической адаптации человека с ограниченными возможностями, возникающими вследствие повреждения опорно-двигательного аппарата.

Теоретические основы исследования. Изучение способов преодоления человеком сложных жизненных ситуаций постепенно сформировалось в целое направление в практической психологии. Начиная с 60-х годов прошлого века и по сей день в научной психологической литературе появляются зарубежные и отечественные исследования, посвященные изучению совладающего (копинг) поведения. За рубежом проблемами совладающего поведения занимались Дж. Амирхан, М. Арнольд, Р. Лазарус, Л. Мерфи, Л. Перлин, С. Фолькман, К. Шулер, и др. В отечественной психологии проблема трудных и экстремальных жизненных ситуаций разрабатывается многими авторами, опирающимися на такие понятия, как переживание, копинг-стратегии, стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями: это Ф.В. Бассин, Ф.Б. Березин, Ф.Е. Васильюк, Л.И. Вассерман, С.В. Духновский, Ц.П. Короленко, М.Ш. Магомед-Эминов, С.К. Нартова-Бочавер, Л.А. Пергаменщик, Н.Н. Пуховский, М.М. Решетников, Н.В. Тарабрина, И.А. Фурманов, В.М. Ялтонский и др. В настоящее время активно ведутся исследования по определению наиболее важных копинг-ресурсов личности и их роли в формировании успешного совладающего со стрессом поведения. Все больше внимания уделяется изучению механизмов психологической адаптации личности во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в условиях, осложненных различными физическими дефектами, травмами и заболеваниями. Однако исследований, посвященных изучению особенностей адаптационных механизмов в условиях ограничения физических возможностей, возникающих вследствие травмы или заболевания опорно-двигательного аппарата, пока недостаточно. Практически не освещены вопросы поиска психологических прогностических критериев протекания процесса адаптации, где сложные взаимодействия личностных переменных, адаптационных ресурсов и отношения с ближайшим окружением человека с ограниченными возможностями могут иметь определяющее значение. На сегодняшний день признана роль психологических факторов в лечении разнообразных соматических расстройств. Вместе с тем, отсутствуют однозначные причинно-следственные связи в сфере психосоматических и соматопсихических соотношений при различных формах патологии, поскольку они обусловлены интегрированностью функционирования человека и отражают неразрывное единство соматического и психического (Исаева, 2009).

Также до сих пор остается недостаточно изученным значение социально-психологических факторов, а также влияние психотравмирующих событий и ситуаций на личность, оценка переживаний личностью этих событий и ситуаций и способы переработки интрапсихического конфликта с помощью специфических проявлений психологических защит и совладания. Кроме того, мало изучено комплексное взаимодействие психологических защит и совладания в посттравматический период адаптации и их воздействие на реализацию личностного адаптационного потенциала. Тем более, что не все механизмы психологической защиты в рамках определенного контекста можно рассматривать однозначно, как не конструктивные, и, в тоже время нельзя утверждать, что механизмы совладания всегда конструктивны, контекстуально уместны и им следует отдавать предпочтение во всех без исключения случаях.

Следует отметить, что ограничение свободы и самостоятельности, невозможность обходиться без посторонней помощи, возникающие вследствие ограничений в физической сфере, с одной стороны провоцируют негативные психические состояния, приводят к личностному кризису, а в дальнейшем могут привести и к психическим расстройствам; но, в тоже время, данные ограничения могут стимулировать использование личностного адаптационного потенциала, который в большинстве случаев остается нереализованным (Богомаз, 2015).

Материалы и методы исследования. Методологической основой исследования являются труды отечественных ученых, которые изучали проблемы психологии переживания (Ф.В. Бассин, Ф.Е. Василюк, Л.С. Выготский, С.В. Духновский, В.В. Козлов, В.А. Мазиллов, С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов), зарубежных авторов, в работах которых рассматривается когнитивная теория стресса и копинга (А. Бандура, Р. Лазарус, Л. Мерфи, Г. Селье, С. Фолькман, и др.); работы по исследованию копинг-поведения (Д. Амирхан, Н.А. Сирота, В.М. Ялтонский, и др.); метод «обоснованной теории» предложенный социологами Б. Глезером и А. Строссом (Стросс, 2001); **интегративная эклектика путем триангуляции** – разработанная В.А. Янчуком авторская модификация подхода методологической триангуляции, представляющая комбинирование продуктивных возможностей количественных и качественных методов исследования, предполагающая использование процедур альтернативных методологий, направленных на выявление динамического, экзистенциально-феноменального и неосознаваемого аспектов исследуемого явления, за счет схватывания и уточнения тождественности значений и смыслов в системе исследователь – исследуемый (Янчук, 2000). Методы применялись в системе, причем выбор в каждом случае обосновывался возможностью метода выявлять причинно-следственные связи изучаемых явлений. Для обработки и интерпретация полученных результатов применялся количественный и качественный анализ данных.

Результаты и их обсуждение. В поиске методов, с помощью которых можно было бы выявить закономерности успешного применения копинг-стратегий мы постепенно пришли к выводу, что наилучший результат может быть получен с помощью детального изучения отдельных клинических случаев, в которых людям после травмы или тяжелого заболевания, приводящих к сильным ограничениям в физической сфере, удалось восстановить свое душевное равновесие и, несмотря на трудности и очень сильные ограничения, они смогли «начать жить заново». Именно поэтому одно из исследований мы провели с помощью качественных методов исследования, используя нарративный подход.

Изначальная лингвистическая ориентированность психологии сейчас уже не вызывает сомнений. Однако в отличие от семиотических, психолингвистических и других линий исследования в психологии, где операциональной единицей изучения является слово, значение и смысл, в нарративном подходе ведется анализ более крупных единиц, а именно нарративов, или рассказов, построенных по принципу художественного текста.

Что касается задач, которые нарративы решают, то первая из этих задач – это коммуникативная задача. Нарративы транслируют информацию от рассказчика к слушателю. При этом необходимо заметить, что эта «информация» не тождественно содержанию рассказа, ведь некоторые вещи сообщаются и самой структурой нарратива, его жанром, ситуацией, в которой он рассказывается и так далее. Вторая – это задача по упорядочиванию собственного опыта. Нарративы являются средством организации и соотнесения личного опыта субъекта. Для работы в интересующей нас сфере также особое значение имеют дополнительные задачи, которые решаются за счет конструирования нарратива. Следует учитывать тот факт, что нарратив выполняет задачу по самопредъявлению рассказчика, как на сознательном, управляемом рассказчиком уровне, так и на уровне несознательном, не подчиненном контролю рассказчика. «В результате процесс организации и соотнесения личного опыта рассказчика подвергается многочисленным искажениям вследствие его актуальных целей взаимодействия, действия защитных механизмов, механизмов социальной желательности и т.п.» (Крюкова, 2007).

И, наконец, одним из главных преимуществ нарративного подхода в исследовании избранной нами сферы является то, что нарратив – это начало, по сути, психотерапии в процессе конструирования клиентом нарратива. Отнесенный к разряду «автотерапевтических» средств, нарратив помогает справляться с неопределенностью, создает убедительную легенду, личную «историю болезни» или рассказа об излечении. В непосредственной работе с психотерапевтом именно на рассказы клиента ложится задача конструирования и презентации проблемы и отношения к ней, представления содержащихся в ней путей ее решения, богатства выбора и прочее (Исаева, 2009).

Возможность пересмотра отношения к проблемам и практически «переписывание» наново своей истории предоставляемые нарративным подходом можно использовать в работе с выбранной нами категорией клиентов.

В результате проведенных нами исследований было выяснено, что проблема совладающего поведения людей с ограничениями в передвижении, имеет свою специфику, которая заключается в том, что эти ограничения становятся непреодолимыми препятствиями в реализации жизненных целей, поскольку человек не видит возможности реализации своего личностного адаптационного потенциала и, как правило, использует пассивные копинг-стратегии. В ситуации ограничения физических возможностей, возникающих вследствие травмы или заболевания опорно-двигательного аппарата, очевидным решением является использование социальной поддержки. И на начальном этапе выбор данной стратегии является во многих случаях оправданным, однако, постоянное использование ее в дальнейшем может провоцировать негативные психические состояния, которые могут привести к психическим расстройствам. Помимо этого, к негативным результатам может привести и использование стратегий избегания – ведущих поведенческих стратегий при формировании дезадаптивного, псевдосовладающего поведения. Они направлены на преодоление или снижение дистресса человеком в данном случае в связи с недостаточностью развития личностно-средовых копинг-ресурсов и навыков активного разрешения проблем. При этом они могут носить адекватный либо неадекватный характер в зависимости от конкретной стрессовой ситуации, возраста и состояния ресурсной системы личности – человек может использовать пассивные способы избегания, например, уход в болезнь или употребление алкоголя, наркотиков и т.д.. В тоже время, правильно выбранная активная стратегия с переоценкой и поиском всевозможных ресурсов в ситуации ограничения физических возможностей может не только способствовать восстановлению психологического равновесия, но и оказывать содействие в формировании гармоничной, зрелой личности, успешно реализующей заложенный в ней личностный адаптационный потенциал (Богомаз, 2015).

В понятие «личностный адаптационный потенциал» согласно А.Г. Маклакову, включаются следующие характеристики: нервно-психическая устойчивость, уровень развития которой обеспечивает толерантность к стрессу, самооценка личности, являющаяся ядром саморегуляции и определяющая степень адекватности восприятия условий деятельности и своих возможностей, ощущение социальной поддержки, обуславливающее чувство собственной значимости для окружающих, уровень конфликтности личности, опыт социального общения. Все перечисленные характеристики он считает значимыми при оценке и прогнозе успешности адаптации к трудным и экстремальным ситуациям, а также при оценке скорости восстановления психического равновесия (Маклаков, 2001).

Проведенное нами исследование с использованием методики «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана в адаптации Н.А. Сироты и В.М. Ялтонского (Крюкова, 2007) и методики измерения уровня невротизации Л.И. Вассермана (Райгородский, 1998) показало, что успешно преодолевают негативные психические состояния и реализуют личностный адаптационный потенциал в условиях ограниченных физических возможностей те, кто использует активные копинг-стратегии, поскольку наличие сильной положительной корреляции, которая существует между выбранной пассивной стратегией «Избегание» и уровнем невротизации стала свидетельством того, что, использующие данную стратегию не могут успешно адаптироваться. В тоже время, значимая отрицательная корреляция, существующая между уровнем невротизации и активной стратегией «Решение проблемы», может свидетельствовать о том, что человек, использующий именно эту стратегию, добивается успеха в преодолении отрицательных психических состояний, реализации личностного адаптационного потенциала и в действительности достигает того уровня, который можно назвать успешной адаптацией (Богомаз, 2015).

По результатам исследования была разработана и реализована программа занятий с элементами социально-психологического тренинга «Цель, ресурсы, мотивация» на базе Центра психологической помощи УО «ВГУ им. П.М. Машерова». Анализ данных полученных с помощью методики «Многофакторный личностный опросник FPI (модифицированная форма В)», методики измерения уровня невротизации Л.И. Вассермана, а также данные полученные с помощью анкеты и в беседе с испытуемыми, позволяют говорить о том, что цель и задачи нашей программы психологической адаптации людей с ограниченными возможностями, возникших вследствие травмы опорно-двигательного аппарата были эффективно реализованы, поскольку произошли существенные изменения в самосознании испытуемых. Участники программы в процессе занятий смогли определить жизненные области, наиболее важные для себя. То есть определить те сферы, в которых они хотели бы и, что самое главное, могли бы добиться определенных успехов. Можно говорить о том, что испытуемые пришли к реальному осознанию своих ограниченных возможностей, и, в тоже время, они поняли, что достижение целей зависит не от преходящих обстоятельств, а от того насколько они сами правильно выстроят стратегию по достижению целей с учетом имеющихся в их распоряжении ресурсов. Участники программы пришли к пониманию, что необходимо не только правильно ставить и формулировать свои цели, но при этом жизненно важно очень четко определять наличие тех ресурсов, которые будут необходимы для достижения этих целей. Можно констатировать, что участники программы четко осознали истинные причины, мешающие в реализации их

замыслов. Следует отметить, что данное осознание для людей с ограниченными физическими возможностями в большинстве случаев может быть очень болезненным, но, в тоже время является жизненно необходимым. Особенно для тех из них, которые хотят добиться конкретных и реальных результатов в улучшении качества своей жизни. Именно осознание своих реальных возможностей позволяет почувствовать реальную почву под ногами, от которой можно отталкиваться и идти вперед в своем личностном развитии, находя и привлекая на *своем* пути все новые и новые ресурсы. Считаем необходимым акцентировать внимание на понятии «свой путь», поскольку многие из исследуемой нами категории всю свою жизнь стремятся подражать людям с обычными, если можно так выразиться, возможностями, и, как правило, это не приносит никаких положительных результатов. Анализ результатов исследований показывает, что успеха в любых сферах человек с ограниченными возможностями может добиться в том случае, если осознает свою собственную личностную уникальность и неповторимость, а также уникальность и неповторимость своего жизненного пути, и не будет строить свою жизнь, стараясь вписать ее в рамки общепринятых шаблонных представлений. В процессе работы с испытуемыми также был выявлен самый главный ресурс – время. Именно возможность самостоятельно распоряжаться своим временем в итоге дает возможность путем решения менее сложных задач достигать кажущихся, на определенном этапе, недостижимых целей. Анализ данных полученных с помощью методики «Многофакторный личностный опросник FPI (модифицированная форма В)» свидетельствует о положительной динамике изменений в структуре состояний и свойств личности, которые имеют первостепенное значение для процесса социальной адаптации и регуляции поведения. Низкий уровень невротизации, выявленный с помощью методики измерения уровня невротизации Л.И. Вассермана может говорить об эмоциональной устойчивости и положительном фоне основных переживаний испытуемых. Данные показатели могут свидетельствовать об успешности психологической адаптации испытуемых в условиях ограниченных физических возможностей (Богомаз, 2015).

Заключение. Таким образом, теоретический анализ, проведенные исследования и апробация программы психологической адаптации показали, что воздействие на восприятие новой ситуации человеком после тяжелой травмы ОДА способствуют переключению на использование активных копинг-стратегий, которые способствуют преодолению негативных психических состояний, возникающих вследствие невозможности реализации личностного адаптационного потенциала в условиях ограниченных физических возможностей, и тем самым помогают процессу психологической адаптации человека в данных условиях, поскольку открытие путей реализации своей активности помогает ему избавиться от психологического дискомфорта вызванного иллюзиями, уходом от решения реальных проблем и опорой на ложные ресурсы, что в итоге помогает ему приблизиться к ощущению состояния психологического комфорта и благополучия. Помимо этого наше исследование наглядно продемонстрировало продуктивность и перспективы интеграции различных психологических подходов.

Библиографический список

1. Богомаз С. Л., Пашкович С. Ф. Копинг-стратегии в психологической адаптации людей с травмой опорно-двигательного аппарата : монография. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2015. 216 с.
2. Исаева Е. Р. Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни. СПб.: Издательство СПбГМУ, 2009. 136 с.
3. Крюкова Т. Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: Авантитул, 2007.
4. Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях. Психологический журнал. 2001, Т.22, №1. С. 16-24.
5. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Самара: Издательский дом "БАХРАХ", 1998. 672 с.
6. Стросс А., Кобин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. Пер. с англ. и послесловие Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
7. Янчук В. А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: Интегративно-эклетический подход. Минск: Бестпринт, 2000. 376 с.

Т.В. Бугайчук

Психолого-педагогический мониторинг способностей школьников*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07156*

Аннотация. В статье представлен интегративный подход к психолого-педагогическому исследованию способностей обучающихся школьного возраста. Автором сделан акцент на трансдисциплинарности выявления способностей у обучающихся, так как способности – это сложный феномен, имеющий иерархическую организацию и гетерохронность развития, особенно в детском возрасте. Поэтому отмечается особая роль интегративного подхода в изучении способностей обучающихся через выявление взаимосвязей между оценками способностей, полученными по экспертным суждениям и комплексному психолого-педагогическому мониторингу способностей обучающихся с целью дальнейшего создания комплексных условий в общеобразовательной организации для их развития.

Ключевые слова: исследование способностей, интегративный подход, школьный возраст, психолого-педагогический мониторинг.

T.V. Bugaichuk

Psychological and pedagogical monitoring of students' abilities

Abstract. The article presents an integrative approach to the psychological and pedagogical study of the abilities of schoolchildren. The author focuses on the transdisciplinarity of identifying abilities in students, since abilities are a complex phenomenon that has a hierarchical organization and heterochronism of development, especially in childhood. Therefore, the special role of the integrative approach in the study of students' abilities is noted through the identification of relationships between the assessments of abilities obtained from expert judgments and complex psychological and pedagogical monitoring of students' abilities in order to further create complex conditions in the general educational organization for their development.

Keywords: research of abilities, integrative approach, school age, psychological and pedagogical monitoring.

Введение. С учетом специфики развития способностей и одаренности в детском возрасте наиболее адекватной формой идентификации признаков способностей и одаренности того или другого конкретного ребенка, по нашему мнению, является психолого-педагогический мониторинг.

Психолого-педагогический мониторинг, используемый с целью выявления способных и одаренных обучающихся, должен отвечать целому ряду требований. К этим требованиям относятся и трансдисциплинарный характер оценивания разных сторон поведения, деятельности и личности обучающегося, что позволяет использовать различные источники информации и охватить как можно более широкий спектр его способностей; и экспертная оценка продуктов деятельности (рисунков, стихотворений, технических моделей, способов решения математических задач и пр.) с привлечением экспертов – специалистов высшей квалификации в соответствующей предметной области деятельности (математиков, филологов, шахматистов, инженеров и т.д.). При этом следует иметь в виду возможный консерватизм мнения эксперта, особенно при оценке продуктов юношеского творчества; и многократность и многоэтапность обследования с использованием множества психодиагностических процедур, отбираемых в соответствии с предполагаемым видом одаренности и индивидуальностью данного учащегося; и анализ реальных достижений учащихся в различных предметных олимпиадах, конференциях, спортивных соревнованиях, творческих конкурсах, фестивалях, смотрах и т.п.

Подчеркнем, что диагностическое обследование желательно проводить в ситуации реальной жизнедеятельности, приближая его по форме организации к естественному эксперименту, например, посредством метода проектов, предметных и профессиональных проб и т.д. Также можно использовать такие предметные ситуации, которые моделируют исследовательскую деятельность и позволяют учащемуся проявить максимум самостоятельности в овладении и развитии деятельности.

Важно понять, что оценка ребенка как способного не должна являться самоцелью. Выявление способных детей необходимо связывать с задачами их обучения и воспитания, а также с оказанием им

психолого-педагогической помощи и поддержки. Необходимо применять методы психодиагностики, имеющие дело с оценкой реального поведения учащегося в реальной ситуации: анализ продуктов деятельности, наблюдение, беседа, экспертные оценки. Иными словами, проблема выявления способных учащихся должна быть переформулирована как проблема создания условий в общеобразовательных школах для реального и своевременного выявления учащихся со способностями. Целью данного процесса становится совершенствование присущих данным детям видов способностей и обеспечения их интеллектуального и личностного роста через трансдисциплинарный подход (интегративный подход).

Теоретические основы исследования. В современном образовании важнейшая роль принадлежит развивающей функции обучения, обеспечивающей развитие способностей и становление личности обучающихся. Развитие способностей детей составляет одну из главных задач образования, решение которой требует учета индивидуальных особенностей обучающихся, в том числе выявления их потенциала для содействия его реализации в учебной деятельности. Однако в современной психологии вопрос об оценке способностей детей остается дискуссионным. Несмотря на множество существующих диагностических методик, соотношение получаемых с их помощью данных на разных ступенях образования изучено недостаточно. В связи с этим данное теоретическое исследование обозначило проблему интегративного подхода к изучению способностей обучающихся через выявление взаимосвязей между оценками способностей, полученными по экспертным суждениям, психометрическим тестам и самоотчетам обучающихся.

Поэтому роль педагога бесценна. При этом мы говорим не только о профессиональных знаниях, умениях и навыках педагога, в том числе и по выявлению предметных способностей у детей, а мы говорим в целом о личности учителя, о его «вере в ученика, сопряженной с неустанным поиском путей к его душе, новых приемов и методов совместного постижения истины, раскрывающей ученику тайны его бытия на каждом этапе его жизненного пути» (по В.Д. Шадрикову). К сожалению, массовая школа с ее унифицированными программами и большими классами меньше всего ориентирована на поиск таких путей. Однако, все больше и больше проектов посвящается выявлению и развитию способностей обучающихся, все больше и больше педагогов знакомятся с трудами Д.Б. Богоявленской, В.Н. Дружинина, В.А. Мазилова, Б.М. Теплова, М.А. Холодной, В.Д. Шадрикова и др. Ведь современные тенденции социального развития ставят перед образованием новые задачи, поскольку ни компьютеризация, ни совершенное знание нескольких языков, а особый - более свободный, более интеллектуальный и креативный образ мышления на основе безусловного развития основных компонентов социокультурных компетенций будут являться залогом социального успеха каждого, развитием способностей каждого (Шадриков, 2019; Шадриков, 2018). Поэтому выявление и развитие способностей обучающихся является важным направлением педагогической деятельности. Ведь именно учитель приводит в соответствие содержание образовательной программы и способности ученика. Это – с одной стороны. Немаловажна и другая сторона, которая состоит в том, что часто основные проблемы в обучении детей возникают и проявляются при их взаимодействии с педагогами, что, безусловно, мешает развитию способностей ребенка, формированию ценности познания.

Материалы и методы исследования. Существует множество методик выявления способных детей, основанные на наблюдениях экспертов, педагогов, родителей. Среди них наиболее известны такие диагностические инструменты, как методики А.И. Савенкова («Интеллектуальный портрет», «Карта одаренности», «Оценка общей одаренности», «Характеристика ученика»), опросник для выявления одаренных школьников А.А. Лосевой, опросник для выявления одаренных учащихся по Е.Н. Задориной и др.

Предлагаемые методики созданы для того, чтобы помочь учителю систематизировать собственные представления о различных сторонах развития способностей ребенка, но при этом не учитывают особенности внутренней организации способностей и их специфическое развитие.

Мы предлагаем усовершенствовать представленные методики и включить в общий психолого-педагогический мониторинг способностей обучающихся следующие характеристики, выделенные на основе интегративного подхода: интеллектуальная сфера, сфера академических достижений творчество литературные сферы, артистическая сфера, музыкальная сфера, техническая сфера, двигательная сфера, сфера художественных достижений, общение и лидерство, личностные способности, духовность и нравственность, мотивация на развитие и саморазвитие.

Результаты и их обсуждение. Вслед за В.А. Толочек, мы можем отметить, что к концу XX века способности стали пониматься как системное качество, как особая организация когнитивных и личностных свойств человека. Как отмечает ученый, в конце XX века имело место переосмысление и феномена способности. Они уже понимались не только лишь как имеющие ту или иную собственную (внутрен-

ною) структуру, но и как тесно сплетенные с условиями социальной среды, методами и средствами обучения, во многом определяемые социальными ролями другого (педагога, наставника, тренера и пр.). Способности стали рассматривать как психическое образование, имеющие иерархическую организацию, в которой, например, можно выделять и высшие регуляторные уровни – метаспособности (Толочек, 2019)

Например, В.Д. Шадриков в своих работах второго десятилетия XXI века приходит к выводу о том, что способности есть свойство функциональных систем, реализующих отдельные психические функции (Шадриков, 2019; Шадриков, 2018). Он обращает внимание на индивидуальную меру выраженности способностей и их проявлении в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации деятельности, при этом автор предлагает выделить три измерения способностей, в которых они реализуются и через которые они проявляются в деятельности человека: природные (способности индивида), субъектно-деятельностные (способности субъекта деятельности), личностные (способности личности), где формирование способностей субъекта деятельности происходит за счет достраивания природных способностей интеллектуальными операциями. Способности личности достаточно многообразны, но в них выделяются два ведущих личностных образования, определяющих успешность реализации способностей индивида и субъекта деятельности – мотивация и духовные способности. Их место в структуре способностей определяется следующим образом: «С учетом того, что мотивация направляет поведение человека, а поведение реализуется через его способности, а также принимая во внимание структуру психологических функций, мы можем утверждать, что мотивация будет тесно связана со способностями, с одной стороны, определяя их развитие, с другой – проявляясь в функциональных состояниях (духовных способностях)» (Шадриков, 2019, с. 120).

Продолжая идею, заложенную в определении способностей В.Д. Шадриковым, совместно с профессором В.А. Мазилковым мы выдвигаем следующую гипотезу: способности, образующие подсистему деятельности, являются важной характеристикой субъекта деятельности, определяют его развитие, при этом развиваются в деятельности с опорой на мотивационную систему (Мазилков, 2003).

Поэтому способы выявления и идентификации одаренных детей не могут ограничиваться исключительно мониторингом интеллекта или творческих способностей. Выявления только природных способностей и субъектно-деятельностных способностей недостаточно, так как важно выявлять и способности личности через мотивацию и духовные способности.

И если на первую группу способностей методики разработаны, то вот говорить про методики на вторую группу рано, хотя работа, конечно, ведется. И здесь нам на выручку в работе с обучающимися младшего школьного возраста приходит психолого-педагогический мониторинг как интегративный инструмент диагностики способностей.

В последнее время появились исследовательские проекты по взаимосвязи личностных образований и способностей. В современной образовательной практике важной задачей является выявление особенностей личностного благополучия способных обучающихся, что обусловлено наличием данных о влиянии на их состояние ряда средовых и индивидуальных факторов риска, таких как стрессы, проблемы в отношениях с педагогами и сверстниками, интенсивность нагрузок, нестабильная самооценка, высокий уровень тревожности. Зачастую поддержка способных детей, которые еще не раскрыли свой потенциал, сводится к вопросам внутриличностных процессов, обеспечивающих поддержание стабильного состояния, позитивного функционирования развивающейся личности.

Несмотря на многообразие подходов к пониманию психологического благополучия, одной из наиболее востребованных у исследователей стала многомерная модель К. Рифф. Она рассматривала психологическое благополучие в качестве базового субъективного конструкта, отражающего восприятие и оценку своего функционирования с позиции потенциальных возможностей. Психологическое благополучие определяется К. Рифф как наличие у человека специфических, устойчивых психологических черт, позволяющих ему функционировать значимо более успешно, чем при их отсутствии (Ryff, 1995). Как отмечают Е.Б. Лактионова, А.В. Орлова, А.С. Тузова, исследований психологического благополучия способных обучающихся крайне мало, а существующие данные содержат противоречивые результаты. В зарубежной психологической науке сложилось два противоположных мнения. Ряд исследователей (Д. Бейкер, Д. Джейкобс, Ч. Кайсер, Д. Берндт, М. Стенли, М. Нейхарт, П. Рамашешан, Э. Шолвинский и С. Рейнолс) считает, что одаренные дети характеризуются высоким уровнем психологического благополучия, поскольку лучше понимают себя и других благодаря своим когнитивным способностям, и, как следствие, успешнее справляются со стрессом и конфликтами, чем их сверстники. Сторонники иной точки зрения полагают, что способность может стать фактором уязвимости ребенка как в эмоциональной сфере, так и в сфере отношений с другими людьми (Лактионова, 2019). Отметим, что также есть исследования показывающие отсутствие различий в показателях психологического благополучия в группе одаренных детей и детей, не проявляющих каких-либо значительных способностей (Bain & Bell; Lee,

Olszewski-Kubilius, & TurnerThomson, Shechtman & Silektor). В условиях общеобразовательной школы задача выявления одаренных детей заключается не только в отборе фактически одаренных детей, но и в создании благоприятных условий для развития потенциала каждого из учащихся. Признаки одаренности проявляются в реальной деятельности ребенка и могут быть выявлены на уровне наблюдения за характером его действий, поэтому одним из дополнительных способов в комплексной диагностике одаренности может стать внешняя оценка высококвалифицированного наблюдателя.

Результаты проведенного исследования психологического благополучия одаренных детей Е.Б. Лактионовой, А.В. Орловой, А.С. Тузовой свидетельствуют о том, что чем выше педагоги оценивают проявления одаренности подростков, тем больше баллы таких детей по показателям общего психологического благополучия. Такие учащиеся позитивно относятся к себе, открыты новому опыту, реализуют свой потенциал. Мы вновь приходим к важной роли учителя в выявлении способностей, так как именно учителя замечают явные формы проявления одаренности, а при идентификации детей с признаками одаренности ориентируются в основном на проявления в поведении учащихся лидерских качеств. Наличие взаимосвязи между лидерскими характеристиками подростков и их психологического благополучия демонстрирует тенденцию учителей обращать внимание на проявление коммуникативной активности учеников, однако в данном случае есть определенная опасность не заметить скрытую одаренность у ребенка, который не проявляет особых навыков. По мнению педагогов, одаренные учащиеся уверенно чувствуют себя в общении не только со сверстниками, но и со взрослыми, умеют доходчиво объяснить партнеру по общению свои мысли и идеи, способны организовать деятельность в классе. Взаимосвязь между лидерскими качествами учащихся и такими показателями психологического благополучия как «Позитивные отношения», «Личностный рост», «Цели в жизни», «Самопринятие» позволяет рассматривать проявления одаренности на уровне взаимоотношений с другими людьми и личностных особенностей, которые без особых затруднений обнаруживаются педагогами. То есть учащиеся, которые, по мнению учителей, могут проявить себя в качестве лидера, характеризуются высоким уровнем принятия своей личности, чувством направленности, постоянного развития, имеют цели в жизни, четко осознаваемые намерения, а также умением поддерживать доверительные отношения с окружающими людьми. Познавательные характеристики учащихся оказались значимо связаны с личностным ростом подростков и уровнем их самопринятия. Это может говорить о том, что чем выше учителя оценивают когнитивные способности подростка, тем больше он принимает различные стороны своей личности, наблюдает улучшения в себе и в своей собственной жизни с течением времени. Примечательно, что обратно пропорциональная связь обнаружена в отношении автономии как показателя психологического благополучия. Несмотря на то, что взаимосвязь статистически незначима, на уровне тенденций можно предполагать, что чем больше ученик проявляет свою самостоятельность, автономность, чем ниже учителя оценивают характеристики ученика как одаренного. Вероятно, учителя чаще выделяют в качестве одаренных учеников с коллективистским поведением (Лактионова, 2019).

Похожие данные получены Н.Б. Шумаковой при опросе учителей. Их просили написать три самые важные характеристики, которыми должен обладать одаренный учащийся. Самым часто упоминаемым качеством оказалась любознательность (82%), на втором месте были когнитивные характеристики (умный, вдумчивый, смысленный – 70%), а третье место поделили коммуникативные (общительный, искренний, добрый) и поведенческие (аккуратный, дисциплинированный – 56%) характеристики. Только 2 % учителей назвали такое качество как независимый (Шумакова, 2003, с.198-199). Как мы видим, учителя в процессе идентификации одаренных учащихся фокусируют внимание на ярких поведенческих проявлениях их лидерских качеств. Поэтому важно в учебном процессе ориентироваться на индивидуальность каждого ученика и отмечать признаки скрытого потенциала, чтобы способствовать не только развитию одаренности учащихся, но и сохранению их психологического благополучия.

Е.Н. Волкова, С.В. Васильева в качестве психодиагностического инструмента применяли Франкфуртские шкалы Я-концепции J.M. Deusinger, в адаптации О.Е. Байтингер, использующиеся в исследованиях по схожей проблематике с конца XX века, имеющие доказанную надёжность и валидность (Волкова, 2019). Опросник содержит десять шкал, которые раскрывают различные аспекты Я-концепции личности, основываясь на ответах испытуемых о своих поступках и переживаниях в конкретных жизненных ситуациях: общая способность к достижениям, общая способность к преодолению проблем, уверенность в собственном поведении и принятии собственных решений, общая самооценка, настроение и впечатлительность, устойчивость по отношению к группе и значимым другим, контактность и общительность, знание себя через других, эмоциональное принятие другими, чувства и отношения к другим. В работе ученых было доказано, что наиболее уязвимыми аспектами Я-концепции способных детей являются представления о своих способностях справляться с ежедневными проблемами и трудностями, как в настоящем, так и в будущем, страх перед жизнью (шкала «общая способность к преодолению проблем»). Также обращает внимание на себя внимание неуверенность в себе,

проявляющаяся в психосоциальной сфере. Они демонстрируют некоторое непонимание того, как к ним относятся другие, недостаточную адекватность «отражённой самооценки» на фоне пониженного настроения в ситуациях общения и повышенной декларируемой нечувствительности к оценкам и мнению других людей (шкалы «настроение и впечатлительность» и «эмоциональное принятие другими»). Таким образом, результаты исследования показали общую противоречивость Я-концепции, характерную для детей как с признаками одарённости, так и без признаков одарённости.

Итак, проявление способностей детей определяется тремя измерениями – природными, субъектно-деятельностными и личностными, что говорит о важности не только природных составляющих, но и мерой совместного труда ребенка, педагога и родителей, особенностей организации игровой и учебной деятельности, развитием мотивационно-ценностной сферы личности обучающихся.

Заключение. Таким образом, проблема выявления способностей обучающихся, а также специальная подготовка педагогов и психологов по выявлению и развитию способностей обучающихся в условиях массовой школы, интеграция психолого-педагогических знаний о способностях ребенка – основные трудности развития и обучения детей с учетом психологии способностей и одаренности. И здесь, большую помощь может оказать подготовка и реализация учителем индивидуальных образовательных маршрутов, программ и заданий разного уровня, а также собственно повышение квалификации педагога по вопросам интегративного подхода к изучению и развитию способностей обучающихся. Конечно, индивидуальный подход, предусматривающий выявление и развитие способностей учащихся требует затрат большого количества времени на особую форму организации учебного процесса, разработку контрольно-измерительных материалов, системы проектных и творческих задач, но в тоже время такой подход позволяет использовать методы, которые мотивируют ребенка на процесс обучения, включают в учебную деятельность, стимулируют самостоятельную работу обучающихся, создают теплую, эмоционально безопасную атмосферу в процессе деятельности (Бугайчук, 2020).

Библиографический список

1. Бугайчук Т.В. Способности обучающихся: быть или не быть? // Интеграция в психологии: теория, методология, практика. материалы III национальной научно-практической конференции с международным участием. Под научной редакцией В.А. Мазилова. Ярославль. 2020. С. 165-169.
2. Бугайчук Т.В., Коряковцева О.А. Диагностика одаренности учащихся как психолого-педагогическая проблема// Сопровождение одаренного ребенка в региональном образовательном пространстве: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Часть 2. Ярославль: Изд-во ГОУ ЯО ИРО, 2011. С. 13-14
3. Волкова Е.Н., Васильева С.В. Изучение субъективных факторов психологического благополучия одарённых подростков (психодиагностический комплекс)// Вестник мининского университета, 2019. Т.7. № 3 (28). С. 13.
4. Выготский Л. С. Проблема обучения и умственного развития в школьном возрасте // Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991. С. 374-390.
5. Лактионова Е.Б., Орлова А.В., Тузова А.С. Психологическое благополучие одаренных подростков, отобранных на основании оценок учителей // Психология способностей и одаренности: материалы всероссийской научно-практической конференции, [21-22 ноября 2019 г.]/ Под ред. проф. В.А. Мазилова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019.
6. Мазилев В.А., Бугайчук Т.В. Проблема взаимосвязи мотивации и способностей субъекта деятельности // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 2 (136). С. 107-114.
7. Рабочая концепция одаренности. 2-е издание, расш. перераб. / Д. Б. Богоявленская, В. Д. Шадриков и др. Москва, 2003.
8. Сорокоумова Т.П. Проблемы изучения и выявления одаренности // Психология способностей и одаренности: материалы всероссийской научно-практической конференции, [21-22 ноября 2019г.]/ Под ред. проф. В.А. Мазилова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019.
9. Теплов Б. М. Способности и одарённость. //Психология индивидуальных различий. Тексты. М.: МГУ, 1982. С. 129-134
10. Толочек В.А. «Горизонтальная» и «вертикальная» эволюция феномена способности: два «измерения» // Психология способностей и одаренности: материалы всероссийской научно-практической конференции, [21-22 ноября 2019г.]/ Под ред. проф. В.А. Мазилова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019.

11. Шадриков В. Д. Способности и одаренность человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. 274 с.
12. Шадриков В. Д., Мазилев В. А., Слепко Ю. Н. Методология и методы изучения способностей и одаренности. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. 159 с.
13. Шумакова Н.Б. Обучение и развитие одаренных детей. М.: МПСИ; Воронеж: Модэк, 2003. 336 с.
14. Ryff C., Keyes C. The structure of psychological well-being revisited // Journal of personality and social psychology .1995. Vol. 69, №. 4. P.719-727.

УДК 159.9.072

С.Н. Васильева

Методологический подход к теории и практике тренинга развития жизнеспособности человека

Аннотация. Рассматривается интегративный подход и биопсихосоционэтическая модель как методологическое обоснование исследований в области развития жизнеспособности человека. Осуществляется теоретическая проверка конструкта «развитие жизнеспособности человека» методом тренинга. Особое внимание уделено интеграции биологических, социальных, психологических и нэтических составляющих модели тренинга.

Ключевые слова: психология, жизнеспособность человека, развитие жизнеспособности человека, тренинг развития жизнеспособности человека, интегративный подход, биопсихосоционэтическая модель, методология.

S.N. Vasileva

Methodological approach to the theory and practice of training for the development of human vitality

Abstract. The integrative approach and the biopsychosocionoetic model are considered as a methodological justification for research in the field of human viability development. The theoretical verification of the construct "development of human viability" is carried out by the training method. Special attention is paid to the integration of biological, social, psychological and ethical components of the training model.

Keywords: psychology, human viability, human viability development, human viability development training, integrative approach, biopsychosocionoetic model, methodology.

Введение. Методология и основные подходы к изучению теоретических и практических исследований жизнеспособности весьма разнообразны. В области развития жизнеспособности человека исследований пока недостаточно, поэтому требуется особое внимание на методологическое обеспечение данного направления.

В ходе рассмотрения вопроса о методологии теории и практики развития жизнеспособности человека, интегративный подход, с одной стороны, является подходящим методом по многим параметрам. С другой стороны, такой ёмкий конструкт как «развитие жизнеспособности человека» не уместится в рамках одного парадигмального подхода. Интегративный диалог различных традиций предполагает максимальное использование их возможностей. Поэтому, оказалось целесообразным использование возможностей биопсихосоционэтической модели. Взаимодополнение процессов интеграции и биопсихосоционэтического в человеке способствует обеспечению развития жизнеспособности человека методом тренинга. Тренинг является одним из основных практических инструментов, способных развивать те или иные способности. Поэтому, разработка тренинга по развитию жизнеспособности человека представляется весьма актуальной задачей. Реализация подобной задачи, в первую очередь нуждается в методологическом обеспечении. Таким обеспечением может служить интегративный подход и биопсихосоционэтическая модель.

Теоретические основы исследования. В современном научном мире наблюдается общая тенденция к междисциплинарности и интеграции. Научные публикации пестрят словосочетания «интегративный подход в науке», «интегративная психология», «интегративная психотерапия», «интегративная педагогика», «интегративная антропология», «интегративная гештальт-терапия» и другие. Выдвигается интегративный тезис, что мир - это не сложная комбинация дискретных объектов, а единая и неделимая сеть событий и взаимосвязей, где человек и человечество рассматривается подобно живому организму, органы, ткани и клетки которого имеют смысл только в их отношении к целому (Козлов, 2019). Уже в 70-х годах прошлого века академик В.А.Энгельгардт говорил о понимании интегративного подхода как метода, подразумевающего «сборку» объекта из ранее изученных частей в целое (Энгельгардт, 1970).

Тесное переплетение концепции жизнеспособности как холистической концепции и биопсихосоционезической модели имеют общее поле логического осмысления и непротиворечивость концептуальных подходов. Как отмечает Г.В. Залевский, в отечественной психологии последних лет прослеживаются попытки преодолеть методологическую и понятийную несогласованность. Биопсихосоционезическая/духовная модель представляет собой одну из попыток построения интегративной модели здоровья в контексте интегративной психологии (Залевский, 2009). Этимология слова «здоровье» (от *dogvo* – похожий на дерево) отсылает нас к архаическому коллективному мифосознанию взаимосвязи между деревом с крепкими корнями и здоровым человеком, «мистическое соучастие» человека со всем миром, воспринимаемым как целое. Целостность и устойчивость мира, как человека-дерева, с крепкими и мощными корнями, крепко стоящего на ногах – вот прообраз здорового жизнеспособного человека. И, наоборот, в случае снижения жизнеспособности, обнаруживается нарушение целостности человека, рушится вся система, а не отдельные её части. Происходит утрата внутренней гармоничности сосуществования разноуровневых свойств. Е.А. Рьльская пишет, что в случае разрыва биосоциодуховных связей в человеке его эрлического и нозического происходят известные результаты этого разрыва в области психосоматики, наркологии, психиатрии. В отличие от телесных заболеваний, вызванных органическими причинами, психические „болезни“ могут являться исключительно вопросом ценностей, отмечает А.В.Юревич (Юревич, 2016, с.161). Духовная составляющая в человеке определяет и «индивидуальную ответственность человека за свое здоровье» (Юревич, 2016, с.275). Так как науке пока не удалось прийти к построению общей теоретической метасистемы жизнеспособности, которая бы смогла объединить различные подходы, концепции и методы, считаем, что применение интегрального подхода и биопсихосоционезической модели для тренинга по развитию жизнеспособности человека сможет являться необходимым концептуальным основанием.

Биопсихосоционезическая модель тренинга позволит совместить представления о жизнеспособности человека в четырех его жизненных проявлениях. Биологическая (телесная), психологическая, социальная, нозическая (духовная) составляющие единства человека послужат каркасом тренинга. На рисунке представлена биопсихосоционезическая модель тренинга «Развитие жизнеспособности человека».

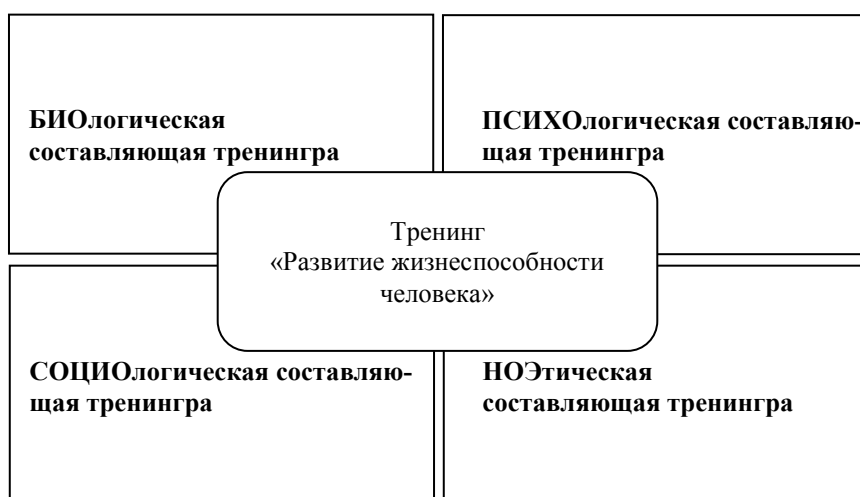


Рисунок 1. Биопсихосоционезическая модель тренинга «Развитие жизнеспособности человека»

Интегративный подход к тренингу позволяет реализовать работу по четырем составляющим тренинга, и, использовать самые разнообразные методики и упражнения внутри каждого этапа. Например, первый этап тренинга предполагает работу с телом: осознание имеющихся телесных блоков, зажимов,

ответа организма на разнообразные стрессы, стрессоустойчивость, «ощущение важности своего существования, чувства независимости, способности влиять на собственную жизнь» (Мандель, 2014, с. 21). Одним из распространенных способов работы со стрессами, отраженными в теле, является телесно-ориентированная психотерапия. Зарипова Т.В, Данилова Н.А. доказали, что телесноориентированный тренинг является эффективным методом в повышении стрессоустойчивости. Полученные ими результаты, свидетельствуют о возможности применения и эффективности телесных упражнений в работе со стрессоустойчивостью (Зарипова, 2016, с.12). Использование методов телесной терапии позволит участникам тренинга показать взаимосвязь влияния нереализованных желаний, невысказанных чувств (Нелюбин, 2016), неудовлетворенных потребностей на телесные зажимы мышц и болезненные состояния. Метод диагностики «Арка Лоуэна» (Лоуэн, 2016) демонстрирует зажатость тела, которая не позволяет человеку выпнуться. Диагностируется психологическая жесткость, излишняя твердость, не умение приспособливаться к меняющейся ситуации, имеется низкий уровень адаптации. Когда человек показывает податливость позвоночника, то можно сказать, что, с одной стороны, «легко гнущиеся» могут бросить начатое дело, с другой стороны, способны быстро подстроиться под изменяющиеся события, способны ослаблять контроль, корректировать стратегию. Разрыв в дуге показывает наличие противоречий и глубокий внутриличностный конфликт (Лоуэн, 2016). Интеграция упражнений А.Лоуэна, асаны, медитации, техники расслабления, методики активации, а также различные физические упражнения, скандинавская ходьба и прочие физические нагрузки позволяют воздействовать на биологическую составляющую биопсихосоционезического интегрального подхода тренинга развития жизнеспособности человека.

Основная практическая идея, которая следует из концепции интегративного подхода к тренингу – нахождение механизмов для развития жизнеспособности человека за счет интеграции обусловленных взаимосвязей психических, биологических, социальных и духовных составляющих. Второй этап тренинга направлен на психологическую составляющую, где отрабатывается развитие психокогнитивных процессов: самоэффективности, саморегуляции, развитие памяти, внимания, коммуникативных навыков. Известно, что интеграция психики происходит за счет существующего свойства психики, способного запускать собственные интегративные механизмы. Существование «сквозная интеграции» и «сквозного проникновения психики» путём транскомуникации, например, в область телесного, находим у В.И.Кабрина. Он пишет о «глубине проникновения нозического в телесное» и об умении тела отвечать на подобные «транскомуникативные процессы». «Организм отвечает смехом и слезами, и другими метаболическими «ответами» на этические коллизии, эстетические остроты, болезни, смерти, где тело отвечает доверчиво, глубоко или не отвечает никак – не верит. Ответ организма на нозический процесс может быть сколь угодно глубоким: не только паралитическим, аллергическим, анабиотическим, но и иммуногенетическим, биомолекулярным, если не атомарным» (Кабрин, 2013, с.24). Нозическая составляющая тренинга предусматривает работу с вопросами поиска смысла жизни, веры, устремленности в будущее, осознанности и осмысленности жизни, познания феномена транскомуникативности. Концепт «транскомуникации» (по В.И.Кабрину) понимается как встреча, сообщаемость, соучастие разнопорядковых нозических и когнитивных миров самого человека и его социокультурной среды в целом. нозический термин, но такой же «сквозной», в концепции тренинга развития жизнеспособности, через который идут интегративные процессы развития на протяжении всех тренинговых мероприятий. В.И.Кабрин пишет о транскомуникации как поэтическом смыслообразовании в общении, ориентированном на рост и раскрытие творческого потенциала личности» (Кабрин, 2014, с.159).

Методы исследования. Для оценки эффективности тренинга предусмотрено использование теста жизнеспособности человека (ТЖЧ), разработка Е.А. Рыльской (Рыльская, 2013). Тест жизнеспособности человека включает в себя четыре шкалы: способность к адаптации, способности к саморегуляции, способности к саморазвитию и осмысленности жизни, которые измеряют соответствующие способности человека. Одним из распространенных и успешных способов любого развития (навыка, способностей, умений, компетенций) является тренинг. Жизнеспособность, как способность к жизни проявляется через многоуровневые психические, биологические, генетические, социальные взаимосвязи и обусловлена наличием многих компонентов и способностей. Следовательно, требуется предусмотреть развитие не какой-либо одной, двух составляющих, а предусмотреть развитие всех компонентов жизнеспособности. Развитие жизнеспособности человека – тренинг, целью которого является развитие не одной способности, а нескольких, которые в целом будут давать суммирующий эффект.

Основная идея, вытекающая из концепции интегративного подхода – это то, что для оптимизации, улучшения и развития взаимодействия всех компонентов жизнеспособности необходимо включение многих интегративных механизмов психики. Если интегративные механизмы психики функционируют хорошо, тогда психика самоорганизуется и саморазвивается в оптимальном режиме. Интегративные психотехнологии, применяемые в рамках тренинга развития жизнеспособности человека как комплекс упражнений

и практик, способны интенсифицировать собственных интегративных механизмов психики. В развитии интегративных механизмов, как сообщает И.С. Шемет, выделяется несколько стадий: стадия телесной интеграции; стадия эмоциональной интеграции; стадия творческой интеграции; стадия мыслительной интеграции; стадия социальной интеграции; стадия сознательной интеграции; стадия духовной интеграции (Шемет, 2010, с.355). Объединение стадий интеграции возможно и целесообразно по своей антагонистической природе, что подтверждает биопсихосоциоэтическая модель интегративного подхода.

Интегративные исследования в психологии давно стали научной реальностью, эффективность которых не вызывает сомнения (Козлов, 2019, с.45). Кроме того, такое сложное социокультурное и психологическое явление как «развитие жизнеспособности человека», с его био-психо-социо-духовными составляющими есть само по себе явление интегративное. Современное понимание интегративного подхода в психологии позволяет увидеть процесс изменений в психике человека, направленный в сторону достижения её целостности через понимание связанности её частей, функций и процессов системы и организма, в целом (Рыльская, 2014).

Заключение. Определена методология и структура тренинга как цельность интегративного подхода и биопсихосоциоэтической модели. Составляющие телесного, психического, социального и ноэтического в общей структуре тренинга, их интегративное взаимопроникновение позволяет говорить о возможности развития жизнеспособности человека в целом. Современное понимание интегративного подхода в психологической практике строится на концепции связанности отдельных частей в достижении необходимого цельного эффекта. В данном случае - эффекта развития жизнеспособности человека методом интегративного тренинга.

Библиографический список

1. Залевский Г. В. "От «Демонической» до «Биопсихосоциоэтической» модели психического расстройства" Сибирский психологический журнал, №. 31, 2009. с. 57-64.
2. Зарипова Т.В. Данилова Н.А. Теоретические аспекты изучения академической прокрастинации студентов. Психолого-педагогические исследования в Сибири. Сборник трудов преподавателей и студентов факультета психологии и педагогики. - Омск, 2016. с. 11-14
3. Кабрин В. И. Транскомуникабельность ценностно-смысловых концептов и когнитивно-конструктивных решений творческой личности (введение в ноэтический антропоэзис) // СПЖ. 2014. № 54. с.158-175
4. Кабрин В.И. Антропоцентрическая или ноэтическая эмерджентия сознания 3.0 //Сибирский психологический журнал. 2013. № 50. с.17-36
5. Козлов В. В. Духовное измерение самореализации в психологии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2019. Т. 28. С. 43–50.
6. Лоуэн А. Физическая динамика структуры характера. Из-во: Корвет, 2016. 318с.
7. Мандель Б.Р. Психология стресса: учеб. пособие / Б.Р. Мандель. Флинта; Москва; 2014. 163 с.
8. Мищенко Л.В. Интегративная психология пологендерного развития человека: учебное пособие / Л.В. Мищенко. — Т. I. Период поздней юности. М.: КНОРУС; Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2016. 302 с
9. Нелюбин Н.И. Проблема имитации жизненных отношений в фокусе экзистенциальной аналитики. Психолого-педагогические исследования в Сибири. Сборник трудов преподавателей и студентов факультета психологии и педагогики. - Омск, 2016. с. 15-18.
10. Рыльская Е.А. Коммуникация как средство реализации жизнеспособности человека // Современные проблемы науки и Образования 2014, № 3, 653с.
11. Рыльская Е.А. Психологическая концепция жизнеспособности человека: монография / Е.А.Рыльская. – Челябинск: Изд-во «Полиграф-Мастер», 2013.336 с.
12. Шемет И.С. Концепция интеграции психики как теоретическая основа практической психологии // Преподаватель XXI век. 2010, №2. с.352-360
13. Энгельгардт В.А. Интеграторизм - путь от простого к сложному в познании явлений жизни // Мат-лы ко 2-му Всесоюз. совещ. по филос. вопр. соврем. естествознания. М., 1970.
14. Юревич.А.В. Психологическое состояние современного российского общества как отражение его жизнеспособности. С.159-176//Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 755 с.

Высшие социальные эмоции и мотивация поведения потребителей в системе маркетинговых коммуникаций

Исследование проводится при поддержке РФФИ (№19-013-00155а «Влияние высших социальных эмоций на выбор потребителями товаров и услуг в системе маркетинговых коммуникаций»)

Аннотация. Рассматривается проблема изучения роли высших социальных эмоций, в частности, чувств стыда и гордости, в поведении потребителей. Утверждается, что в рамках методологии деятельностного подхода данная проблема не находит решения, поскольку в рамках этого подхода чувства и иные эмоциональные переживания не считаются мотивирующими факторами поведения. Определена проблема изучения природы чувств стыда и гордости как принципиально различных или противоположных характеристик единого механизма эмоциональной регуляции мышления и поведения потребителей. В материалах представлены некоторые результаты исследований роли высших социальных эмоций как факторов мотивации в системе маркетинговых коммуникаций. В частности, представлены результаты эмпирических исследований изучаемого феномена на 126 респондентах методами анкетирования и лабораторного эксперимента. Выявлены связи характеристик изучаемых высших социальных эмоций с маркетинговыми коммуникациями sales promotion и product placement. Установлены некоторые связи изучаемых переменных с рядом факторов теста 16PF Кеттелла. Также проанализированы некоторые характеристики межличностного восприятия и оценки потребителями друг друга при покупке товаров.

Ключевые слова: высшие социальные эмоции, чувства стыда и гордости, деятельностный подход, мотивация поведения потребителей, межличностное восприятие, маркетинговые коммуникации.

O.V. Gordiakova, A.N. Lebedev, N.V. Orlova

Higher social emotions and motivation of consumer behavior in the marketing communications system

Abstract. The problem of studying the role of higher social emotions, in particular, feelings of shame and pride, in consumer behavior is considered. It is argued that within the framework of the methodology of the activity approach, this problem does not find a solution, since within this approach, feelings and other emotional experiences are not considered motivating factors of behavior. The problem of studying the nature of feelings of shame and pride as opposite characteristics of a single mechanism of emotional regulation of thinking and behavior of consumers or fundamentally different is determined. The materials present some results of research on the role of higher social emotions as motivational factors in the system of marketing communications. In particular, the results of empirical studies of the phenomenon under study on 126 respondents by means of questionnaires and laboratory experiments are presented. The relations of the characteristics of the studied higher social emotions with the marketing communications sales promotion and product placement are revealed. Some connections of the studied variables with a number of factors of the 16PF Cattell test are established. Also analyzed are some characteristics of interpersonal perception and evaluation by consumers of each other when buying goods.

Keywords: higher social emotions, feelings of shame and pride, activity approach, motivation of consumer behavior, interpersonal perception, marketing communications.

Роль высших социальных эмоций, в частности, чувств стыда, гордости, собственного достоинства и других в поведении потребителей оказалась недооцененной в силу сложившихся методологических и теоретических установок, доставшихся современной отечественной психологии от ее предшествующего советского периода. В соответствии с рядом известных теоретических положений, берущих начало от социокультурной теории Л.С. Выготского (Выготский, 1983), теории деятельности А.Н. Леонтьева (Леонтьев, 1975) и других, эмоции и чувства не рассматриваются как один из основных мотивирующих факторов поведения потребителей. Поэтому в настоящее время вопрос мотивации потребительского поведения в системе маркетинговых коммуникаций, формирующихся в условиях рынка, является дискуссионным (Лебедев, Гордякова, 2015).

Как известно, в рамках теории деятельности А.Н. Леонтьева мотивами выступают не эмоциональные переживания, а внешние объекты, которые опредмечивают потребности (Леонтьев, 1971). Понятие опредмечивания потребности, по нашему мнению, является крайне продуктивным для анализа поведения потребителей (Котлер, Армстронг, Вонг, 2019; Лебедев, Гордякова, 2015). Однако недооценка роли эмоций, особенно высших социальных эмоций – чувств, создает сложную ситуацию для понимания того, почему люди, включённые в рыночные отношения, ведут себя тем или иным способом (Лебедев, 2015). Концепция опредмечивания потребностей, по нашему мнению, не может охватить и объяснить, поведение различных групп потребителей во всех его проявлениях.

Так, например, мотивация молодых потребителей, людей среднего и пожилого возраста существенно различается. Чувства стыда, гордости и собственного достоинства переживаются в разном возрасте по-разному и по-разному влияют на поведение потребителей. По мнению В.К. Вилюнаса (Вилюнас, 1990), который неоднократно выступал с критикой трактовки понятий мотива и эмоции в концепции деятельности А.Н. Леонтьева, чувственные переживания должны рассматриваться как источник мотивации поведения. В противном случае невозможно объяснить природу и специфику различных форм поведения потребителей в условиях рыночной конкуренции и массовой культуры под воздействием коммерческой и политической рекламы, а также коммерческой и политической пропаганды. Во многих случаях потребительское поведение молодых людей, основанное на подражании кумирам, на желании выделяться, отличаться или уподобляться каким-либо группам и публичным личностям, имеющим авторитет в молодежной среде, практически не выводимо из представлений о том, что потребности в своей первооснове имеют биологическую природу и определяются недостатком в организме каких-то полезных для поддержания его жизни веществ (Леонтьев, 1971).

Специфика социальных потребностей, возникающих на основе чувственных переживаний, в частности, стыда, гордости и собственного достоинства, требует изменения системы понятий, на основе которых могут быть описаны мышление и поведение потребителей различного возраста. Роль социальных феноменов, в частности, непосредственного и опосредствованного межличностного общения, неоднократно подчёркивал Б.Ф. Ломов, публично выступая с конструктивной критикой некоторых положений концепции А.Н. Леонтьева (Ломов, 1984).

Таким образом, рассматривая понятие личности, следует говорить не только о ее свойствах, но и о социальных чувствах, которые ее характеризуют и во многом определяют развитие, направленность и целостность личности. Следует отметить, что природа чувств стыда и гордости в полной мере не раскрыта в рамках широко известных подходов и моделей, не только отечественных, но и зарубежных. В рамках культурно-исторической теории Л.С. Выготского, теории деятельности А.Н. Леонтьева и деятельностного подхода в целом природа высших социальных эмоций, а именно чувств стыда, гордости и собственного достоинства, не рассматривалась. По крайней мере, мы не находим крупных работ в этом направлении.

Например, в исследованиях психологов психоаналитической ориентации в рамках психодинамических теорий личности очень подробно рассмотрено чувство стыда, но крайне мало уделяется внимания чувству гордости. В когнитивных, поведенческих, диспозициональных и даже гуманистических теориях, где в научном дискурсе одной из основных категорий является чувство собственного достоинства человека, проявляющееся в «образе Я», мы также не находим удовлетворительного объяснения того, что собой представляют данное чувство в филогенетическом (эволюционном) и онтогенетическом плане. В концепции десяти базовых эмоций К.Изарда чувство стыда представлено как базовая эмоция, но чувство гордости в данной теории как базовая эмоция отсутствует (Изард, 2008).

Основная проблема здесь состоит в том, чтобы понять: являются ли чувства стыда и гордости противоположными по своей природе или их следует рассматривать как самостоятельные эмоциональные переживания, ориентированные на межличностное взаимодействие. Очевидно, что чувства стыда, гордости и собственного достоинства – это именно социальные эмоции, так как они не возникают у человека по отношению к неживым объектам, и редко возникают по отношению к животным (Лебедев, Гордякова, 2020).

Ещё одна проблема заключается в том, чтобы в рамках психологии маркетинговых коммуникаций не только понять, как рекламисты и маркетологи на практике (чаще всего интуитивно) используют способность потребителей переживать высшие социальные эмоции, но определить механизм их развития и роль формирования и проявления эмоциональной мотивации и других психических процессов на фундаментальном уровне.

В рамках исследования при поддержке РФФИ (№19-013-00155а «Влияние высших социальных эмоций на выбор потребителями товаров и услуг в системе маркетинговых коммуникаций») нами рассматривалась проблема эмоциональной регуляции поведения потребителей в условиях различных маркетинговых коммуникаций. В современном маркетинге описаны около 30 различных маркетинговых коммуникаций, в рамках которых маркетолог по-разному, то есть используя различные психологические факторы,

выстраивает процесс психологического влияния и осуществляют стимулирование покупок товаров и услуг. Так, например, среди них выделяют: традиционную рекламу (advertising), продвижение товаров (sales promotion), скрытую рекламу (product placement), merchandising и др. (Ульяновский, 2008).

В рамках исследования нами изучалась связь между выраженностью чувства стыда и рядом психологических характеристик, которые проявляются в условиях некоторых маркетинговых коммуникаций. В частности, sales promotion, product placement и традиционная реклама. Для исследований была разработана специальная анкета, а также - стимульный материал для проведения эксперимента. Анкета представляла собой список вопросов, связанных с оценкой субъективно переживаемых чувств стыда и гордости респондентами в разных ситуациях покупки товаров.

После ответов на вопросы анкеты респондентам предлагалось два задания. Первое было направлено на оценку рекламного бренда виски, в рамках маркетинговой коммуникации product placement. Респондентам предлагался отрывок текста из произведения Сэлинджера «Над пропастью во ржи», в который органично было вставлено название несуществующего бренда виски «Харрис Бэрримор». Половине участников исследования предлагался текст, где этот виски употреблял «слабый, безвольный, опустившийся персонаж». Вторая группа респондентов читала текст, где тот же виски употреблял «сильный, мужественный, удачливый герой». После прочтения отрывка респонденты должны были оценить предлагаемый бренд по шкалам семантического дифференциала. В данном случае проверялась гипотеза о том, что образ персонажа, употребляющего конкретный бренд, его личностные черты, описанные в произведении, будут существенно влиять на оценку конкретного бренда.

Вторым заданием респондентам было оценить фотографию витрины магазина одежды, в которой выставлены манекены и предлагается скидка. Для одной группы респондентов предлагалась скидка 80%, для другой – 10%. Фотография также оценивалась участниками исследования по шкалам семантического дифференциала. Проверялась гипотеза о том, что такой инструмент как скидки (ее размер) в рамках маркетинговой коммуникации sales promotion влияет на оценку конкретного товара.

Результаты исследований показали, что, например, респонденты, которые испытывают чувство гордости, если покупают товары по очень высоким ценам, которые не могут себе позволить другие люди, также испытывают чувство гордости, если при покупке дорогого товара на них завистливо смотрят окружающие (0,421**). Также этим респондентам часто бывает стыдно за людей, которые покупают самые дешевые товары или пользуются самой дешевой услугой (0,201*) (Здесь и далее * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$).

Респонденты, которые когда-либо замечали, что под влиянием продавца-консультанта, купили товар или воспользовались услугой, которые им не нужны, часто не могут без стеснения отказать продавцу, навязывающему свои товары или услуги (-0,423**).

Респонденты, которых раздражают люди, навязчиво демонстрирующие, что могут позволить себе покупать все, что хотят, при этом сами испытывают чувство гордости, если при покупке дорогого товара на них завистливо смотрят окружающие (0,206*). Таким образом, обнаруживается парадокс. С одной стороны, людям нравится привлекать внимание окружающих, то есть вести себя «круто» (to be cool). С другой стороны, тем же людям не нравится, когда другие ведут себя демонстративно, то есть ведут себя «cool». Впервые эта закономерность была обнаружена нами в исследовании в 2004 года (Лебедев-Любимов, 2007).

Также было обнаружено, что люди, которые испытывают чувство гордости, если при покупке дорогого товара на них завистливо смотрят окружающие, всегда предпочитают купить модную вещь, заплатив большую сумму денег, чем старомодную по низкой цене (0,302**). Респонденты, которые испытывают чувство гордости, если при покупке дорогого товара на них завистливо смотрят окружающие, выявили положительный полюс фактора Q1 (радикализм) (0,219*); а респонденты, которые испытывают чувство гордости при покупке товаров по очень высоким ценам, которые не могут себе позволить другие люди, выявили отрицательный полюс по фактору Q2 (зависимость от группы) (-0,213*).

Статистические различия между мужчинами и женщинами были получены при ответе на вопрос о влиянии продавца-консультанта. Так, мужчины в большинстве не согласны с утверждением о том, что иногда под влиянием продавца-консультанта покупали товар или пользовались услугой, которые им не нужны. Женщины, чаще соглашались в данном утверждении. Различия значимы по критериям Стьюдента и Манна-Уитни ($r=2,65$; $p < 0,007$ и $r=1136,5$; $p < 0,004$).

Также была обнаружена статистически значимая связь между фактором +Q1-радикализм и оценкой бренда виски с «крутым» героем как «отталкивающий» (-0,382**), а также между фактором +Q2-нонконформизм и оценкой бренда как «расслабляющий» (0,31*). То есть, респонденты, проявляющие такие черты личности как свободомыслие, восприимчивость к переменам и новым идеям, недоверие авторитетам, отказ принимать что-либо на веру, оценивают вымышленный бренд, который употребляет «сильный» герой, как «отталкивающий». Респонденты, проявляющие такие черты как самодостаточность, самостоятельность, независимость от группы, оценивает бренд «в руках сильного героя» как «расслабляющий».

При оценке бренда виски со «слабым» героем была обнаружена значимая связь между фактором +Q2-нонконформизм и оценкой бренда как «враждебный» (-,357*). То есть, респонденты, проявляющие нонконформизм, оценивают вымышленный бренд виски, который употребляет «слабый» герой, как «враждебный».

Респонденты среднего возраста (25-40 лет) более позитивно оценивают предлагаемый бренд, который в экспериментальном тексте употребляет «крутой» герой. Они дают такие оценки как «расслабляющий», «привлекающий», «красивый», «дружелюбный». Наиболее негативные оценки бренду были даны респондентами старшего возраста (41-55 лет). Все их оценки бренда являются негативными, в целом, так же, как и у молодых респондентов (19-24 года).

Бренд виски, который в литературном тексте употребляет «слабый» герой, оценивается более позитивно респондентами старшего возраста (41-55 лет). Они дают такие оценки как «расслабляющий», «скромный», «привлекающий», «красивый», «добрый», «дружелюбный». Исключение составляет только оценка «банальный». Наиболее негативные оценки бренду были даны молодыми респондентами (19-24 года). Все их оценки бренда являются негативными, в целом, так же, как и у респондентов среднего возраста (25-40 лет).

При этом, различий в оценках бренда виски, представленного в рамках литературного product placement, между мужчинами и женщинами не было обнаружено. Оценки мужчинами и женщинами бренда, используемого «крутым» героем практически идентичны. Бренд, который в произведении использует «слабый» герой, оценивается негативно и мужчинами, и женщинами. Однако женщины несколько менее категоричны в своих отрицательных оценках, чем мужчины.

При анализе оценок бренда виски и ответов на вопросы анкеты, диагностирующих чувства стыда и гордости в условиях экономического поведения, были обнаружены следующие связи. Так, например, респонденты, которые испытывают чувство гордости, когда покупают товары по очень высоким ценам, которые не могут себе позволить другие люди, оценивают бренд виски, употребляемый «крутым» героем как «красивый» (0,289*) и «добрый» (0,290*). Те, кому бывает стыдно за людей, которые покупают самые дешевые товары или пользуются самой дешевой услугой, оценивают предлагаемый бренд «в руках крутого героя» как «скромный» (0,283*) и «добрый» (0,467**). Респонденты, которых раздражают люди, навязчиво демонстрирующие, что могут позволить себе покупать все, что хотят, оценивают бренд как «расслабляющий» (0,327**) и «привлекающий» (0,278*).

При анализе оценок предлагаемого бренда виски, который в тексте употребляет «слабый» герой были получены следующие значимые связи с ответами на вопросы анкеты, диагностирующих чувства стыда и гордости в условиях экономического поведения (таблица 2). Так, респонденты, которых раздражают люди, навязчиво демонстрирующие, что могут позволить себе покупать все, что хотят, оценивают бренд «в руках слабого героя» как «напрягающий» (-0,348**), «злой» (-0,328*) и «враждебный» (-0,279*). Те, кто испытывает чувство гордости, если при покупке дорогого товара на них завистливо смотрят окружающие, оценивают предлагаемый бренд как «напрягающий» (-0,297*) и «враждебный» (-0,307*). И, наконец, те, кто предпочитает покупать модную вещь, заплатив большую сумму денег, чем старомодную по низкой цене, оценивают бренд виски «Харис Бэрримор», который в литературном произведении использует «слабый» герой, как «расслабляющий» (0,261*).

При оценке бренда одежды, выставленной в витрине магазина с различной скидкой, не было выявлено различий. Так, не смотря на разную скидку, предложенную в рамках маркетинговой коммуникации sales promotion, респонденты оценили рекламу одежды как «напрягающую», «навязчивую», «отталкивающую», «банальную», «уродливую», «добрую» и «дружелюбную».

Библиографический список

1. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. – М.: Изд-во МГУ, 1990.
2. Выготский Л.С. Проблемы развития психики // Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.3. / Под ред. А. М. Матюшкина. – М.: Педагогика, 1983.
3. Изард К. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2008.
4. Котлер Ф., Армстронг Г., Вонг В. Основы маркетинга. – М.: Вильямс, 2019.
5. Лебедев А.Н. Психологическая, экономическая и социальная эффективность рекламы в структуре современных маркетинговых коммуникаций // Психологический журнал. № 2. 2015. С. 5-19.
6. Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Личность в системе маркетинговых коммуникаций. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
7. Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Высшие социальные эмоции потребителей в системе маркетинговых коммуникаций // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и

экономическая психология. 2020. Том 5. № 4(20). С. 218-245. URL: <http://www.soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2020/t5-4/n20-04-09.html> DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.20.4.009 (дата обращения: 08.12.2020).

8. Лебедев-Любимов А.Н. Психология в маркетинге. Cool-Brand-стратегия. СПб.: Питер, 2007.

9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975.

10. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. – М.: Издательство Московского университета, 1971.

11. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Издательство «Наука», 1984.

12. Ульяновский А.В. Маркетинговые коммуникации: 28 инструментов миллениума. – М.: Эксмо, 2008.

УДК 159.9

П.А. Кисляков, Е.А. Шмелева, О.А. Силаева

Психолого-педагогическое и медико-социальное обеспечение психологической безопасности детей в условиях цифровизации

Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых (№МД-83.2020.6)

Аннотация. актуализируется проблема психологической безопасности детей в условиях цифровизации общества в целом и образования в частности. Показана необходимость интеграции психолого-педагогического и медико-социального обеспечения психологической безопасности детей. На основе обзора исследований в данном направлении выделены показатели психологической безопасности детей.

Ключевые слова: психолого-педагогическое обеспечение, медико-социальное обеспечение, психологическая безопасность, общее образование, цифровизация образования.

P.A. Kisliakov, E.A. Shmeleva, O.A. Silaeva

Psychological, pedagogical and medico-social support of psychological safety of children in the context of digitalization

Abstract. The problem of psychological safety of children in the conditions of digitalization of society in general and education in particular is actualized. The necessity of integration of psychological-pedagogical and medical-social provision of psychological safety of children is shown. Based on the review of studies in this area, the indicators of psychological safety of children are identified.

Keywords: psychological and pedagogical support, medical and social security, psychological security, general education, digitalization of education.

Исследования отечественных и зарубежных психологов показали, что психическое здоровье учеников и их успеваемость непосредственно связаны с безопасностью образовательной среды (Glew, Nansel, И.А. Баева, В.Н. Барцевич, П.И. Беляева). Перед системой образования стоит задача развития психологической безопасности субъектов образования (обучающихся, педагогов, родителей), включая проектирование психологически безопасной образовательной среды (Кисляков. 2019).

Обеспечение социальной безопасности образовательного учреждения является приоритетной задачей, как государственных структур, так и всех участников образовательного процесса и неразрывно связано с охраной психического и физического здоровья обучающихся. Особое значение в этой связи приобретает готовность специалистов образования осуществить требования, заложенные в Профессиональном стандарте педагога, Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации», «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», «Концепции информационной безопасности детей» и др. нормативных актах, предусматривающих обеспечение безопасности детей.

Формирование личности современного ребенка происходит в особой социальной ситуации развития, где цифровые технологии являются не просто «продолжением» и «расширением» его образова-

тельного пространства: они опосредствуют и изменяют всю структуру его жизни и деятельности (Солдатова, 2014; Soldatova, 2020). Психологическая безопасность детей в условиях использования цифровых ресурсов и цифровизации учебно-воспитательного процесса – сегодня одна из главных задач современной системы образования.

По результатам совместного исследовательского спецпроекта «Дети и технологии», проведенного Аналитическим центром НАФИ и группой QIWI в мае-августе 2018 года, 72% родителей отмечают, что интернет – это опасная для детей среда, 80% родителей считают, что длительное времяпрепровождение в интернете негативно сказывается на отношениях ребенка с семьей, с друзьями, сверстниками, а 67% родителей отмечают, что оно негативно сказывается на умственных способностях ребенка. Большинство подростков понимают, что в интернете есть опасный контент. Родители хотят защитить своих детей от возможных угроз в интернете.

Цифровая среда сегодня – это не просто технологии, а среда обитания, которая выступает источником как позитивного развития ребенка, так и фактором риска нарушения его психического здоровья. Стремительное овладение подрастающим поколением цифровыми ресурсами сопряжено с недостаточной осведомленностью его представителей как о рисках и угрозах цифрового мира, так и о возможностях совладания с ними. Расширение использования инфокоммуникационных технологий детьми тесно связано с проблемой формирования и нормального развития у них психических функций, в частности, познавательных процессов, а также с проблемами личностного развития ребенка и его психологического благополучия. В соответствии с культурно-историческим подходом, цифровизация образования рассматривается как культурное орудие, способствующее порождению новых форм деятельности, культурных практик, феноменов, значений и смыслов (Солдатова, 2014).

Современный образ жизни определяет перед цифровым поколением появление новых возможностей и новых рисков. Если до цифровой эпохи высшие психические процессы развивались в социальном взаимодействии взрослого и ребенка, самих детей между собой, то сегодня цифровая среда нередко оказывается в роли значимого посредника между ребенком и окружающим миром (Soldatova, 2020).

Традиционные формы социализации подрастающего поколения все чаще соседствуют с социальным онлайн-опытом, а иногда вытесняются и замещаются новыми формами приобретения необходимых знаний, опыта, норм поведения, навыков-действий – цифровой социализацией. Поэтому необходимо провести системный анализ цифрового образования, учитывая, наравне с культурно-историческим, социальным и психологическим, еще и инфокоммуникационный контекст развития (6). Одной из главных проблем в этой области является изучение особенностей и динамики адаптации изменяющегося ребенка к изменяющемуся миру.

К психическим особенностям современных детей относятся проблемы восприятия большого объема информации, интернет и гаджет-зависимость. В условиях постоянного ускорения темпа жизни, частого и резкого обновления ее требований к человеку психика не успевает перестраиваться и хотя бы временно обретать состояние устойчивой адаптированности. За 10 лет общая заболеваемость психическими расстройствами и расстройствами поведения подростков в возрасте 15-17 лет (неврозы, проблемы в работе вегетативной нервной системы, астено-невротический синдром, синдром дефицита внимания и гиперактивности) увеличилась на 11,3%. По данным ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» Минздрава России, у 60% подростков обнаруживаются «предболезненные психические расстройства» (например, зависимости – игромания; церебрастения – быстрая утомляемость, проблемы с памятью, сосредоточенностью, головные боли). По данным Московского НИИ психиатрии частота пограничных психических расстройств среди детей всех возрастов, воспитанников и учащихся различных образовательных учреждений колеблется (по разным регионам) от 22,5% до 71%. Эти цифры позволяют считать проблему психического здоровья подрастающего поколения более чем актуальной.

Изменяются и личностные и социально-психологические особенности «цифрового поколения». Личностная черта «цифрового поколения» – склонность к аутизации. Психологический диагноз нового поколения – интровертированный индивидуализм. Общению в виртуальном пространстве часто отдается приоритет при выборе между личной встречей и обсуждению вопросов посредством электронной почты или службы мгновенных сообщений (Дутко, 2020). Сегодняшние дети не умеют строить проблемную коммуникацию и вообще перестают ценить живое общение.

Под психологической безопасностью учащегося понимается психическое состояние, обусловленное сочетанием восприятия и оценки им образовательной среды и социально-психологических ресурсов, способствующих преодолению имеющихся рисков и угроз позитивному личностному развитию. Данное состояние проявляется в переживании защищенности и положительном отношении к образовательной среде, оптимальном уровне активности (Кисляков, 2019; Психологическая..., 2019).

Психологическая безопасность требует целенаправленного психолого-педагогического и медико-социального сопровождения. Смысл сопровождения в образовании состоит в усилении позитивных факторов развития и нейтрализации негативных, то есть внешние преобразования, благоприятные для поддержки, подкрепления внутреннего потенциала субъекта развития (Шахова, 2015).

Для создания психолого-педагогического и медико-социального обеспечения психологической безопасности детей в условиях цифровизации образования необходимо определить не только риски и угрозы, но и выделить психологические ресурсы, которые могут противостоять факторам риска.

Несмотря на интенсивное развитие цифровых образовательных ресурсов и материально-технических условий обучения в современной инфокоммуникационной среде вопрос о влиянии цифровых технологий на психическое здоровье детей требует изучения: какие риски для детей возникают в условиях цифровизации образования и какие интегративные средства и инструменты необходимо использовать для оценки, профилактики и коррекции возникающих проблем. До сих пор не выработана обобщенная конструктивная позиция, учитывающая принципиальные возможности для устранения перегрузки учащихся за счет использования цифровых технологий, недостаточно внимания уделяется результатам, механизмам и последствиям цифровой социализации, характеризующейся проблемами в межличностной коммуникации. В связи с этим необходимо проведение комплексных междисциплинарных исследований психолого-педагогического и медико-социального обеспечения психологической безопасности детей в условиях цифровизации образования.

Проблематика безопасности личности в последнее время стала занимать важное место в системе психологического, педагогического, социологического, философского, культурологического, правового знания и получила достаточно широкое освещение в специальной научной литературе и нормативных актах. Наиболее близким целям исследования психолого-педагогического и медико-социального обеспечения психологической безопасности детей в условиях цифровизации образования являются несколько проблемных направлений.

Первое направление связано с работами, посвященным концептуальным проблемам психологии безопасности (А.И. Донцов, Ю.П. Зинченко, О.Ю. Зотова, Т.М. Краснянская, Н.А. Лызь, Е.Б. Перельгина, А.Н. Сухов, А.Д. Тырскова, Н.Л. Шлыкова и др.). Авторами показано, что психологическая безопасность, являясь необходимым условием существования и развития человека и общества, реализуется через определенные формы социальных взаимодействий – совместную деятельность, адаптацию человека и жизненной среды и соблюдение определенных отношений между ними. Выявлены стратегии формирования психологической безопасности. Структура психологии безопасности рассматривается в двух аспектах: психологической безопасности среды и психологической безопасности личности.

При изучении социально-психологической безопасности личности в исследованиях использованы теории психологического благополучия (П.П. Фесенко, О.Ю. Зотова, М. Соколова, К. Рифф, Н. Брэдберн, Е. Динер), психологической устойчивости и психологической компетентности (В.И. Моросанова, М.Ф. Секач, В.В. Рыжов, О.А. Иванова, Е.А. Рыльская, Д.В. Горелов, Н.Н. Телепова), общения и коммуникативных навыков (Б.Г. Ананьев, Н.В. Клюева, А.К. Маркова), механизмов психологических защит у детей и подростков (И.М. Никольская, Р.М. Грановская, Т.В. Тулупьева, Е.В. Чумакова, О.А. Шамшикова, Т.Г. Шатилова); социально-психологические концепции совладания (Е.П. Белинская, Р. Лазарус, А.В. Либина, Р. Моуз, А.А. Налчаджян, С. Фолкман).

Отечественные психологи в своих работах обращают внимание на необходимость исследования психологической безопасности человека на различных этапах онтогенеза (дизонтогенеза) и в различных условиях окружающей среды.

Важное значение для исследования психологической безопасности детей в условиях цифровизации образования имеют положения и выводы, раскрывающие различные аспекты информационно-психологической безопасности: факторы риска и проблемы защиты личности от информационного воздействия в современном обществе (Г.В. Грачев, Ю.А. Ермаков, В.Е. Лепский, И.К. Мельник, И.Н. Панарин); психолого-педагогические условия обучения информационно-психологической безопасности подростков (Ю.И. Богатырева Д.С. Сеницын, Н.И. Саттарова, В.П. Поляков, В.П. Заболотский, С.Г. Кара-Мурза, С. Хассен, С.В. Шведова.)

В педагогической психологии в качестве самостоятельного направления получила развитие теория психологической безопасности образовательной среды (И.А. Баева, М.Г. Гераськина, Н.В. Дашкова, А.И. Донцов, Ю.М. Забродин, С.Н. Илларионов, Т.С. Кабаченко, В.В. Рубцов, Ю.В. Варданян, П.А. Кисляков, Г.М. Коджаспирова, Л.В. Лидак, Е.Н. Волкова, N. Noddings, R. Gilman, E. Huebner и др.). Авторами исследованы детерминанты, показатели и уровни психологической безопасности образовательной среды и субъектов образования (обучающихся, педагогов), выявлены риски и угрозы безопасности в образовании, выявлены уровни защищенности участников образовательной среды от угроз

и насилия, разработан диагностический инструментарий. Установлено, что социально-психологическими ресурсами обеспечения безопасности развития ребенка в образовательных системах выступают эмоциональная атмосфера, обеспечивающая психологическую защищенность; референтная группа; личностно-доверительное общение; отсутствие насилия. Психологическими факторами безопасности личности растущего человека при этом выступают жизнестойкость, стрессоустойчивость, коммуникативные навыки, социальная толерантность, социальная антиципация, социальная ответственность. При этом угрозы и риски цифровой образовательной среды остаются вне зоны внимания.

В педагогике информатизации разработаны концепции и программы формирования у детей медиаграмотности, умения ориентироваться в современной информационной среде; воспитание у детей навыков самостоятельного и критического мышления (А.В. Федоров, Т.Н. Ле-ван и др.).

В социальной медицине выявлены медико-социальные факторы, влияющие на качество жизни детей (А.В. Ляхович, А.И. Маркова, Е.И. Шубочкина, Л.А. Жданова, Т.А. Романова, В.И. Грачёв и др.), осуществлена оценка информации и средств массовой коммуникации как факторов окружающей среды, влияющего на здоровье населения (С.Б. Курдавильцева, А.В. Мартиросян).

Таким образом, необходимо провести анализ социальной ситуации развития ребенка, влияния цифровой образовательной среды на психологическую безопасность детей, учитывая, наравне с психолого-педагогическим и медико-социальным, еще и инфокоммуникационный контекст развития.

Библиографический список

1. Дутко Ю. А. Поколение Z: основные понятия, характеристики и современные исследования / Ю. А. Дутко // Проблемы современного образования. 2020. №4. С. 28-37.
2. Кисляков П. А. Безопасность образовательной среды. Социальная безопасность : учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2019. 156 с.
3. Психологическая безопасность образовательной среды региона: теоретические основы и практика создания / И. А. Баева, С. В. Тарасов, Е. Б. Лактионова [и др.]. Санкт-Петербург : ГИЭФПТ, 2019. – 174 с.
4. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Психологические модели цифровой компетентности российских подростков и родителей // Национальный психологический журнал. 2014. №2(14). С. 27-35.
5. Шахова Л. И. Сопровождение психологической безопасности младших школьников и учащихся кадетских классов: риск-ресурсный подход // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2015. № 174. С. 159-169.
6. Soldatova G., Rasskazova E., Chigarkova S. Digital Socialization of Adolescents in the Russian Federation: Parental Mediation, Online Risks, and Digital Competence // Psychology in Russia: State of the Art. 2020. T. 13. № 4. P. 190-206.

УДК 159.9

Е.Н. Корнеева, Т.Б. Богомолова

Специфика переживания страха смерти мужчин и женщин разных возрастов в условиях пандемии

Аннотация. В статье рассмотрены результаты исследования специфики переживания страха смерти мужчин и женщин разных возрастов в условиях пандемии. В качестве показателей замерялись уровень стресса и тревоги по поводу смерти, уровень саморегуляции, суверенность психологического пространства личности, которые являются важными индикаторами психологического здоровья личности. Выявлены возрастные группы для мужчин и женщин с наибольшей степенью выраженности тревожных переживаний в условиях пандемии, обозначенные как группы риска, нуждающиеся в психологической помощи и сопровождении. Подчеркивается важность и необходимость оказания психологической помощи людям, входящим в «группу риска». Делается вывод о том, что психологически уязвимыми к ситуации повышенной опасности, действующей в условиях пандемии, оказались женщины зрелого и пожилого возраста, наиболее нуждающиеся в психологическом сопровождении.

Ключевые слова: пандемия, страх смерти, стресс, саморегуляция, суверенность психологического пространства личности, психологическое сопровождение.

The specifics of experiencing fear of death for men and women of different ages in a pandemic

Abstract. The article considers the results of the study of the specifics of the experience of the fear of death of men and women of different ages in the context of a pandemic. As indicators, the level of stress and anxiety about death, the level of self-regulation, the sovereignty of the psychological space of the individual, which are important indicators of the psychological health of the individual, were measured. The age groups for men and women with the highest degree of severity of anxiety experiences in the context of a pandemic, designated as risk groups in need of psychological assistance and support, were identified. The importance and necessity of providing psychological assistance to people belonging to the "risk group" is emphasized. It is concluded that women of mature and elderly age, who are most in need of psychological support, are psychologically vulnerable to the situation of increased danger in the context of a pandemic.

Keywords: pandemic, fear of death, stress, self-regulation, sovereignty of the psychological space of the individual, psychological support.

Введение. Сегодня большая часть населения планеты в той или иной степени переживает тревожные состояния из-за угрозы жизни и здоровью, связанные с распространением в нашей стране и во всем мире социально – опасного заболевания - COVID-19. Особенностью переживаний является возрастание риска смерти, которую, несмотря на ее неизбежность, большинство людей боится и стремится отодвинуть срок ее наступления.

Еще более усугубляет сложившуюся ситуацию, то что люди находятся в состоянии неопределенности, которое даже и в обычных условиях жизни вызывает тревогу. А в ситуации повышенного риска, неопределенность нарушает границы суверенности и лишает человека привычных средств адаптации (Харламенкова, 2021). Психологическая помощь в этой ситуации не может обойти тему смерти, которая, представляя собой значимый объект травмирующих переживаний, является актуальной для разных субъектов помогающей деятельности.

Теоретические основы исследования. На сегодняшний день самой актуальной и обсуждаемой темой как в средствах массовой информации, так и в различных научных сообществах, является пандемия, которая коснулась всех сфер жизни человека. Пандемия осложняется распространением инфодемии, когда рост ложных новостей и слухов наносит вред психологическому благополучию населения. Таким образом, пандемия угрожает не только соматическому здоровью, но и влияет на психологическое состояние основных групп населения (Холодова, 2020).

Особо опасное воздействие на людей оказывает обострившееся переживание опыта смерти у родственников, друзей, опыта собственного пребывания в пограничном состоянии между жизнью и смертью в ходе поражения организма коронавирусом.

Под переживанием смерти большинство исследователей чаще всего понимают страх смерти. Одни исследователи рассматривают страх смерти как источник всех негативных переживаний человека, другие, как неосознаваемый регулятор человеческого поведения, которое направлено на редуцирование этого страха (Балин, 2010). Так Сёрен Обю Кьеркегор разграничил понятия страха и тревоги. Страх – это эмоция, направленная на избегание внешней реально существующей угрозы, это ожидание чего-то определенно опасного. Тревога – это смутное чувство беспокойства или опасения, ожидание чего-то неопределенного. Он утверждал, что способность человека быть самим собой напрямую зависит от того, может ли человек встретиться со своей тревогой и двигаться вперед, несмотря на тревогу (Кьеркегор, 2010). По мнению И. Ялома, для трансформации страха смерти, своеобразной психологической адаптации к нему личностью используются стандартные психологические защиты - вытеснение, рационализация и др., а также две специфические - вера в собственную исключительность и вера в «конечного спасителя». Вера в собственную исключительность довольно долго может являться эффективной, так как помогает человеку добиваться поставленных целей, брать на себя ответственность, проявлять независимость от позиции других членов общества (Ялом, 2004).

Анализируя современные психологические исследования по проблеме отношения к смерти, мы предположили существование особенностей в переживании страха смерти и отношения к ней у мужчин и женщин.

О.С. Парахневич считает, что переживание жизни и смерти, переживание боли составляет главное содержание философии жизни, которое конкретизируют для ребенка окружающие его люди. Таким образом, уже на этом этапе, можно определить существование возрастных особенностей отношения к смерти (Парахневич, 2006). Т.А. Гаврилова описывает исследование, в результате которого, с помощью

«Шкалы танатической тревоги», было установлено, что тревога по поводу личной смерти связана с полом, местом проживания и уровнем образования (Гаврилова, 2001). А.А. Баканова в своем исследовании говорит о необходимости психологического сопровождения кризисного состояния, вызванного различными жизненными обстоятельствами (переживание потери и горя, суицидальный риск, социально опасное заболевание, умирание). Ею также проведен анализ специфики психологических защит в отношении танатической проблематики на примере отказов обсуждать тему смерти в рамках танатопсихологических исследований (Баканова, 2014). Так же многие исследователи говорят о высокой вероятности психологических последствий пандемии, что доказывает практическую значимость исследования.

Поэтому актуальной задачей становится не только изучение особенностей переживания и отношения людей к собственной смерти, но и способах саморегуляции, выявлении ресурсов для сохранения психологического здоровья и благополучия.

Материалы и методы исследования. Данное исследование проводилось в онлайн-формате с июля по декабрь 2020 года. Респондентам было предложено заполнить 4 опросника, подобранных в соответствии с целью и задачами исследования: методика «Суверенность психологического пространства личности» (С.К. Нартова-Бочавер), опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Морасанова, опросник, определяющий склонность к развитию стресса Т.А. Немчина и Тейлора; шкала «Тревожности по поводу смерти» Д. Темплера.

В исследовании приняли участие 103 человека в возрасте от 18 до 73 лет. Выборка была разделена на 3 возрастные группы: молодые, зрелые и пожилые, из них 55% – женщины, 45% – мужчины. Численность групп по возрасту и полу следующая: 18-35 лет (35 человек: 19 женщин и 16 мужчин), 36- 59 лет (47 человек: 26 женщин и 21 мужчина), 60 лет и старше (21 человек: 12 женщин и 9 мужчин). Сравнительный анализ групп проводился с помощью U- критерия Манна – Уитни.

Результаты и их обсуждение. По оценке показателей стресса (методика Т. Немчина) в группе респондентов 18-35 лет отмечался низкий уровень стресса (10, 9), что свидетельствует о низкой тревожности и высокой стрессоустойчивости. У женщин данной возрастной группы показатели были несколько выше, они указывают на наличие у них эу-стресса, полезного с точки зрения приспособления к ситуации. У респондентов следующей возрастной группы (36-59 лет) как у мужчин, так и у женщин, показатели (16,14 и 23,96 соответственно) также свидетельствуют о наличии эу-стресса. В возрастной группе от 60 лет и старше у мужчин был зафиксирован низкий уровень тревоги и высокая стрессоустойчивость (15,56), у женщин же стресс хоть и средней степени выраженности – 26,08, данный показатель является самым высоким для всех трех сравниваемых групп. Таким образом, в условиях пандемии у всех респондентов уровень стресса находился на достаточно низком уровне или уровне стресса, способствующем успешной адаптации в сложившейся ситуации.

Вместе с тем по методике «Тревожности по поводу смерти» (Д. Темплер) мы получили результаты, позволяющие говорить о повышенной тревожности в каждой возрастной группе у женщин и умеренной у мужчин. В группе респондентов 18-35 лет у женщин обнаружен повышенный уровень тревожности (8,95). Их обеспокоенность связана с представлениями о физических изменениях, сопровождающих болезнь и смерть. У мужчин этой возрастной группы тревожность по поводу смерти находится в пределах нормы (6,25). То есть молодые женщины более обеспокоены фактом возможной близкой смерти их самих, или их близких, у мужчин же зафиксированы умеренная тревожность, сочетающаяся с высокой стрессоустойчивостью. У женщин возрастной группы 36-59 лет обнаружены самые высокие показатели тревожности по поводу смерти – 9,88. Здесь доминируют такие факторы как когнитивно-аффективная озабоченность смертью и озабоченность болезненными ощущениями и стрессом. У мужчин данной возрастной группы снова обнаружен средний уровень тревожности по поводу смерти (6, 95). В возрастной группе от 60 лет и старше у женщин повышенная тревожность по поводу смерти - 8,67, а у мужчин этот показатель -7,44 соответствует средней норме. Но у всех респондентов этой группы доминирует фактор озабоченности течением времени.

По методике «Стиль саморегуляции поведения» мы получили следующие результаты: у молодых мужчин 18-35 лет наиболее высокий уровень саморегуляции – 31,75. У женщин данной группы выявлен средний уровень саморегуляции – 27,74. Так же у мужчин отмечаются более высокие показатели по шкалам планирование, моделирование, программирование, оценка результатов и гибкость. В возрастной группе 36-59 лет результаты мужчин и женщин примерно одинаковые – 26,86 и 26,35, что соответствует среднему уровню саморегуляции. У мужчин и женщин возрастной группы 60 лет и более уровень саморегуляции средний (28,67 и 27,08 соответственно). Мужчины лучше умеют моделировать ситуацию и склонны к гибкости, женщины же более самостоятельны, но имеют низкие показатели гибкости. Таким образом, мужчины и женщины отличаются не столько уровнем саморегуляции, сколько стилями саморегуляции, у мужчин они более рациональные

По методике «Суверенность психологического пространства личности» (Нартова-Бочавер) так же обнаружены различия в показателях и по полу и по возрасту. У мужчин 18-35 лет обнаружен наиболее высокий показатель суверенности психологического пространства – 45%. Самые сохраняемые сектора суверенности психологического пространства у них – это суверенность территории, вещей, привычек, социальных связей и ценностей. У женщин же пониженный уровень суверенности составил в среднем 36%. Основные ресурсы - суверенность привычек и социальных связей. Снижена суверенность физического тела, территории, вещей и ценностей. То есть молодые женщины уязвимы в отношении как собственного физического тела, так и вещей, пространства, окружающих его, они утрачивают свою суверенность, как бы перестают принадлежать личности, отторгаются от нее. В группе респондентов 36-59 лет, как у мужчин, так и у женщин, снижена личностная автономия, суверенность территории, вещей, социальных связей и ценностей. Типичный способ стихийного психологического совладания для них - это привычки. У респондентов возрастной группы 60 лет и более самые низкие показатели суверенности психологического пространства личности, соответственно 30% у мужчин и 14% у женщин. Нарушены личностные границы физического тела, что проявляется в виде переживания физического дискомфорта, вызванного прикосновениями и запахами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что мужчины в целом обладают меньшей тревожностью и большей стрессоустойчивостью, чем женщины. Стрессу сильнее всего подвержены женщины пожилого возраста. Также у женщин выше тревожность по поводу собственной смерти, причем женщины зрелого возраста переживают это более болезненно и остро. Молодые женщины более обеспокоены фактом возможных физических изменений; зрелые женщины - когнитивно-аффективными изменениями, болью и стрессом; женщин пожилого возраста беспокоит осознание быстрого течения времени, в целом скоротечности жизни.

У молодых мужчин более высокий и осознанный уровень саморегуляции. Молодые мужчины более способны контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство, поддерживать свою личностную автономию. У женщин всех возрастных групп уровень саморегуляции и суверенность психологического пространства ниже. Мужчины и женщины обладают разной ресурсностью для совладания с ситуацией пандемии, порождающей тревогу и стресс. Сделанные заключения подтверждены оценкой значимости различий диагностированных показателей, сделанных по U-критерию Манна-Уитни.

Заключение. Проведенное исследование показало, что в условиях пандемии, когда увеличиваются риски нарушений и потери здоровья, в целом риски летального исхода и смерти у мужчин и женщин разных возрастных групп происходят изменения далеко не всех показателей функционирования личности. Ситуация пандемии в целом сопряжена для взрослой части населения и появлением эу-стресса, стресса полезного с точки зрения приспособления к изменившимся условиям жизни и деятельности. В целом женщины всех возрастных групп оказались более психологически уязвимыми к ситуации повышенной опасности, действующей в условиях пандемии, а, значит, нуждающимися в действенной психологической помощи. Нарушение привычных социальных связей в условиях самоизоляции и локдауна негативно сказываются на их психическом здоровье. Перед психологическими службами встает задача наработки эффективных моделей психологического сопровождения зрелых и пожилых женщин, особенно подверженных не всегда адекватным аффективным реакциям и появлению деструктивных изменений в их сознании, связанных с несуразными представлениями о самой болезни, ее течении, жизни человека в период ее лечения и после его завершения. Когнитивно-аффективные формы их реагирования на ситуацию пандемии требуют внедрения когнитивно-аффективных форм работы с ними, вписывающимися в подходы, предлагаемые когнитивной психологией и психотерапией.

Библиографический список

1. Баканова А.А. Профессиональная позиция психолога при обращении к теме смерти // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. Сборник научных статей III международной научно-практической конференции. Владивосток, 2014
2. Гаврилова Т.А. Экзистенциальный страх смерти и танатическая тревога // Прикладная психология, № 6, 2001. С. 1-6.
3. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: «Культурная революция», 2010. 488 с.
4. Парахневич О.С., Портнова А.Г. Специфика переживания страха смерти в возрастном – половом аспекте // Ползуновский вестник, № 3, 2006. С. 186-189.
5. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии / В. Д. Балин, В. К. Гайда, В. К. Горбачевский и др., Под общей ред. А. А. Крылова, С А. Маничева. – СПб: Питер, 2010. - 560с.

6. Харламенкова Н.Е., Быховец Ю.В., Дан М.В., Никитина Д.А. Переживание неопределенности, беспокойства, тревоги в условиях COVID-19 http://ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19/kommentarii-eksp/har-1.html
7. Холодова Ю.Б., Особенности переживания тревоги в период пандемии представителями COVID-19 разных возрастных групп // Международный журнал медицины и психологии 2020, Том 3, №2
8. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т. С. Драбкиной. М.: Независимая фирма «Класс», 2004. 576 с.

УДК 159.9

Т.В. Ледовская, Е.А. Белякова

Представления о партнере у получателей социальных услуг психоневрологического интерната

Работа основана на материалах исследований, проведенных при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07156

Аннотация. В статье раскрываются результаты эмпирического исследования особенностей представлений о партнере у получателей социальных услуг психоневрологического интерната. Отмечено, что, в целом, все испытуемые показывают низкий уровень удовлетворенности отношениями и браком. При выборе партнера мужчины основываются в основном на факторе сексуальной и коммуникативной доступности, а женщины на факторе инициативы со стороны лица противоположного пола. Получатели социальных услуг психоневрологического интерната отличаются отсутствием способности чувствовать намерения партнера, тесно общаться с ним и знать его мнение по разным вопросам, снижением способности осознавать, высказывать собственные мысли, чувства и намерения.

Ключевые слова: брак, семья, интернат, партнер, междисциплинарность, способности.

T.V. Ledovskaia, E.A. Beliakova

Ideas about a partner among recipients of social services of a neuropsychiatric boarding school

Abstract. The article discloses the results of an empirical study of the features of partner ideas in recipients of social services of a neuropsychiatric boarding school. It was noted that, in general, all subjects show a low level of satisfaction with relationships and marriage. When choosing a partner, men are based mainly on the factor of sexual and communicative accessibility, and women are based on the factor of initiative on the part of the person of the opposite sex. Recipients of social services of a neuropsychiatric boarding school are distinguished by the lack of the ability to feel the partner's intentions, closely communicate with him and know his opinion on various issues, a decrease in the ability to realize, express their own thoughts, feelings and intentions.

Keywords: marriage, family, boarding school, partner, ideas about partner, satisfaction with marriage.

Приоритетным направлением реабилитации инвалидов с расстройствами психики является их максимальная социально-психологическая адаптация и возвращение в общество. В отличие от психиатрических больниц, в интернатах инвалиды с психическими расстройствами могут не только жить, получать уход, но и реализовывать себя как участников социальных отношений. Клиенты интернатов также общаются между собой, дружат и образуют пары. Однако ввиду социальной и эмоциональной незрелости, выраженного снижения когнитивных функций, особой проблемой проживающих становится выстраивание гармоничных отношений с противоположным полом.

Наряду с концепцией и существующим определением «человеческого капитала» в научной литературе определено и фигурирует понятие «социального капитала», составным элементом которого является капитал здоровья. В современных условиях особо остро встают вопросы касаясь состояния здоровья, как физического, так и психического. Ценность здоровья человека выходит в данный момент на базовый уровень, на фоне которой уже и приобретаются знания, навыки и опыт, т.е. формируется человеческий капитал. Основные качественные характеристики капитала здоровья закладываются на микроуровне - в семье.

Одним из аспектов социально-психологической адаптации инвалидов с расстройствами психики является подготовка их к созданию семьи. В таких условиях необходимым является изучение психологических особенностей формирования представления о партнере и ведение психолого-педагогического сопровождения процесса формирования адекватного представления о партнере у клиентов психоневрологических интернатов. Получатели социальных услуг психоневрологического интерната обладают рядом особенностей психического развития и нарушений психического и соматического здоровья, которые могут стать серьезным препятствием на пути формирования адекватного образа партнера, но, тем не менее, стремятся реализовывать потребности в любви и причастности, вступая в отношения с лицами противоположного пола. Кроме того, многолетнее воздействие ситуации средовой изоляции негативно сказывается на жизнедеятельности клиентов. У них возникают черты, стирающие личностные особенности, характеризующиеся ограничением интересов и желаний, в результате чего клиенты становятся похожими друг на друга по поведению и самовыражению. Все вышеперечисленные особенности оказывают негативное влияние на формирование образа партнера и усложняют процесс вступления в отношения, нарушая гармоничность отношений и психическое состояние проживающих.

В отечественной и зарубежной литературе накоплен богатый опыт изучения критериев, мотивов, условий и факторов вступления в брак. Данная научная проблема является поистине междисциплинарной, так как изучение феномена выбора брачного партнера, образа будущего партнера невозможно произвести исключительно методами одной науки, будь то психология, социология или педагогика, тем более, в контексте изучения психологии семьи у представителей психоневрологического интерната. Социально – психологический подход к объяснению выбора брачного партнера, рассматривали К. Кочу, Р. Зидер, К. Девис и Керкгофф (Домбровская, 2013). Анализ экономической составляющей при выборе брачного партнера был основным в работах американских ученых Г. Беккера (Антонюк, 1992) и Р. Поллака (Шелехов, 2015). Над социологическими теориями работали Б. Мурстейн, Дж. Хоманс, Р. Хилл. Авторы теорий, имеющих экономическое основание, пишут о принципе «полезности» и экономической выгоды при поиске брачного партнера.

Теоретический анализ позволил нам выделить следующие компоненты представления о партнере, которые будут актуальны для лиц, вступающих в отношения: внешние факторы (физическая привлекательность, социальный статус, профессия и пр.); личные качества партнера; ценности, потребности и интересы партнера; совместимость ролей, которые смогли бы выполнять партнеры в будущей семейной жизни. Учет компонентов данной структуры при выборе партнера, создаст предпосылки для формирования полноценных отношений, которые будут улучшать качество жизни пары.

Цель эмпирического исследования: определить психологические особенности представления о партнере у получателей социальных услуг психоневрологического интерната. Методы исследования: Эмпирические методы: проективный тест Т.В. Румянцевой «Круги взаимоотношений», авторская анкета «Какими качествами должен обладать партнер», тест удовлетворенности браком В.В. Столина. Выборка исследования – составила 76 человек в возрасте 35-55 лет из числа получателей социальных услуг (38 мужчин и 38 женщин) и 28 человек в возрасте 35- 55 лет из числа группы «норма» (14 мужчин и 14 женщин), общая численность выборки – 104 человека.

Результаты исследования. 1) Участницы опроса выделили крайне ограниченное количество качеств, которыми, на их взгляд должен обладать партнер, среди них: доброта 100%, щедрость 74%, честность 95%, внешняя привлекательность 82%. Стоит отметить, что респонденты женского пола осознают лишь ограниченное количество качеств, которыми должен обладать любимый мужчина, однако на практике, выясняется, что таких качеств намного больше, и требования к партнерам выше, но очевидным это становится лишь в ситуации конфликта. В спокойной обстановке, в ситуации опроса клиентки даже после тщательного размышления, находят лишь четыре параметра, которыми должен обладать мужчина. Данное явление можно объяснить выраженным когнитивным дефицитом у испытуемых, сниженной способностью вербализовать собственные мысли, скудным словарным запасом и скромным жизненным опытом. 94% участниц опроса всю жизнь провели в учреждениях интернатного типа, не имеют даже школьного образования и никогда не пересекали порог учреждений социального обслуживания.

2) У участников опроса мужского пола перечень качеств, которыми должна обладать партнерша несколько шире: ум (35% респондентов), честность - 74%, внешняя привлекательность - 100%, хорошее чувство юмора - 18%, доброта - 100%, уважение к чувствам и мыслям партнера - 45%, увлечение рукоделием - 84%. Несмотря на более широкий перечень качеств, которыми должна обладать партнерша, все участники опроса мужского пола, не примеряют их всех на женщин, с которыми вступают в отношения, т.к. осознают ограниченность выбора, обусловленную изоляцией от внешнего мира,

но признают, что отсутствие указанных качеств значительно снижает их удовлетворенность отношениями, провоцирует конфликты с партнерами, измены, ухудшение психического состояния, проявление агрессии в адрес вторых половинок и работников интерната.

3) При анализе результатов выполнения испытуемыми адаптированного тест-опросника удовлетворенности браком В.В. Столина нами так же были выявлены важные аспекты отношений респондентов с партнерами: никто из участников опроса не удовлетворен отношениями, в которых он находится, а у 50% испытуемых обоих полов полная неудовлетворенность.

4) В ходе выполнения испытуемыми проективной методики Т.В. Румянцевой «Круги взаимоотношений» нами обнаружено отсутствие у респонденток какой-либо дистанции в их отношениях (82%). Полученные результаты характеризуют стремление женщин к слиянию, симбиозу со своим партнером и указывает на глубокую зависимость, отсутствие осознания собственной индивидуальности, собственных личных границ и личных границ партнера. Оставшиеся 18% клиенток изобразили на своих бланках симбиотическую связь с партнером на всех этапах развития отношений. Сами участницы интерпретируют свои рисунки следующим образом: «мы - одно целое», «мы неразделимы», «мы две половинки одного целого» и т.д.

В то же время 63% (24 чел.) мужчин на своих бланках изображают 1-й тип дистанции на всех этапах развития отношений, то есть имеет место быть отчужденность, отсутствие близких эмоциональных отношений с партнершей. 26% изображают 2-й тип дистанции на всех этапах развития отношений – это наиболее гармоничный вариант, т.к. при нем партнеры являются равными участниками отношений, однако сохраняют автономию и личные границы. 11% участников изобразили на всех своих бланках 3-й тип дистанции, при котором имеется довольно высокая потребность в симбиотической связи, присутствует эмоциональная зависимость от партнера.

5). При проведении сравнительного анализа психологических особенностей представлений о партнере у получателей социальных услуг и группы «норма» были выявлены значимые различия. Очевидно, что наиболее комфортно в отношениях со своим партнером себя считает именно группа «норма», т.к. при выборе партнера предъявляют к нему более широкий спектр требований и наделают его образ большим набором качеств. Респонденты из группы получателей социальных услуг обозначили 1-2 качества идеального партнера, мужчины основывались при выборе в основном на факторе сексуальной и коммуникативной доступности ($U=437,000$ при $p \leq 0,001$), а женщины на факторе инициативы со стороны лица противоположного пола ($U=95,000$ при $p \leq 0,001$).

6). У получателей социальных услуг, в отличие от нормы, был крайне низкий уровень удовлетворенности отношениями, поскольку представления клиентов мужчин и женщин с расстройствами психики о дистанции в отношениях совершенно не совпадали. Мужчины-получатели социальных услуг обнаруживали необходимость в отчужденности и большой дистанцированности в отношениях со своими партнерами, а женщины наоборот требовали симбиотической связи. Это провоцировало регулярные конфликты и низкую удовлетворенность браком. Напротив, более адекватные представления о дистанции у «нормы» создавали условия для высокого уровня удовлетворенности браком. Из всего выше обозначенного можно сделать вывод о том, что отношения получателей социальных услуг психоневрологического интерната приносят им много разочарований, ухудшая их психическое состояние, т.к. основаны на искаженных и крайне скудных представлениях о партнере противоположного пола.

Таким образом, по результатам исследования психологических особенностей представлений о партнере у респондентов группы «норма» стоит сделать следующие выводы.

Идеальная партнерша должна обладать такими качествами как верность, доброта, честность, умение вести домашнее хозяйство, внешняя привлекательность, ум, уважение к чувствам и мыслям партнера, умение контролировать свои чувства и эмоции, умение следить за своей внешностью, трудолюбие, способность обеспечить будущую семью, физическая сила, любовь.

Идеальный партнер должен обладать следующими качествами: верность, доброта, честность, умение вести домашнее хозяйство, искренность чувств к партнеру, внешняя привлекательность, ум, уважение к чувствам и мыслям партнера, умение контролировать свои чувства и эмоции, умение следить за своей внешностью, умение снисходительно относиться к чужим недостаткам и прощать ошибки, умение поддержать партнера в трудной ситуации.

Оптимальный тип дистанции в отношениях сохраняет высокий уровень автономии обоих партнеров и сохраняет высокую дифференциацию «Я» в отношениях, делая обоих партнеров равноправными, и не нарушает их личных границ.

Образы идеального и реального партнера не должны иметь больших расхождений. В случае гармоничных отношений реальный партнер всегда обладал не менее, чем 80% качеств идеального партнера.

Основными компонентами представления о партнере у клиентов психоневрологического интерната являются: качества партнера, дистанция с партнером и динамика отношений. Сформированные у

респондентов мужского и женского пола представления, а так же отсутствие способности чувствовать намерения партнера, тесно общаться с ним и знать его мнение по разным вопросам, снижение способности осознавать, вербализовать собственные мысли и намерения, снижают удовлетворенность отношениями у клиентов. Никто из участников не доволен теми отношениями, в которых находится. Все это свидетельствует о том, что в данной ситуации актуальным становится формирование представлений о партнере у клиентов интерната, выявление несоответствий, дисгармоничных аспектов и их устранение в процессе коррекционной работы.

Библиографический список

1. Анташко Ю.А. Представления об идеальном романтическом партнере у современной молодежи Москвы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2012. № 1. С. 23-26.
2. Антонюк Е.В. Представление супругов о распределении ролей и становление ролевой структуры молодой семьи: автореф. ... дис. канд. психол. наук. - М., 1992. – 21 с.
3. Гаврилова Е. А. Психологическая характеристика выбора брачного партнера - основа для развития гармоничных отношений в браке // Актуальные вопросы современной психологии: Материалы междунар. науч. конф. (г. Челябинск, март 2011 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 17-22.
4. Домбровская А.Ю. Факторы социальной адаптации инвалидов в современном российском обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 3-1. С. 190-200.
5. Красик Е.Д. Социально-трудовая адаптация больных приступообразной шизофренией. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. 183 с.
6. Курочкин О.Е. Особенности представлений о себе и о партнере в лесбийских и гетеросексуальных парах // Московский психотерапевтический журнал. 2008. №2. С. 139-159.
7. Чугунова, А.В. Структурно-содержательные особенности представлений о брачном партнере в позднем юношеском возрасте браком [Электронный ресурс] //Аллея науки. 2018. Т. 7. № 6 (22). С.127-132. Режим доступа. https://elibrary.ru/download/elibrary_35369937_10812661.pdf. (Дата обращения. 10.10.2019).
8. Шелехов И.Л., Гребенникова Е.В., Берестнева О.Г. Гендерные различия в образе идеального брачного партнера у современной студенческой молодежи // Вестник ИжГТУ имени М.Т. Калашникова. 2015. Т. 18. № 1. С. 151-154.

УДК 159.9

Н.В. Лопатина

Оценка востребованности применения интегративного подхода в изучении социально-психологических характеристик личности преступника-рецидивиста

Аннотация. Настоящая работа посвящена изучению социально-психологических особенностей личности осужденных, которая содержит обзор научной литературы, посвященной данной проблематике, а также результаты эмпирического исследования. Особый акцент сделан на использовании интегративного подхода в изучении личности осужденного и ее характеристик.

Ключевые слова: личность рецидивиста, осужденные, социальные и нравственно-психологические особенности рецидивистов, интеграция, интегративная теория личности.

N.V. Lopatina

Assessment of the relevance of the use of an integrative approach in the study of socio-psychological characteristics of the personality of a repeat offender

Abstract. This work is devoted to the study of the socio-psychological characteristics of the personality of convicts which contains a review of the scientific literature on this issue as well as the results of an

empirical study. Special emphasis is placed on the use of an integrative approach in the study of the convict's personality and its characteristics.

Keywords: recidivist personality, convicts, social and moral-psychological features of recidivists, integration, integrative theory of personality.

На сегодняшний день в основе научных представлений о личности человека лежит целая группа теорий, различных научных подходов. Для многих отраслей и сфер жизни социума насущным является интегративное изучение рассматриваемых в них социальных явлений, исходя из перспективы более реалистичного и глубокого понимания их психологических механизмов.

В процессе своего становления, как научной дисциплины, психология разработала семь основных направлений: физиологическую (экспериментальную) психологию, психоанализ, бихевиоризм, экзистенциально-гуманистическую психологию, трансперсональную психологию, коммуникативную психологию, а также интегративную психологию. Следует подчеркнуть, при этом, что интегративная психология выступает в определенной степени объединяющим началом всех психологических направлений. По этой причине в рамках указанных психологических парадигм обоснованно ожидать выработки принципиально новых подходов к исследованию личности. Следовательно, необходима востребованная теория личности психологи, которая по аналогии с примерами интеграции в иных сферах научных знаний выступала бы объединяющим началом развития психологической мысли. Такую консолидирующую теорию для всестороннего изучения Е.Е. Шантырь называет интегративной теорией личности (Шантырь, 2017, с. 101). Весьма высокую актуальность подобные ожидания имеют для пенитенциарной психологии.

Личность в пенитенциарной психологии рассматривается как основной и важнейший компонент всего механизма делинквентного поведения, поскольку именно она является носителем причин их совершения. В настоящий период происходит накопление знаний о характерных особенностях и феноменах отношения к социуму лиц, совершивших правонарушения.

С позиции А. В. Кудрявцева и А. Е. Михайлова личность преступника необходимо оценивать как социально-психологическое явление, включающая в себя не просто совокупность качеств и свойств лица, совершившего противоправное действие, а совокупность негативных качеств и свойств, которые во взаимодействии с определенными внешними факторами приводят к совершению преступления (Криминология, 2020, с. 56).

По мнению Ю.А. Дмитриева и Б.Б. Казака личность осужденного нельзя сводить только к влиянию на нее социального окружения так же, как и неверно противопоставлять социальное - психологическому, поскольку социальное влияние оказывается через психологическое, которое, в свою очередь, есть результат прошлого социального влияния. Стало быть, наиболее приемлемым подходом для анализа личности осужденного становится социально-психологический подход, включающий единство социального и психологического (Дмитриве, 2007, с. 483). Данное обстоятельство побудило нас к исследованию личности преступника-рецидивиста с опорой на отмеченный подход.

В ходе исследования нами было выявлено, что средний возраст рецидивиста колеблется от 26 до 39 лет. Таким образом, можно предположить, что их значимой особенностью является становление на преступный путь в молодом возрасте.

В криминологической литературе многие авторы (А.Е. Михайлов, В.Н. Кудрявцев, Е.О. Марлухина, Серегина Е.В., Москалева Е.Н. и т. д.) придерживаются точки зрения, что уровень образования у рецидивистов существенно ниже, чем средний уровень образования всего населения (Криминология, 2018; Криминология, 2020; Марлухина, 2008). Исходный факт подтверждается результатами нашего исследования (было установлено, что уровень образования более чем у трети рецидивистов ниже среднего).

Одним из важных аспектов при рассмотрении личности рецидивиста является характеристика семьи, в которой она воспитывалась. Так, многие из заключенных до совершения первого преступления проживали в детском доме, в семьях, где один из родителей являлся неродным (отчимом или мачехой), опекунских семьях. Причем данные типы семей осужденные, как правило, относили к разряду неблагополучных.

Особый интерес представляет семейное положение рецидивистов. Неоднократное отбывание наказания в местах лишения свободы усиливает у осужденных психологическую дезориентацию личности, нередко приводящую к отвыканию от семейной жизни. Указанная точка зрения подтверждается результатами нашего исследования, согласно которым: только треть осужденных состоят в официальном браке; почти половина опрошенных заключенных не имеют детей; с увеличением возраста растет число расторгнутых браков, что свидетельствует об отрицательном влиянии неоднократного отбывания наказания на сохранение ранее сложившихся семейных отношений.

Из результатов нашего анализа следует, что при рассмотрении личности рецидивиста стоит также обращать внимание и на характер его взаимоотношений с семьей. Согласно полученным данным, на момент совершения повторного преступления большинство осужденных имели враждебные, неприязненные, безразличные отношения с семьей и родственниками. Основными причинами плохих взаимоотношений в семье рецидивисты называли пьянство одного из членов семьи, влияние факта судимости, отсутствие взаимопонимания.

Кроме того результаты исследования демонстрируют принципиально важную закономерность: наличие близких родственников, друзей, имеющих криминальное прошлое увеличивает вероятность последующих судимостей, а также совершения первого преступления в молодом возрасте. Таким образом, ближайшее окружение, отличающееся антиобщественными взглядами, может весьма активно способствовать совершению преступления лицом, находящимся под воздействием этого окружения.

Что касается социально значимой деятельности рецидивистов, то большая часть из них рано приобщаются к трудовой деятельности. Причем относятся к работе недобросовестно, допускают систематические нарушения трудовой дисциплины, постоянно меняют место своей работы (Криминология, 2015, с. 601).

Следует также отметить в личности рецидивиста негативные отклонения в нравственно-психологической, интеллектуальной, мировоззренческой и эмоционально-волевой сферах, а также измененные потребности и мотивы поведения, которые оказывают сильное влияние на совершение ими нового преступления.

Потребностно-мотивационная сфера личности рецидивиста определяется неадекватным соотношением потребностей и способов их удовлетворения. Система мотивов у них гораздо беднее, нежели система социальной мотивации поведения законопослушных граждан и лиц, впервые совершивших преступление.

Наиболее распространенными мотивами преступлений, совершенных рецидивистами являются корысть, хулиганские побуждения, месть, ревность и зависть.

При этом стоит подчеркнуть, что рецидивисты не только сами совершают новые преступления, но и вовлекают в преступную деятельность молодых людей, не получивших в семье и школе прочной нравственной закалки (Криминология, 2018, с. 84).

Эмоционально-волевая характеристика личности рецидивиста также имеет свои черты. Рецидивистам присущи такие психологические дефекты, как высокая эмоциональная возбудимость, слабый самоконтроль и значительная ситуативная зависимость. Для рецидивистов характерно низкое развитие способностей, полное нежелание преодолевать трудности. Однако многие из них имеют большую силу воли, имеющую отрицательную направленность.

Нравственное сознание рецидивистов характеризуется антисоциальной направленностью. Деформация нравственного сознания у рецидивистов проявляется в их индивидуализме, в замене нравственных принципов низменными моральными качествами. Рецидивистов можно причислить к категории педагогически запущенных лиц, нуждающихся в перевоспитании (Марлухина, 2008, с. 209-210).

Характеризуя в нашем исследовании нравственно-психологические особенности осужденных, было выявлено, что в момент совершения повторного преступления большинство осужденных находились под воздействием наркотических средств, в связи с чем не задумывались о последствиях своих действий. Наряду с этим в большинстве случаев наркомания становилась одной из решающих причин совершения повторного преступления среди осужденных-рецидивистов молодого и среднего возрастов. Также нужно добавить, что преобладающее большинство лиц, не достигших на момент совершения повторного преступления своего совершеннолетия, отчетливо осознавали свои поступки и действовали решительно.

Большинство заключенных считают свое наказание, назначенное судом за первое и второе преступление, в полной мере заслуженным. Однако, чем больше у рецидивистов судимостей, тем реже они считают наказание справедливым, соразмерным преступлению. По мнению самих рецидивистов, способность справляться с жизненными трудностями у них развита на среднем уровне. Среди жизненных ценностей большинство опрошенных выделяет достижение материально обеспеченной жизни, уважение окружающих, здоровье, любовь и счастливую семейную жизнь. При этом с увеличением возраста респондентов, возрастает доля лиц, имеющих ценности отрицательной направленности - принадлежность к криминальной субкультуре, желание быть авторитетом в криминальной среде.

Подводя итог изложенному, можно утверждать, что рассмотрение особенностей личности рецидивиста занимает одно из главных мест в исследованиях феномена рецидива. В силу этого проблема изучения личности преступника-рецидивиста не потеряет актуальности еще долгое время, поскольку востребовано не столько ее социологическое (оно остается важным), сколько социально-психологическое изучение в новых общественно-социальных условиях.

Библиографический список

1. Дмитриев, Ю.А. Пенитенциарная психология / Ю.А. Дмитриев, Б.Б. Казак. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 681 с.
2. Криминология / Серегина Е.В., Москалева Е.Н. Москва : РГУП, 2018. 232 с.
3. Криминология / Ашин А. А., Кудрявцев А. В., Маркина О. В. и др. Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. 220 с.
4. Криминология / Под ред. Кудрявцева В.Н. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. 800 с.
5. Марлухина Е.О. Криминология. Москва : «Дашков и К», 2008. 372 с.
6. Шантырь Е.Е. Интегративная теория личности: концепция и практическая реализация // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 27 (109). С. 101-110.

УДК 159.9.07

О.В. Масляная, А.Б. Скворцова

Диалектика эмоциональной лабильности в ситуации дистанционного обучения

Аннотация. В публикации приводится исследование эмоциональных состояний студентов-филологов, прошедших непривычные условия дистанционного обучения, дается оценка состоянию эмоциональной лабильности и особенностям физического состояния, выявлены основные закономерности психоэмоционального самочувствия. Составлен и применен комплект методик, включающий авторскую анкету и опросники. Проведен анализ источников по теме, приводится перечень авторов по отдельным вопросам исследования, сформулированы общие представления о таких понятиях как "ситуация", "эмоциональная лабильность". Дистанционное обучение рассматривается как процесс, который полностью или частично проходит на расстоянии.

Ключевые слова: психология, студенты, эмоциональная лабильность, стресс, тревожность, психосоматика, дистанционное обучение.

O.V. Maslianaia, A.B. Skvortcova

Dialectics of emotional lability in a distance learning situation

Abstract. The publication provides a study of the emotional states of philology students who have gone through the unusual conditions of distance learning, assesses the state of emotional lability and the characteristics of the physical state, identifies the main patterns of psychoemotional well-being. A set of methods was compiled and applied, including the author's questionnaire. An analysis of the sources on the topic is made, a list of authors on certain research issues is provided, general ideas about such concepts as "situation", "emotional lability" are formulated. Distance learning is seen as a process that completely or partially takes place at a distance.

Keywords: psychology, students, emotional lability, stress, anxiety, psychosomatics, distance learning.

В 1728 году в Бостоне был создан прецедент применения обучения на расстоянии (с помощью писем) со студентами для изучения стенографии. Далее в 1840 году опять обнаруживается факт дистанционных уроков в письмах для всех желающих. Технический прогресс той или иной исторической эпохи, несомненно, диктует возможности дистанционного образования. С появлением интернета настало время широкого применения технологий дистанционного обучения, при этом процесс обучения полностью или частично проходит с привлечением компьютеров и телекоммуникационных технологий и средств. С 2000-х годов такое образование стало чрезвычайно популярным. А с весны 2020 года вся система образования РФ резко перешла в реальность обучения на расстоянии.

Данный массовый переход на дистанционное обучение выявил неподготовленность образовательных организаций, неготовность участников образовательного процесса, спровоцировал возникновение неожиданной ситуации, разворачивающейся на протяжении длительного времени, в которой выявилось множество разнообразных проблем как для преподавателей, так и для студентов. Массовый формат получения и обработки информации по-разному восприняли как одни, так и другие.

Термин "ситуация" понимается как в психологии, так и в междисциплинарном пространстве весьма вариативно: как жизненная ситуация (Бурлачук, 1998), как чрезвычайная, экстремальная, кризисная, как критическая (Василюк, 1984), психологическая, как эпизод, среда и т.д. В нашем исследовании мы придерживаемся определения ситуации как критической, кризисной. В ней индивид встречается с субъективной невозможностью реализации внутренних потребностей, требующих удовлетворения (Василюк, 1984). Кризисную ситуацию, в которую человека погружают исключительно «насильственно», Юматов Е.А. понимает как первичный фактор появления эмоционального стресса. Если же индивид осознанно вступает в кризисную ситуацию, сильного эмоционального стресса он не испытывает.

В таких условиях становится актуальным изучение проблемы эмоциональной лабильности личности. На тему личности в трудной ситуации обращали внимания В. Франкл, Л.А. Китаев-Смык, М.Ш. Магомед-Эминов и др. Проблеме эмоционального стресса и эмоциональной лабильности современного молодого поколения посвятили труды Судаков К.В., Юматов Е.А., Шукуров Ф.А., Татарова С.Ю., Носова А.В., Ефремова Н.Г.

Если определенные особенности эмоционального реагирования личности в ситуации отмечаются как постоянные, то их можно трактовать как эмоциональное свойство – ригидность или лабильность. Склонность к лабильности эмоций выдает личность истерического типа. Также очевидно, что эмоциональная лабильность (подвижность, переключаемость) присуща индивидам с высоким уровнем нейротизма (тревожностью), что проявляется в резкой смене эмоциональных состояний, нестабильности реакций в ситуации и т.п. "...слишком выраженная лабильность эмоций может осложнять отношения с окружающими..." (Ильин, 2002, с. 228).

Татарова С.Ю., исследуя природу эмоциональной лабильности на студентах факультета физической культуры, находит зависимость между общим физическим и психологическим состоянием обучающихся: в результате высокой эмоциональной лабильности понизились физические показатели студентов (2020 г.).

Проведя анализ вышеперечисленных исследований, мы сделали вывод о том, что **диалектика эмоциональной лабильности** состоит в: а) «систематической неудовлетворенности результатами поведения, связанной с отсутствием возможности достижения субъектом приспособительного результата»; б) «субъективном восприятии конфликтности сложившейся поведенческой ситуации»; в) отсутствии эффективной адаптивности как свойства, позволяющего личности справляться с кризисной ситуацией.

Таким образом, эти три фактора неизбежно влияют на уровень тревожности и, как следствие, становятся причиной эмоционально нестабильных состояний у молодого поколения в условиях дистанционного обучения.

В этой связи, нам представляется интересным выяснить, насколько диалектична эмоциональная лабильность у студентов-филологов после периода дистанционного обучения и существует ли психосоматические последствия у этого фактора стресса. *Цель* нашего исследования: выяснить основные закономерности эмоциональных состояний студентов, особенности эмоционального и физического состояния в период дистанционного обучения. *Исследовательские задачи*: изучить научную литературу по теме исследования; изучить проблему эмпирически; обработать, проанализировать и сравнить полученные результаты, сформулировать выводы по теме исследования. *Общая характеристика выборки респондентов*. В исследовании принимали участие студенты 4 курсов факультета русской филологии и культуры ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, женского пола, обучающиеся на педагогических направлениях подготовки, по профилям подготовки: образование в области русского языка как иностранного/неродного – 10 человек; филологическое образование – 25 человека. Всего 35 человек. *Методы исследования*. Методы исследования литературных источников по теме. Методы эмпирического исследования – авторская анкета (выявление эмоциональной лабильности и физического состояния), исследовательские методики (опросник Спилбергера-Ханина для изучения ситуативной тревожности и опросник Климова для самооценки доминирующих состояний). Методы статистической обработки информации. *Организационные аспекты проведения исследования*. Анкетирование проводилось с 25.04.2021 г. по 27.04.2021 г. на платформе «Google Форма», респондентам предлагалось анонимное участие в исследовании. Было задано 10 анкетных вопросов с тремя вариантами ответа: «да/часто/постоянно», «иногда», «нет», в каждом вопросе предполагался лишь один вариант ответа. Вопросы можно ранжировать на две категории: психоэмоциональное состояние в период дистанционного обучения; физическое состояние в период дистанционного обучения.

Исследование по методикам Спилбергера-Ханина и Куликова проводилось в период с 28.04.2021 по 30.04.2021 г. на платформе «Google Форма». Методика Куликова содержит 57 утверждений, характеризующих уровень психических состояний с помощью субъективных оценок по 7-балльной шкале. Методика Спилбергера-Ханина состоит из 20 утверждений, по которым студентам предлагалось оценить верность в отношении своего эмоционального состояния по 4-балльной шкале.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ текущего эмоционального состояния студентов был сделан по результатам авторской анкеты.

По гистограмме «Эмоциональная лабильность» (рис. 1) видно, что большая часть опрошенных студентов (71,4%) дала положительный («да/часто/постоянно») ответ на перечень вопросов о нестабильном психоэмоциональном состоянии.

Неутвердительный ответ («иногда») дали 20% респондентов. Об отсутствии эмоциональных потрясений (ответ «нет») заявило лишь 8,6% опрошенных. Примечательно, что больше всего утвердительных ответов «да/часто/постоянно» было получено на вопросы о внезапных эмоциональных вспышках и частом впадении в панику. Меньше всего утвердительных ответов было высказано по вопросу (о быстрой адаптации к дистанционной форме обучения). Часто студенты отмечали положительным ответом вопрос о беспричинном возбуждённом состоянии.

Ответы данной части исследования могут быть проинтерпретированы следующим образом: высокий показатель утвердительных ответов говорит об неустойчивом психоэмоциональном состоянии, т.е. эмоциональной лабильности, причем эмоции, которые, как отмечается, испытывали студенты во время дистанционного обучения весьма пограничные и резкие в своей перемене: от паники, до неожиданного прилива счастья.



Рисунок 1.

Гистограмма «Физическое состояние» (рис. 2) показывает интересный результат: равное количество респондентов дали утвердительные (ответы «да/часто/постоянно») и ответы «иногда» — по 43%. Отрицательный ответ дали 14% опрошенных. Наибольшее количество утвердительных ответов и ответов «иногда» были даны на вопросы об ухудшении мозговой деятельности, об ухудшении качества сна. Два человека отметили повышение температуры тела без явных причин.

Результаты данной части исследования говорят о существенном изменении физического состояния студентов во время дистанционного обучения, однако, 14% не отметили никаких изменений в своём физическом состоянии, что говорит об отсутствии психосоматических особенностей.



Рисунок 2.

Изучение уровня тревожности по опроснику Спилбергера-Ханина (Рис.3) показало, что уровень ситуативной тревожности достаточно высок — достигает 60 баллов, т.е. превышает уровень «полезной тревоги». Личностная тревожность у 42,9% (15 чел.) характеризуется как умеренная, 16 чел. (45,7%) испытывают средний уровень тревоги и напряжения. 11,4% (4 чел.) вовсе не испытывают эмоциональных угроз.

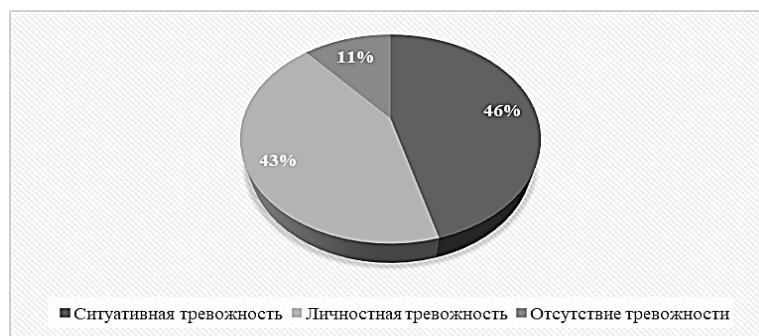


Рисунок 3.

Если сравнивать показатели доминирующего состояния (методика Куликова), то средние оценки по всем вопросам коррелируют от 4,775 до 5. Повышенный фон эмоционального состояния наблюдается по параметрам «бодрость — уныние», где оценка соответствует низкому уровню «бодрости». На диаграмме «Доминирующее эмоциональное состояние студентов» (рис. 4) представлены средние баллы по шкалам доминирующего психического состояния.

По всем параметрам доминирующего состояния выявлены средние уровни оценки. Отметим, что наиболее низкий уровень оценки среди респондентов получил параметр «бодрость — уныние», а также «спокойствие — тревога»: эти параметры соответствуют «правому» полюсу конструкта и выделяют повышенные уровни нестабильного эмоционального фона — «уныние» и «тревога». Заниженные оценки по данной шкале могут характеризовать переживание повышенной значимости, возникшей в ситуации и деятельности в ней.

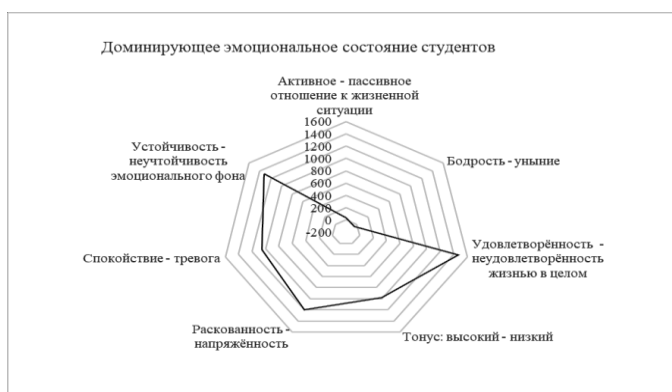


Рисунок 4.

Высокий балл по «левому» конструкту получил параметр «удовлетворённость — неудовлетворённость жизнью в целом»: респонденты отмечают позитивное психическое состояние без повышенного уровня напряжённости по данной шкале — «удовлетворённость жизнью в целом».

Выделим основные закономерности: текущее эмоциональное состояние: значительная часть респондентов имеют средний уровень тревоги с тенденцией к высокому; преобладающее количество утвердительных ответов анкетной части практического исследования говорит о высоком уровне тревожности студентов в период дистанционного обучения, причем тревожность может выражаться как раз в эмоциональной нестабильности, которая характеризуется разбросом противоположных эмоций: гнев/радость, угнетение/счастье и т.д.; в обеих частях исследования (и по методикам, и по анкете) удалось выявить процент студентов, не имеющих психосоматических особенностей и не подверженных эмоциональным напряжениям, в том числе эмоциональной лабильности, даже в кризисных ситуациях.

Таким образом, обнаруженные в ходе исследования результаты, подчеркивают, что ситуация дистанционного обучения стала непривычным периодом в жизни студентов. Образование на расстоянии имеет как преимущества (возможность осваивать материал в индивидуальном темпе, свобода местонахождения, некоторая свобода в выборе времени выполнения домашних работ и т.д.), так и недостатки (не разработанность курсов, зависимость от работы Интернета, отсутствие привычных алгоритмов обмена информацией и эмоциями и т.д.).

В такой ситуации следует уделить время не только выполнению заданий, но и воспользоваться способами предупреждения развития эмоциональной лабильности, тревожности, поработать над формированием готовности к новым условиям обучения всех участников образовательного процесса.

Библиографический список

1. Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций: учебное пособие. - М.: Российское педагогическое агентство, 1998. 263с.
2. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций).- М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200с.
3. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. - СПб:Питер, 2002. 752с.
4. Петькова Ю.Р. История развития дистанционного образования. Положительные и отрицательные стороны МООС. // Успехи современного естествознания. 2015. №3. с.199-204.
5. Соколов Г.А. Особенности психоэмоциональных состояний студента при дистанционной форме обучения. // Современное образование. 2014. №1. с. 1-13.
6. Судаков К.В. Системные механизмы эмоционального стресса. - М.: Медицина. 1981. 229 с.
7. Татарова С.Ю. Психосоматика и эмоциональная лабильность молодого поколения. / Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. С. 525-528.
8. Трифонова С.А. Психология социальных ситуаций: Учебное пособие / ЯрГУ, Ярославль, 2004. 91 с.
9. Юматов Е.А. с соавт. Эмоциональный стресс: теоретические и клинические аспекты/ Под ред. К.В. Судакова и В.И. Петрова. Волгоград. 1997. 168 с.
10. Юматов Е.А. и др. Психофизиология эмоций и эмоционального напряжения студентов: Монография / Под ред. проф. Е.А. Юматова. - М.: Издательство ИТРК, 2017. 200 с.

УДК 159.942.5:159.9.072

М.М. Морожанова

Архитектоника переживания в контексте интегративной методологии психологической науки

Аннотация. Традиционное фокусирование понимания переживания на аффективном аспекте, на проявлении как состояния, как внутреннего процесса и т.д., неизбежно сужает его определение, что уводит от стремления к целостному пониманию и возможности всестороннего осмысления. Конкретизация этой мысли требует переосмысления традиционных психологических интерпретаций переживания в контексте представлений о человеке как единой биопсихосоциальной системе и попытки создания интегративной модели переживания как хронотопа разнокачественных структур реальности в виде континуумов.

Ключевые слова: переживание, постнеклассическая психология, культура, среда, личность, единство биопсихосоциального, модель.

М.М. Morozhanova

The architectonics of experience in the context of the integrative methodology of psychological science

Abstract. The traditional focus of the understanding of perezhivanie on the affective aspect, as a state, as an internal process, etc., inevitably narrows its definition, which leads away from the desire for a holistic understanding and the possibility of comprehensive understanding. The concretization of this idea requires a rethinking of traditional psychological interpretations of experience (perezhivanie) in the context of ideas about a person as a single biopsychosocial system and an attempt to create an integrative model as a chronotope of different-quality structures of reality in the form of continuums.

Keywords: experience, perezhivanie, post-non-classical psychology, culture, environment, personality, unity of the biopsychosocial, model.

Введение. Постнеклассическая перспектива настоящего исследования предполагает, что формы одного научного дискурса нуждаются в оценке и дополнении со стороны других дискурсов, учитывая многообразие их традиций и подходов. Продуктивные отношения между ними актуализируют проблему межпарадигмального диалога (Мазилов, 2016; Янчук, 2018) и несут в себе идею интегративного подхода как

средства теоретико-методологического обеспечения углубления понимания психологической феноменологии, посредством привлечения их взаимообогащающих ресурсов.

Истоки понимания человека с позиции биопсихосоциального единства были заложены еще трудами Б.Г. Ананьева, Б.Ф. Ломова, В.С. Мерлина, В.М. Русалова и др. Согласно теории Б.Г. Ананьева, человек представляет собой полисистемное образование, в котором выделяются различные ипостаси: индивид, личность, субъект, индивидуальность, которые обеспечивают единство биологического и социального (Ананьев, 2016). Б.Ф. Ломов выделял три уровня индивидуальности человека, представляющие собой целостную систему: социальный, психический и психологический, биологический. При этом ученый отмечал, что ведущую роль в отношении человека к миру играют те качества, которые определяются его принадлежностью к социальной системе (Ломов, 2008). Согласно теории интегральной индивидуальности В.С. Мерлина, совокупность индивидуальных качеств человека представляет собой большую иерархическую саморегулирующуюся систему. Уровни этой системы включают: систему индивидуальных качеств организма (биохимические, общесоматические; нейродинамические); систему индивидуальных психических качеств (психодинамические и психические качества личности); систему социально-психологических индивидуальных качеств (социальные роли в социальной группе и в социально-исторических общностях) (Мерлин, 1986). В.В. Козлов в своих работах выделяет три базовые подструктуры личности, в каждой подструктуре которой имеет ядро как центральный смыслообразующий компонент идентификации: Я-материальное, ядром которой является тело или Я-образ; Я-социальное имеет интегративный социальный статус; в Я-духовном выделяется экзистенциальное ядро.

Таким образом, многомерность феноменологии личности, междисциплинарный статус проблемы целостного человека, приводят к мысли о необходимости ее изучения в системе координат, задаваемых различными уровнями методологии науки.

Материалы и методы. Методологический замысел исследования состоял в том, чтобы выявить, описать и систематизировать основные разнокачественные природы переживания человека, образующие пространство его целостности во взаимосвязях с социальным, культурным, историческим. Следовательно, возникает необходимость его изучения в системе координат, задаваемых различными методологиями познания: оптики постнеклассической научной рациональности, которая определяет принципы и положения системной антропологической психологии (Э.В. Галажинский, В.Е. Ключко, О.М. Краснорядцева, О.В. Лукьянов и др.); интегративного подхода к целостности человека (А.Г. Асмолов, В.В. Козлов, В.А. Мазилев, В.А. Янчук и др.); культурно-исторического подхода (Л.С. Выготский, Д.А. Леонтьев, Т.Д. Марцинковская); гуманистического подхода (А. Маслоу, М. Чиксентмихайи); конструктивистского подхода (В.Ф. Петренко, К. Джерджен); феноменологически-нарративного подхода (Ф. Ю. Василюк, Д.А. Леонтьев, Т.М. Титаренко).

Результаты и их обсуждение. Как нам представляется, в качестве инструментов конструирования, переживание может быть рассмотрено через призму вышеназванных метатеорий с выделением и описанием разнокачественных структур реальности в виде континуумов (Янчук, 2018).

Переживание в континууме «биологическое ↔ психическое ↔ социальное ↔ культурно обусловленное». Начиная с исследований эмоций и сознания как субъективного переживания биологических процессов (У. Джемс, К. Ланге, У. Кэнон, Ф. Бард, С. Шехтер, П. Экман, К. Изард, Е.Т. Rolls и др.), работ З. Фрейда, который исследовал психосоматические (истерические) болезни, как физическую (соматическую) проблему вытеснения эмоциональных переживаний с выраженными сдвигами во внутренних органах (Фрейд, 1998). Работ русской школы нейропсихологии (А.Р. Лурия, Л.С. Выготский) о важности изучения переживаний, которые нарушают ментальные процессы, оставляя телесные следы и составляют внутреннюю картину болезни (Лурия, 1977). До современных исследований, полученных с помощью новейших технологий нейровизуализации (ПЭТ, МРТ, ТМС и др.), согласно которым, процесс активации двух основных областей нервной системы: мозга и вегетативной нервной системы происходит так быстро, что может казаться, что эмоциональные переживания совпадают с физическим возбуждением (LeDoux, 2012).

Характерный для постнеклассического мышления холизм основывается на целостном представлении об организме человека. Проблема интеграции психологических моделей с нейробиологическими привели к разработкам адаптационных, нейрофизиологических (P.J. Lang, M.M. Bradley), и конструктивистских теорий переживания эмоций (L. Barrett, J.A. Russell), согласно которым конструирование не только своих переживаний, эмоций, но и мировоззрения, и жизни в целом является функцией головного мозга (Barrett, 2006; Posner, 2005).

В соответствии с теорией аутопозиса, живые системы являются автономными системами (эндогенно управляемыми, самоорганизующимися и самопродуцирующимися). Тип культуры, в которой живет человек, меняет не только поведение и функционирование организма, но и сам мозг. Как отмечают исследователи, развивающийся мозг особенно чувствителен к разнообразным переживаниям, демонстрируя способность к пластичным изменениям, которые влияют на поведение на протяжении всей жизни (Норманн, 2011).

Таким образом, во взаимодействии биохимического, психического и средового (социального и культурного) существуют связи, имеющие разностороннюю направленность. Единство взаимосвязанных, взаимообусловленных сторон реальности, каждая из которых выступает как форма проявления и фиксации целостного переживаемого опыта личности служит его своеобразной проекцией, предопределяет особенности психических процессов и различных форм функционирования человека.

Континуум *осознаваемое ↔ бессознательное ↔ экзистенциальное ↔ культурно-обусловленное* определяется из идей Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, Ф.В. Басина, Ф.Е. Василюка о переживании как об источнике и единице сознания, предполагается его первичность в основании психического функционирования и развития человека.

Переживание и его составляющие имеют непосредственные внутрисистемные связи с другими составляющими сознания: рефлексией, бытийным и духовным уровнями (Прохоров, 2009). Как способность к саморазвитию, самосозиданию, рефлексия содержит реальные общественные отношения являются сферой рождения смыслов; смыслы образуют ядро личности, а также выполняют функции регуляции практической деятельности; деятельность же, в свою очередь, как проявление реальных жизненных отношений является пространством рождения смыслов (Леонтьев, 2007). По А.В. Карпову рефлексия включает в себя самонаблюдение и самоанализ и характеризуется временными особенностями: ретроспективной, ситуативной (актуальной) и перспективной (Карпов, 2002). Осознание своих переживаний, самоосмысление количественных и качественных трансформаций, позволяет сознанию переходить на качественно иной уровень.

По мнению В.Ф. Петренко сознание многомерно, рефлексия, выделение средств познания, используемых субъектом, необходимы не только в рамках научного мышления и концептуальных построений, но и в сфере обыденного сознания (Петренко, 2013). Проблемы отношения человека к миру, переживание и осмысление мира, мироощущение, мировосприятие являются основополагающими в работах М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, К. Ясперса, В. Франкла, О.Ф. Больнова, С.Л. Франка, А. Маслоу и др. Идея репрезентации жизненного мира, реальности в целом через призму культурных схем, образцов, моделей, лежит в основе методологических положений о диалогической природе (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, В.П. Зинченко, В.А. Янчук и др.) и знаково-символического и генетически-детерминированного (Б. Уорф, Э. Сепир, Л.С. Выготский, Н. Хомский и др.) механизма функционирования обыденного сознания.

Переживания, которые побуждают человека к действиям соответствуют отчасти сознательному, а переживания неопределенно-чувственные относятся к явлениям неосознаваемого или смутно осознаваемого субъектом (Фрейд, 1998). Психотерапевтическая практика показывает, что в человеке одновременно сосуществуют множество переживаний различных уровней. Актуализация одних может приводить к вытеснению из поля сознания других переживаний или их конверсию в соматическую сферу. Судя по феноменологическим описаниям (К. Бюлер, S. Topolinski, R. Reber и др.), к обсуждаемому континууму следует отнести ага-переживания, инсайты, озарение как «сверхсознательные» процессы (Topolinski, 2010).

Исходя из того, что любое сознательное событие имеет как нейробиологические, так и феноменологические особенности его переживания современные представители нейрофеноменологии ставят проблему изучения теорий эмоциональных переживаний с точки зрения интеграции нейробиологического, когнитивного и феноменологического подходов к сознанию. Установление эвристических взаимосвязей между телесными аспектами (биологическими и физическими данными, полученными от третьего лица), человеческой субъективности как предпосылки для переживания эмоций, языка, мысли и социального взаимодействия, полученными из описаний переживаний субъективного опыта (от первого лица) рассматривается как коэмерджентный, активный процесс (Posner, 2005).

Таким образом, связь сознания, ситуации и переживания отражается в процессах адаптации человека к условиям существования, текущего функционирования, полноты жизни с помощью пространственно-временных, когнитивных характеристик, психосемантических образов, обладает культурнообусловленным характером и представляет осознаваемые и неосознаваемые структуры психики, в которых жизнедеятельность человека осуществляется как единство условий сознания и деятельности.

Рассмотрение переживания в континууме *личность ↔ окружение ↔ активность ↔ культурно-обусловленное* осуществляется посредством активных взаимосвязей культуры и среды в развитии личности. К активности человека в построении самого себя как субъекта подходили С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе, Б.Г. Ананьев, В.А. Петровский, К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анциферова, А.В. Брушлинский, В.И. Слободчиков, В.В. Давыдов и др. По мнению Л.С. Выготского переживание предстает как процесс встречи внутреннего и внешнего мира, происходящей в сознании человека, и может быть представлено и как единица анализа отношений личности к среде, и как единица анализа сознания (Выготский, 1982).

Интегративный подход к пониманию психики человека, выделяя надличностные переживания как проявление Целого Человека, развивали Р. Ассаджиоли, С. Гроф, К. Уилбер и др. Так, А. Маслоу,

сосредоточил свое внимание на психологическом здоровье, росте, человеческом потенциале и самореализации. Его понятие о пиковых переживаниях – это акцент на стремлении личности к положительному росту, максимизирующему ее потенциал как истинную цель человеческого существования (Маслоу, 2002). Согласно практикам В.В. Козлова, особые техники дыхания позволяют открыть доступ к ресурсным («потокным»), творческим, эвристическим состояниям сознания. Переживание таких состояний вызывают чувство гармонии с окружением, «расширением» себя, личностному росту (Козлов, 2014).

Таким образом, личность появляется в сознании как системное аффективное переживание субъектом самого себя, как обобщенное, целостное эмоциональное отношение к себе. Обобщенное переживание включает в себя потенциал физического, социального, эмоционального и духовного роста, который позволяет человеку жить продуктивной жизнью в рамках текущего культурного контекста.

Теоретико-методологический анализ концепта «переживание», осуществленный с рассмотренных выше позиций, требует, в конечном счете, построения интегративной модели переживания (рисунок 1).

Особенности изучаемой проблемы и заявленного подхода позволяет рассматривать концепт переживания в стереоскопическом ракурсе: как равномерно распределенный в психическом, социальном, семантическом и физическом пространствах, существующий как нечто целостное в формах универсальной взаимной превращаемости, объединяя прошлое, настоящее и будущее. В каждый момент переживаемый опыт окутан этими континуальными связями, каждая из которых приобретает ведущий характер в зависимости от специфики строящихся человеком отношений с миром. Как положительные, так и отрицательные переживания являются результатом сложных динамических уровневых изменений как компонентов единого процесса, который разворачивается когда, организм сталкивается с проблемой или возможностью. По нашему мнению, применительно к переживанию такой ситуацией саморазвития могут выступать моменты пиковых переживаний, кардинально меняющих физическое, психологическое, социальное и духовное жизнеосуществление человека. В результате человек начинает функционировать в новых внутренних и внешних условиях.

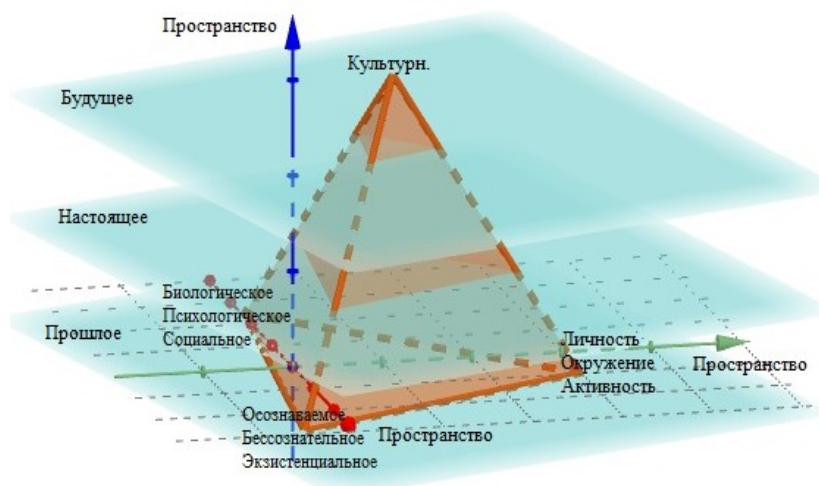


Рисунок 1. Архитектоника пространства переживания

Заключение. Таким образом, постнеклассическая психология, объединяя естественные и гуманитарные точки зрения на природу осознания, онтологической первичности переживания, восприятия наблюдателя и взаимосвязях психобиосоциального и культурно-исторического формируют ближайшие психологические перспективы исследования и практики и позволяют сконцентрировать внимание на интергративном знании.

Библиографический список

1. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. Санкт-Петербург : Питер, 2016. – 282 с.
2. Выготский, Л. С. Мышление и речь // Собрание сочинений: В 6 т.– М., – 1982. – Т. 2. – С. 5–361.
3. Карпов, А. В. Психология рефлексии / А. В. Карпов, И. М. Скитяева. – М. : Институт психологии РАН, 2002. – 304 с.
4. Козлов, В. В. К проблеме измененных состояний сознания // Вестник Нижегородского университета. Серия: Социальные науки. – 2014. – №3 (35). [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/18115942_2014_-_3\(35\)_unicode/32.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/18115942_2014_-_3(35)_unicode/32.pdf). (дата обращения: 05.04.2020).
5. Козлов, В. В. Духовный кризис - структура и динамика // <http://zi-kozlov.ru/articles/1235-spiritualcrisis>. (дата доступа: 20.04.2021).

6. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. – М. : Смысл, 2007. – 511 с.
7. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. Москва : Директ-Медиа, 2008. – 1174 с.
8. Лурия, Р. А. Внутренняя картина болезни и иатрогенные заболевания. 4-е изд. Москва : Медицина, 1977. 111 с.
9. Мазиллов, В. А. Коммуникативная методология и интеграция психологического знания // Ярославский педагогический вестник. 2016. – № 3. – С. 181–191.
10. Маслоу, А. Дальние пределы человеческой психики; пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. СПб.: Евразия, 2002. – 432 с.
11. Мерлин, В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М. : Педагогика, 1986. – 254 с.
12. Норманн, Д. Пластичность мозга / Д. Норманн. – М., 2011. – 544 с.
13. Петренко, В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В. Ф. Петренко. — 2-е изд., доп. — М. : Эксмо, 2013. — 448 с.
14. Прохоров, А. О. Рефлексивный и бытийный слои психического состояния / А. О. Прохоров, Л. Р. Фахрутдинова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2009. №5. – С. 227–239.
15. Фрейд, З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: Сборник / З. Фрейд. СПб., Алетейя, 1998. – 254 с.
16. Янчук, В. А. Культурно-диалогическая метаперспектива интеграции психологии в условиях неопределенности и конструктивистского многообразия / В. А. Янчук // Методология и история психологии. – 2018. – № 1. – С. 124–154.
17. Barrett, L. F. Solving the emotion paradox: Categorization and the experience of emotion / L. F. Barrett // Personality and Social Psychology Review. – 2006. – № 10. – P. 20–46.
18. LeDoux, J. Rethinking the Emotional Brain / J. LeDoux // Neuron. – 2012. – № 73. – Issue 5. – P. 653-676.
19. Posner, J. The circumplex model of affect: An integrative approach to affective neuroscience, cognitive development and psychopathology / J. Posner, J. A. Russell, B. S. Peterson // Development and Psychopathology – 2005. – №17. – P. 715–734.
20. Topolinski, S. Gaining insight into the “aha” experience / S. Topolinski, R. Reber // Current Directions in Psychological Science. – 2010. – №19. – P. 402–405.

УДК 159.9

Д.К. Мухамбеткалиев, А.С. Турчин

Психологические проявления профессиональной деформации учителей, проходящих послевузовскую образовательную подготовку

Аннотация. В статье рассматривается проблема раннего выявления и психопрофилактики профессиональной деформации молодых педагогов, обращающихся за консультативной помощью в психологические центры. Отмечается, что без соответствующего психолого-педагогического сопровождения им трудно противостоять возрастающим физическим и психическим нагрузкам, сохранять адекватную самооценку и развивать свои профессионально-важные качества.

Ключевые слова: личность, рефлексия, интегративные свойства личности, профессиональная деформация.

D.K. Muhambetkaliev, A.S. Turchin

Psychological manifestations of professional deformation of teachers undergoing postgraduate educational training

Abstract. The article deals with the problem of early detection and psychoprophylaxis of professional deformity of young teachers who seek counseling in psychological centers. It is noted that without appropriate

psychological and pedagogical support, it is difficult for them to resist increasing physical and mental stress, maintain adequate self-esteem and develop their professionally important qualities.

Keywords: personality, reflection, integrative properties of personality, professional deformation.

В условиях реформирования современного школьного образования предъявляются возрастающие требования ко всем аспектам деятельности учителя: его знаниям, педагогическим умениям и личностным ресурсам. Предполагается, что для этого есть соответствующие источники саморазвития. В ходе организации нами курсов повышения квалификации выявлен ряд трудностей, препятствующих реализации молодым педагогом творческого потенциала и провоцирующих профессиональные деформации. Изучение профессиональных деформаций личности выступает как ответ на вопрос о причинах появления и путях преодоления затруднений в профессиональном становлении личности.

Современная психолого-педагогическая литература наполнена примерами, показывающими, что, на фоне общей неудовлетворенности полученной профессией, довольно четко отмечается факт потери интереса к ученику как к личности, неприятие его таким, какой он есть, упрощение эмоциональной стороны профессионального общения. Многие молодые педагоги отмечают у себя наличие дестабилизирующих профессиональную деятельность психических состояний (тревожность, подавленность, разочарование, хроническая усталость и др.) (Маркова, 1993; Поваренков, 2008).

Безусловно вхождение в профессию требует от молодых педагогов большого терпения и психологической выносливости в преодолении типовых трудностей вхождения в профессию, иначе предпосылки деформаций личности, снижающим продуктивность выполнения трудовых функций в сфере образования довольно быстро перерастают реальные проявления профессиональной деформации. Другая сторона деформации проявляется в перенесении профессиональных привычек на дружеское и семейное общение. Последнее для нас очень важно, поскольку составляет значительную трудность в консультативной деятельности Академии Семьи и Развития Личности.

Рассмотрение профессиональных деформаций личности педагогов как системных изменений интегральных характеристик личности профессионала, в литературе обычно характеризуется через проявления упрощений, как системы профессиональной деятельности, общения, образа профессии, так и снижения самооценки и общего жизненного тонуса личности (Безносков, 2004; Поваренков, 2014; Шадриков, 2002). Деформируется сущностное начало личности – саморазвитие, ее акме. Это является определенного рода новообразованием личности молодого педагога, определяя дальнейшие поступки, мысли, самоотношение.

Как правило, профессиональные деформации личности молодого педагога реализуются в адаптивной модели профессионального поведения, причем сам этот выбор не обязательно осознается педагогом, но он практически всегда активен в его осуществлении. Преодоление профессиональных деформаций обеспечивается личностной рефлексией выявленных деформационных тенденций. Условием конструктивных изменений поведения и связанных с ним системно интегральных характеристик личности, является повышение уровня самосознания. Организационно-педагогическим условием является интегрированная в образовательное пространство системы повышения квалификации технология профессионального развития личности молодого специалиста, стадии которой соотношены с этапами учебных занятий и модифицированы в соответствии с учетом специальности слушателей.

В истории отечественного образования существовало несколько периодов, связанных с разработкой и попытками внедрения антропологического подхода к обучению и воспитанию, как способствующего применению принципа интеграции в школьной практике (Турчин, 1990). Первый связан с деятельностью К.Д. Ушинского, представившего достаточно близкий учителям вариант интеграции предметного и воспитательного, нравственного содержания школьных дисциплин в первоначальном обучении детей. Последующее развитие некоторых его идей Л.Н. Толстым показало необходимость интеграции педагогики и детской психологии (о чем свидетельствует печальный опыт навешивания («нашивания») ярлыка на мальчика, уличенного в мелкой краже в Яснополянской школе. Последующее стремление интеграции в форме «комплексирования» было связано с особым состоянием системы образования в России и СССР в 20-х гг. XX века. Попытка интеграции в обучении и воспитании школьников на рубеже XXI в. столкнулась с той же проблемой, а именно: недостаточностью психологических ресурсов, востребованных при антропологическом (интегративном) подходе. Последний предполагает свободу выбора форм интеграции содержания учебных предметов при осознанном принятии субъектом ответственности за все свои действия. К этому педагоги оказались не готовыми и в первой четверти XX века, и в настоящем времени. Сверхусилия в ходе освоения инноваций в малой степени поддерживались администрацией и другими коллегами, что закономерно приводило и приводит к возврату к заветам Дж. Дьюи («обучение деланием»). Одним из следствий такого развития школьного образования является профессиональная деформация его субъектов.

В процессе нашего эмпирического исследования подтвердилась гипотеза о том, что вид учебного заведения, в котором работает молодой педагог, оказывает влияние на его личностные особенности, а именно: в процессе педагогической деятельности определенные личностные характеристики подвергаются деформированию. Установлено также, что профессиональная деформация личности педагога школы-интерната для детей с отклонениями в развитии имеет свои отличительные черты. Это позволило сформулировать следующие выводы:

1. Подтвердилась гипотеза исследования о том, что вид учебного заведения, в котором работает педагог, оказывает влияние на его личностные особенности: в процессе педагогической деятельности определенные личностные характеристики подвергаются деформированию.

2. Общими проявлением профессиональной деформации у молодых педагогов является деструктивное изменение эмоциональной сферы личности.

3. В выборке педагогов школы-интерната для детей с отклонениями в развитии наиболее деформированными оказались такие личностные характеристики, как уравновешенность, раздражительность и депрессивность, страх, печаль, эмоциональная лабильность и застенчивость:

4. У учителей общеобразовательной школы наиболее подвержены деформированию такие личностные характеристики, как открытость, агрессивность, депрессивность.

5. Весьма значимая для молодых людей такая карьерная ориентация, как менеджмент педагогов общеобразовательной школы, также подвергается деформированию. С увеличением стажа работы снижается желание эффективно управлять педагогическим процессом и брать на себя ответственность за результаты труда.

На основе данных эмпирического исследования нами были сформулированы рекомендации молодым педагогам по профилактике профессиональной деформации личности, реализуемые в консультативной практике нашей Академии. Они направлены на сохранение и развитие сущностных (интегративных), и, следовательно, самооценных черт личности. В поведенческом плане они помогают сохранить и развить ориентировку молодого педагога на сохранение самоуважения и физического и психического здоровья.

Необходимо поддержание в сознании установки на длительную жизнь и бережное отношение к возможностям своего организма, не перенапрягая его ни чрезмерной работой, ни чрезмерными страданиями, ни прочими излишествами.

Библиографический список

1. Безносков С.П. Профессиональная деформация личности. СПб.: Речь, 2004. 272 с.
2. Маркова А.К. Психология труда учителя. М.: Просвещение, 1993. 246 с.
3. Поваренков Ю.П. Проблемы психологии профессионального становления личности. Ярославль: Канцлер, 2008. 200 с.
4. Поваренков Ю.П., Самаль Е.В. Профессиональная самоактуализация личности. Системогенетический подход. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2014. 327 с.
5. Турчин А.С. Рецензия // Философские науки: научно-теоретический журнал. 1990. №1. С.139-140. Рец. на кн.: Куликов В.В. Педагогическая антропология: истоки, направления, проблемы / В.В. Куликов. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 192 с.
6. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 2002. 216 с.

УДК 159.9

В.И. Назаров, А.В. Афолина, Е.А. Белова

Интегративный подход к стрессовосладающему поведению субъектов образовательной системы

Аннотация. В статье представлены результаты, указывающие на наличие последствий стресс-реагирования у учащихся и педагогов, рассматривается вопрос необходимости использования интегративного подхода к анализу стрессовосладающего поведения субъектов образовательной системы. Приводятся результаты исследования мотивационной сферы и уровня напряжения руководителей образовательных учреждений, а также уровня психологического стресса и доминирующих факторов учебного стресса учащихся выпускных классов. Анализируется целесообразность разработки теории и моделей профессионального стресса субъектов, работающих в образовательной

среде, на основе признания общности причин и создания на их базе комплексных систем профилактики и коррекции.

Ключевые слова: социально-психологические явления, интегративный подход, стрессосовладающее поведение, субъекты образовательной системы.

V.I. Nazarov, A.V. Afonina, E.A. Belova

An integrative approach to stress-coping behavior of subjects of the educational system

Abstract. The article presents the results indicating the presence of the consequences of the stress response in students and teachers, and considers the need of using an integrative approach to the analysis of the stress-coping behavior of the subjects of the educational system. The article presents the results of the study of the motivational sphere and the level of tension of heads of educational institutions, as well as the level of psychological stress and the dominant factors of educational stress of students of final grades. The article analyzes the reasonability of developing a theory and models of professional stress of subjects working in the educational environment, based on the recognition of common causes and the creation of complex systems of prevention and correction on their basis.

Keywords: socio-psychological phenomena, integrative approach, stress-coping behavior, subjects of the educational system.

Высокая динамика происходящих в социуме трансформаций для значительного ряда социальных практик создает сложные условия их осуществления. Возросший темп современной жизни, с постоянно усложняющимися условиями предъявляет к человеку повышенные требования. Активно изменяющаяся среда осуществления профессиональной деятельности требует от личности не просто соответствующей приспособительной активности, а активности преобразующей. Новые особенности профессиональной деятельности требуют выработки адекватных усилий и подходов к решению профессиональных задач в ситуациях меняющейся микро- и макросоциальной среды. Это возможно на основах творческого переосмысления и осознания ситуации, обеспечивающей наиболее оптимальное соматическое, личностное и социальное функционирование индивида, чему могут содействовать продуктивные копинг-стратегии. Так, продуктивные копинг-стратегии позволят педагогам успешнее преодолевать трудности, возникающие в системах взаимодействия преподавателей и обучающихся. Итоги анализа указывают, что трудности взаимодействия касаются не только названной диады. Среди преподавателей системы образования есть категория руководителей. К их числу однозначно можно отнести представителей педагогической профессии, и в первую очередь, руководителей образовательных учреждений. Реализация задач повышения качества образования, внедрение дистанционного обучения, внедрение новых информационно-коммуникационных технологий затрагивает не только учебный процесс, но и процесс управления, обеспечение материальной базы, новые принципы финансирования и самостоятельного управления – вот далеко не полный перечень задач, которые решает руководитель организации образования сегодня. Наблюдается трансформирование руководящей позиции в менеджерскую. Возникает необходимость выполнения одновременно нескольких ролей, таких как: официальный руководитель; выполнение обязанностей юридического характера; «лидер» – ответственный за мотивированность сотрудников и подчиненных к трудовой деятельности; «связующее звено» – обеспечивающее сплоченность коллектива для работы; «в качестве представителя для внешних связей»; как действующий эксперт в своей области; «отвечающий за решение проблем» – при возникновении важных и неожиданных ситуаций и др. Продолжить список имеет все основания задача организации и совершенствования воспитательной работы среди обучающихся. Многоплановость и насыщенность неминуемо вызывает наличие стрессовых форм реагирования. По нашим данным с периода 2000 года у респондентов устойчиво фиксируется стресс с волнообразной динамикой своего уровня.

Результаты (на период 2020 г.) диагностики мотивационной сферы руководителей образовательных учреждений с разным стажем управленческой деятельности (78 человек) показали, что из участников обследованной группы – 26% опрошенных имеют низкую тревожность, 32% – умеренную тревожность и 42% – высокую тревожность.

Анкетирование, проведенное среди директоров школ, также выявило, что от 70 до 90% процентов из них (с разным стажем педагогической деятельности) отмечают у себя к концу учебного года истощение и усталость, от 60 до 78 процентов – усиление раздражительности, от 44 до 64 процентов –

пассивность, пессимизм, апатию. Одной из причин могут быть значительные происходящие изменения в системе образования, которые предъявляют повышенные требования к профессиональной мобильности руководителя.

Исходя из полученных результатов причинность выявленного стресса следует определить как несоответствие в системе «личность – среда» или же как результат дисфункциональных ролевых взаимодействий.

Для нас наибольший интерес в дальнейших исследованиях представляют профессиональные стрессы в системе образования у педагогов и руководителей, так как их негативные последствия влияют на эффективность организации в целом. В качестве актуального и значимого аспекта становится необходимым исследование обратных влияний со стороны образовательной среды и общности учащихся.

В 2011 году нами было проведено исследование уровня психологического стресса учащихся выпускных классов городских школ (Белова, 2013). По результатам анкетного опроса мы получили данные, свидетельствующие о наличии среднего и высокого уровня напряжения у учащихся (54,5% опрошенных). Более половины респондентов (81,3%) беспокоит необходимость выбора профессии, 92,7% испытывают беспокойство перед предстоящей сдачей единого государственного экзамена, 93,6% переживают, будет ли достаточно набранных баллов для поступления в выбранный ими ВУЗ. Подтверждены полученные данные и результатами методики определения уровня психологического стресса. Дополнительно проводился анализ существующей помощи старшеклассникам на пути профессионального самоопределения, подготовки к экзаменационным испытаниям и оптимизации эмоционального состояния. В ходе исследования было выявлено усиление напряжения, связанное с отсутствием квалифицированной помощи в решении возникающих проблем. Больше половины учащихся (60,4%) отметили, что занятия в школе не помогают им в выборе будущей профессии. Другая часть опрошенных в качестве помощи выделили занятия по отдельным предметам (56,8%), профориентацию (15,5%), советы конкретных учителей (15%) и работу школьной психологической службы (1,4%). Полученные данные свидетельствуют о низком уровне психологической поддержки и недостаточно сформированных навыках саморегуляции школьников.

В 2020 году дополнительно был проведен мониторинг среди старшеклассников, свидетельствующий о повышении уровня стресса (67% опрошенных), в ходе которого уточнялись факторы учебного стресса, оказывающие наибольшее воздействие на учащихся. Повышение уровня напряжения старшеклассников, особенности их психоэмоционального состояния и динамика стресса отмечается и активно разрабатывается авторами в последние годы (Батыршина, 2019; Ветрова, 2020).

В рамках проведенного в 2011 году исследования были изучены модели поведения, которые учащиеся используют в трудных жизненных ситуациях. Проведение однофакторного дисперсионного анализа позволило сделать вывод, что достоверно чаще в трудных жизненных ситуациях учащиеся со средним уровнем стресса обращаются за психологической поддержкой и помощью к социальному окружению и реже всего выбирают избегание. Для группы с низким уровнем стресса менее остальных свойственны импульсивные действия. Ученики с высоким уровнем стресса чаще выбирают агрессивные действия, импульсивные действия и избегание. Избегание конкретной трудной ситуации, хотя и дает временное преимущество в течение короткого времени для мобилизации личных ресурсов, способно отрицательно повлиять на чувство самоуважения и самооценку, что вызывает дополнительный стресс (Бодров, 2006). Агрессивные действия как стратегия преодоления стрессовых ситуаций является неэффективной и связана с конфликтами, асоциальным поведением, эмоциональным напряжением, разрушением социальных связей. Поэтому использование данной модели поведения требует больших энергетических затрат и приводит к усилению стрессовых реакций, усугубляющих положение в ситуации и препятствующих разрешению проблемы.

В целом, полученные данные свидетельствуют о недостаточном уровне психологической подготовки учащихся к переживанию острых эмоциональных периодов в жизни, их неумении преодолевать негативные проявления возникающего в этой связи психологического стресса.

В предыдущих работах нами была обоснована идея использования измерения уровня психологического стресса для диагностики степени трудности воспринимаемой ситуации и прогнозирования на этой основе актуализации менее адаптивных моделей поведения, снижения мотивации успеха, самоутверждения и аффилиации (Белова, 2013). В связи с этим современная социальная ситуация развития старшеклассников рассматривается как напряженная, требующая консолидированного воздействия всех субъектов образовательного процесса. В качестве модели можно обратиться к «витаминовой теории психологического здоровья» П. Варра, рассматривающей в качестве определяющих такие показатели как возможность принимать решения, особенности требований, возможность делать выбор, ролевая определенность, социальная поддержка, безопасность, социальный статус (Warr,

2007; Warr, 2013). Все эти параметры могут быть использованы в образовательном процессе для организации психологической поддержки и усиления адаптационных возможностей субъектов.

Анализ исследований проблемы профессионального стресса педагогов свидетельствует о том, что основное внимание уделяется его причинам и проявлениям и в меньшей степени – разработке теории и моделей этого функционального состояния, влиянию индивидуально-психологических особенностей субъектов, работающих в образовательной среде. Однако имеются значимые основания говорить о новом социально-психологическом явлении, чертой которого является одновременное наличие стрессовых состояний и у педагогов, и у обучающихся. Это указывает на возможное наличие общих причин, ведущих к изменению состояния участников совместной деятельности. В подобной ситуации востребованы интегративные подходы для изучения подобного явления. Становится насущным и новым создание комплексных систем противодействия данному состоянию, технологий его профилактики и коррекции. К настоящему времени внимания специалистов, если соотнести с самой проблемой, уделяется существенно меньше. В ситуациях с повышенным уровнем напряжения, обусловленного профессиональной деятельностью, необходимо, как показывает практика, использовать разнообразные ресурсы личности, прежде всего, копинг-стратегии (стратегии совладающего поведения). Они обеспечивают выработку наиболее адекватных форм поведения в условиях меняющейся микро- и макросоциальной среды, творческое переосмысление ситуации, обеспечивающее наиболее оптимальное соматическое, личностное и социальное функционирование личности. Так, продуктивные копинг-стратегии позволят педагогам с большим успехом преодолевать трудности. Справедливо ожидать, что в планах подготовки будущих педагогов должно быть освоение продуктивных копинг-стратегий преодоления профессиональных трудностей, возникающих на базе дистресса.

Библиографический список

1. Батыршина А.Р., Иванова Т.М. Динамика стресса учащихся в условиях подготовки и сдачи ОГЭ и ЕГЭ: постановка проблемы // Гуманизация образования. 2019. № 6. С. 125-137.
2. Белова Е.А. Структурная модель учебного стресса старших школьников как интегратор многофакторного воздействия социальной ситуации их развития/ Научный журнал «Казанская наука». – 2013. – № 11. – С. 319-322.
3. Белова, Е.А. Проблема изучения психологического стресса старших школьников как отражения социальной ситуации их развития / Е.А. Белова // Общероссийский научный журнал по педагогике, психологии, истории «Наука и школа». – 2013. – № 3. – С. 152-155.
4. Бодров, В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление / В. А. Бодров. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 528 с.
5. Ветрова Э.А., Микитюк Н.В. Психоэмоциональное состояние старшеклассников при сдаче единого государственного экзамена/ Векторы образования: от традиций к инновациям. материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Анапский филиал ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». 2020. С. 14-15.
6. Warr P. How to Think About and Measure Psychological Well-being. In: M. Wang, R.R. Sinclair, L.E. Tetrick (Eds.), Research Methods in Occupational Health Psychology: Measurement, Design and Data Analysis. New York: Psychology Press/Routledge, 2013. pp. 76–90.
7. Warr P. Work, happiness, and unhappiness. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 2007.

УДК 159.9

Т.В. Перегонцева, Н.Ю. Стрижак

Учет возрастных факторов одаренности как условие успешного профессионального самоопределения школьников (из опыта работы)

Аннотация. В статье анализируются возрастные факторы одаренности как условие успешного профессионального самоопределения школьников в возрасте 11-15 лет. Подчеркивается важность психолого-педагогического подхода в организации профориентационной работы, осуществляемой на уровне муниципальной методической службы. Представлен педагогический опыт проведения профориентационных мероприятий с обучающимися, различные формы организации первичных профессиональных проб и направлений внеурочной деятельности.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, возрастные факторы одаренности, сензитивные периоды, умственные возможности, практико-ориентированная деятельность.

T.V. Peregontceva, N.Iu. Strizhak

Taking into account the age factors of giftedness as a condition for the successful professional self-determination of schoolchildren (from work experience)

Abstract. The article analyzes the age factors of giftedness as a condition for the successful professional self-determination of schoolchildren at the age of 11-15 years. The importance of the psychological and pedagogical approach in the organization of vocational guidance work carried out at the level of the municipal methodological service is emphasized. The pedagogical experience of conducting career guidance activities with students, various forms of organizing primary professional tests and areas of extracurricular activities are presented.

Keywords: professional self-determination, age factors of giftedness, sensitive periods, mental capabilities, practice-oriented activity.

В настоящее время проблема успешного профессионального самоопределения школьников является особо актуальной, поскольку государственные приоритеты формирования профессиональных кадров будущего и тенденции в области реформирования российского образования требуют от подростков и молодежи осмысленного выбора собственного жизненного пути и будущей профессии.

Считая педагогический феномен «профессиональное самоопределение» сложным и многомерным процессом, включающим социологические, социально-психологические и дифференциально-психологические компоненты (Даутова, 2006), акцентируем особое внимание на возрастных факторах одаренности, влияющих на результат профориентационной работы с обучающимися в возрасте 11–15 лет (подростковый возраст). Именно в этот возрастной период происходит эффективное формирование профессионального самоопределения школьников, включая осмысление своего «Я», своей жизненной позиции и личной ответственности за профессиональное будущее.

В психологии накоплено достаточно много фактов, подтверждающих позитивные проявления и достоинства, которые характеризуют личность подростка: формирование психической зрелости, становление самостоятельности, упорство в достижении целей, повышенную творческую активность во внеучебных делах, готовность к участию в новых видах практико-ориентированной деятельности, склонность к креативности, потребность самоутверждения, особый подъем деятельной энергии. Кроме того, в этом возрасте наступают и сменяют друг друга сензитивные периоды, которые содействуют формированию благоприятных внутренних условий для развития интеллекта личности. Такого рода предпосылки развития, обусловленные сензитивными периодами, в психологии рассматриваются как возрастные факторы одаренности (Лейтес, 1984), благоприятствующие росту умственных возможностей и общему подъему интеллекта у детей 11-15 лет. При этом в основе умственных достижений лежит особым образом организованный индивидуальный опыт, т.е. особо значимым является то, как человек по-своему видит, понимает и истолковывает окружающую действительность, как использует ее реалии в свой жизнедеятельности.

В науке эти подходы отражаются в содержании феномена «личностное самоопределение» как исходного компонента профессионального самоопределения личности, включая формирование субъективного отношения к конкретной трудовой деятельности, умение ориентироваться на рынке труда, быть мобильным и целеустремленным человеком, адекватно реагировать на тенденции развития различных сфер современного общества и приоритеты социальной политики.

Опираясь на указанные подходы, представим опыт организации работы по профориентации обучающихся 11-15 лет, включая различные формы внеурочной деятельности, первичных профессиональных проб, накопленный специалистами муниципальной методической службы города Тюмени.

Прежде всего, на этапе раннего знакомства подростков с миром профессий, когда происходит формирование индивидуального стиля жизни ребенка, его индивидуальной «Я»-концепции, формируются профессиональные перспективы личности, ориентированные в будущее, традиционно востребованным является ежегодный фестиваль практико-ориентированных проектов «SkillsFest». Цель фестиваля - совершенствование системы профессиональной ориентации обучающихся. Участие в фестивале позволяет школьникам 5-9х классов проявить себя, соревнуясь в оснащенных кабинетах и мастерских учреждений СПО, определиться с выбором профессии.

Также заслуживает внимание опыт организации первичных профессиональных проб с использованием ресурсов организаций, осуществляющих обучение по программам профессионального образования (в рамках бюджетного финансирования Центром опережающей профессиональной подготовки Тюменской области). Обучение школьников 6-11х классов первой профессии осуществляется в рамках программы подготовки, переподготовки и повышения квалификации граждан, в том числе обучающихся общеобразовательных организаций по рабочим профессиям. В процессе обучения школьники получают рабочие профессии (официанта, портного, кондитера, повара, декоратора витрин, ретушера и др.) одновременно с общим образованием. Обучение проводится в режиме онлайн с применением профессионального программного обеспечения. По окончании обучения обучающиеся получают свидетельство о профессии.

С целью расширения образовательного пространства для профессионального самоопределения подростков накоплен хороший опыт адаптации примерных основных общеобразовательных программ к новым целям и задачам ранней профориентации, когда осуществляется интеграция урочной и внеурочной деятельности по предметам, прежде всего, связанным с технологиями, производством и инженерным конструированием. Так, в учебные планы ряда школ введены новые модули («Производство и технологии», «Технологии обработки материалов, пищевых продуктов», «3D-моделирование, прототипирование и макетирование», «Робототехника» и др.).

Мы также отмечаем, что эффект успешного самоопределения школьников повышается при грамотной организации внеурочной деятельности, реализуемой в формате многопрофильных смен, инженерных каникул, полевых практик с использованием ресурсов образовательно-оздоровительных центров, детского технопарка «Кванториум», лабораторных комплексов и кафедр ВУЗов, учреждений СПО, исследовательских и медицинских центров и т.д.

К примеру, целью многопрофильных смен является создание условий для поддержки и развития интеллектуально одаренных детей. Реализация задач личностного и профессионального самоопределения предполагала проведение мероприятий, направленных на развитие устойчивой мотивации к учению и самообразованию, совершенствование уровня компетенций в предметной области, формирование умений и навыков исследовательской и опытно-экспериментальной работы, подготовку детей к осознанному выбору профессии.

В настоящий момент успешный эффект профессионального самоопределения обучающихся в ходе решения проблемы формирования кадров будущего в регионе наблюдается при осуществлении муниципальных профориентационных проектов: «Перспектива», «Стратегия жизни», «Это бизнес, детки!», «Вызов в будущее: Кванториум». Это инновационные проекты, в которых главными участниками являются не только обучающиеся и педагоги, но и более широкий круг социальных партнеров и стейкхолдеров, заинтересованных в обновлении профессиональных кадров.

В профориентационном проекте «Перспектива» участвуют обучающиеся 8-9х классов. Цель проекта - создание условий для разработки каждым учащимся индивидуального плана вхождения в профессию, формирование осознанного и ответственного подхода к жизни и выбору карьеры. «Перспектива» - это элективный курс, включенный в учебный план общеобразовательных организаций. Общий объем курса - 34 часа, из которых 14 часов - теоретический курс, 20 часов – экскурсии на предприятия, в учреждения среднего и высшего профессионального образования. Кроме того, особенностью реализации этого проекта является постоянное повышение компетенций педагогов по вопросам организации профориентационной работы в школе, включая ежеквартальные профориентационные погружения (образовательные сессии), квесты, марафоны, тренинги. Существует ряд муниципальных профориентационных проектов, которые направлены на формирование интереса к предпринимательской деятельности, включая осознанное отношение к выбору жизненных целей и профессиональной деятельности. Например, проект «Стратегия жизни» ориентирован для обучающихся 10-х классов муниципальных общеобразовательных организаций города Тюмени. Проект действует девять лет, реализуется при поддержке Региональной общественной организации «Ассоциация выпускников Президентской программы Тюменской области». В рамках этого проекта для школьников ежегодно проводятся методические семинары и мастер-классы по истории успеха бизнесменов. По итогам обучения ребята представляют свои бизнес-проекты по теме: «Стратегия моей жизни. Моя профессия будущего». А в рамках федеральной программы «Ты – предприниматель» для школьников 13-15 лет с успехом реализуется муниципальный образовательный проект «Это бизнес, детки!», особенностью которого является обязательное участие обучающихся в трех образовательных треках: бизнес; бизнес-кейсы; бизнес-проекты.

В межведомственном проекте «Вызов в будущее: Кванториум» участвуют обучающиеся 6-9х классов. В рамках учебной программы подростки посещают уроки-модули по предмету «Технология»:

«Проектирование материальных сред», «Разработка Виар» - приложений, «Геоинформационный», «Основы программирования на языке Python» и др.

Анализируя результаты деятельности муниципальной методической службы, можно отметить, что проводимая профориентационная работа с обучающимися 11-15 лет способствует становлению самостоятельности подростков, повышает их интеллектуальную и творческую активность, готовность осуществлять осознанный профессиональный выбор, что позволяет судить о позитивной динамике успешного самоопределения подрастающего поколения.

Библиографический список

1. Даутова О.Б. Самоопределение личности школьника в профильном обучении: Учебно-методическое пособие / Под ред. А.П. Тряпицыной. -, СПб.: КАРО, 2006. С.204.
2. Лейтес Н.С. Способности и одаренность в детские годы. – М., 1984.

УДК 159.9

В.П. Позняков, С.Е. Поддубный, Т.С. Вавакина

Эмпирические типы экономического самоопределения российских предпринимателей

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-013-00230).

Аннотация. В докладе представлены результаты эмпирического исследования социально-психологических типов экономического самоопределения российских предпринимателей. С помощью кластерного анализа были выделены 5 групп предпринимателей, различающихся сочетаниями экономико-психологических характеристик, которые мы обозначили как социально-психологические типы экономического самоопределения. Сравнительный анализ данных показал, что высоко активные предприниматели в большей степени удовлетворены результатами своей предпринимательской деятельности, для них характерны более высокие оценки собственных возможностей в повышении успешности бизнеса и успешности своей предпринимательской деятельности. Предприниматели с низким уровнем деловой активности не удовлетворены экономическими условиями и результатами своей предпринимательской деятельности. Собственные возможности в повышении успешности бизнеса оцениваются ими значительно ниже среднего уровня.

Ключевые слова: социальная психология, психология предпринимательства, экономическое самоопределение, социально-психологический тип.

V.P. Pozniakov, S.E. Poddubnyi, T.S. Vavakina

Empirical types of economic self-determination of Russian entrepreneurs

Abstract. The report presents the results of an empirical study of the socio-psychological types of economic self-determination of Russian entrepreneurs. Using the cluster analysis, we identified 5 groups of entrepreneurs that differ in the combination of economic and psychological characteristics, which we designated as socio-psychological types of economic self-determination. Comparative analysis of the data showed that highly active entrepreneurs are more satisfied with the results of their business activities, they are characterized by higher assessments of their own capabilities in increasing the success of their business and the success of their business activities. Entrepreneurs with a low level of business activity are not satisfied with the economic conditions and the results of their business activities. Their own capabilities in increasing the success of the business are evaluated by them significantly below the average level.

Keywords: social psychology, psychology of entrepreneurship, economic self-determination, socio-psychological type.

В докладе представлены результаты эмпирического исследования социально-психологических факторов экономического самоопределения российских предпринимателей. Исследование проводится в рамках проекта, поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ). Цель проекта - выявить и проанализировать социально-психологические детерминанты экономического са-

моопределения российских предпринимателей. Теоретической основой исследования являются представления об экономическом самоопределении (Журавлёв, Купрейченко, 2007 и др.) и концепция психологических отношений субъектов экономической деятельности (Позняков, 2018 и др.). Объект исследования - российские предприниматели сферы среднего и малого бизнеса. Предмет исследования - ценностно-смысловые особенности личности предпринимателя как детерминанты его экономического самоопределения, проявляющегося в характеристиках деловой активности и психологических отношениях к предпринимательской деятельности. Одной из задач данного исследования было изучение социально-психологических особенностей предпринимателей с разными психологическими типами экономического самоопределения. В качестве одной из гипотез исследования явилось предположение о том, что существует несколько типов экономического самоопределения российских предпринимателей сферы малого и среднего бизнеса, различие которых определяется качественными и количественными характеристиками экономического самоопределения.

Мы предполагали, что эти различия будут проявляться в следующих содержательных характеристиках экономического самоопределения. Оценка благоприятности экономических условий предпринимательской деятельности. Оценка собственных возможностей в повышении успешности своего бизнеса. Оценка уровня собственной деловой активности и его динамики. Оценка успешности своей предпринимательской деятельности. Оценка удовлетворенности её результатами. Данные показатели фиксировались с помощью социально-психологических шкал опросника (Журавлёв, Позняков, 2012).

Основное эмпирическое исследование было проведено в 2020 году на представительной выборке предпринимателей различных сфер малого и среднего бизнеса, проживающих и ведущих свой бизнес в Москве и в других регионах Центральной России - всего 120 респондентов (в том числе 60 мужчин и 60 женщин в возрасте от 18 до 65 лет). По результатам кластерного анализа были выделены эмпирические группы респондентов, статистически достоверно различающихся значениями исследуемых эмпирических показателей, которые можно интерпретировать как типы экономического самоопределения.

Первый тип экономического самоопределения обозначен нами как высоко активный тип с позитивным прогнозом своей деловой активности. Представители этого типа высоко оценивают собственные возможности в повышении успешности бизнеса и успешность своей предпринимательской деятельности, удовлетворены экономическими условиями и результатами своей предпринимательской деятельности.

Второй тип экономического самоопределения характеризуется высокими оценками своей деловой активности и позитивным прогнозом её динамики, что указывает на сходство с представителями первого типа. Вместе с тем, при относительно высоких оценках собственных возможностей в повышении успешности бизнеса, представители этого типа отличаются сравнительно низкими оценками благоприятности экономических условий, успешности своей предпринимательской деятельности и удовлетворённости её результатами. Этот тип был охарактеризован как высоко активный, амбициозный, но не удовлетворённый экономическими условиями и результатами своей предпринимательской деятельности.

Представители третьего типа при средних по выборке оценках благоприятности экономических условий, успешности своей предпринимательской деятельности и сравнительно высокими (выше средних значений по шкале и по выборке в целом) оценками удовлетворённости её результатами отличаются более низкими, чем у представителей других типов (за исключением пятого типа) оценками собственных возможностей в повышении успешности бизнеса, а также своей деловой активности и динамики её изменения. Этот тип экономического самоопределения обозначен нами как средне активный тип, умеренно успешный и удовлетворённый результатами с отрицательным прогнозом изменения своей деловой активности.

Представители четвёртого типа экономического самоопределения характеризуются средними по выборке оценками благоприятности экономических условий и своей деловой активности, а также сравнительно высокими оценками собственных возможностей, успешности и удовлетворённости результатами своего бизнеса (их значения выше, чем у представителей других типов за исключением первого типа). При этом, ретроспективная оценка динамики деловой активности и прогноз её изменения оказались ниже средних по выборке и ниже средних значений по шкале. Этот тип можно охарактеризовать как умеренно активный, успешный, удовлетворённый, высоко оценивающий собственные возможности, но не склонный к повышению уровня своей деловой активности.

Представители последнего, пятого типа экономического самоопределения дали самые низкие оценки уровня своей деловой активности, с отрицательным прогнозом её изменения в будущем. Пред-

приниматели этого типа не удовлетворены экономическими условиями и результатами предпринимательской деятельности. Собственные возможности и успешность своей предпринимательской деятельности оцениваются ими значительно ниже среднего уровня. Это пассивный тип, с низкими оценками своей деловой активности и успешности предпринимательской деятельности.

Содержательный анализ социально-психологических и личностных особенностей представителей выявленных типов позволяет дать им более развёрнутую и глубокую характеристику, а также определить факторы детерминации выявленных различий между ними. Результаты исследования подтверждают правомерность рассмотрения смысложизненных и ценностных ориентаций личности предпринимателей в качестве факторов их экономического самоопределения.

Библиографический список

1. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Экономическое самоопределение: теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
2. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Социальная психология российского предпринимательства: Концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
3. Позняков В.П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной экономической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

УДК 159.9

А.В. Полянко, О.Е. Старцева

Влияние непроверенной информации на развитие массовой паники

Аннотация. В статье рассматриваются понятия массовой паники и фейковых новостей. Приведены данные относительно процесса развития паники в обществе в условиях пандемии. Описана связь между феноменом массовой паники и непроверенной информацией. Обозначенная связь носит прямой характер, состояние массовой паники в обществе приводит к увеличению количества фейковых статей и публикаций, в то время как увеличение количества непроверенной информации в широком доступе приводит к нарастанию паники среди населения в условиях пандемии.

Ключевые слова: массовая паника, экономическая паника, фейковые новости, непроверенная информация, слухи, пандемия коронавируса, COVID-19.

A.V. Polianko, O.E. Startceva

Impact of unverified information on the development of mass panic

Abstract. The article deals with the concepts of mass panic and fake news. Data on the development of panic in society in the context of a pandemic are presented. The connection between the phenomenon of mass panic and unverified information is described. The indicated link is direct, the state of mass panic in society leads to an increase in the number of fake articles and publications, while the increase in the number of unverified information in the public domain leads to an increase in panic among the population in the context of a pandemic.

Keywords: mass panic, economic panic, fake news, unverified information, rumors, coronavirus pandemic, COVID-19.

Введение. Проблема нарастания массовой паники под влиянием средств массовой информации в обществе очень актуальна на данный момент. С развитием информационных технологий человек может получить любую информацию по щелчку пальцев в сети интернет, а также в социальных сетях и на различных видео платформах. Однако это позволяет слухам, непроверенным событиям и фейковым новостям распространяться в обществе и сеять панику. Чтобы лучше понять взаимосвязь непроверенной информации и массовой паники, стоит рассмотреть нынешнюю ситуацию, связанную с пандемией коронавируса, и то, к каким последствиям в данной ситуации может привести взаимодействие этих двух феноменов. Целью данного исследования является изучение эффекта влияния непроверенной информации на развитие массовой паники в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19.

Теоретические основы исследования. Массовая паника – эмоциональное состояние больших групп людей, возникающее как следствие либо дефицита информации о какой-то пугающей или непонятной ситуации, либо, напротив, как следствие ее избытка и проявляющееся в импульсивных действиях. Происходит распространение паники очень легко. Происходит, так называемое, «заражение» (Дмитриенко, 2017). Важным механизмом распространения массовой паники является способность человеческого мозга надумывать и гиперболизировать события. Все начинается с одного человека, который почувствовал тревогу или страх. За появлением стимула к панике следует яркая эмоциональная реакция. Под влиянием тревоги человек совершает необдуманные и возможно странные поступки, передавая свой страх другим. Влияние социальных, физиологических и общественно-психологических факторов усиливают состояние тревоги (Куликович, 2013).

Фейковая информация – это непроверенная информация, распространяемая под видом достоверных сообщений (Головацкая, 2019). Часто в процессе передачи таких новостей в обществе происходит эффект «сломанного телефона» и в итоге информация преобразуется до неузнаваемости (Дмитриенко, 2017; Садыков, 2020).

Материалы и методы исследования. В качестве материала исследования выступили научные данные по обозначенной проблеме, опубликованные в современных научных источниках, в качестве метода был использован теоретический анализ современных научных данных по проблеме исследования.

Результаты и их обсуждение. В ситуации коронавирусной инфекции COVID-19 зарождение массовой паники в мире началось с видеороликов в интернете о том, что новая неизвестная болезнь, вспыхнувшая в Китае, скоро разойдется по всему миру. Распространенные новости были многократно преувеличены средствами массовой информации, и быстро разошлась по социальным сетям. Стали популярными статьи о том, что правительство Китая и других стран якобы занижает статистику, скрывая истинное количество зараженных и умерших от вируса. Все это, а также быстрое распространение COVID-19 способствовало нарастанию тревоги и возникновению тревожно-панических настроений в обществе (Садыков, 2020). Это послужило началом массовой паники, которая, в свою очередь, выражалась в том, что люди по всему миру стали скупать средства личной гигиены (маски, антисептические вещества) и продукты питания (в частности, гречневую крупу, мясную продукцию). На данном этапе начали появляться различные статьи и заголовки о том, что на прилавках магазинов закончились товары, а в супермаркетах теперь повсюду пустые полки. Не раз представители различных продовольственных сетей давали интервью о том, что это недостоверная информация и магазины способны обеспечить людей всем необходимым. Но на общество влияли социальные факторы развития массовой паники (Куликович, 2013). Напряженность и тревожность, усиленные слухами в социальных сетях и средствах массовой информации, лишь усугубили экономическую панику. Возник спрос на товары, поэтому увеличились цены на них (Зюкин, 2020). Развитие массовой паники способствовало появлению еще большего количества слухов и фейковых новостей. В итоге, недостоверная информация и массовая паника влияют друг на друга, образуя «паническое кольцо».

Также некомпетентные в вопросах медицины журналисты распространяли недостоверную информацию о симптомах COVID-19 (Иванищева, 2018). Ознакомившись с данными фейковыми статьями, многие люди стали находить у себя такие же фейковые симптомы, обращаясь в поликлиники. В результате, больницы оказались переполнены именно такими пациентами. Это затрудняло выявление настоящих больных. На данном этапе интернет и социальные сети стали распространять информацию о том, что больничных мест и аппаратов искусственного дыхания хватит не на всех. За этим последовала новая волна массовой паники.

Для того, чтобы не поддаться массовой панике под влиянием недостоверных новостей необходимо уметь их отличать от правдивых новостей. Фейковые новости чаще всего направлены на то, чтобы вызвать у читателей какие-то эмоции: страх, зависть, гнев. Это сделано для того, чтобы доверчивые пользователи захотели разослать эту новость своим друзьям или выложили в своём блоге. Правдивые же новости излагают сухие факты. Также у неправдивых новостей нет достоверного источника, поэтому важно проверять каждый источник, указанный в новости.

Заключение. В условиях постоянной тревожности общества во время напряжённой ситуации, повышается риск возникновения массовой паники. Фальшивые же новости в свою очередь увеличивает данный риск в ещё несколько раз. Новости быстро распространяются в обществе, видоизменяются. По принципу «сломанного телефона» информация деформируется, факты и статистика в ней завышаются либо занижаются, что приводит развитию массовой паники во всех сферах жизни общества. Чем больше растёт массовая паника, тем больше количество непроверенной информации. Таким образом, фальшивые новости и массовая паника зависят друг от друга. Фейковые новости порождают панику, а паника влечёт за собой новую волну новостей, образуя цикл.

Библиографический список

1. Головацкая О.Е. Значение и происхождение термина «Fake news» // Коммуникология. 2019. Том 7. №2. С. 139-152.
2. Дмитриенко А.Д., Бударина О.А. Управление общественным мнением при проведении массовых мероприятий // Культура: теория и практика. 2017. №4 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-obschestvennym-mneniem-pri-provedenii-massovyh-meropriyatii> (дата обращения: 30.06.2020).
3. Зюкин Д.В. COVID-19 рестарт экономики // Наука и практика регионов. 2020. № 1 (18). С. 74-80.
4. Куликович Ю.Ю., Гуменюк О.В. Факторы и механизмы массовой паники при чрезвычайных ситуациях // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2013. №2 (171). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-i-mehanizmu-massovoy-paniki-pri-chrezvychaynyh-situatsiyah> (дата обращения: 30.06.2020).
5. Садыков Д.И., Ахметьянова Н.А. Распространение фейковых новостей во время пандемии COVID-19 // Colloquium-journal. 2020. №8 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasprostranenie-feykovykh-novostey-vo-vremya-pandemii-covid-19> (дата обращения: 30.06.2020).
6. Иванищева О.Н. Фейковые новости как новая форма пропаганды // Человек. Культура. Образование. 2018. №4 (30). С. 104-110.

УДК 159.9

Е.А. Рубцова, Е.А. Александрова

Исследование саморепрезентации современной южнокорейской молодежи в виртуальном пространстве

Аннотация. В настоящей статье представлены эмпирические результаты исследования, направленного на изучение саморепрезентации в виртуальном пространстве современной южнокорейской молодежи, увлеченной корейской популярной музыкой. Цель исследования заключалась в выделении характеристик, присущих для саморепрезентации поклонников корейской популярной музыки на социальной платформе Twitter, с помощью контент-анализа. В результате исследования были выделены общие характеристики саморепрезентации поклонников трех южнокорейских групп – BTS, GOT7, MONSTAX.

Ключевые слова: социальная психология, этнопсихология, саморепрезентация, виртуальное пространство, социальные сети, корейская популярная музыка, контент-анализ.

Е.А. Rubtcova, Е.А. Alexanderova

A Study of the Self-Representation of Contemporary South Korean Youth in the Virtual Space

Abstract. The article presents results of the empirical study concentrated on investigation of K-POP fans' self-representation in virtual space. The main objective of the study is to provide the characteristics of K-POP fans' self-representation based on their Twitter profiles via content-analysis method. Due to the research the common characteristics of K-POP fans' self-representation have been found in fandoms of three K-POP groups – BTS, GOT7, MONSTA X.

Keywords: social psychology, cross-cultural psychology, self-representation, virtual space, social media, K-POP music, content analysis method.

Введение. Феномен «виртуальной идентичности» активно изучается с началом популяризации Интернет-пространства и социальных сетей, количество пользователей которых по последним подсчетам организаций We Are Social и Hootsuite составило 4,2 миллиарда человек или 53,6% от населения (Hootsuite & We Are Social, 2021). Стоит отметить, что виртуальное пространство со временем приобрело свои специфические особенности, примером которых являются созданные виртуальные сообщества, например, такие как фандомы – онлайн-сообщества людей, увлеченных конкретным предметом или деятельностью, чьи интеллектуальные и эмоциональные ресурсы направлены на вклад в общее дело (Jenkins, 2006). На современном этапе существования фандомов наиболее яркими представителями являются фанаты корейской популярной музыки (кей-поп), основная деятельность которых заключается в продвижении кей-поп исполнителей посредством прослушивания музыкальных

композиций, просмотра музыкальных видео, ведения онлайн-блогов в социальных сетях, участия в дополнительной деятельности на онлайн- и офлайн-площадках.

В рамках данной статьи мы рассматриваем проблему о техниках саморепрезентации поклонников корейской популярной музыки в виртуальном пространстве, благодаря которым индивид воспринимает себя как члена конкретного сообщества, и отвечаем на вопрос, каким образом он демонстрирует собственную самобытность и индивидуальность. Цель исследования – выделить особенности саморепрезентации южнокорейской молодежи, увлеченной кей-поп музыкой. Гипотеза исследования – специфика саморепрезентации позволяет южнокорейским фанатам кей-поп музыки удовлетворять потребность в принадлежности к группе и одновременно выражать собственные чувства, эмоции и состояния по отношению к переживаемым событиям.

Теоретические основы исследования. Теоретической основой нашего исследования стала предложенная антропологом Джонатоном Фридманом концепция о сконструированной идентичности. В рамках глобального потребления, которое определяет идентичность в различных социокультурных проявлениях, индивид формирует представления о себе (Friedman, 1994, с. 7), которые впоследствии могут влиять на поведение, способ проявления эмоций и когнитивные установки, касающиеся убеждений о реальной и идеальной модели «Self» (Hart et al., 1997; Higgins, Klein, Strauman, 1985; Markus, Nurius, 1986; Ogilvie, 1987; Strauman, Higgins, 1988). В значительной степени мы также опираемся на разработанную антропологом Нэнси Розенбергер концепцию диалектической модели «Self», в основу которой легла идея о движении «Self» между противоположными полюсами – эгоцентрическим и социоцентрическим. Гармоничное и сбалансированное движение «Self» в этом случае достигается путем «переключения между ситуациями и моделями взаимодействия» (Розенбергер, 2001, с. 304). Потребление предлагаемого контента среди членов кей-поп фандома становится отличительным символом, или атрибутом, благодаря чему индивид может стать частью социальной группы и вступить в коммуникацию на основании потребляемого контента, переключаясь с одной релевантной группы на другую и перемещаясь из офлайн- в онлайн-пространство.

В виртуальном пространстве Twitter поклонники кей-поп музыки могут использовать набор графических, аудиальных и визуальных транспозиций, которые передают мысли и чувства конкретного пользователя. Определенные атрибуты, которые также присутствуют в оформлении микроблога и/или текстового сообщения, способны идентифицировать пользователя и соотносить его с конкретной группой, или, в нашем случае, с фандомом, к которому он принадлежит. В основе данного утверждения лежит модель французской исследовательницы «виртуальной идентичности» Фэнни Жорж, которая делит ее на три основополагающие составляющие (Georges, 2009):

«Заявляемая идентичность» (Declarative identity) – личные данные, вводимые пользователем микроблога (например, имя пользователя, дата рождения, фотографии).

«Операционная идентичность» (Acting identity) – оповещения, отправляемые системой, об изменениях статуса пользователя, его действиях и уведомления об опубликованных сообщениях (например, «X теперь читает Вас!»).

«Системная идентичность» (Calculated identity) – количественные переменные, полученные в результате системных вычислений на сайте (например, количество читателей, количество читаемых пользователей).

Отметим, что только «заявляемая идентичность» и «операционная идентичность» составляют основу саморепрезентации, которая позволяет фанатам кей-поп музыки создать определенный образ «Self», подчеркнуть или скрыть определенные личностные характеристики, предъявляемые другим пользователям и помогающие идентифицировать автора текстов из огромного «массива» других пользователей.

Материалы и методы исследования. Процедура проведения эмпирического исследования заключалась в отборе текстового материала из микроблогов поклонников корейской популярной музыки и обработке данных посредством перевода полученных качественных данных в количественные показатели. Отметим, что нами были поставлены временные ограничения и тексты не должны были быть опубликованы позднее января 2020 года. Объем выборки составил 23 микроблога поклонников на социальной платформе Twitter таких кей-поп групп, как BTS, GOT7, MONSTA X, в возрасте от 18 до 25 лет. Уровень репрезентативности также был достигнут с помощью дополнительной рандомизации с помощью таблицы случайных чисел.

Для анализа отобранного материала нами был выбран метод контент-анализа. На основе дедуктивного способа нами были разработаны качественные категории, отражающие феноменологию «заявляемой идентичности» и «операционной идентичности» фанатов кей-поп музыки (табл. 1 и табл. 2).

Таблица 1

Матрица категорий, отражающих феноменологию «заявляемой идентичности»

Категории	Формальные признаки
Осознание специфических личностных характеристик	Высказывания, в которых присутствует описание личностных характеристик.
Осознание отношений к самому себе	Высказывания, в которых присутствует представление о себе.
Осознание принадлежности к определенному фандому	Высказывания, в которых присутствует упоминание о своей социальной роли как участника фандома.

Таблица 2

Матрица категорий, отражающих феноменологию «операционной идентичности»

Категории	Формальные признаки
Осознание эмоций по отношению к объекту, событиям, ситуациям	Высказывания, в которых присутствует указание на объект, на которого направлены переживаемые эмоции; присутствует упоминание событий, ситуаций, которые вызвали эмоции.
Осознание эмоций через ощущения определенной модальности, возникающих на внешний стимул	Словосочетания, обозначающие ощущения различной модальности – зрительные, слуховые, тактильные и т.д.
Осознание эмоций через социальные контакты	Высказывания, в которых присутствует эмоциональная оценка социального взаимодействия.

В качестве эмпирического индикатора категорий выступили словосочетания, простые предложения, суждения, выражающие законченную мысль, в которых отражены актуальные на момент публикации эмоции и чувства, переживания и состояния, фиксированные в текстовой форме пользователем микроблога. В отборе индикаторов категорий мы опирались на критерий информативности. Объем материала составил 97 текстов о переживаемых чувствах и эмоциях авторов микроблогов.

Результаты и их обсуждение. В результате исследования была подсчитана частота встречаемости выделенных категорий по выборке в целом, которая отражена в двухуровневом описании саморепрезентации поклонников современной кей-поп музыки (табл. 3).

Таблица 3

Частота встречаемости категорий в целом по выборке

Категории	Количество упоминаний			% от общего числа упоминаний
	BTS	GOT7	MONSTA X	
Категории, отражающие феноменологию «заявляемой идентичности»				
Осознание специфических личностных характеристик	1	5	4	10,3
Осознание отношений к самому себе	3	3	2	8,2
Осознание принадлежности к определенному фандому	2	10	2	14,4
Категории, отражающие феноменологию «операционной идентичности»				
Осознание эмоций по отношению к объекту, событиям, ситуациям	18	15	13	47,4
Осознание эмоций через ощущения определенной модальности, возникающих на внешний стимул	2	0	7	9,3
Осознание эмоций через социальные контакты	2	4	4	10,3
Итого	97			100

Как видно из таблицы 3, в наибольшем процентном соотношении представлены две категории: «Осознание принадлежности к определенному фандому» (14,4%) и «Осознание эмоций по отношению к объекту, событиям, ситуациям» (47,4%). На основе полученных данных мы можем предположить, что принадлежность к фандому и самоопределение себя как фаната конкретной кей-поп группы позволяет индивиду взаимодействовать в виртуальном пространстве с другими пользователями и вербализировать переживаемые чувства, эмоции и состояния. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что для фанатов кей-поп музыки их фандом выступает в качестве безопасного пространства, где существует возможность быть принятым, обладая характерными атрибутами, которые специфичны для конкретного фандома.

Таким образом, наша гипотеза о том, что специфика саморепрезентации позволяет южнокорейским фанатам кей-поп музыки удовлетворять потребность в принадлежности к группе и одновременно выражать собственные чувства, эмоции и состояния по отношению к переживаемым событиям, оказалась подтверждена.

Заключение. Из полученных результатов можно сделать вывод, что наличие определенных атрибутов, характерных для того или иного виртуального сообщества, дает ощущения принадлежности, а, соответственно, и безопасности, благодаря чему фанаты способны свободно выражать собственные чувства, эмоции и состояния по отношению к переживаемым событиям. В то же время эти позволяют нам

задать вектор нашего дальнейшего исследования и продолжить изучение фандомов как социальной структуры в виртуальном пространстве и техники саморепрезентации фанатов различных фандомов.

Библиографический список

1. Розенбергер Н. Диалектическое равновесие в полярной модели «Self»: пример Японии // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / Под общей ред. А.А. Белика. Москва: Смысл, 2001. С. 277-308.
2. Friedman J. Cultural Identity and Global Process. London: Sage Publications, 1994. 288 p.
3. Georges F. Self-representation and digital identity. A semiotic and quali-quantitative approach to the cultural empowerment of the Web 2.0, Réseaux, 2009/2 (No 154). P. 165-193.
4. Hootsuite & We Are Social, "Digital 2021 Global Digital Overview": сайт. Singapore, 2021.
5. Jenkins H. Fans, Bloggers, and Gamers: Exploring Participatory Culture. NY, 2006. 279 p.

УДК 159.9

Н.Е. Рубцова

Психологическая готовность к научной деятельности

Аннотация. С позиций интегративно-типологического подхода к психологической классификации профессиональной деятельности, субъектно-информационного и метасистемного подходов выделены психологические признаки научной деятельности. Научная деятельность характеризуется многообразием интегративных спецификаций основных функциональных отношений между: субъектом труда и метасубъектом совместного труда; деятельностью субъекта труда и метадеятельностью метасубъекта труда; предметной средой труда и метапредметной средой совместного труда. Успешность профессиональной деятельности предопределяется особенностями психологической готовности субъекта к труду, в структуре которой целесообразно выделить мотивационно-волевым, эмоциональный и когнитивный компоненты. Представлены результаты исследования психологической готовности магистрантов к научной деятельности и описаны закономерности формирования ее компонентов: академической мотивации, толерантности к неопределенности и рефлексивности.

Ключевые слова: психологическая готовность, научная деятельность, профессиональная деятельность, психологическая классификация, магистрант, академическая мотивация, толерантность к неопределенности, рефлексивность.

N.E. Rubtcova

Psychological readiness for scientific activity

Abstract. From the standpoint of the integrative-typological approach to the psychological classification of professional activity, subject-informational and metasystem approaches, the psychological signs of scientific activity are highlighted. Scientific activity is characterized by a variety of integrative specifications of the main functional relations between: the subject of labor and the meta-subject of joint labor; the activity of the subject of labor and the meta-activity of the meta-subject of labor; the objective environment of work and the meta-subject environment of joint labor. The success of professional activity is predetermined by the peculiarities of the subject's psychological readiness for work, in the structure of which it is advisable to single out the motivational-volitional, emotional and cognitive components. The results of the study of the psychological readiness of undergraduates for scientific activity are presented and the patterns of the formation of its components are described: academic motivation, tolerance to uncertainty and reflexivity.

Keywords: psychological readiness, scientific activity, professional activity, psychological classification, undergraduate, academic motivation, uncertainty tolerance, reflexivity.

Введение. Изучением психологической готовности к профессиональной деятельности занимались многие авторы, в числе которых Б.Г. Ананьев, Г.Т. Береговой, А.А. Деркач, О.Б. Дмитриева, М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, Н.В. Кузьмина, Б.Ф. Ломов, В.С. Мерлин, В.Н. Мясичев, Н.Д. Левитов,

Н.В. Нижегородцева, Л.С. Нерсисян, А.Ц. Пуни, В.Н. Пушкин, К.К. Платонов, В.Д. Шадриков, Р.Х. Шакуров и др. (например, (Левитов, 1964). Вместе с тем, подобные исследования имели либо наиболее фундаментальный характер, рассматривая методологические основы общей психологической теории профессиональной деятельности, либо затрагивали конкретные классы и виды профессиональной деятельности, среди которых, как правило, такая специфическая деятельность, как деятельность ученого, не фигурировала.

С другой стороны, научная деятельность как особая, отдельная разновидность профессиональной деятельности изучалась на протяжении длительного времени (например, Селье, 1987, с. 23), в том числе, в психологии труда (обзор представлен, например, (Войтикова, 2020, с. 22-44; Разина, 2016, с. 63-90). Подобные исследования продолжаются и в последние годы. Так, М.А. Войтикова рассматривала управленческие характеристики научной деятельности (Войтикова, 2020); Т.В. Разина изучала мотивацию научной деятельности (Разина, 2016); Т.Г. Бохан, О.Н. Галажинская и др. исследовали специфику научной деятельности начинающих ученых (Бохан, 2017); и т.д. Вместе с тем, анализ подобных исследований показал, что психологическая готовность к научной деятельности в них рассматривалась лишь косвенно и фрагментарно. Данное обстоятельство, в соединении с очевидной теоретической и практической значимостью проблемы психологической готовности, неоднократно подтвержденной для многих иных видов профессиональной деятельности, обеспечивает актуальность нашего исследования. Цель исследования состояла в том, чтобы на основе уточнения психологического содержания профессиональной научной деятельности выявить структуру психологической готовности к такой деятельности и, на примере магистрантов, определить эмпирические закономерности формирования данной структуры.

Теоретические основы исследования. Согласно интегративно-типологической психологической классификации профессиональной деятельности (Рубцова Н.Е.), труд ученого (научного работника, исследователя, аналитика) относится к интегративному психологическому типу современной профессиональной деятельности. Выделение психологических признаков научной деятельности целесообразно провести на основании структуры упомянутой классификации (Рубцова, 2015).

Профессиональный труд является специфической формой деятельности, и при построении данной психологической классификации были учтены интегративные спецификации функциональных отношений между: 1) субъектом труда и метасубъектом совместного труда; 2) деятельностью субъекта труда и метадейтельностью метасубъекта труда; 3) предметной средой труда и метапредметной средой совместного труда.

Анализ первого базового отношения профессиональной деятельности позволяет выделить три ключевых психологических признака, детерминирующих специфику разновидностей труда, выделяемых по данному отношению. К данным признакам относятся управленческий, исполнительский и автономный характер профессиональной деятельности и соответствующие им психические процессы.

Психологический анализ научной деятельности исследователя позволяет привести примеры, когда ученый выполняет эти функции: например, управленческая функция реализуется, если он возглавляет научный коллектив исследователей (в качестве руководителя научного проекта, директора исследовательского института, заведующего лабораторией). Чтобы взаимодействие с коллективом могло приводить к желаемой цели, необходима психологическая готовность и определенный управленческий потенциал. По мере усложнения управляемой системы потенциала одного человека становится недостаточно, и тогда стали возникать многоуровневые иерархические системы управления, реализующие распределение управленческих функций, в том числе, руководителей научных коллективов. Исполнительская функция научного работника возможна при решении поставленных исследовательских задач в реализации общего научного проекта. Автономный характер профессиональной деятельности возможен в том случае, когда известный ученый, достигший уровня мастерства, реализует самостоятельные научные идеи.

В ходе спецификации второго базового отношения профессиональной деятельности (между деятельностью субъекта труда и метадейтельностью метасубъекта труда) построена авторская обобщенная модель организации и регуляции деятельности. На ее основе выделены три психологических признака, характеризующих специфику разновидностей профессиональной деятельности, выделяемых по рассматриваемому отношению. К данным признакам относится выраженность, соответственно, текущего, оперативного и долговременного уровней организации и регуляции профессиональной деятельности и обуславливающие их психические процессы. К примеру, научная деятельность, как правило, у начинающего исследователя (у студента) выполняется на текущем уровне организации и регуляции труда, поэтому ему в помощь назначается научный наставник из числа опытных преподавателей, ко-

торый в совместной деятельности обучает его и способствует освоению и достижению студентом оперативного (порой и долговременного) уровней организации и регуляции научной деятельности, а в ситуации успеха рекомендует выпускника к поступлению в магистратуру или аспирантуру.

Характер третьего отношения профессиональной деятельности (между предметной средой труда и метапредметной средой совместного труда) способствовал выделению базовых типов предметной среды труда, на которых мы остановимся подробнее в силу субъектно-информационной специфики научной деятельности и творческого процесса научного познания (Карпов, 2003). Предметная среда труда определяется, в первую очередь, двумя факторами: типом объектов, с которыми совершается труд, и целью взаимодействия с этими объектами. Все объекты труда можно разделить на три обобщенных типа: объектные, субъектные и информационные (всевозможные носители информации, цифровые устройства для обработки информации и т. п.). В свою очередь, все цели трудовой деятельности можно разделить на материальное преобразование, информационное воздействие и познание. Для психологической классификации профессиональной деятельности важно, как именно предметная специфика труда отражается в его психологическом содержании.

На основе анализа соотношения между предметным и операциональным содержанием труда описаны три ключевых психологических признака, определяющих психологическую специфику разновидностей профессиональной деятельности по рассматриваемому отношению. К данным признакам относится выраженность, соответственно, «чувственного», «межсубъектного» и «информационного» типов операционального состава профессиональной деятельности.

В соответствии с целью исследования нас интересует, в том числе, «информационный» тип операционального состава деятельности, который связан с обработкой информации, включающий в себя мнемические, имажитивные, логические действия, выполняемые научными работниками (Михайлова, 2016). В данный тип входят и действия всех более высоких порядков организации и регуляции, выходящие за пределы непосредственного предметного взаимодействия. В соответствии со структурно-уровневым строением психических процессов, к данному типу принадлежат интегральные, рефлексивные, метакогнитивные психические процессы, а также метапроцессы психики ученого в целом (Карпов, 2003).

Особое место занимает тип предмета труда «информационное воздействие на материальные объекты». Такое воздействие может осуществляться различными способами, основными из которых являются:

1. Использование «умной», способной к восприятию информационного воздействия – цифровой техники с искусственным интеллектом, осуществляющей, в свою очередь, материальное преобразование материальных объектов. Это, к примеру, разновидность деятельности операторского типа, которую научному работнику как активному пользователю компьютерной техники часто приходится выполнять при обработке данных эмпирического исследования. Поскольку исследователь, осуществляя набор исходных данных, оказывает информационное воздействие и следит за его ходом опосредованно, с помощью программ, приборов, пульта управления и т.п. источников информации, такой труд в основе своего операционального содержания имеет обработку информации.

2. Использование в качестве средств труда других субъектов (исследователей). Тогда, оказывая на них информационное воздействие, ученый побуждает их каким-либо способом при проведении научного опыта выполнять материальное преобразование материальных объектов. Труд ученого в этом случае сводится лишь к интерперсональным, межсубъектным действиям, запускающим цепочку последующего материального преобразования действительности в реальном научном эксперименте.

Указанные типы операционального состава могут, в свою очередь, сочетаться, интегрироваться между собой, поэтому для полноты отражения всего операционального содержания профессиональной деятельности ученого необходимо ввести в рассмотрение еще один тип, который в нашей психологической классификации назван «интегральным» (Леньков, 2018). Данный тип представляет такие ситуации деятельности, когда для нее одновременно значимыми, существенными являются все представленные выше основные группы процессов. Примером может служить современная профессиональная деятельность научного работника. В условиях вынужденного дистанционного формата презентации и обсуждения результатов проведенных научных исследований, «интегральный» тип операционального состава представлен в полной мере в его деятельности, когда он одновременно реализует все перечисленные выше типы. Разумеется, данная специфическая ситуация реализации профессиональной научной деятельности требует дальнейшей рефлексии.

Итак, структура психологической классификации профессиональной деятельности включает ряд психологических типов, которые, реализуя полисистемное представление психологического содержания труда, группируются в метатипы тремя различными способами, соответствующими базовым

функциональным отношениям профессиональной деятельности (Леньков, 2018). Ключевые признаки профессиональной деятельности (включая труд научного сотрудника), выделенные в ходе спецификации ее базовых отношений, не являются ортогональными: их соотношение намного сложнее: с одной стороны, они относительно независимы, а с другой – относительно взаимосвязаны.

Современное развитие профессиональной сферы характеризуется повышением ее структурной сложности (Толочек, 2020). Согласимся с тезисом В.А. Мазилова, который отмечает, что «различные науки по-разному откликаются на вызовы, связанные с интеграцией» (Мазилев, 2018, с. 50), и подчеркивает, что «позицию отечественной психологии следует рассматривать ... как диалектическое проявление интеграции и дифференциации» (Мазилев, 2018, с. 49). Заметим, что в цивилизационно-эволюционном контексте тенденция интеграции характеризует социальный прогресс человечества, его основные достижения в системе отношений «человек – мир». В первую очередь, это – изменение предмета труда. Помимо естественных предметов труда теперь все большее распространение получают предметы труда искусственные, в том числе – синтетические, объединяющие свойства многих, прежде разделенных между собой естественных предметов (Карпов, 2003). Следующая важная характеристика – вторжение человека в мир субъективной реальности. Это – моделирование отдельных психических функций и исполнительских действий, позволившее на качественно ином уровне организовывать профессиональную деятельность, в том числе, связанную с научными исследованиями (Рубцова, 2019).

Все выделенные изменения с объективной необходимостью приводят, в частности, к выводу, что успешность профессиональной деятельности в современных условиях во многом предопределяется особенностями психологической готовности субъекта к труду.

Проецируя результаты, полученные в данном направлении многими авторами, на предмет нашего исследования, отметим, что психологическая готовность к профессиональной научно-исследовательской деятельности является системным явлением и имеет целостную структуру, в которой целесообразно выделить мотивационно-волевой, эмоциональный и когнитивный компоненты, взаимосвязанные и взаимопроникающие друг в друга (Войтикова, 2020; Рубцова, 2019). При этом в регулятивном плане психологическая готовность тесно связана с профессиональной направленностью личности, включающей в себя осознанную личностную потребность в профессиональной деятельности. Такая потребность, в свою очередь, может быть реализована лишь при наличии определенных способностей, знаний, умений и навыков, которые для случая научно-исследовательского труда имеют определенную специфику.

С учетом содержательной и психологической специфики профессиональной научной деятельности целесообразно уточнить общие (общепрофессиональные) компоненты психологической готовности (мотивационно-волевой, эмоциональный и когнитивный), специфицировав каждый из них. Тогда в эксплораторном приближении психологическая готовность к профессиональной научной деятельности будет включать следующие структурные компоненты: академическую мотивацию, толерантность к неопределенности и рефлексивность.

Материалы и методы исследования. В контексте анализа психологических признаков труда научного сотрудника в структуре современной типологической классификации и для раскрытия закономерностей психологической готовности магистрантов к проведению научных исследований (научной деятельности в целом) исследовались ее компоненты: структура академической мотивации, толерантность к неопределенности и рефлексивность. Выборку исследования составили 73 магистранта вузов, расположенных в городах Москва, Санкт-Петербург, Тверь. Возраст испытуемых – от 18 до 35 лет ($M = 23.37$, $SD = 4.603$). В состав выборки вошли обучающиеся по техническим специальностям (информатика и вычислительная техника, информационные системы и технологии, прикладная информатика, программная инженерия и др.).

Выбор методики для диагностики внутренней и внешней мотивации учебной деятельности магистрантов в теории самодетерминации определился в пользу опросника «Шкалы академической мотивации» Р. Валлеранда, в русскоязычной адаптации Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина (2014 г.). Данная шкала характеризует три типа внутренней мотивации (познавательная, достиженческая, мотивация саморазвития), три типа внешней мотивации учебной деятельности (мотивация самоуважения, интроецированная, экстерналиная) и амотивацию. Для измерения уровня развития рефлексивности применялась методика А.В. Карпова (2003 г.). Толерантность к неопределенности оценивалась методикой С. Баднера (адаптированный перевод Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой, Т.Ю. Прокофьевой, О.А. Кравцовой) (2008 г.). В рамках данной методики толерантность к неопределенности характеризуется показателями по субшкалам новизны, сложности и неразрешимости, а также значением общего показателя.

Статистический анализ данных выполнялся с помощью пакета программ IBM SPSS Statistics for Windows, Version 23.0.

Результаты и их обсуждение. Для выявления влияния рефлексивности на показатели академической мотивации и толерантности к неопределенности, в согласии с методологией однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), выборку разделили на три группы, соответствующие уровням рефлексивности (в «сырых» баллах): группа 1 ($n = 17$; 23,9% от общего объема выборки) включила испытуемых, показавших рефлексивность ниже 118 баллов; группа 2 ($n = 37$; 52,1%) – испытуемых, показавших рефлексивность в диапазоне от 118 до 133 баллов; группа 3 ($n = 17$; 23,9%) – испытуемых, показавших рефлексивность выше 133 баллов.

В структуре психологической готовности магистрантов к научной деятельности выявлены интересные закономерности. Наиболее сильное влияние, объясняющее 11,3% общей дисперсии, рефлексивность оказывает на показатель академической мотивации «Амотивация», характеризующий отсутствие интереса к учебе и ощущения осмысленности учебно-профессиональной деятельности. При этом данное влияние является статистически значимым по ANOVA ($p < 0,05$) и выдерживает множественные сравнения: различия по амотивации между группами с низким и высоким уровнями рефлексивности статистически значимы. В целом же при возрастании рефлексивности уровень амотивации убывает практически линейно.

На втором месте по силе влияния рефлексивности (8,6% общей дисперсии) оказался источник снижения толерантности к неопределенности «Неразрешимость». Как и в предыдущем случае, данное влияние по ANOVA является статистически значимым ($p < 0,05$) и выдерживает множественные сравнения: статистически значимы различия по неразрешимости между группами с низким и средним уровнями рефлексивности. Вместе с тем, общая закономерность влияния уровня рефлексивности здесь оказалась принципиально иной, чем в предыдущем случае: зависимость неразрешимости от уровня рефлексивности имеет вид, скорее, инвертированной U-образной кривой. При низкой рефлексивности магистрант изначально не понимает, не чувствует имманентных противоречий неразрешимости и в силу этого не испытывает никакого дискомфорта, проявляя, соответственно, более высокую толерантность к неопределенности (соответствующую более низкой выраженности по данной субшкале недостаточности толерантности к неопределенности). В отличие от этого, при средней рефлексивности магистрант уже более адекватно воспринимает проблему неразрешимости, но не видит доступных ему путей ее разрешения: доступный ему рефлексивно-аналитический интеллектуальный потенциал оказывается для этого недостаточным, и в силу этого его толерантность к неопределенности существенно снижается. При высокой рефлексивности магистрант еще более адекватно, чем в предыдущем случае, воспринимает проблему неразрешимости; при этом имеющийся у него высокий рефлексивный потенциал позволяет ему воспринимать ситуации неопределенности, связанные с неразрешимостью, несколько спокойнее, хотя и не настолько отстраненно, как у низкорефлексивных испытуемых.

Таким образом, канонически статистически достоверное влияние рефлексивности выявлено в нашем исследовании выявлено только для двух переменных – амотивации и неразрешимости. Вместе с тем, для анализа психологической готовности магистрантов к научной, исследовательской деятельности заслуживают внимания и два менее строгих полученных результата, поскольку характер наметившихся здесь (на уровне тенденций) закономерностей качественно отличается от двух предыдущих случаев. Речь идет о влиянии рефлексивности на два показателя академической мотивации: экстермальную мотивацию и познавательную мотивацию. Эти влияния похожи между собой тем, что близки по силе: 7,8% объясненной дисперсии для экстернальной мотивации и 7,4% – для познавательной; общий результат ANOVA значим лишь на уровне тенденций ($p < 0,1$), однако при этом имеются достоверные отличия ($p < 0,05$) между группами: экстернальная мотивация значимо ниже в группе высоко-рефлексивных по сравнению со среднерефлексивными, а познавательная мотивация в группе высоко-рефлексивных значимо выше по сравнению с группой низкорефлексивных.

В итоге существенная экстернальная мотивация оказывается характерной лишь для магистрантов с низким и средним уровнем рефлексивности, а для высокорефлексивных магистрантов ее выраженность резко падает: здесь, на наш взгляд, происходит принципиальное перераспределение мотивации от внешней к внутренней, что показывает важную роль развития у магистрантов свойства рефлексивности до высоких значений. В свою очередь, познавательная мотивация при увеличении уровня рефлексивности возрастает приблизительно линейно, и в этом смысле закономерность ее изменения является обратной к рассмотренной ранее закономерности изменения амотивации. Таким образом, в отличие от предыдущего случая, для повышения познавательной мотивации важным оказывается любое, а не только достаточно высокое развитие рефлексивности магистрантов.

Полученные результаты не только подтверждают важность формирования психологической готовности к проведению научных исследований, особенно свойства рефлексивности, на этапе обучения в магистратуре, но и конкретизируют причинно-следственные связи между рефлексивностью, с одной стороны, и показателями академической мотивации и толерантности к неопределенности, с другой. В частности, установлено, что увеличение уровня рефлексивности приводит к примерно линейному возрастанию познавательной мотивации и, одновременно, к также примерно линейному убыванию амотивации. В то же время, роль экстеральной мотивации у магистрантов существенно уменьшается только при достаточно высоком уровне развития рефлексивности: именно такие магистранты имеют, на наш взгляд, наибольшие перспективы, чтобы стать высоко квалифицированными научными специалистами, заинтересованными в выбранной профессиональной деятельности не только с ее внешней стороны (материальное вознаграждение, престижность, иные социальные блага), но и с ее внутренней, содержательной, смысловой стороны, понять и принять которую позволяет высоко развитая рефлексивность. Особенно интересной представляется нам закономерность, выявленная для показателя недостаточности толерантности к неопределенности «Неразрешимость»: магистранты со средней и высокой рефлексивностью (а именно они, как отмечено выше, составляют наиболее перспективную целевую группу подготовки магистрантов в целом) оказываются менее толерантными к неопределенности, поскольку имеющийся у них уровень развития рефлексивности инициирует вариативный поиск путей решения той или иной сложной проблемы, в силу чего в определенной степени входит в противоречие с необходимостью признания данной проблемы неразрешимой.

Заключение. Высоко- и среднерефлексивные магистранты являются в плане психологической готовности к научно-исследовательской деятельности менее подготовленными и, соответственно, более уязвимыми, и это обстоятельство необходимо учитывать в рамках научного консультирования их исследовательских проектов. С практической точки зрения это означает, что таким магистрантам необходима дополнительная психологическая поддержка, не сводимая к совершенствованию исключительно когнитивных, дидактических и т.п. компонентов профессионально-образовательного процесса. В частности, нам представляется целесообразной организация для магистрантов специальных дополнительных психологических тренингов по совладанию с неопределенностью, акцентирующих внимание на работе именно с данной проблемой.

Психологическая готовность к научной (исследовательской) деятельности, имеющей в психологическом плане глубоко интегративный характер, обладает определенной спецификой по сравнению с аналогичной готовностью ко многим другим, более изученным видам профессиональной деятельности. Такая специфика, в свою очередь, с необходимостью требует поиска новых путей и подходов к формированию психологической готовности в ходе теоретической, практической, экспериментальной и аналитической работы молодых ученых, профессионального развития их исследовательских умений и навыков.

Библиографический список

1. Бохан Т.Г., Шабаловская М.В., Малкова И.Ю., Галажинская О.Н., Ульянич А.Л., Радишевская Л.В. Личностные и когнитивные критерии психологической готовности к научно-исследовательской деятельности // Мир науки. 2017. Т. 5. № 1. С. 1-13.
2. Войтикова М.А. Формирование психологической готовности обучающихся высших учебных заведений к научной деятельности // Евразийское Научное Объединение. 2020. № 7-5 (65). С. 341-344.
3. Войтикова М.А. Психологические детерминанты эффективного управления кадровой работой научной организации : дисс. канд. психол. наук : 19.00.03. – М., 2020. 217 с.
4. Карпов А.В., Леньков С.Л. Профессиональная деятельность информационного характера: новый тип субъект-объектной организации // Ярославский психологический вестник. 2003. №10. С.9-16.
5. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964. 344 с.
6. Леньков С.Л., Рубцова Н.Е. Функциональная природа сознания: возможности интеграции субъектно-информационного и метасистемного подходов // Мир психологии. 2018. №2 (94). С.123-135.
7. Мазилев В.А. Научная психология в век глобализации // Высшее образование сегодня 2018. № 7. С. 48-55.
8. Михайлова Е.Е. Дискурсивное пространство информационного общества: продуктивность и риски // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2016. № 2 (78). С. 41-43.
9. Разина Т.В. Структурно-функциональная организация и генезис мотивации научной деятельности : дисс. докт. психол. наук : 19.00.03. Ярославль, 2016. Т. 1 612 с.

10. Рубцова Н.Е. Структура психологической готовности к профессиональной деятельности интегративного типа / В книге: Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: Сб. материалов Всеросс. симпозиума психологов. / Под общей ред. Д.В. Сочивко. 2019. С. 508-514.
11. Рубцова Н.Е. Основные направления классификаций профессиональной деятельности // Психология и психотехника. 2015. № 5 (80). С. 501-510.
12. Селье Г. От мечты к открытию: как стать ученым. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
13. Толочек В.А. Психология труда. 3-е изд., доп. СПб.: Питер. 2020. 480 с.

УДК 159.9

Н.Г. Рукавишникова

Психологическая готовность к школе и ее связь с тревожностью

Аннотация. Статья является отражением теоретического и эмпирического исследования проблемы детской тревожности и ее связи с готовностью к школе. Подчеркивается актуальность исследования тревожности как феномена психического развития, влияющего на успешность адаптации ребенка к школе. Рассматриваются отдельные аспекты проблемы детской тревожности и ее связи с психологической готовностью к школе. Приводятся результаты эмпирического исследования связи изучаемых феноменов. Сделано заключение о наличии нелинейной связи между тревожностью и интеллектуальной готовностью к школе.

Ключевые слова: тревожность, школьная зрелость, психологическая готовность к школе, интеллектуальная готовность к школе, вербальный интеллект, невербальный интеллект.

N.G. Rukavishnikova

Psychological readiness for school and its relationship with anxiety

Abstract. The article reflects a theoretical and empirical study of the problem of child anxiety and its connection with school readiness. The article emphasizes the relevance of the study of anxiety as a phenomenon of mental development that affects the success of a child's adaptation to school. The theoretical aspects of both the problem of children's anxiety and psychological readiness for school are considered. The results of an empirical study of the relationship of the studied phenomena are presented. It is concluded that there is a non-linear relationship between anxiety and intellectual readiness for school.

Keywords: anxiety, school maturity, psychological readiness for school, intellectual readiness for school, verbal intelligence, nonverbal intelligence.

Введение. В период адаптации к школе многие дети начинают испытывать тревожное состояние, эмоциональную напряженность, становятся беспокойными, замкнутыми, плаксивыми.

Целью настоящего исследования является выявление связи между тревожностью и психологической готовностью к школе.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что тревожность является одним из наиболее распространенных феноменов психического развития, встречающихся в практике работы с детьми дошкольного возраста. В последние годы данной проблеме уделяется значительное внимание, так как от степени проявления тревожности зависит успешность обучения учащегося в школе, особенности его взаимоотношений со сверстниками, эффективность адаптации к новым условиям.

Теоретические основы исследования. Тревожность - это свойство человека приходит в состояние повышенного беспокойства, испытывать страх и тревогу в специфических социальных ситуациях. Тревожный человек отличается тем, что у него слишком часто возникают связанные с беспокойством эмоциональные переживания: боязнь, опасения, страхи. В связи с высокой жизненной значимостью тревожности, ее изучение становится необходимым применительно ко многим областям человеческой практики: в педагогике, в психологическом консультировании, в медицине и в ряде других наук.

Многие выдающиеся психологи, такие как З. Фрейд, П. Жане, В. Франкл, Дж. Тейлор, Ч. Спилбергер, Р. Бендлер, Дж. Гриндер и другие, рассматривали в своих работах проблему тревожности; но,

анализируя ее с точки зрения своих концепций, эти авторы не ставили своей целью комплексное рассмотрение данной проблемы применительно к школьной практике (Кочубей, 1998; Прихожан, 2009; Шлыкова, 2015).

Изучением тревожности в отечественной науке занимались Е.Ю. Брель, Р.В. Кисловская, Б.И. Кочубей, Е.В. Новикова, А.М. Прихожан и др. (Кочубей, 1998; Прихожан, 2009; Шлыкова, 2015).

Так, А.М. Прихожан указывает, что тревожность - это «переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием неблагоприятного, с предчувствием грозящей опасности» (Прихожан, 2009, с.87). Различают тревожность как эмоциональное состояние и как устойчивое свойство, черту личности или темперамента.

Анализ основных работ показывает, что в понимании природы тревожности у исследователей можно проследить два подхода - понимание тревожности как изначально присущего человеку свойства, и понимание тревожности как реакции на враждебный человеку внешний мир, то есть выведение тревожности из социальных условий жизни.

Анализ проблемы детской тревожности показывает, что у детей старшего дошкольного возраста тревожность еще не является устойчивой чертой характера и относительно обратима при проведении соответствующих психолого-педагогических мероприятий. Коррекция тревожности - достаточно традиционная форма работы школьного психолога.

Рассмотрим понятие психологической готовности к школе и ее связи с детской тревожностью. Проблема психологической готовности детей к школе изучалась в зарубежных исследованиях в работах, изучающих школьную зрелость детей: Г. Гетнер, А. Кери, Штребел, Я. Иерасек, Й. Шванцара и других. В отечественной психологии теоретическая проработка проблемы психологической готовности детей к школе основана на трудах Л.С. Выготского; Л.И. Божович, Д.Б. Эльконина, Е.Е. Кравцовой, Н.Г. Салминой, Н.В. Нижегородцевой, В.Д. Шадрикова и других (Гуткина, 2004; Кравцова, 1991; Шлыкова, 2015).

Готовность ребенка к современному школьному образованию выступает как совокупный результат системы воспитания, направленной на полноценное личностное развитие каждого дошкольника. Выражением готовности к школе является ряд новообразований развития, которые начинают «заявлять» о себе в конце дошкольного детства и проявляются в качественно новых чертах и возможностях деятельности, поведения, отношения ребенка к социальному и предметному миру.

Психологическая готовность к школьному обучению - необходимый и достаточный уровень психологического развития ребенка для освоения учебной программы в условиях коллектива сверстников.

Л.И. Божович (1968) рассматривает два аспекта психологической готовности к школе: личностную и интеллектуальную готовность.

При характеристике интеллектуальной готовности к школе акцент делается не на количественный запас представлений ребенка, а на уровень развития его интеллектуальных процессов. С точки зрения Л. С. Выготского и Л. И. Божович, если ребенок интеллектуально готов к школе, то он умеет обобщать и дифференцировать предметы и явления окружающего мира.

Характеризуя личностную готовность к школьному обучению, прежде всего, имеют в виду развитие мотивационной и произвольной сфер ребенка (Л. И. Божович, Д. Б. Эльконин, Е. Е. Кравцова, Н. И. Гуткина).

Ребенок, готовый к школе, хочет учиться и потому, что у него уже есть потребность занять определенную позицию в обществе людей, а именно позицию, открывающую доступ в мир взрослости (социальный мотив учения), и потому, что у него есть познавательная потребность, которую он не может удовлетворить дома. Сплав этих двух потребностей способствует возникновению нового отношения ребенка к окружающей среде, названного Л. И. Божович «внутренней позицией школьника». Этому новообразованию она придавала очень большое значение, считая, что внутренняя позиция школьника может выступать как критерий готовности к школьному обучению (Гуткина, 2004; Кравцова, 1991).

В зарубежных исследованиях традиционно выделяются три аспекта школьной зрелости: эмоциональный, интеллектуальный и социальный.

Интеллектуальная зрелость – это дифференцированное восприятие, концентрация внимания, аналитическое мышление, выражающееся в способности постижения основных связей между явлениями; возможность логического запоминания, умения воспроизводить образец, а также тонких движений рук и сенсомоторную координацию. Интеллектуальная зрелость отражает функциональное созревание структур головного мозга.

Эмоциональная зрелость – уменьшение импульсивных реакций и возможность длительное время выполнять не очень привлекательное занятие.

Социальная зрелость – это потребность ребенка в общении со сверстниками, умение подчинять свое поведение законам детских групп, способность исполнять роль ученика в ситуации школьного обучения.

Вступая на порог новой, школьной жизни ребенок сталкивается с появлением нового страха, страха перед посещением школы. Но нередко речь идет не столько о страхе школы, сколько о страхе ухода из дома, разлуки с родителями, к которым тревожно привязан ребенок, к тому же часто болеющий и находящийся в условиях гиперопеки. Иногда родители сами боятся школы и непроизвольно внушают этот страх детям или драматизируют проблемы начала обучения, выполняют вместо детей задания, а также излишне контролируют их (Рукавишникова, 2019).

Как правило, не испытывают страха перед посещением школы уверенные в себе, любимые, активные и любознательные дети, стремящиеся самостоятельно справиться с проблемами обучения и наладить отношения со сверстниками. Другое дело, если речь идет о гипертрофированном уровне притязаний, о детях, которые не приобрели до школы необходимого опыта общения со сверстниками, чрезмерно привязаны к матери и недостаточно уверены в себе.

В этом случае они также боятся не оправдать ожидания родителей, испытывают трудности адаптации в школьном коллективе и страх перед учителем. Помимо боязни идти в сад, а затем и в школу, нередко возникает страх опросов. В основе этого страха лежит боязнь сделать ошибку, совершить глупость, сконфузиться, быть осмеянным. Как правило, боятся отвечать на вопросы тревожные, боязливые дети. Больше всего такие дети боятся отвечать у доски. Энергия расходуется не на образовательную деятельность, а на подавление тревожности.

Материалы и методы исследования. Для подтверждения выдвинутой нами выше гипотезы, было проведено эмпирическое исследование взаимосвязи тревожности и психологической готовности к обучению в школе у дошкольников. Исследование проводилось на базе МДОУ г. Ярославля. Испытуемыми были 30 старших дошкольников в возрасте 6-7 лет, из которых было 17 девочек (57 %) и 13 мальчиков (43 %).

Для изучения взаимосвязи тревожности и готовности детей к школе нами были выбраны следующие диагностические методики: Тест на тревожность детей 3,5 - 7 лет. (Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен); «Скрининговый тест школьной зрелости», авторы адаптации: Чирков В.Н., Разумовская О.Л. На основании результатов теста вычислялся индекс тревожности (ИТ) каждого ребенка. ИТ представляет процентное отношение эмоционально-негативных выборов (выбор печального лица) к общему количеству предъявленных рисунков.

Результаты и их обсуждение. После обработки полученных с помощью этой методики данных нам удалось определить уровень тревожности каждого ребенка, участвующего в исследовании. Результаты представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Распределение результатов по индексу тревожности в %

Индекс тревожности	Уровень выраженности				
	Низкий	Ниже среднего	Средний	Выше среднего	Высокий
Количество детей в %	4	12,2	20,4	42	21,4

Больше половины детей (63,4%) - имеют индекс тревожности высокий и выше среднего, 36,6% - имеют средний или низкий индекс тревожности.

Дети с высоким уровнем тревожности во время тестирования проявляли беспокойство, нервозность, волнение. У некоторых наблюдалась повышенная двигательная активность: качали ногой, наматывали волосы на палец, покусывали нижнюю губу. У отдельных детей можно было заметить физиологические признаки повышенной тревожности, например, потели ладони.

В ходе диагностики психологической готовности детей дошкольного возраста к школе использовался «Скрининговый тест школьной зрелости», авторы адаптации: Чирков В.Н., Разумовская О.Л.

Поскольку данный тест включает в себя два разнонаправленных субтеста: невербальный и вербальный, необходимо оценивать выполнение заданий детьми отдельно по каждому субтесту. Обобщенные результаты представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Распределение результатов двух субтестов в %

Показатели школьной зрелости	Уровень развития				
	Низкий	Ниже среднего	Средний	Выше среднего	Высокий
Невербальный субтест	36,6	40	13,4	3,4	6,6
Вербальный субтест	0	0	90	10	0

Сравнивая результаты, полученные по двум субтестам, мы видим, что показатели вербального интеллекта намного выше, чем невербального. Можно предположить, что высокие результаты вер-

бального субтеста, могут свидетельствовать об "обученности" (социальном опыте ребенка), т.к. содержание субтеста базируется на обобщении и классификации элементарных понятий, входящих как в программу детского сада, так и осведомленности ребенком об окружающем его мире. С другой стороны, результаты по невербальному субтесту (больше половины детей на уровне ниже среднего и среднего), могут свидетельствовать о том, что развитие тонкой моторики и зрительно-двигательной координации находится на начальном этапе своего развития и это может создавать трудности при овладении школьной программой.

Для изучения взаимосвязи между уровнем тревожности дошкольников и уровнем их школьной зрелости был использован ранговый коэффициент корреляции Спирмена. В результате ни один из вычисленных коэффициентов корреляции не оказался значимым на уровне значимости 0,05.

Следовательно, можно утверждать, что линейных взаимосвязей между уровнем тревожности дошкольников и уровнем их школьной зрелости в нашем исследовании не выявлено. Дальнейший анализ взаимосвязей переменных был направлен на поиск и доказательство существования нелинейных форм связи между ними.

Для осуществления этой задачи были построены коробчатые диаграммы для каждого показателя, иллюстрирующие как соотношение срединных значения показателя в каждой из сравниваемых выборок, так и соотношение степени разброса индивидуальных значений вокруг центральных тенденций в этих выборках.

Как показал анализ диаграмм, значения показателей как вербального, так и невербального субтеста школьной зрелости демонстрируют нелинейную связь с уровнем их тревожности: при низких значениях тревожности показатели вербального и невербального теста школьной зрелости близки к средним значениям по выборке (10,26 баллов), при более высоком уровне тревожности – снижаются, и при самом высоком уровне имеют самые высокие значения.

Исходя из анализа данных диаграмм, мы можем предположить, что повышенная тревожность не всегда способствует снижению готовности к школе. Возможно потому, что дети с высокой тревожностью более подвержены страху возможной неудачи, оценки со стороны взрослых или сверстников, это является приспособительным механизмом, повышающим ответственность перед лицом общественных требований: дошкольное учреждение, школа, родители, сверстники. Однако, как показывает анализ теоретических и практических исследований по проблеме тревожности, наличие высокой тревожности у детей может в дальнейшем привести к ее закреплению в качестве личностной черты, что, в свою очередь, будет способствовать дисгармоничному развитию личности ребенка. В связи с этим, необходима специально организованная коррекционная работа психолога МДОУ, направленная на снижение детской тревожности.

Заключение. Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что: подавляющее большинство детей (63,4%) имеет повышенный уровень тревожности. Необходимо проводить коррекционную работу, направленную на снижение детской тревожности; у большинства детей вербальный интеллект развит достаточно хорошо (90% детей имеют средний уровень развития и ни один ребенок не получил оценок низких или ниже среднего), однако невербальный интеллект развит слабо (76,6% имеют низкий и ниже среднего уровень развития); выявлена нелинейная связь между уровнем тревожности дошкольников и интеллектуальным компонентом психологической готовности к школе. Самый высокий уровень тревожности присущ детям с самой высокой степенью интеллектуальной готовности к школе.

Библиографический список

1. Гуткина Н.И. Психологическая готовность к школе. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
2. Кочубей Б.И., Новикова Е.В. Эмоциональная устойчивость школьника. М.: Сфера, 1998. 96 с.
3. Кравцова Е.Е. Психологические проблемы готовности детей к обучению в школе. М.: Педагогика, 1991. 152 с.
4. Прихожан А.М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст – 2-е изд. СПб.: Изд-во Питер, 2009. 192 с.
5. Рукавишников Н.Г. Профилактика агрессивного поведения детей и подростков. В сб.: Взаимодействие академической и практико-ориентированной психологии в сфере образования. // Материалы II национальной научно-практической конференции / под науч. рук. В.А. Мазилова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2019. С. 104-105.
6. Шлыкова О.Н. Школьная тревожность в контексте интеллектуального компонента психологической готовности к школе первоклассников // Психологические науки: теория и практика: Материалы III междунар. науч. конф. Москва: Буки-веди, 2015. С. 26-29.

Интегративная технология формирования безопасного социального поведения детей дошкольного возраста в инклюзивной образовательной среде

Аннотация. Представлено описание интегративной технологии формирования безопасного социального поведения детей дошкольного возраста в инклюзивной образовательной среде. Интегративная технология включает интеграцию медико-психолого-педагогического знания о различных качествах, свойствах и состояниях ребенка с отклонениями в развитии; интеграцию межпредметных областей дошкольного образования (социально-коммуникативное развитие, познавательное развитие, физическое развитие); интеграцию двигательной и познавательной деятельности; интегративное развитие потребностно-мотивационных, эмоционально-волевых, когнитивно-познавательных, межличностно-социальных сфер дошкольников.

Ключевые слова: интегративная технология, психолого-педагогическое обеспечение, безопасное социальное поведение, дети дошкольного возраста, дети с отклонениями в развитии, инклюзивная образовательная среда.

O.A. Silaeva

An integrative technology for the formation of safe social behavior in preschool children in an inclusive educational environment

Abstract. The article describes an integrative technology for the formation of safe social behavior of preschool children in an inclusive educational environment. Integrative technology includes the integration of medical, psychological and pedagogical knowledge about various qualities, properties and conditions of a child with developmental disabilities; integration of intersubject areas of preschool education (social and communicative development, cognitive development, physical development); integration of motor and cognitive activities; integrative development of need-motivational, emotional-volitional, cognitive-cognitive, interpersonal-social spheres of preschool children.

Keywords: integrative technology, psychological and pedagogical support, safe social behavior, preschool children, children with developmental disabilities, inclusive educational environment.

Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.) (утв. Распоряжением Правительства РФ №3684-р от 31.12.2020) в числе приоритетных направлений выделяет психолого-педагогическое обеспечение развития дошкольного образования, разработку средств психолого-педагогического сопровождения развития человека в образовательной и среде, создание безопасной образовательной среды, развитие системы образования детей с ограниченными возможностями здоровья. Интеграция данных направлений актуализирует необходимость разработки научно обоснованных программ формирования безопасного социального поведения детей дошкольного возраста в инклюзивной образовательной среде.

Безопасное социальное поведение детей дошкольного возраста в инклюзивной образовательной среде, представляет собой систему поступков и действий, соответствующих социальным нормам, ведущих к конструктивному взаимодействию детей без отклонений в развитии с детьми с отклонениями в развитии их совместному психосоциальному благополучию, отсутствию напряженности и конфликтов, а также удовлетворению потребностей в безопасности, в социальных отношениях на благо других и самого себя, в двигательной и познавательной активности.

Проблемы безопасного поведения детей и безопасного детства представлены в работах Б.М. Басанговой, П.А. Кислякова, А.В. Пелиховой, М.В. Погодаевой, Е.А. Шмелевой, О.А. Селивановой и др. В психологии и педагогике накоплен опыт, имеющий значимость для разработки программ психолого-педагогического сопровождения детей дошкольного возраста в условиях инклюзивной образовательной среды (Т.В. Луценко, Л.И. Плаксина, Н.Я. Семаго, Н.В. Салихова, Ю.В. Шильцова, Н.Н. Биктина и др.).

Нами разработана и реализуется психолого-педагогическая программа формирования безопасного социального поведения детей старшего дошкольного возраста в инклюзивной образовательной среде. Программа разработана в соответствии со следующими целевыми ориентирами, закрепленными в Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования (утв. 17.10.2013

г., №1155 г.): «охрана и укрепление физического и психического здоровья детей, в том числе их эмоционального благополучия; обеспечение равных возможностей для полноценного развития каждого ребенка независимо от психофизиологических и других особенностей (в том числе ограниченных возможностей здоровья); объединение обучения и воспитания в целостный образовательный процесс на основе духовно-нравственных и социокультурных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества; формирование общей культуры личности детей, в том числе ценностей здорового образа жизни, развитие их социальных, нравственных, эстетических, интеллектуальных, физических качеств, инициативности, самостоятельности и ответственности ребенка».

Программа построена на основе интегративной психолого-педагогической технологии.

Образовательная инклюзия является проблемой, которую невозможно глубоко оценить с какой-либо одной позиции. Наше исследование мы осуществляли на основе методологии интеграции, которая заключается в синтезе медико-психолого-педагогического знания о различных качествах, свойствах и состояниях ребенка с отклонениями в развитии и различных социальных и образовательных систем, в которых он осуществляет свою жизнедеятельность; направленность на выявление многоаспектности, разнородности детерминант и составляющих готовности специалистов дошкольного образования к проектированию инклюзивной образовательной среды. Сложность построения общей схемы и проведения исследования заключается в логическом сочетании различных методов, междисциплинарной интеграции при условии соблюдения «экстерриториальности» в отношении психолого-педагогического сопровождения (Правдов, 2013; Социально-психологическое..., 2019).

При этом интеграция используется нами на различных уровнях в методологической иерархии. Высший (социальный) уровень интеграции заключается в том, что жизнь и быт детей с ограниченными возможностями должны быть как можно приближенными к условиям и стилю жизни общества, в котором они живут (Силаева, 2014). Основоположником идеи интегрированного подхода к обучению в отечественной педагогике и психологии можно считать Л.С. Выготского, который полагал, что главная задача воспитания ребенка с нарушением развития – его интеграция в жизнь и создание условий для компенсации его недостатка. Компенсацию он рассматривал не в биологическом, а в социальном аспекте, так как считал, что воспитателю в работе с ребенком, имеющим дефекты развития, приходится иметь дело не столько с биологическими фактами, сколько с их социальными последствиями (Выготский, 1995).

На уровне психолого-педагогического сопровождения формирования безопасного социального поведения дошкольников доступны различные варианты интеграции (комбинированная, временная, частичная, полная) в разнообразных видах деятельности, будь то групповые виды работы (режимные моменты, занятия, прогулки) или межгрупповые (экскурсии, праздники, театр), при этом дети с отклонениями в развитии имеют возможность находиться среди своих сверстников, общаться с ними, видеть достижения других детей, стремиться увеличить свои. На психофизиологическом уровне принцип интеграции в инклюзивном образовании обеспечивается за счет введения движения во все виды деятельности дошкольника с отклонениями в развитии (интеграция двигательной и познавательной деятельности по М.А. Правдову (Правдов, 2006)).

В основу конструирования психолого-педагогической программы формирования безопасного социального поведения дошкольников в инклюзивной образовательной среде нами положен принцип межпредметной интеграции – интеграция межпредметных областей (социально-коммуникативное развитие, познавательное развитие, физическое развитие); гибкое сочетание воспитательной, коррекционной работы и инклюзивного образования.

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом дошкольного образования социально-коммуникативное развитие направлено на усвоение дошкольниками норм и ценностей, принятых в обществе, включая моральные и нравственные ценности по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья; развитие общения и доброжелательного, безопасного взаимодействия ребенка со сверстниками, в том числе с отклонениями в развитии; развитие коммуникативных способностей, позволяющих разрешать конфликтные ситуации со сверстниками; саморегуляции собственных действий; развитие социального и эмоционального интеллекта, эмоциональной отзывчивости, сопереживания особенно в отношении детей с отклонениями в развитии, формирование готовности к совместной деятельности со сверстниками с отклонениями в развитии. Познавательное развитие в структуре образовательной программы предполагает формирование первичных представлений о детях, имеющих различные отклонения в развитии, особенностях их поведения и познания окружающего мира (дети с отсталостью, дети с синдромом Дауна, дети с расстройства аутистического спектра). Физическое развитие в структуре образовательной программы включает приобретение опыта двигательной деятельности детей совместно с детьми с отклонениями в развитии, оказание им помощи;

овладение подвижными играми с правилами; становление целенаправленности и саморегуляции в двигательной сфере; становление ценностей здорового образа жизни.

Программа построена на основе поэтапного психолого-педагогического обеспечения формирования безопасного социального поведения детей старшего дошкольного возраста в инклюзивной образовательной среде. Опираясь на положение А.Н. Леонтьева (Леонтьев, 1981) о том, что развитие всех психических качеств человека проходит ряд постепенных этапов, нами были выявлены следующие этапы формирования безопасного социального поведения детей старшего дошкольного возраста в инклюзивной образовательной среде.

I этап – адаптационный. Естественной потребностью человека всегда была адаптация в окружающем мире. На данном этапе реализуются методики, направленные на обеспечение психосоциального благополучия детей за счет снятия эмоционального напряжения, улучшения психологического микроклимата в группе и, как следствие, минимизации психолого-педагогических рисков социальной дезадаптации детей в инклюзивной среде дошкольной образовательной организации.

II этап – мотивационно-информационный. Ценности определяют сознание, мировоззрение и поведение личности. Мотивирование дошкольников на подготовку к безопасному поведению при взаимодействии со сверстниками с отклонениями в развитии осуществляется через разъяснение морально-этических основ, развитие эмпатии и просоциальности. На данном этапе дошкольники знакомятся с особенностями поведения детей с различными отклонениями в развитии, с тем как такие дети воспринимают окружающий мир. Для этого использовались индивидуальные и групповые беседы.

III этап – практико-ориентированный – формирование в ходе занятий практических навыков безопасного социального поведения. Дошкольники на занятиях по физической культуре и во время игровой деятельности учатся тому, как можно не вызывая страх, агрессию или апатию у детей с нарушениями в развитии, прикасаться к ним, разговаривать. На данном этапе дошкольники помогали обучать своих сверстников с отклонениями в развитии навыкам самообслуживания (одевание на прогулку, мытье рук и пр.), двигательным действиям на зарядке и пр.

В конечном итоге, интегративное развитие потребностно-мотивационных, эмоционально-волевых, когнитивно-познавательных, межличностно-социальных сфер способствует формированию Я-концепции ребенка через приобретение самостоятельности и построение своего поведения, реализацию здорового и безопасного образа жизни.

Библиографический список

1. Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. М.: Просвещение, 1995. 527 с.
2. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1981. 584 с.
3. Правдов Д.М., Корнев А.В. Инклюзивное физическое воспитание в дошкольных образовательных учреждениях // Научный поиск, Шуя. 2013, № 2.2. С. 3-5.
4. Правдов М.А. Особенности организации двигательной и познавательной деятельности детей дошкольного возраста. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2006. 184с.
5. Силаева О.А. Принципы проектирования инклюзивной физкультурно-образовательной среды дошкольного образовательного учреждения // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2014. № 4. С. 14.
6. Социально-психологическое обеспечение безопасности детей с нарушениями интеллекта / П.А. Кисляков, О.А. Силаева, А.Г. Удодов [и др.]. М.: Российский государственный социальный университет, 2019. 224 с.

УДК 159.9

Н.Э. Сольнин, Т.В. Ледовская

Аксиологический подход к исследованию способности к волонтерской деятельности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07156

Аннотация. В статье волонтерская деятельность рассматривается как специфический вид активности студентов, способствующий реализации задач развития человеческого капитала. Применение аксиологического подхода к анализу способности к волонтерской деятельности студентов-волонтеров, и студентов, не занимающихся волонтерской деятельностью, показывает наличие качественных

и количественных различий. Сделан вывод, что такие аксиологические компоненты, как стремление к людям, служение, собственный престиж, сохранение собственной индивидуальности могут лежать в основе формирования способности к волонтерской деятельности.

Ключевые слова: ценность, ценностная ориентация, студенчество, волонтерство, способности, человеческий капитал.

N. E. Solynin, T. V. Ledovskaya

Axiological approach to the study of the ability to volunteer

Abstract. In this article, volunteer activity is considered as a specific type of student activity that contributes to the implementation of the tasks of human capital development. The application of the axiological approach to the analysis of the ability to volunteer of students-volunteers, and students who are not engaged in volunteer activities, shows the presence of qualitative and quantitative differences. It is concluded that such axiological components as the desire for people, service, one's own prestige, and the preservation of one's own identity can form the basis for the formation of the ability to volunteer.

Keywords: value, value orientation, students, volunteerism, abilities, human capital.

Введение. В настоящее время волонтерское движение приобретает всё большее значение для решения насущных вопросов в обществе различных направлений и масштабов. Волонтер, по определению С.И. Ожегова – это доброволец, т. е. тот, кто добровольно взял на себя какую-либо работу (Ожегов, Шведова, 1997). Ориентируясь на это определение, мы можем рассматривать волонтерскую деятельность как специфически человеческую форму активности, характеризующуюся особым стремлением к выполнению определенных действий, приносящих, прежде всего, пользу другим. Рассматривая добровольчество таким образом, мы задаёмся вопросом, каковы же причины, побуждающие человека к участию в такой деятельности, какие его характеристики являются необходимыми для формирования способности к волонтерской деятельности?

Реализуя себя в различных видах добровольчества (например, помощь при организации научных мероприятий, участие в общественном наблюдении за процедурами ОГЭ и ЕГЭ, участие в поиске пропавших людей, поддержке пенсионеров, уходе за животными, экологическом активизме и многое другое), по нашему мнению, способствует развитию человеческого капитала, способного в дальнейшем к эффективному взаимодействию с другими. Особое значение имеет участие в таких видах активности для студентов, так как это позволяет им формировать свои компетенции, обеспечивающие дальнейшее успешное развитие в рамках учебно-профессиональной, а затем и профессиональной деятельности.

Кроме того, трансформация общества привела к новому качеству развития человека, его потребностей, способностей и возможностей, а также изменению человеческих отношений под влиянием новых потребностей и новых ценностей, в которых творческий ресурс человека осознается в качестве основного ресурса общественного развития; в-четвертых, появляется необходимость создания детско-молодежных общественных объединений социальной направленности, которые помогают создать социальный круг общения, формирующий у молодежи навыки активного противостояния давлению негативного окружения.

Теоретические основы исследования. В России история волонтерского движения изначально связана с деятельностью православной церкви, позднее – с инициативой первых некоммерческих общественных объединений – земств, учителя и врачи которых много делали для русского крестьянства. В России возникло и первое женское волонтерское движение – сестры милосердия, которые во время русско-турецкой войны добровольно отправились на фронт, чтобы помогать раненым солдатам. В СССР слово «волонтер» употреблялось довольно редко; ему предпочитали слова «доброволец» и «ополченец» (Кон, 1980).

В июле 2010 года, благодаря инициативе оргкомитета «Сочи 2014», законодательно было закреплено понятие «волонтер» (Федеральный закон № 329 «О добровольчестве (волонтерстве)'). Вступил в силу с 1 января 2014 года.

Е. А. Азарова и М. С. Яницкий указывают, что психологическими детерминантами добровольческой деятельности являются: а) личностные (система мотивов, потребность в заботливости, эмпатия, ценностно-смысловая система, эмоциональные особенности, склонность к деятельности, направленность, свойства личности, самооценка); б) коммуникативно-деятельные (успешность деятельности, стиль общения, содержание и процесс обучения, стратегическое планирование и руководство); в) со-

циально-психологические (система поощрения, влияние общественного внимания, общественное признание, содержание добровольческой деятельности, социально-психологический климат добровольческой организации) (Азарова, 2008).

Т.Б. Мацюк в своей монографии также делает акцент на изучении личностных особенностей волонтеров, указывая их ключевую значимость в формировании успешности профессионализации студентов (Мацюк, 2020).

Вместе с тем, обзор литературы позволяет сделать вывод, что в успешности реализации деятельности волонтеров заложены в том числе и ценностные основания. Поэтому цель нашей статьи – выявить особенности ценностно-мотивационной сферы студентов, участвующих в волонтерской деятельности.

Материалы и методы исследования. В исследовании принимали участие студенты 1-3 курсов Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского: волонтеры - 25 человек, студенты, не занимающиеся волонтерской деятельностью - 25 человек; студенты 1-3 курсов Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова: волонтеры - 25 человек, студенты, не занимающиеся волонтерской деятельностью - 25 человек. Всего: 100 человек.

Методы исследования. В качестве организационного применен сравнительный метод. В качестве эмпирического использовался психодиагностический метод: тест А. Мехрабиана «Диагностика мотивов аффилиации», опросник терминальных ценностей «ОТеЦ». Разработан И.Г. Сениным, методика диагностики ценностных ориентаций в карьере Э. Шейна (адаптация и перевод В. А. Чикер, В. Э. Винокурова) «Якоря карьеры», ценностный опросник Ш. Шварца. В качестве методов обработки данных использован: качественный анализ (описание результатов исследования), количественный анализ. В качестве интерпретационного метода применен структурный анализ. Для оценки нормальности распределения изучаемых показателей применялся критерий Колмогорова-Смирнова (Слепко, Ледовская, Цымбалюк, 2015). Установлено, что распределение отлично от нормального. Поэтому для статической оценки значимости различий выборочных средних в независимых выборках применялся критерий U Манна-Уитни.

Результаты и их обсуждение. Первоначально осуществлено сравнение выраженности компонентов ценностно-мотивационной сферы студентов-волонтеров и студентов, не занимающихся волонтерской деятельностью, обучающихся в ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. Установлены следующие статистически значимые различия. Стремление к людям ($U=199,500$, при $p \leq 0,05$). Служение ($U=111,500$, при $p \leq 0,001$). Собственный престиж ($U=80,500$, при $p \leq 0,001$). Высокое материальное положение ($U=207,000$, при $p \leq 0,05$). Сохранение собственной индивидуальности ($U=163,000$, при $p \leq 0,01$). Выявлено, что все эти показатели имеют большую степень выраженности у студентов, занимающихся волонтерской деятельностью.

На следующем этапе исследования проведено сравнение изучаемых компонентов ценностно-мотивационной сферы студентов-волонтеров и студентов, не занимающихся волонтерской деятельностью, обучающихся в ЯрГУ им. Демидова. Выявлены следующие статистически значимые различия. Боязнь быть отвергнутым ($U=208,000$, при $p \leq 0,05$). Профессиональная компетентность ($U=194,000$, при $p \leq 0,05$). Стабильность места жительства ($U=148,500$, при $p \leq 0,001$). Гедонизм ($U=59,500$, при $p \leq 0,001$). Власть ($U=157,000$, при $p \leq 0,01$). Духовное удовлетворение ($U=211,500$, при $p \leq 0,05$). Данный показатель выше у студентов, чем у волонтеров. Эти показатели имеют большую степень выраженности у студентов, не занимающихся волонтерской деятельностью. Традиции ($U=200,000$, при $p \leq 0,05$). Универсализм ($U=160,500$, при $p \leq 0,01$). Достижения ($U=198,500$, при $p \leq 0,05$). Безопасность ($U=174,000$, при $p \leq 0,01$). Эти ценности имеют большую степень выраженности у студентов- волонтеров.

Заключение. Таким образом, в результате эмпирического исследования выявился тот факт, что ценностные основания волонтерской деятельности отличны в различных образовательных учреждениях. Преобладание таких ценностей, как стремление к людям, служение, собственный престиж, сохранение собственной индивидуальности у студентов-волонтеров педагогического университета обусловлен, на наш взгляд, тем, что сюда приходят обучаться люди, изначально обладающие педагогической направленностью, так как эти ценности, в общем, мы можем назвать общепедагогическими. Поэтому именно эти ценности, по нашему мнению, могут быть положены в основу социального воспитания волонтеров.

Библиографический список

1. Азарова Е.С., Яницкий М.С. Психологические детерминанты добровольческой деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2008. №306. С. 120-125.
2. Кон И.С. Психология старшеклассника. Москва : Изд-во Просвещение, 1980. 380 с.
3. Мацюк Т.Б. Профессиональное развитие в волонтерской деятельности. Тверь : ТГТУ, 2020. 174 с.

4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва : Азбуковник, 1997. 944 с.
5. Слепко Ю.Н., Ледовская Т.В., Цымбалюк А.Э. Анализ данных и интерпретация результатов психологического исследования: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. 290 с.

УДК 159.9

В.А. Соснин

Национальная безопасность России на рубеже XX-XXI веков в контексте методологии психологической науки

Аннотация. Национальная безопасность как феномен современной жизни, изначально возникший в экономических отношениях, неуклонно распространяется и влияет на различные сферы человеческой жизнедеятельности, изменяет традиционный уклад жизни людей, трансформирует мировоззренческие позиции, культурные ценности и поведенческие стереотипы людей. В работе эти проблемы, включая угрозы и риски, анализируются с позиций историко-психологических аспектов и социальной психологии.

Ключевые слова: Россия, национальная безопасность, глобальные процессы, угрозы, риски, культурные ценности, поведенческие стереотипы, социальная психология.

V.A. Sosnin

National Security OF Russia in XX-XXI ages: social-psychological aspects

Abstract. National Security is steadily extending to various spheres of human life and speed of capital transfer, change the traditional way of *people's lives*, transforms worldview positions, cultural values and behavioral stereotypes. Each member of the global network acts as a kind of conductor of their own ideas and creates the psychological potential of live. In the article this problem is analyzed in connects of social psychology.

Keywords: Russia, National Security, global processes, cultural values, risks, behavioral stereotypes, social psychology.

Введение. Анализ национальной безопасности государства актуален. Безопасность - одна из глобальных потребностей человека, общества и государства как способность людей предупреждать и устранять угрозы своему существованию, разрушающие их фундаментальные интересы и ценности. Понятие национальной безопасности определяется как защищенность национальных интересов личности, общества и государства, обеспечивая устойчивое развитие общества..., предотвращение и нейтрализацию угроз национальным интересам в разных сферах жизнедеятельности общества и государства. Национальная безопасность характеризует степень защиты государства, интегрирует в себе ряд частных безопасностей, что позволяет на их основе более полно оценивать состояние защиты ее интересов от отдельных угроз (см. (Малин, 2007)).

Место национальной безопасности в глобальной безопасности зависит от существующей системы международной безопасности, геополитического положения и уровня развития страны в политической, экономической, военной и других областях.

Цель статьи – проанализировать национальную безопасность России на рубеже XX-XXI веков в контексте историко-психологических проблем и социальной психологии. Теоретические основы и методы исследования опираются на принципы и положения отечественной социальной психологии.

Краткий концептуальный анализ понятия безопасности. Основные элементы безопасности России: 1) Международная: Глобальная, Региональная, 2) Национальная: Государства, Общества, Регионов, Частная, 3) Политическая, экономическая, военная, информационная, культурная, экологическая, демографическая.

Структуру понятия безопасности можно представить в виде схемы.

Национальная безопасность России связана с общей геополитической ситуацией в мире. Она характеризуется рядом глобальных факторов. Основная причина современной геополитической ситуации состоит в том, что западная цивилизация на протяжении 500 лет доминировала в мире и определяла ценности его развития. Но Современный мир развивается и переформируется. XXI век стал свидетелем ослабления доминирования западной цивилизации и формирования новых геополитических центров сил и международных союзов (ЕЭС, БРИКС, ШОС и др.),

Резко обострились геополитические риски, несущие угрозу безопасности России на пространстве ее геополитических интересов (Украина, Белоруссия, Армения, Азербайджан, Киргизия и т.д., обострение отношений с Турцией как историческим геополитическим противником России и т.д.). Происходит обострение гибридной информационной борьбы во всех сферах международной жизни (Соснин, 2020; Сундиев, 2016 и др.).



Схема 1. Структура понятия «безопасность»

Россия и другие страны с традиционным типом культуры стремятся отстаивать в международных отношениях принцип равноправия отношений «справедливости», а не доминирования. Россия – это цивилизация с тысячелетними ценностями и мировоззрением. В ее основе лежат ценности Православия и культуры (справедливости, милосердия, стремление к духовному развитию и др.), и не принятие извращений ценностей Западного мира (гомосексуализма, лесбиянства, однополых браков и т.д.), которые Запад нам навязывает как образец нравственного идеала.

Угрозы Национальной безопасности России на пороге XX-XXI веков: проблема глобальных рисков. Проблематика глобальных угроз Национальной безопасности России в социальной психологии исследуется (см. (Ковалева, 2016; Нестик, 2018; Психологические исследования..., 2018) и др.). Политологические, социологические и социально-психологические исследования по глобальным рискам группируются вокруг ряда проблем: идеологической и религиозно-духовной безопасности; ядерных отношений между Россией и США; ядерных отношений между Китаем и США; ядерного потенциала Европы и НАТО в сравнении с Россией; ядерных отношений между Индией и Пакистаном; новых ядерных держав мира и стран, способных приобрести ядерное оружие; терроризма и экологической безопасности.

Угроза стратегической стабильности в ядерных вопросах в современном мире считается экспертами *главным геополитическим риском и угрозой существования цивилизации.* В 2014-2015 гг. резко обострились негативные геополитические тенденции, несущие угрозу Национальной безопасности России.

Обозначим кратко некоторые проблемы.

Проблема ядерных отношений между Россией и США. Между США и Россией существует стратегический паритет по ядерным потенциалам и договоренностям по взаимным действиям при возникновении кризисных ситуаций. Однако на пороге веков США резко усилили давление на Россию. Это односторонний выход США из договора по ПРО и концентрация вооруженных сил НАТО вокруг границ России, выход из договора по ракетам средней и меньшей дальности (РСМД), намерение США выйти из договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ 3), который новая администрация США без всяких условий (непременное участие Китая) в конце концов подписала с Россией.

Проблема ядерного потенциала Европы и России. Кратко можно сказать следующее, совокупный ядерный потенциал Франции и Англии не сравним с ядерным потенциалом России. При возникновении ядерного конфликта только США, как главный член НАТО, могут оказать противодействие России (Кокошин, 2015).

Проблема ядерных отношений между США и Китаем. Проблема имеет прямое отношение к стратегической безопасности России. Китай для России на современном этапе истории объективно является стратегическим союзником. При его наступающем доминировании в XXI веке, и утратой США лидирующих позиций в мире, для России на евразийском континенте вырисовываются новые геополитические условия (возможности и угрозы), к которым необходимо готовиться. США, начиная с 1970-х годов, рассматривают Китай как главный фактор противостояния своей стратегической политике в Азии. Несмотря на успешные экономические реформы в Китае, которые США внешне приветствуют, темпы развития поведение Китая вызывает у них озабоченность, поскольку могут подорвать интересы США в этом регионе. Противоречия взаимоотношений между США и Китаем связаны с рядом геополитических вопросов, которые вызывают у обеих стран напряженность в экономике и т.д.

Китайский полуостров - это регион, где возможность возникновения конфликта между Северной и Южной Кореей, Японией и Китаем реальна. Россия имеет общую границу с Северной Кореей. И ей небезразлично, какая ядерная держава (дружественная или враждебная), находится на ее границах. Россия и Китай поддерживают Северную Корею, что также является точкой геополитических рисков в регионе (США стремятся к разрушению Северной Кореи как геополитического субъекта, обладающего ядерным оружием). *Тайвань* остается источником напряженности между США и Китаем. США используют остров как важный геостратегический объект отстаивания своих геополитических интересов.

Проблема ядерных отношений между Индией и Пакистаном. Геополитические отношения между Индией и Пакистаном как ядерных держав, характеризуются религиозными противоречиями и проблемой Кашмира. Индия является страной буддисткой, а Пакистан исламской (Levis, 2015). Для России Индия и Пакистан в перспективе являются ее геополитическими союзниками. Индия входит в организации ШОС и БРИКС, а Пакистан стремится вступить в эти структуры. И если между этими странами возникнут ядерные проблемы, Россия должна готовиться к реагированию на них.

Проблема стран мира, способных к приобретению ядерного оружия. Проблема сложная для «клуба старых ядерных держав». С одной стороны, обладание ядерным оружием является гарантом политической независимости государства во взаимоотношениях с другими субъектами истории. Ядерные державы стремятся препятствовать приобретению ядерного оружия странами, не имеющими ядерного оружия и реализуют такую политику политическими, дипломатическими, экономическими и военными средствами. И такая политика объяснима – чем меньше стран в мире будут обладать ядерным оружием, тем стабильнее будет геополитическая ситуация в мире. С другой – наличие ядерного оружия охраняет государство от агрессии и гарантирует его суверенитет. Югославия, не имеющая ядерного оружия, прекратила свое существование (не говоря о Ливане, Ираке и т.д.). Северная Корея, имея пример этих стран, приобрела ядерное оружие и сохранила себя как геополитический субъект истории. Возможностью приобретения ядерного оружия по своему научно-техническому потенциалу обладают многие страны мира – Германия, Канада, Турция, Египет и другие страны. Поэтому проблема приобретения ядерного оружия по мнению ряда аналитиков не является однозначной.

Геополитические угрозы и риски, связанные с проблемой терроризма. Обозначим проблему кратко. Терроризм в современном мире – это глобальная угроза мировому социуму. Одной из наиболее активно действующих террористических организаций, наряду с Аль-Каидой, остается ИГИЛ – международная террористическая организация, которая является основной угрозой цивилизации. Она в своих методах приближается к традициям раннего Халифата с его варварским отношением к другим культурам и религиям (Соснин, 2015).

Не трудно видеть, что проблематика глобальных рисков России связана с угрозами ее Национальной безопасности как геополитического субъекта истории.

Заключение. Проведенный историко-психологический анализ Национальной безопасности РФ на пороге веков показал, что проблема является комплексной. Она связана с общей геополитической ситуацией в мире. Национальная безопасность России детерминируется наличием системы общественных отношений и функционированием системы управления, способной реагировать на возможные угрозы. Эти условия влияют на различные сферы жизнедеятельности людей, изменяют их традиционный уклад жизни, трансформируют мировоззренческие позиции, культурные ценности и их поведенческие стереотипы.

В работе проанализирована проблема концептуального определения Национальной безопасности, обозначены глобальные факторы, влияющие на ее стабильность (информационно-психологическое противостояние Запада России, Китаю и другим странам с коллективистическим типом культуры и др.). Рассмотрены геополитические угрозы и риски стратегической стабильности России в XXI веке - проблематика ядерных отношений между Россией и США, Китая и США, Европы и России.

Работа является проблемно-установочной, ориентирующая социальных психологов к изучению проблемы и комплексной интеграции исследований в контексте методологии современной психологии.

Библиографический список

1. Китова Д.А. Отечественная психология в условиях развития глобальных процессов // Психологический журнал, 2019. Т. 40, № 2, с. 128-139.
2. Ковалева Ю.В., Соснин В.А. Стратегическая стабильность и ядерное сдерживание в XXI веке: геополитические риски и социально-психологические проблемы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология, 2016. Т. 1, № 4, с. 168-205.
3. Кокошин А.А. Стратегическая стабильность. Научно-технические, военные и политические аспекты // Вестник российской академии наук, 2015. Т. 85, № 11, с. 963-970.
4. Малин А.С. Содержание понятия безопасность // Вестник Академии военных наук, 2007. № 4, с. 110-125.
5. Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Психология глобальных рисков. М.: Изд. «Институт психологии РАН», 2018.
6. Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова. М.: Изд. «Институт психологии РАН», 2018.
7. Соснин В.А. Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке. Изд. «Форум», 2015.
8. Соснин В.А., Китова Д.А. Социально-психологические факторы геополитики // Гуманизация образования, 2020. № 2, с. 28-37.
9. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). Монография. М.: Русский биографический институт–Институт экономических стратегий, 2016.
10. Letov P. Strengthening the nuclear nonproliferation regime. Council Special Report № 54. International Institutions and Global Governance Program. April, 2010.
11. Levis P. Iran and Nuclear Restraint // Research Paper. Middle North Africa Program and International Security Department. July.2015.

УДК 37.015.33

Н.Ю. Стрижак, В.М. Каримова

Развитие техники чтения младших школьников на уроках русского языка посредством написания зрительных диктантов И.Т.Федоренко

Аннотация: в статье предприняты попытки теоретического обоснования и описания результативности применения зрительных диктантов И.Т. Федоренко для развития техники чтения младших школьников. Рассмотрены механизмы развития характеристик техники чтения (правильность, беглость, выразительность, осознанность) на уроках русского языка. Техника (навык) чтения рассматривается как чтение осознанное, правильное, целыми словами, с соблюдением пауз и интонаций, посредством которых ученик выражает понимание смысла читаемого, выражает свое отношение к содержанию прочитанного.

Ключевые слова: чтение, техника чтения, правильность, беглость, выразительность, осознанность, зрительный диктант, извлечение информации, осмысление.

N.Iu Strizhak. V.M. Karimova

Development of reading techniques for primary schoolchildren in Russian language lessons by writing visual dictations I.T. Fedorenko

Abstract: The article attempts to theoretically substantiate and describe the effectiveness of the use of visual dictations by I.T. Fedorenko for the development of reading techniques for younger students. The mechanisms of the development of the characteristics of reading technique (correctness, fluency, expressiveness, awareness) in

the lessons of the Russian language are considered. The technique (skill) of reading is considered as reading conscious, correct, in whole words, with the observance of pauses and intonations, through which the student expresses an understanding of the meaning of what is being read, expresses his attitude to the content of the read.

Keywords: reading, reading technique, correctness, fluency, expressiveness, awareness, visual dictation, information extraction, comprehension.

Если раньше люди получали информацию через книги, телевидение, радио, то с развитием интернета, внимание обывателя сосредоточилось на просмотрах видео с Мировой сети. В эпоху развития Всемирной паутины возникает вопрос: «Так ли необходимо развивать технику чтения у младших школьников»? По результатам исследований PISA 2018 года, наибольший интерес представляют результаты по чтению, где произошло сильное и статистически значимое снижение. После заметного роста в течение девяти лет уровень читательской грамотности снизился на 16 баллов, и Россия «откатилась» к показателям 2012 года. Важно отметить, что подобное снижение произошло и в других странах, которые находились на схожих с Россией стартовых позициях в самом начале мониторинга в 2000 году, например, в Португалии и Латвии, а также в среднем по ОЭСР и в Финляндии, стране — лидере 2000 года. Скорее всего, в этом виде грамотности Россия достигла своей «зоны комфорта». При этом важно отметить, что PISA измеряет три компонента читательской грамотности: поиск и извлечение информации, ее интегрирование и интерпретация, осмысление и оценка. Последний компонент считается самым сложным, так как подразумевает критическое осмысление прочитанного. Отставание этого навыка у российских школьников было выявлено еще в PISA–2009. С тех пор наши ребята совершили значительный рывок. В 2018 году Россия показала одинаковые результаты по всем трем компонентам читательской грамотности. Однако этого оказалось недостаточно для того, чтобы избежать снижения баллов в целом. Возможно, что при текущих содержании и образовательных технологиях ресурсы в подтягивании навыков чтения исчерпаны (ФГБОУ..., 2021).

В соответствии с требованиями ФГОС НОО к планируемым результатам освоения учащимися основной образовательной программы начального общего образования в части оценивания достижения планируемых результатов особое внимание уделяется сформированности у учащихся оптимальной техники чтения: выпускники начальной школы должны уметь читать быстро и осознанно 100-120 слов в минуту (Федеральный..., 2018).

Над развитием техники чтения педагоги работают на уроках литературного чтения. Мы рассматриваем вопрос развития техники чтения на уроках русского языка.

Проблема исследования: как на уроках русского языка, используя зрительные диктанты, развить технику чтения младших школьников? Объект исследования: процесс развития техники чтения младших школьников. Предмет исследования: зрительные диктанты И.Т. Федоренко – средство, развивающее технику чтения младших школьников на уроках русского языка. Гипотеза: если на уроках русского языка, при реализации зрительных диктантов И.Т. Федоренко, соблюдать условия постепенности (перехода от минимального количества слов к максимальному) и систематичности (ежедневное написание диктантов в течение 7-8 минут), то у младших школьников произойдет развитие качеств техники чтения (беглость, выразительность, правильность, осознанность). Цель исследования: теоретическое обоснование и реализация зрительных диктантов И.Т. Федоренко для развития техники чтения младших школьников.

Процесс чтения способствует перекодировке письменной речи в звуковую, где и происходит понимание прочитанного. Понимание смысла прочитанного создает в сознании читателя образы, желания, чувства (Методика..., 2021).

Чтение – это набор навыков и умений. Это: умение правильно и бегло читать, соблюдая паузы, выделения голосом, умение понимать смысл прочитанного. Чтение состоит из двух сторон – семантической, которая обеспечивается процессом понимания прочитанного, и технической, подчиненной первой и служащей ей. Основными показателями техники чтения являются его четыре качества: правильность, беглость, осознанность и выразительность: правильность – плавное чтение без искажений, влияющих на смысл прочитанного; беглость чтения – скорость чтения, определяющая понимание прочитанного. Скорость измеряется количеством прочитанных печатных символов за единицу времени (обычно это количество слов в минуту); осознанность – понимание авторского замысла, понимание художественных средств, помогающих реализовать этот замысел, понимание собственного отношения к прочитанному; выразительность – умение посредством устной речи донести до зрителя основную идею произведения и собственное отношение к нему (Азимв..., 2009).

Все качества чтения взаимосвязаны и требуют одновременной работы над их формированием и развитием: для понимания смысла читаемого, важно правильное звучание графических знаков (букв); важно понимание каждого слова в предложении; для понимания всего текста важно понимание каждого

предложения текста, связи предложений между собой; для понимания общего смысла читаемого важно правильное чтение слов, предложений; правильное прочтение, демонстрирующее понимание текста составляет выразительность чтения (Егоров..., 2003). Каждый из компонентов, составляющих техники чтения, сначала формируется, отрабатывается как умение и через упражнения постепенно поднимается до уровня навыка, то есть выполняется без напряжения, автоматически (Методика..., 2021).

Психологи обнаружили, что развитие техники чтения часто тормозится слаборазвитой рабочей памятью учащихся. Например, ребенок читает предложение, состоящее из 6-8 слов. Прочитав до 3-4 слов, он забывает первое слово. Поэтому он не может понять смысл предложения, не может соединить все слова вместе. В этом случае, конечно, возникает необходимость работать над рабочей памятью (Васильева..., 2007). Необходимо стараться писать с ребенком не просто под диктовку, а под зрительный диктант. Зрительный диктант отличается от обычного диктанта тем, что он предназначен для чтения, запоминания и записи учеником. Написание зрительных диктантов способствует формированию навыка свободного чтения, развитию внимания детей, зрительной и рабочей памяти, формированию остроты орфографии (Методика..., 2021).

Зрительные диктанты по методике И.Т. Федоренко – это система предложений, не связанных по смыслу, но подчеркивающих количество слов и букв, которые ребенок должен запомнить в течение 6-10 секунд экспозиции, а затем записать. Такая работа помогает: развивать память, тренировать внимание, усваивать элементарные правила грамматики, учиться читать быстрее. Украинский педагог И.Т. Федоренко более 25 лет назад глубоко изучал значение зрительного восприятия в формировании быстрого чтения (Васильева..., 2007).

В результате долгой работы ученый пришел к выводу, что для скорости чтения необходимо комплексное развитие: оперативный тип памяти, внимания (как произвольного, так и непроизвольного), периферического зрения, наряду с центральным. Значительным преимуществом метода Федоренко является то, что он позволяет работать над совершенствованием способности угадывать слова по контурам, при этом быстрее узнавать содержание словосочетаний и предложений. Кроме того, авторский метод помогает ребенку справиться с трудностями в произношении, которые связаны с особенностями дикции и артикуляции.

Материалы и методы исследования. Материал для диктовки включает 18 наборов из 6 предложений. Предложения для диктанта можно составить самим или воспользоваться наборами автора методики. На начальном этапе работы объем предложений составляет минимальное количество слов. Длина предложений постепенно увеличивается. Первое предложение первого набора – кратчайшее, всего 8 букв. Последнее предложение последнего набора состоит из 46 букв. Время работы всех наборов составляет около двух месяцев. За это время рабочая память развивается таким образом, что ребенок может запомнить предложение из 8-9 слов, не забывая первое. Теперь он легко усваивает смысл, ему становится интересно читать, а процесс обучения чтению идет гораздо быстрее (Методика..., 2021).

Работа со зрительными диктантами организована следующим образом: необходимо показать на слайде все 6 предложений набора. После объяснения цели работы следует показывать предложения по одному. Дети некоторое время (определенное профессором Федоренко для каждого предложения) читают это предложение молча и стараются его запомнить. По истечении времени (от 4 до 8 секунд) предложение закрывается, и ученики записывают его по памяти на листочек. За этим следует экспозиция, чтение, запоминание и запись второго предложения и так далее (Методика..., 2021). Шесть предложений одного набора обычно занимают от 5 до 8 минут на уроке русского языка.

С одним набором предложений следует работать до тех пор, пока ребенок не запишет все правильно. То есть использовать один набор в течение нескольких дней. В среднем для каждого набора предложений требуется три дня, в общей сложности два месяца, чтобы потренироваться во всех 18 наборах.

При первом написании не все слова предложения запоминаются, это говорит, что диктанты носят тренировочный характер (Методика..., 2021).

Постепенное увеличение длины предложений обеспечивает постепенное повышение сложности чтения и запоминания, что облегчает практику.

Для того чтобы данная методика развития техники чтения и орфографического письма соответствовала предполагаемому курсу, необходимо проводить визуальные диктовки, соблюдая условия: зрительные диктанты должны записываться ежедневно. Если вы предлагаете визуальные диктовки ежедневно, то прирост скорости чтения за два месяца составляет в среднем 44 слова в минуту. Если вы уменьшите частоту тренировок, то память учащихся будет развиваться значительно хуже; быть терпимым к тем детям, которые не могут запомнить весь набор. В то же время, важно приучить их к дальнейшей работе, пропустив то, что не получилось запомнить; установить тишину при запоминании и воспроизведении слов (диктовке учащимися предложения себе для записи), так как любой комментарий вслух

сместит акцент со зрительного на слуховое восприятие; нужно записывать предложения на отдельных листах, чтобы была возможность их убрать с поля зрения пишущего; если вы позволите записать слова в блокнот, то работа предыдущего дня отвлечёт вас от фактического задания; после написания не исправлять недостатки, чтобы дети не запоминали отдельные буквы, а старались вставить целые слова в свои головы; наблюдать за прогрессом учеников. Если учащиеся быстро выучат все слова в простых предложениях набора, то трудность нужно выстраивать, то есть начинать работать над следующим; развивать ритм работы над упражнениями, основываясь на прогрессе детей; если учащиеся усвоили написание групп предложений, то нужно переходить к следующей группе предложений (Методика..., 2021).

Результаты и их обсуждение. В исследования были проведены замеры техники чтения у учащихся 2 класса МАОУ СОШ Новоатъяловская (Тюменская область, Ялуторовский район) до реализации диктантов И.Т. Федоренко.

Проверка правильности чтения показала: высокий уровень – у 37,5% , средний - у 37,5% , низкий – у 25% учащихся. Выразительность: высокий уровень –31,25%, средний – 31,25 % , низкий – 37,5%. Беглость чтения на высоком уровне - у 37,5%, на среднем - у 25%, на низком - у 37,5% учащихся. Осознанное чтение наблюдается на высоком уровне - у 37,5%, на среднем - у 31,25%, на низком – у 31,25% учащихся.

Результаты проверки техники чтения у учащихся 2 класса МАОУ СОШ Новоатъяловская (Тюменская область, Ялуторовский район) после реализации диктантов И.Т. Федоренко.

Проверка правильности чтения показала: высокий уровень – у 56,25%, средний уровень – у 37,5%, низкий уровень – у 6, 25%. Выразительность: высокий уровень – 50%, средний уровень – 37,5 % , низкий – 12,5%. Беглость чтения: высокий уровень - 62,5%, на среднем - 25%, на низком - 12,5%. Осознанное чтение наблюдается на высоком уровне - у 56,25%, на среднем - у 37,5%, на низком – у 6, 25% учащихся.

Исследование показало, что после реализации зрительных диктантов И.Т. Федоренко на уроках русского языка произошли изменения в уровне развития всех качеств техники чтения младших школьников.

Заключение. Чтение – как одна из высших интеллектуальных функций, как целенаправленная деятельность влияет на взгляды, сознание, поведение человека. Чтение – сложный психологический процесс, влияющий на чувства и мировоззрение, способствующий восприятию и пониманию письменной речи. Через чтение происходит опосредованное отражение действительности через: восприятие, память, внимание, мышление и познание через чувства [1]. Главным условием реализации диктантов Федоренко является систематичность, зрительные диктанты должны проводиться ежедневно. На каждый набор, в среднем, уходит 2-3 дня. 18 комплектов – это 54 дня, т.е. около 2 месяцев. Такой период времени позволяет развить рабочую память (Методика..., 2021). Происходит динамика всех качеств техники чтения младших школьников.

Библиографический список

1. Азимов Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Васильева М.С. Актуальные проблемы обучения чтению в начальных классах. М.: Педагогика, 2007. 256 с.
3. Егоров Т. Г. Психология овладения навыком чтения. М.: АПН РСФСР, 2003 264 с.
4. Методика зрительных диктантов по системе Федоренко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://shkolabudushego.ru/shkola/metodika-zritelnyih-diktantov-po-sisteme-fedorenko.html>. Дата доступа: 27.02.2021
5. ФГБУ «Федеральный институт оценки качества образования» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://fioo.ru/pisa> Дата обращения: 23.04.2021
6. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования [Электронный ресурс] // Закон. Прост, 2018. Режим доступа: <http://www.zakonprost.ru/content/base/part/658814>. Дата доступа: 27.02.2021

Взаимосвязь развитости эмоционального интеллекта и сформированности представления о карьере у студентов вуза

Аннотация. В данной статье представлены теоретические основы понятий «карьера» и «представление карьеры», изучены исследования процесса представления карьеры студентами вуза. Подводятся итоги исследования сформированности представления о карьере студентами психолого-педагогического профиля обучения, а также исследования развитости «эмоционального интеллекта» студентами данного профиля обучения. Проводится математический анализ взаимосвязи данных переменных, тем самым выявляется детерминанта сформированности представления о карьере студентами.

Ключевые слова: карьера, представление карьеры, эмоциональный интеллект, самомотивация, эмоциональная осведомленность.

M.V. Tamazin, A.E. Tsybaliuk

The relationship between the development of emotional intelligence and the formation of the concept of a career among university students

Abstract. This article presents the theoretical foundations of the concepts of "career" and "career representation", studies of the process of representation of a career by university students. The results of the study of the formation of the idea of a career by students of the psychological and pedagogical profile of education, as well as the study of the development of "emotional intelligence" by students of this profile of education are summarized. A mathematical analysis of the relationship of these variables is carried out, thereby revealing the determinant of the formation of the students' idea of a career.

Keywords: career, career presentation, emotional intelligence, self-motivation, emotional awareness.

Введение. В современной системе построения карьеры, существует множество особенностей и аспектов, способствующим успеху или неуспеху данного предприятия. Из-за особенностей личности, составить общий план построения карьеры, является сложной задачей. Кроме профессиональных характеристик личности, на процесс представления будущей карьеры влияют также личностные особенности каждого человека, его психологические и социальные аспекты. Таким образом, изучение карьеры сводится к различным психологическим дисциплинам, таким как: психология труда, организационная психология, семейная психология, педагогическая психология и т.д. Цель данной статьи заключается в выявлении детерминант влияющих на сформированность представления о карьере у студентов. В исследовании приняло участие 76 студентов Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского.

Теоретические основы исследования. Вопрос построения карьеры и факторы, влияющие на него, поднимался различными авторами, как зарубежными, так и отечественными. Авторы рассматривали связанные с карьерой понятия, тем самым создали множество концепций по различным аспектам построения карьеры. Психодинамические модели выбора карьеры рассматривали такие авторы как: З.Фрейд, У.Мозер, Е.Бордин, А.Маслоу, теории профессиональных интересов изучал Э.Роз, теории развития описывались: Э.Шпранглером, Э.Гинцбергом, У.Джейдом, Д.Сьюпером, теории выбора карьеры Дж.Голланда, теория мотивации карьеры Д.Винтера и Д.Маккленланда, а также постановка карьерных целей А.С. Гусевой и А.Д. Кибанова.

Факторы, способствующие успешному развитию индивидуальной карьеры в своих трудах рассматривали А.А. Деркач, Дж. Клаузен, П. Лэмбинг, Е.А. Могилевкин, М.В. Сафонова, Дж. Хант и др., становление и развитие личности в ходе карьерного продвижения изучали А.А. Деркач, С.Т. Джанерьян, П.Н. Ермаков, А.К. Маркова, Е.Г. Молл, Т.П. Скрипкина, Д. Сьюпер. Вопросы взаимосвязи профессионального и личностного развития освещаются в трудах К.А. Абульхановой-Славской, Н.С. Пряжниковой, Е.А. Климова, Э.Ф. Зеера, Е.Г. Молл и др.

Вопрос построения карьеры актуален для лиц любого возраста, но особенно остро, проблема стоит перед лицами студенческого возраста, так как данная группа стоит на начале своего карьерного пути и делает свои первые профессиональные шаги.

Изучение представлений о карьере у лиц студенческого возраста, проведенное С.Ю. Ждановой, показало, что карьера воспринимается студентами в широком смысле слова и описывается и как профессиональное развитие субъекта, и как развитие личности. Кроме этого, было выявлено, что образ будущего у студентов является нечетким, размытым, недостаточно осознанным. Видение же серьезных и обобщенных целей у респондентов практически отсутствовало (Жданова, 2011).

Процесс построения карьеры, безусловно, сопровождается представлением будущей карьеры у человека. Представления о карьере понимаются нами как наглядный образ успешного продвижения личности в области общественной, служебной, научной деятельности, возникающий на основе прошлого опыта путём воспроизведения его в памяти или воображении (Тимофеева, 2016).

Материалы и методы исследования. Целью нашего исследования является выявление уровня сформированности представления о карьере у студентов и уровня развитости «эмоционального интеллекта», а также взаимосвязи данных переменных.

Для решения данной задачи, в исследовании были использованы следующие методики: Анкета «Образ будущей карьеры». Для выявления уровня сформированности представления о карьере у студентов, нами была составлена анкета. С помощью методики Г. Олпорта, использованной в исследовании С.Ю. Ждановой (Жданова, 2011), была сформирована анкета, определяющая уровень представления о карьере студентами в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Цель методики: составить представление своей карьеры по данным характеристикам. Сфера профессиональной деятельности. Профессиональный статус. Профессиональные задачи. Содержание этапов достижения данного профессионального статуса. В настоящий момент, через 2 года, через 5 лет.

Респонденту задается 3 вопроса: 1) Опишите вашу текущую карьеру (кем вы работаете, если не работаете, то так и напишите), связано ли это с вашей специальностью. 2) Опишите вашу карьеру через 2 года (на какой должности вы себя видите, ваше место работы, ваши профессиональные задачи и обязанности). 3) Опишите вашу карьеру через 5 лет (на какой должности вы себя видите, ваше место работы, ваши профессиональные задачи и обязанности).

Оценивание производится по следующим критериям: Конкретность – насколько подробно респондент описывает свою карьеру, чёткость и детализированность его представления. Ясность – насколько понятно расписаны этапы развития карьеры. Измеримость – выражены ли чёткие критерии в количественных или качественных показателях.

Методика предложена Н. Холлом для выявления способности понимать отношения личности, репрезентируемые в эмоциях и управлять эмоциональной сферой на основе принятия решений. Она состоит из 30 утверждений и содержит 5 шкал: Эмоциональная осведомленность. Управление своими эмоциями. Самомотивация. Эмпатия. Распознавание эмоций других людей. Использую данные методики, нами были выявлены сформированность представления о карьере у студентов и развитость «эмоционального интеллекта».

Результаты и их обсуждения. Представление о карьере является важной частью построения будущего для студентов. Проведенное исследование показало уровень сформированности данного представления и нами были получены интересные результаты.

В первую очередь рассмотрим общие результаты проведенного исследования и сделаем общие выводы по поводу всей выборки исследования.

«Представление о карьере у студентов»

Среднее значение	Мода	Медиана
8,99	3	9

Рассмотрев полученные данные можно сделать выводы, что уровень сформированности представления о карьере у студентов находится на среднем уровне, так как средний балл находится на уровне 9 баллов из 15 возможных. Также медиана находится на уровне 9 баллов, что подтверждает средний показатель и позволяет нам утверждать о том, что уровень студентов находится на данной степени сформированности.

Мода показывает уровень 3 баллов из 15 возможных, что даёт нам понять о большом количестве студентов с низким уровнем сформированности представления о карьере, что в свою очередь может влиять на средний уровень по выборке.

Следующим этапом нашего исследования, стало определения развитости у студентов «эмоционального интеллекта».

Исходя из методики, использованной для выявления уровня развитости, нами рассматривается пять различных аспектов ЭИ: Эмоциональная осведомленность. Управление эмоциями. Самомотивация. Эмпатия. Распознавание эмоций других людей

Показатели уровня выраженности эмоциональных особенностей у студентов

	Эмоциональная осведомленность	Управление эмоциями	Самотивация	Эмпатия	Управление эмоциями других людей
Средний показатель	11,82	5,59	8,81	9,63	9,46
Мода ряда	14	8	10	12	14
Медиана ряда	12	7	9	11	11

Корреляция представления о карьере и эмоциональных аспектов личности

	Эмоциональная осведомленность		Управление эмоциями		Самотивация		Эмпатия		Распознавание эмоций других людей	
Представление о карьере	r	0,504	r	0,029	r	0,572	r	0,143	r	-0,027
	p	0,001	p	0,807	p	0,001	p	0,217	p	0,816

Изучив корреляцию компонентов «эмоционального интеллекта» с представлением о карьере у студентов вуза, нами были сделаны выводы, что из пяти исследуемых компонентов, взаимосвязь была обнаружена с такими особенностями, как «Эмоциональная осведомленность» и «Самотивация». Между данными особенностями и представлением о карьере существует прямая, сильная связь, что подтверждает рост сформированности представления о карьере при высокой выраженности данных аспектов личности студента.

Изученные эмоциональные аспекты личности студентов показали, что на процесс формирования представления о карьере у студентов, влияют такие компоненты «эмоционального интеллекта», как «Эмоциональная осведомленность» и «Самотивация». Такая связь обусловлена тем, что умение понимать свои эмоции, является важной основой в изучении человеком себя. Процесс представления, невозможен без понимания своей личности, имеющиеся результаты подтверждают подобные выводы. Касаясь «Самотивации» можно сделать выводы, что умение использовать свои эмоции в деятельности, благоприятно влияют на процесс представления о карьере. Студенты понимают, что могут использовать свои эмоции в деятельности и учитывают данный навык в планировании будущей карьеры, следовательно, при представлении данной карьеры они берут в расчёт такую особенность, что позволяет лучше сформировать данное представление.

Заключение. Итогом проведенного исследования можно считать, выявление уровня сформированности представления о карьере студентами вуза, также развитость «эмоционального интеллекта». Проведенные математические расчёты показали, что множество компонентов ЭО имеют прямую связь с представлением о карьере, таким образом мы можем подтвердить тот факт, что внутренние аспекты личности студентов, имеют высокое влияние на процесс представления карьеры. Подобные выводы, говорят нам о том, что компоненты ЭО являются детерминантами сформированности представления о карьере. Практическим применением данного исследования служит понимание детерминант представления о карьере и возможность корректировки программ профориентации в вузах, для повышения уровня подготовленности студентов к построению дальнейшей карьеры.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегии жизни. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. Афанасов А.В. Формирование профессиональных компетенций у выпускников направления «Организация работы с молодёжью» // Научное творчество молодёжи как ресурс развития современного общества. Под ред. Е.Ю. Илалтдиновой, Р.У. Ариуфулиной, С.И. Аксенова. – 2019. С. 29-32.
3. Джанерьян С.Т. Типы профессиональных Я-концепций // Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. №12. 2004. С. 79-85.
4. Джанерьян С.Т. Профессиональная Я-концепция: системный анализ. Ростов н/Д, 2004.
5. Жданова С.Ю. Особенности представлений студентов о карьере // Вектор науки тольяттинского государственного университета. Серия: педагогика, психология, 2011 с. 102-105
6. Зеер Э.Ф. Психология профессионального развития: учеб. пособие. М.: ИЦ Академия, 2008. - 240 с.
7. Тимофеева О.В. Представление о карьере студентов с мотивацией достижения успеха и избегания неудач // Научно-исследовательский институт школьных технологий, 2016. С. 115-120.

Психологическое сопровождение сотрудников многофункциональных центров (МФЦ)

Аннотация. Статья посвящена проблеме психологического сопровождения сотрудников многофункциональных центров (МФЦ), деятельность которых связана с предоставлением государственных и муниципальных услуг населению. Проведенное диагностическое исследование позволило авторам статьи разработать и реализовать программу, направленную на предупреждение развития профессиональных деформаций сотрудников офисов МФЦ. В статье представлены теоретические положения, принципы, методы и структура программы, ее тематическое планирование; представлены результаты оценки ее эффективности и области применения в практической деятельности организационного психолога.

Ключевые слова: сотрудник, многофункциональный центр, психологическое сопровождение, принципы, методы, программа.

G.V. Ulianova, O.V. Filatova

Psychological support of employees of multifunctional centers (MFC)

Abstract. The article is devoted to the problem of psychological support of employees of multifunctional centers (MFC), whose activities are related to the provision of state and municipal services to the population. The conducted diagnostic study allowed the authors of the article to develop and implement a program aimed at preventing the development of professional deformities of employees of the MFC offices. The article presents the theoretical provisions, principles, methods and structure of the program, its thematic planning; the results of the evaluation of its effectiveness and scope of application in the practical activity of an organizational psychologist are presented.

Keywords: employee, multifunctional center, psychological support, principles, methods, program.

Введение. Ежедневно сотрудник МФЦ вовлечен в общение с большим количеством людей, как позитивно, так и негативно настроенных. В конфликтных ситуациях сотруднику необходимо искать правильные пути решения, эффективно взаимодействовать с клиентами, коллегами, быть терпимым и доброжелательным. Данный вид деятельности, с одной стороны, способствует развитию личности, а с другой – оказывает негативное влияние. Постоянное увеличение психологической и эмоциональной нагрузки специалиста, в связи с увеличением числа обращений от населения, начинает способствовать формированию и развитию профессиональных деформаций. Для сохранения здоровья, профилактики профессиональных деформаций необходимо комплексное и систематическое обучение сотрудников офисов МФЦ приемам и техникам психической саморегуляции, поиску решения конфликтных ситуаций, повышению коммуникативной толерантности, что становится возможным организовать в рамках психологического сопровождения.

Психолог при работе с сотрудниками офисов акцентирует работу на положительных аспектах и преимуществах их личности, способствуя восстановлению веры в себя и собственные возможности. Программа психологического сопровождения должна быть направлена на развитие психической устойчивости сотрудника к дестабилизирующим факторам внутреннего и внешнего характера, в условиях повышенной ответственности за принятие и реализацию решений. Психолог, наделенный лишь совещательными правами, учитывает интересы каждого сотрудника и организует целенаправленную работу с ним.

Теоретические основы исследования. Психологическое сопровождение предполагает не «исправление недостатков и переделку», а поиск скрытых ресурсов, возможностей для развития, осознания перспектив личного роста. На этой базе создаются условия для перехода личности к самопомощи. Согласно «Словарю русского языка», значение слова сопровождать означает «следовать рядом, вместе с кем-либо в качестве спутника или провожатого» (Ожегов, 2008). Основу понятия психологического сопровождения в профессиональной деятельности мы находим у Э.Ф. Зеера в концепции профессионального становления личности. Суть этой концепции заключается в том, что, выбирая профессии, осваивая их, профессионально совершенствуясь, личность изменяется. Изменения сопровождаются обогащением направленности, опыта, формированием компетентности, профессионально важных ка-

честв. Профессиональное становление сопровождается кризисами, конфликтами и деструктивными изменениями (Зеер, 2003). Все это указывает на необходимость психологического сопровождения, иными словами создание условий и возможностей для продуктивного решения задач профессионального развития и саморазвития личности, самореализации. Своевременное оказание психологической поддержки и помощи сотрудникам офисов МФЦ помогает предупреждать возникновение и развитие; преодолевать деструктивные тенденции личностного и профессионального развития.

При разработке программы психологического сопровождения мы обратились к теоретическим положениям по проблеме коммуникативных способностей, представленных в работах М. Шнайдера, В. В. Бойко, Я. Л. Коломенского, Т. Г. Григорьевой, К. Д. Халиной, Т. В. Капустиной, Э. А. Голубевой и Е. А. Смирновой; стрессоустойчивости личности, возможностей психической саморегуляции и релаксации, разработанные В. Е. Орёлом, И. Г. Сениным, В. И. Моросановой, Ю. В. Щербатых, Е. М. Семёновой, А. Е. Ловягиной, Л. Г. Дикой, А. Е. Ловягиной, А. Б. Леоновой, В. И. Медведева.

В основу разработки программы психологического сопровождения сотрудников МФЦ были заложены следующие принципы: принцип системности; принцип ценности и уникальности личности, приоритета личностного развития; принцип целостности; принцип целесообразности и причинной обусловленности; принцип своевременности; принцип активности; принцип практической направленности; принцип охраны и укрепления психического и физического здоровья человека. Данный перечень принципов позволяет нам достичь цели нашей программы и решать задачи: обучение специалистов МФЦ основам психологических знаний, повышение эффективности их общения с клиентами и управление процессами коммуникации, овладение приемами психической саморегуляции и релаксации.

Материалы и методы исследования. В нашей работе сопровождение профессиональной деятельности представлено комплексом методов, в основе которого лежит единство нескольких функций, таких как диагностика сути возникшей проблемы; сведения о сути проблемы и вариантах ее решения; выработка плана решения проблемы; первичная помощь на стадии реализации плана решения. В программе психологического сопровождения сотрудников МФЦ предусмотрено применение следующих методов:

1. Социально-психологический тренинг, как область практической психологии, сочетающий в себе учебную и игровую деятельность. В большом толковом словаре дано следующее определение понятию тренинг: «Тренинг – любая учебная программа или набор процедур, разработанных для того, чтобы в результате их осуществления был получен конечный продукт в виде организма, способного на некоторую определенную реакцию (реакции) или участие в некоторой сложной, требующей умений деятельности» (Ребер, 2000). Предметом тренинговой работы служит формирование (или развитие) знаний, умений и навыков. Целью служит повышение уровня конкретной черты человека (развитие внимания, развитие творческого мышления, улучшение климата рабочего коллектива и т.д.) (Евтихов, 2005). Сам процесс проходит в условиях моделирования различных игровых ситуаций.

В работе использовались основные методы: ролевые игры, групповые дискуссии, психологические упражнения. Каждый тренинг включал в себя и теоретическое освещение темы. Мы стремились кратко, доступно, в формате неустомительного обсуждения сформировать у сотрудников знания теоретических основ темы запланированного занятия. Достижение запланированного результата стало возможным при соблюдении ряда принципов групповой работы; целеустремленности каждого сотрудника на психологическую помощь коллегам и в саморазвитии; наличие постоянной группы обеспечивало высокую мотивацию участников (отсутствие пропусков, высокая заинтересованность в участии в программе); пространственная организация тренингов (наличие удобного оборудованного помещения); применение активных методов групповой работы; объективация субъективных чувств и эмоций участников группы относительно друг друга и происходящего в группе, вербализованная рефлексия; создавалась и поддерживалась ведущим психологом атмосфера раскованности и свободы общения между участниками, климат психологической безопасности.

2. Арт - терапия - направление в практической психологии, основанное на применении для терапии искусства и творчества. Применение арт-терапии позволило гармонизировать психические состояния через развитие способности самовыражения и самопознания сотрудников. Участники тренинга увлеченно и заинтересованно включались в изотерапию. Через рисунок (индивидуальный или групповой) они учились ощущать и понимать самого себя, выражать свободно свои мысли и чувства. Рисунки сотрудников МФЦ отличались разнообразием красок, оттенков, форм, образов, что отражало актуальные их чувства, желания, мечты; их отношения к различным ситуациям, заданным ведущим. В ходе создания рисунков и их обсуждения происходило осознание и проговаривались способы реализации своих возможностей, моделировались взаимоотношения с другими, выражения различного рода эмоций. Рисование использовалось ведущим для снятия психического напряжения, стрессовых состояний у сотрудников МФЦ.

3. Элементы кейс-метода или метода ситуационного анализа - техника обучения, использующая описание реальных профессиональных ситуаций (Метод кейсов..., 2017). Данный метод применялся нами в программе психологического сопровождения с целью поиска эффективного решения наиболее проблемных ситуаций профессионального взаимодействия. Сотрудникам МФЦ предлагалось предлагать из своего опыта проблемные ситуации, в ходе обсуждения выделить суть проблемы, предлагать возможные решения и определять лучшее из них.

Результаты и их обсуждение. Для определения тем социально-психологических тренингов была проведена психологическая диагностика сотрудников МФЦ. Исследование проводится на базе ГБУ «МФЦ Владимирской области» в офисах г. Ковров и г. Камешково. Выборку составили сотрудники ГБУ «МФЦ Владимирской области» в офисах гг. Коврова и Камешково в количестве 26 женщин (18 сотрудниц г. Ковров и 8 из г. Камешково в возрасте от 24 до 56 лет). В результате анкетного опроса сотрудников МФЦ дифференцировали: по возрастному цензу: 4 человека от 20 до 29 лет; 11 человек от 30 до 39 лет; 8 человек от 40 до 49; 3 человека старше 50 лет; по стажу работы в МФЦ: 3 человека со стажем работы до 5 лет; 3 человека со стажем работы от 6 до 10 лет; 6 человек со стажем работы от 11 до 15 лет; 12 человек со стажем работы более 15 лет; 2 человека не указали стаж работы; по семейному положению: 6 человек не состоят в браке; 14 - в браке; 6 - в разводе.

Продолжительность нашей программы - четыре месяца. Периодичность занятий – четыре тренинга в месяц. Учитывая небольшую длительность тренинга (1 час 30 минут), занятия по программе хорошо встраиваются в режим рабочего дня специалистов. Программа из пяти тренингов на актуальные для сотрудников МФЦ темы: Тренинг 1 «Бесконфликтное общение». Тренинг 2 «Разрешение конфликтных ситуаций». Тренинг 3 «Психическая саморегуляция». Тренинг 4 «Разрешение конфликтных ситуаций». Тренинг 5 «Релаксация».

Для подтверждения эффективности программы психологического сопровождения сотрудников офиса МФЦ и анализа их субъективных оценок была проведена повторная диагностика с последующим математико-статистическим анализом данных. Результаты свидетельствуют о необходимости проведения такой психологической работы с персоналом, но более длительный период времени. Применение ϕ^* - критерия Фишера значимые изменения позволило зафиксировать лишь по некоторым параметрам. Программа реализовывалась нами в период пандемии и была рассчитана только на 5 занятий. По нашему мнению, руководителей МФЦ и участников, программа должна быть продолжена и рассчитана на более длительный период времени в рамках групповой работы, а далее под запрос конкретного сотрудника в рамках индивидуальных консультаций.

Заключение. Разработанная и реализованная нами программа психологического сопровождения сотрудников офисов МФЦ имеет высокую практическую значимость, которая заключается, прежде всего, в том, что способствует развитию перцептивных способностей, приобретению навыков общения с клиентами в конфликтных ситуациях, обучению приемам релаксации, стрессоустойчивости, а все это повышает эффективность деятельности и позволяет сохранять здоровье личности. Результаты диагностики до и после программы полезны психологам, ведущим консультации таким специалистам, а так же руководителям МФЦ при планировании деятельности подчиненных.

Библиографический список

1. Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. Санкт-Петербург: Питер, 1999. 105 с.
2. Вачков И. В. Основы технологии группового тренинга. Москва: Изд-во «Ось-89», 1999. 176 с.
3. Евтихов О. В. Практика психологического тренинга. – Санкт-Петербург: Речь, 2005. 256 с.
4. Зеер Е.Ф. Психология профессий. Москва: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 336 с.
5. Леонова А. Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. Москва: МГУ, 1984. 200 с.
6. Метод кейсов в комплексных социально-экологических исследованиях. Псков: Псковский государственный университет, 2017. 394 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва: Оникс, Мир и Образование, 2008. 1200 с.
8. Ребер А. Большой толковый психологический словарь: В 2 т. Т. 1 (А–О). Москва: Вече: АСТ, 2000. 592 с.
9. Фетискин Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. Москва: Психотерапия, 2009. 544 с.

Личностные детерминанты психической надежности студентов колледжа в учебной деятельности

Аннотация. В статье освещается вопрос методологических, теоретических и практических основ проблемы психической надежности личности в условиях выполнения деятельности. Статья посвящена проблеме личностных детерминант надежности. Делается вывод о том, что в российской психологии «надежность» является междисциплинарным и общенаучным понятием. Автор указывает, что изучение и анализ данной характеристики личности студентов колледжа позволяет организовывать и управлять процессом профессионализации.

Ключевые слова: студент, учебно-профессиональная деятельность, психическая надежность, личностные детерминанты, колледж.

D.O. Filatov

Personal determinants of mental reliability of college students in educational activities

Abstract. The article covers the issue of methodological, theoretical and practical foundations of the problem of mental reliability of the individual in the conditions of professional activity. The article is devoted to the problem of personal determinants of reliability. It is concluded that in Russian psychology "reliability" is an interdisciplinary and general scientific concept. The author points out that the study and analysis of this characteristic of the personality of college students allows you to organize and manage the process of professionalization.

Keywords: student, educational and professional activity, mental reliability, personal determinants, college.

Введение. Одной из приоритетных задач в системе высшей школы является формирование профессионально-важных качеств (ПВК) у будущих специалистов. Все это порождает значимость психологических исследований в области профессионализации личности. Профессиональная деятельность приводит, с одной стороны, к формированию специфических качеств и структур личности, а с другой – к достижению результатов в конкретном виде деятельности.

Подготовка студентов колледжа к будущей профессии базируется в основном на теоретическом обучении, в то же время психологическая составляющая, в частности, личностные детерминанты надёжности учебной деятельности не анализируются, остаются без внимания. В процессе обучения психологическая надёжность не оценивается как значимый критерий в будущей профессии. В современной психологической литературе мы не встретили исследований, посвященных особенностям психической надёжности, ее формирования и развития в период подготовки к будущей профессии, при обучении в колледже. Несмотря на теоретическую и практическую значимость проблемы, надёжность студентов колледжа в учебной деятельности отмечается недостаточностью исследований, хотя формирование и развитие ее личностных детерминант происходит в период обучения в колледже. В педагогике, педагогической и возрастной психологии имеются указания на развитие и воспитание самостоятельности, инициативности, активности, и не отражена важность процесса формирования психической надёжности учащихся в учебной деятельности.

Теоретические основы исследования. Первые работы по проблеме психической надёжности личности нашли свое отражение в целом ряде научных дисциплин, среди них и психология. Однако наибольший интерес данная проблема привлекла специалистов в области инженерной и, чуть позже, спортивной психологии. Число публикаций и материалов исследований по проблеме психической надёжности значительно возросло относительно недавно. В первое десятилетие XXI века было выполнено множество исследований, посвященных проблеме надёжности. Однако стоит отметить, что наблюдается в российской психологии деление специалистов в этой области на две группы. Одни исследователи раскрывали данное понятие «психическая надёжность» (ПН) с точки зрения процессуальных и результативных параметров деятельности, т.е. ее проявление в процессе деятельности. Другие же, акцентируют своё внимание на психофизиологических характеристиках субъекта труда, т.е. счи-

тают надежность интегральной характеристикой личности. Второй подход явно указывает на междисциплинарный характер проблемы, поэтому вместо ПН используется термин «надежность», исключаящий принадлежность вопроса только к психологии.

Анализируют данное понятие через процессуальные и результативные параметры деятельности в своих работах Савинков С.Н., Афонькина Ю.А., Осадчук О.Л., Бодров В.А. и Орлов В.Я., Ломов Б.Ф., Никифоров Г.С. и другие не приходят к единому мнению. В работах данных авторов наблюдается стремление одних анализировать надежность как характеристику личности, у других применяется понятие профессиональной надежности.

По мнению Савинкова С.Н., сущность личностной надежности, как профессионального качества специалиста, может быть определена лишь во взаимосвязи с другими его характеристиками, определяющими успешность работы. При этом, личностная надежность, является важнейшей составляющей профессиональных качеств специалиста и профессионала, работающего в экстремальных условиях деятельности. Автор не употребляет термин «психическая надежность», заменяя его понятием «личностной надежности» (Осадчук, 2016).

Много появляется работ, посвященных изучению профессиональной надежности педагога (Афонькина Ю.А., Осадчук О.Л.). Эти психологи вводят понятие «профессиональной надежности». Ю.А. Афонькина рассматривает ее как способность педагога действовать в условиях помех, сохраняя при этом высокое качество достижений, с одной стороны; и целостность, гармоничность его внутреннего мира, с другой. О.Л. Осадчук определяет профессиональную надежность педагога как интегративное личностное качество, обеспечивающее эффективность педагогической деятельности независимо от возникающих обстоятельств, посредством механизма саморегуляции (Осадчук, 2016).

Важным остается вопрос параметров психической надежности личности профессионала. Большинство авторов выделяют в качестве ее компонентов, применительно к профессиональной деятельности: безотказность, безошибочность, своевременность действий, устойчивость и стабильность.

В.А. Бодров, В.Я. Орлов определяют безотказность деятельности как способность человека сохранять заданный уровень работоспособности. Безошибочность – как меру устойчивой работоспособности человека на протяжении заданного рабочего цикла. Своевременность действий может быть основана на оценке скорости достижения определенной цели. Под стабильностью деятельности они понимают сохранение значений выходных параметров трудового процесса на протяжении заданного его периода на уровне, адекватном требованиям к активации профессионально значимых функций человека. Устойчивость же, по их мнению, отражает способность человека удерживать параметры деятельности и его функциональную активность на уровне, обеспечивающем заданные показатели трудового процесса при воздействии экстремальных факторов среды и во внетипичных ситуациях (Бодров, 1998).

Специалист в области инженерной психологии Никифоров Г.С. под надежностью профессиональной деятельности человека подразумевают безотказность, безошибочность и своевременность действий, направленных на достижение конкретных профессиональных целей в процессе взаимодействия с техникой или с другими специалистами (Никифоров, 1996).

Ломов Б.Ф. предлагает оценивать надежность работника по показателям безотказности и скорости, т.е. быстроте выполнения каждой из рабочих функций (Ломов, 1991).

Акцентируют внимание на психофизиологических характеристиках субъекта труда в своих исследованиях Щепланов В.Ю. и Бобров А.Ф., Никифоров Г.С., Стрижов Е.Ю. К признакам надежности Щепланов В.Ю., Бобров А.Ф. относят психофизиологическую цену деятельности, под которой понимают «степень изменения соотношения между текущим, исходным и предельным состояниями функциональных систем организма, которые являются ведущими для обеспечения данной деятельности» (Щепланов, 1990). Наибольший интерес для нашего исследования имеют взгляды и работы авторов по проблеме личностных признаков профессиональной надежности человека (Никифорова Г.С., Стрижова Е.Ю., и др.). В работах данных психологов предприняты попытки выделения личностных детерминант психической надежности личности профессионала. Никифоров Г.С. указывает на существенное влияние на обеспечение надежности профессиональной деятельности таких черт личности, как: самоконтроль, ответственность, честность, долг человека. Стрижов Е.Ю. выделяет такое психологическое свойство личности, как нравственная надежность, при котором жизненные цели и способы их достижения осознаны, организованы и упорядочены в соответствии с нормами морали. С его точки зрения, нравственная надежность описывается этическими категориями честности, верности своему слову. Нравственные и моральные качества личности формируются в обществе, поэтому идея надежности социальной группы, наряду с личностной также представлена в современной российской психологии.

логических исследованиях и работах Сарычева С.В., Чернышова А.С., Солодкой М.С. и др. Таким образом, мы можем констатировать, что проблема надежности находится в сфере интересов многих наук, а «надежность» является междисциплинарным и общенаучным понятием.

Материалы и методы исследования. Проведенный теоретический анализ литературы, позволил нам сформировать комплекс психодиагностических процедур, направленный на выявление и изучение личностных детерминант психической надежности студентов колледжа в рамках учебной деятельности. В состав комплекса были включены: личностный опросник 16PF Р.Кеттелла; опросник «Исследование мотивации и самооценки» (МСО) В.А. Зобкова; методика «Определения эмоциональной чувствительности к стрессовым факторам» В.Э. Мильмана; методика «Изучение качественных - модальных эмоциональных особенностей» Л.А. Рабиновича; опросник «Диагностики волевых качеств» М.В. Чумакова; методика «Рельеф психического состояния личности» А.О. Прохорова; анкетная методика «Отношение к себе, деятельности и другим людям» А.В. Зобкова; метод экспертных оценок (оценочные шкалы «Эффективность деятельности» О.В. Филатовой).

В исследовании принимали участие слушатели Колледжа Инновационных технологий и предпринимательства Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир). Общий объем выборки - 110 студентов в возрасте от 17 до 20 лет.

Результаты и их обсуждение. Результаты проведенного анализа научно-практической литературы позволили нам сформулировать следующее определение понятия «психическая надежность». Мы считаем, психическая надежность - это интегральное свойство личности, проявляющееся в отношении к себе, делу и другим, обуславливающее процессуальные и результативные параметры профессиональной деятельности (см. Модель «Детерминанты психической надёжности личности»).

Модель «Детерминанты психической надёжности личности»

<i>Психическое свойство</i>		
<i>Объективное проявление (внешнее)</i>		<i>Субъективные факторы (внутреннее)</i>
Отношение к делу		Низкий – Высокий самоконтроль
Отношение к другим		Адекватная – Неадекватная самооценка
Стремление уйти от оценки		Уверенность в себе
Стремление к лидерству		
Самоуверенность в поведении		
Прямолинейность – Дипломатичность		
Низкая – Высокая нормативность		
Консерватизм – Радикализм		
<i>Психический процесс</i>		
<i>Объективное проявление (результативные)</i>		<i>Субъективные факторы (процессуальные)</i>
Продуктивность		Исполнительность
Результативность		Инициативность
Организованность		Ответственность
<i>Индивидуальные специфические регуляторные механизмы приспособительного поведения (ответственность, инициативность, решительность, самостоятельность, выдержка, настойчивость, энергичность, внимательность, целеустремлённость, творчество, трудолюбие, коммуникабельность, общительность)</i>		
<i>Психическое состояние</i>		
<i>Объективные факторы</i>		<i>Субъективные факторы</i>
Факторы внешней неопределённости (условия оценивания)		Фактор внутренней неопределённости (боязнь отвечать, уровень готовности к экзамену, зачёту, рейтингу)
Факторы внешней значимости (значимость предмета, оценки, реакции, преподавателей, группы на ответы)		Фактор внутренней значимости (свои цели)
Эмоциональная стабильность – нестабильность, Сдержанность – Экспрессивность, Спокойствие – Тревожность, Расслабленность – Напряжённость, Степень самоконтроля и эмоциональной лабильности в стрессовых условиях, Радость, Страх, Гнев		

Таким образом, психическая надёжность личности проявляется как: психическое состояние в конкретный момент времени; психический процесс (проявление индивидуальных специфических регуляторных механизмов приспособительного поведения); психическое свойство личности (комплекс психических составляющих, обуславливающих процессуальные и результативные переменные учебно-профессиональной деятельности) (Филатов, 2020).

Психическая надёжность личности формируется и развивается на всех этапах профессионализации личности и должно рассматриваться как профессионально-важное качество личности. Разработанная модель «Детерминанты психической надёжности личности» позволяет организовывать диагностику личности, ее психологической готовности к выполнению профессиональной деятельности.

Заключение. В педагогике, педагогической и возрастной психологии имеются указания на развитие и воспитание самостоятельности, инициативности, активности, и не отражена важность процесса формирования психической надёжности учащихся в учебной деятельности. Знания личностных детерминант психической надёжности студентов колледжа, закономерности их формирования и развитие в период обучения в колледже могут быть использованы для построения эффективных программ психологического сопровождения их на этапах профессионализации личности.

Библиографический список

1. Бодров В.А., Орлов В.Я. Психология и надёжность: человек в системах управления техникой. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. 288 с.
2. Ломов. Б. Ф. Вопросы общей, педагогической и инженерной психологии. Москва: Педагогика, 1991. 296 с.
3. Никифоров Г.С. Надёжность профессиональной деятельности. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1996. 176 с.
4. Осадчук О.Л., Максименко Л.А. Понятие «Надёжность» в различных сферах жизнедеятельности человека: философские и этико-психологические аспекты // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 3-1. С. 167-173.
5. Филатов Д.О. Психическая надёжность спортсмена и ее компоненты // Научно-практический журнал «Экономика и управление: проблемы, решения». Москва: ООО «Издательский дом «НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА», 2020. № 4 Том 2 (100). С. 121-126.
6. Щепланов В.Ю. Надёжность деятельности человека в автоматизированных системах и ее количественная оценка // Психологический журнал. 1990. № 3. С. 60–69.

РАЗДЕЛ 4

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Феномен ценностной поляризации населения в междисциплинарных исследованиях политической рекламы

Исследование проводится при поддержке РФФИ (№19-013-00544 А «Эмоциональная оценка коммерческой, политической и социальной рекламы российскими потребителями в условиях психологической поляризации сознания»)

Аннотация. В статье рассматривается проблема изучения феномена ценностной поляризации членов малых и больших социальных групп под влиянием политической рекламы и пропаганды, к которым прибегают различные политические партии и объединения. Также представлены некоторые результаты эмпирических исследований, выполненных в рамках данной тематики. Подчеркивается, что наиболее эффективно обозначенная проблема, может быть, изучена в условиях междисциплинарных исследований. Феномен ценностной поляризации населения проявляется во многих экономически развитых странах, в частности, в США и странах Западной Европы. Феномен изучается в рамках направления, сформированного в 60-70-х годах XX века французским социальным психологом С.Московиси. Исследование проводилось методом опроса и в условиях лабораторного эксперимента с предъявлением респондентам рекламных видеороликов ряда ведущих политических партий РФ. В целом в исследовании приняли участие 148 человек. Было показано, что ценностно поляризованные группы по-разному оценивают политическую рекламу, имеют диаметрально противоположные мнения не только по вопросам политики, но также экономики и культурной жизни страны.

Ключевые слова: ценностная поляризация, политическая реклама и пропаганда, психология малых и больших социальных групп.

A.N. Lebedev, O.V. Gordiakova, N.V. Orlova

The phenomenon of value polarization of the population in interdisciplinary studies of political advertising

Abstract. The article deals with the problem of studying the phenomenon of value polarization of members of small and large social groups under the influence of political advertising and propaganda used by various political parties and groups. Some results of empirical studies carried out within the framework of this topic are also presented. It is emphasized that the above-mentioned problem can be studied most effectively in the context of interdisciplinary research. The phenomenon of value polarization of the population is manifested in many economically developed countries, in particular, in the United States and Western Europe. The phenomenon is studied within the framework of the direction formed in the 60-70s of the twentieth century by the French social psychologist S. Moscovici. The study was conducted by the survey method and in a laboratory experiment with the presentation of advertising videos of a number of the Russian Federation leading political parties to respondents. In general, 148 respondents took part in the study. It has been shown that value-polarized groups evaluate political advertising differently and have diametrically opposite opinions not only on political issues, but also on the economy and cultural life of the country.

Keywords: value polarization, political advertising and propaganda, psychology of small and large social groups

При изучении вопросов социального влияния средств массовой информации и коммуникации на избирателей междисциплинарные исследования представляются в настоящее время очень актуальными (Лебедев, 2015). Исследования в данной области чаще всего проводятся для решения прикладных задач, в частности, это повышение уровня политического влияния. Однако фундаментальные научные исследования здесь также необходимы в связи с тем, что психологические механизмы и факторы такого влияния до сих пор исследованы недостаточно (Лебедев, 2015; Латынов, 2013; Дмитриев, 2002). В частности, данный феномен представляет интерес для междисциплинарных исследований, проводимых не только в рамках психологии рекламы, маркетинга и маркетинговых коммуникаций, но и целого ряда смежных наук, в частности социологии, политологии культурологии и других.

Политическая психология как отрасль науки в настоящее время развивается менее интенсивно, чем, например, социальная и экономическая психология. В наибольшей степени исследования политического сознания привлекают политологов и политтехнологов, заинтересованных в решении конкретных практических задач, связанных с деятельностью различных политических партий, объединений и групп (Abramowitz, 1998).

По мнению ряда авторов, в современном мире в развитых экономических странах, например, в США и странах западной Европы обнаруживается тенденция к политической поляризации общества (Peterson, 2021; Child, 2021). Так, например, в Соединённых Штатах Америки в настоящее время политическая поляризация в значительной степени формируется вокруг двух основных политических партий, выдвигающих своих кандидатов на выборах президента страны. В США за последние годы произошло несколько крупных событий, оказавших существенное влияние на ценностную поляризацию населения, за которыми следил весь мир. К ним следует отнести президентские выборы и нападение сторонников Д.Трампа на здание Конгресса и другие государственные учреждения, движение Black Life Matters, пандемию коронавируса и многие другие.

Так, например, изучая влияние пандемии на поляризацию населения, J.N. Druckman, S.Klar, Y.Krupnikov, M.Levendusky и J.B.Ryan приводят многочисленные эмпирические данные исследований влияния пандемии и ее последствий на общество. В частности, они отмечают, что аффективная поляризация является определяющей чертой американской политики XXI-го века – «представители одной партии питают значительную неприязнь и недоверие к тем, кто принадлежит другой партии» (Druckman, 2020).

В странах западной Европы также обнаруживается поляризация сознания населения, например, по вопросам миграционной политики или отношений между крупными городами и сельскими районами. При анализе исследований феномена поляризации в странах Западной Европы мы сталкиваемся с большим количеством исследований различных видов поляризации и с анализом многочисленных психологических характеристик, которые, по мнению авторов, приводят к ее возникновению или связаны с ней.

В частности, в статье «A tough trade-off? The asymmetrical impact of populist radical right inclusion on satisfaction with democracy and government» в журнале *European Political Science Review* исследователи E.Harteveld, A.Kokkonen, J.Linde и S.Dahlberg рассматривают проблему влияния популистских радикальных правых идей и ценностей на удовлетворенность демократией и властью (Harteveld, 2021).

Наша страна здесь не является исключением, поскольку, по мнению многих исследователей, в российском обществе обнаруживается феномен ценностной поляризации населения (Лебедев, 2019). По мнению Г.В. Осипова, одна из задач социальной политики государства – предотвращение перерастания социальной поляризации в открытые социальные конфликты (Осипов, 2005).

Термин «поляризация» стал применяться в научной литературе приблизительно с середины XX-го века. В социальной психологии исследования этого феномена стали проводиться на рубеже 60-70-х годов прошлого века благодаря исследованиям прежде всего французских ученых психологов, под руководством С.Московиси.

В 1969 году Серж Московиси и Мариза Заваллони опубликовали статью, в которой предложили объяснение данному феномену. Они утверждали, что характер взаимодействия в группе во время дискуссии усиливает «приверженность норме», которая поляризует группу. Когда группа или индивид тщательно обдумывают различные альтернативы и аргументы, которые до этого казались несущественными, они напротив часто «приобретают больший вес». Участники дискуссии, погружаясь в проблему, становятся более уверенными в своей правоте (Moscovici, 1969).

То есть было установлено, что в малых группах в результате обсуждения проблем, не имеющих однозначного решения, при определенных условиях мнения членов группы поляризуются и становятся противоположными. В результате в экспериментальных условиях могут быть выделены две полярные группы с противоположными мнениями по обсуждаемому вопросу и нейтральная группа лиц, у которых конкретные мнения по тем или иным темам отсутствует.

Исследования С. Московиси и его сотрудников показали, что в процессе противостояния полярных групп, люди чаще всего лишь укрепляют свое мнение, но не меняют его под воздействием каких-либо аргументов. Представители нейтральной группы принимают точку зрения той полярной группы, мнения которой им кажутся более убедительными. Исследования феномена групповой поляризации проводились несколько десятилетий, и в результате было установлено, что данный феномен в значительной степени проявляется в обществе в целом (Van, 2009). В этом случае исследования данного феномена получают подтверждение в рамках междисциплинарного подхода, когда аналогичные результаты получают на своем материале и политологи, и социологи, и культурологи.

В соответствии с нашей гипотезой, принятие той или иной позиции членом какой-либо полярной группы приводит к перестройке сознания индивида по очень многим характеристикам, часто не имеющим прямого отношения к основной теме обсуждения. То есть сознание человека как бы перестраивается в плане его ценностных суждений в зависимости от занимаемой им позиции. И первоначальные оценки тех или иных явлений, и ценностные суждения подчеркивают определенные изменения неосознанно для самого индивида. Кроме того, также было установлено, что ценностная поляризация возникает не по одному какому-то конкретному вопросу, а одновременно по очень многим направлениям, даже напрямую не связанным с обсуждаемой темой, что делает изучение данного феномена крайне важным для понимания того, как работает политическое сознание граждан в современном мире.

В рамках гранта РФФИ (№ 19-013-00544 А «Эмоциональная оценка коммерческой, политической и социальной рекламы российскими потребителями в условиях психологической поляризации сознания») нами проводилось эмпирическое исследование феномена поляризации. Респондентам (N=148) предлагалось ответить на вопросы анкеты по ряду актуальных в настоящее время политических, экономических и социокультурных проблем, а также на вопросы, связанные с оценкой субъективно переживаемых чувств в разных ситуациях покупки товаров.

Затем проводился лабораторный эксперимент, во время которого респондентам демонстрировались рекламные видеоролики следующих политических партий, принимавших участие в выборах в Государственную думу 2016 года: ЛДПР, Патриоты России, ПАРНАС, Российская экологическая партия, Единая Россия, Коммунисты России, КПРФ, Партия пенсионеров, Партия «Гражданская платформа», Партия «Родина».

В результате анализа ответов на вопросы анкеты было показано, что респонденты, которые частично или полностью поддерживают существующий политический курс руководства страны, смотрят центральные новостные ТВ каналы раз в неделю или каждый день (0,391**), а также оценивают социальную ситуацию сегодня в России (конфликты и противоречия между людьми, социальными слоями и пр.) как «спокойную» (-0,173*). (Здесь и далее * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$).

Респонденты, которые считают, что деятельность руководства страны сегодня, полностью способствует улучшению жизни населения, как правило, относят себя к верующим и религиозным (-0,179*); полностью или частично поддерживают существующий политический курс (-0,293**); каждый день смотрят центральные новостные каналы по телевидению (-0,235**); к деятельности оппозиции относятся скорее с осуждением (0,330**); а также считают, что существующие политические разногласия между властью и оппозицией не создают больших проблем для нормального психологического состояния российского общества (-0,176*).

Респонденты, которые оценивают социальную ситуацию в России как «напряженную», считают, что проблемы для нормального психологического состояния общества создают: 1) различия между богатыми и бедными людьми (-0,230**); 2) существующие политические разногласия между властью и оппозицией (-0,341**); 3) разные взгляды людей на культурную жизнь страны (-0,265**). Также они считают, что руководство страны сегодня не способствует улучшению жизни населения (0,248**), а население России по своим взглядам на происходящее в стране разделены на два противоположных мировоззренческих лагеря (-0,196*).

При анализе ответов на вопросы анкеты были обнаружены статистически значимые связи между фактором Q1 (радикализм) и некоторыми вопросами анкеты (N=90). Так, респонденты, проявляющие черты радикализма, относят себя к атеистам или агностикам (0,415*), редко или вообще не смотрят центральные новостные каналы по телевизору (0,671**), к деятельности оппозиции относятся скорее с осуждением, чем с одобрением (-0,439*), а также считают, что разные взгляды людей на культурную жизнь страны не оказывают существенного влияния на ухудшение психологического состояния российского общества (-0,506*).

Респонденты, которых раздражают люди, навязчиво демонстрирующие, что могут позволить себе покупать все, что хотят, считают, что деятельность руководства страны сегодня не способствует улучшению жизни населения (-0,189*), что различия между богатыми и бедными (0,223*), а также разные взгляды людей на культурную жизнь страны (0,189*) могут ухудшать психологическое состояние российского общества.

На основе ответов на вопросы анкеты респонденты были разделены на три группы: «беспроблемные» (полностью разделяющие политический курс руководства страны и все инициативы правительства); «проблемные» (считают, что в российском обществе много нерешенных проблем, достижения власти – это норма, которая не требует особого восхищения); «нейтральные» (не имеющие однозначных

устойчивых взглядов и политических пристрастий). Критерием объединения респондентов в группы выступило хорошо скоррелированные в отношении двух противоположных полюсов ответы на вопросы у двух первых групп и отсутствие значимой корреляции в группе «нейтральных» респондентов.

Рекламные ролики оценивались по шкалам методики семантического дифференциала. Перед оценкой политических роликов респонденты оценивали так называемую «идеальную» политическую рекламу, оценки которой использовались для сравнения оценок респондентов из разных экспериментальных групп.

В результате было показано, что предложенная участникам эксперимента политическая реклама оценивается всеми группами респондентов негативно, фактически независимо от их ценностной поляризации. «Беспроблемные» респонденты немного лучше, чем «проблемные» оценивают политическую рекламу по шкале «грустная – радостная». У «беспроблемных» респондентов политическая реклама более «радостная».

Анализ оценок рекламного ролика Либерально-демократической партии России (ЛДПР) показал, что «нейтральные» респонденты дают оценки ближе к оценкам «идеальной» рекламы, чем респонденты двух полярных групп. Оценки «беспроблемных» и «проблемных» респондентов оказываются отрицательными, но у первых они ниже по большинству шкал.

Были показаны существенные различия в оценках рекламы партии «Единая Россия» различными по ценностной поляризации респондентами. Так рекламу этой партии респонденты группы «беспроблемных» оценивают достаточно высоко, а по некоторым шкалам даже выше оценок «идеальной» рекламы. Такая реклама, по их мнению, «дружелюбная», «привлекательная», «умная», а также «заботливая» и «радостная». Однако она «неубедительная». Оценки респондентов «нейтральной» группы немного ниже, но также оказались относительно высокими. В свою очередь, группа «проблемных» респондентов оценивает рекламу партии «Единая Россия» крайне негативно (критерий знаков, $p < 0,05$). Положительная оценка дана только по шкале «дружелюбная».

Обнаружены также некоторые различия в оценках рекламы партии КПРФ между группой ценностной поляризации «нейтральные» и двумя другими группами респондентов. Так, оценки группы «нейтральных» респондентов выше, чем оценки других групп. Оценки «беспроблемных» и «проблемных» респондентов практически не различаются. Они оценивают рекламу партии КПРФ как «враждебную», «глупую», «красивую», «лживую», «расслабляющую» и «неубедительную».

Также были получены различия между респондентами с разной ценностной поляризацией при ответе на вопрос об отношении к демонстративному поведению других людей. Так, например, «проблемные» респонденты в большинстве согласны с утверждением о том, что их раздражают люди, которые навязчиво демонстрируют, что могут позволить себе покупать все, что хотят. В отличие от «беспроблемных», которых подобное поведение других людей не раздражает. Различия значимы по критериям Стьюдента и Манна-Уитни ($t=2,688$; $p < 0,01$ и $t=215$; $p < 0,01$).

Таким образом, эксперимент показал, что психологическая эффективность политических рекламных роликов, то есть их различия по степени эмоционального отклика у респондентов с противоположной ценностной поляризацией сознания или без таковой, в наибольшей степени определяется профессиональным уровнем рекламных материалов. Это следует из результатов эксперимента – оценки политической рекламы респондентами, независимо от ценностной поляризации их сознания и политической позиции, оказывались по шкалам семантического дифференциала чаще либо негативными, либо нейтральными.

В результате исследования были сделаны выводы о важности и актуальности изучения поляризации больших социальных групп, поскольку данный феномен в отечественной социальной психологии рассматривается крайне редко. Такие исследования необходимы для понимания психологических механизмов межличностного и межгруппового взаимоотношения людей в демократическом многопартийном обществе. Они позволяют с учётом данных других отраслей психологии и смежных наук в рамках междисциплинарных исследований решать задачи, имеющие важное значение для эффективного развития общества.

Библиографический список

1. Дмитриев А.В., Латынов В.В., Яковлев И.Г. Политика, политология, Интернет. – М.: Изд-во Современного гуманитарного университета, 2002.
2. Латынов В.В. Психология коммуникативного воздействия. – М.: Издательство Институт психологии РАН, 2013.
3. Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Личность в системе маркетинговых коммуникаций. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
4. Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Психологическое состояние общества и феномен психологической поляризации // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология.

2019. №3. С.22-45. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2019/t4-2/n19-02-02.html> (дата обращения 05.11.2020)
5. Осипов Г.В. Российская социология в XXI веке // СОЦИС. 2004. № 3. С. 3-15.
6. Руткевич М.Н. Социальная поляризация // СОЦИС. 1993. № 9. С. 3-16.
7. Сапронов А.В. Социальная поляризация как характеристика современного российского общества // Известия ЮЗГУ. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2012. № 2. С. 305-309.
8. Сапронов А.В., Крицкая О.А. Особенности социальной поляризации Российского общества // Вестник Нижегородского Университета им. Н.И. Лабачевского. Серия: Социальные науки, 2013. С. 82-86.
9. Abramowitz A., Saunders K., Ideological Realignment in the U.S. Electorate. // Journal of Politics. 1998. №60. P.634–652.
10. Child T. et al. Surprise Election for Trump Connections // Journal of Financial Economics. Volume 140, Issue 2, May 2021, Pages 676-697. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2020.12.004>
11. Druckman J.N., Klar S., Krupnikov Y., Levendusky M., Ryan J.B. The Political Impact of Affective Polarization: How Partisan Animus Shapes COVID-19 Attitudes // PsyArXiv. 19 August. 2020. DOI: <https://doi.org/10.31234/osf.io/ztgpn>.
12. Hartevelde E., Kokkonen A., Linde J., Dahlberg S. A tough trade-off? The asymmetrical impact of populist radical right inclusion on satisfaction with democracy and government // European Political Science Review. Volume 13, Issue 1, February 2021, P. 113-133.
13. Moscovici S., Zavalloni M. The group as a polarizer of attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. V. 12(2). June 1969. P.125-135.
14. Peterson E., Kagalwala A. When Unfamiliarity Breeds Contempt: How Partisan Selective Exposure Sustains Oppositional Media Hostility // American Political Science Review, Volume 115, Issue 2, May 2021, P. 585–598. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055420001124>
15. Van S., Lyn M. Extreme members and group polarization // Social Influence. 2009. № 4 (3). P. 185-199. DOI: 10.1080/15534510802584368

УДК 159.9

А.В. Редина

Синергетика в современном психологическом исследовании: новый вектор в изучении феномена одиночества в подростковом и раннем юношеском возрасте

Аннотация. Данная статья является продолжением научных публикаций в логике формирования новой исследовательской позиции к изучению особенностей субъективного переживания одиночества в подростковом и раннем юношеском возрасте с точки зрения синергетической научной парадигмы. Становление и развитие синергетики как общенаучного принципа построения современных исследований в различных научных областях способствует интеграции научных знаний в современной психологии, формированию новой парадигмальной основы персонологии. Опираясь на основные теоретические позиции синергетики, и рассматривая личность на этапе взросления как самоорганизующуюся систему, а одиночество - как личностное образование, мы можем смоделировать возможные варианты развития данного феномена.

Ключевые слова: синергетика, интеграция, система, самоорганизация, многовариантность, эволюция, диссипативная структура, точка бифуркации, флуктуация.

A.V. Redina

Synergetics in modern psychological research: a new vector in the study of the phenomenon of loneliness in adolescence and early adolescence

Abstract. This paper continues the investigation line, aimed at forming new research position towards examining personal sense of loneliness experienced by adolescent school students within the synergetic scientific paradigm. As a general scientific principle of conducting modern research in various academic fields,

synergetics tends to integrate the scholarly knowledge in modern psychology and lay the basis for new paradigm frame of personology. Proceeding from the basic theoretical principles of synergetics and viewing an individual, moving into adulthood, as a self-sustaining system and loneliness as the age-derived entity, we are enabled to investigate and, therefore, predict how this phenomenon might be progressing.

Keywords: synergetics, integration, system, self-organisation, multivariant scenarios, dissipative system evolution, bifurcation point, fluctuation.

В современной психологии возрастает роль коммуникации между различными научными школами. Интеграция методологий различных научных психологических школ и современной синергетической научной парадигмы способствует смещению фокуса внимания от универсальных законов к уникальности психических явлений, от эмпирических фактов к поиску индивидуальных и личностно-значимых смыслов (Стахнева, 2013). По мнению В. Козлова, интегративный подход в психологии заключается в многомерном и разновекторном анализе, создающем возможность проведения качественно нового психологического исследования, которое включает аспекты множественности, диалогичности и многомерности психического феномена (Козлов, 2004). Опираясь на базисные основания системно-эволюционной концепции В.В. Белова, личность может рассматриваться как система, а исходная точка эволюции систем может быть определена на основе синергетики (Белов, 2017). С точки зрения синергетики, как междисциплинарного направления современных исследований, самоорганизация является единым механизмом функционирования всех систем независимо от их природы (Хакен, 1980). Построение в психологии новой функциональной парадигмы на основе синергетики, как науки о сложных самоорганизующихся системах, позволяет рассматривать личность в ходе ее жизнедеятельности с точки зрения постепенного усложнения систем от гомеостатических к целеустремленным, от них к целенаправленным, затем через самодетерминирующиеся к саморазвивающимся системам (Белов, 2017).

Синергетика рассматривает сложные, эволюционирующие и открытые системы, к которым относятся психика человека и его личность. Основной категорией для синергетики выступает самоорганизация – как способность к саморазвитию тех или иных систем, использующих при этом не только приток энергии, информации и вещества извне, но также и внутренние возможности (Делокаров, 2000). Синергетический принцип построения современного психологического исследования в контексте изучения особенностей субъективного переживания одиночества позволяет нам рассматривать личность в кризисные и нестабильные периоды взросления в ее многомерности, поливариантности и событийности. Учитывая многовариантность поведения системы (личности) в условиях выбора пути индивидуального развития, можно обозначить содержательные аспекты переживания одиночества в подростковом и раннем юношеском возрасте: условия, факторы и особенности.

Работы Ильи Пригожина и его коллег в рамках Брюссельской школы знаменуют очередной этап научной революции, так как речь идет о начале нового диалога не только с природой, но и с обществом. Идеи Брюссельской школы, опирающиеся на работы И. Пригожина, образуют новую, всеобъемлющую теорию изменения (Пригожин, 1986). Согласно данной теории, «открытый характер подавляющего большинства систем во Вселенной наводит на мысль о том, что реальность отнюдь не является ареной, на которой господствует порядок, стабильность и равновесие; главенствующую роль в окружающем нас мире играют неустойчивость и неравновесность» (Пригожин, 1986, с. 17). Г. Хакен определяет синергетику как в высшей степени живую гибкую науку (Хакен, 2003). По мнению автора, синергетика открывает полное понимание того, что в определенных ситуациях даже небольшие изменения внешних условий могут приводить к внезапным радикальным изменениям в системе (Хакен, 2003).

В настоящее время синергетические представления о самоорганизации сложных систем проникают в самые разнообразные области исследования: техническую, естественнонаучную, социогуманитарную (Тузов, 2007). Несмотря на возросшее количество исследований на основе синергетических представлений, статус синергетики в рамках современной науки на сегодняшний день пока еще не определен. Анализ различных точек зрения и взглядов современных исследователей по данному вопросу, позволяет выделить основные позиции: во-первых, синергетика понимается как общенаучная парадигма – система идей, принципов, образов, представлений. Во-вторых, как ряд частонаучных теорий (в физике, химии, биохимии, биологии, социологии, психологии и др.). В-третьих, синергетика – как общенаучная теория (на данный момент пока еще складывается: теория диссипативных структур (И. Пригожин), теория самоорганизующихся систем (Г. Хакен). В четвертых, как новое мировоззрение с иным типом научного мышления, основанного на переходных, нестабильных формах и образах. Данной точки зрения придерживаются Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов. Авторы считают, что синергетика выступает – как «новое мировидение, которое разрушает многие наши привычные представления» (Князева, 1992, с. 3). По их мнению, сложноорганизо-

ванным системам нельзя навязать их пути развития; синергетика демонстрирует, почему хаос может выступать в качестве созидającego, а не разрушающего начала, конструктивного механизма эволюции системы; для сложных систем, как правило, существует возможность выбора, несколько альтернативных путей развития. Синергетика открывает новые принципы суперпозиции, сборки сложного эволюционного целого из частей, построения сложных развивающихся структур из простых: целое не равно сумме его частей, оно качественно иное. По мнению Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова, синергетика открывает нам возможность увидеть, как оперировать со сложными системами и эффективно управлять ими, показывает архитектуру воздействия средовых факторов на сложную систему (Князева, 1992).

Исходя из представленных теоретических позиций и взглядов различных авторов на синергетику в целом, мы можем рассматривать человека как открытую самоорганизующуюся систему с наличием кризисного, переломного момента - точки бифуркации (зоны неустойчивости и неопределенности поведения системы) на пути ее эволюции. На основе процесса самоорганизации система может выбирать путь своего дальнейшего развития, активно взаимодействовать со средой, изменять ее направление для более успешного функционирования. Опираясь на данные суждения, мы можем предположить, что в процессе развития личности в отдельные кризисные периоды эволюции системы, происходит процесс самодетерминации одиночества как личностного образования, и существенное влияние на ход индивидуальных преобразований могут оказывать внешние средовые факторы и «внутренние» возможности личности.

Методологической основой исследования выступает интегративный подход на основе синергетики - «науки о взаимодействии, о комплексных системах, которые можно рассматривать с разных точек зрения, исследуя поведение и функции отдельных элементов таких систем, и занимаясь преимущественно системами в целом» (Хакен, 2003, с. 13-14). В условиях развития полипарадигмальности методологических принципов в современной психологии при изучении психических феноменов и явлений данный подход становится особенно востребованным и открытым для дальнейшего развития и совершенствования. В процессе работы проанализированы научные материалы для методологического обоснования в выборе системообразующего принципа исследования феномена одиночества в подростковом и раннем юношеском возрасте. Использованы методы теоретического исследования: анализ и моделирование. Проведено теоретическое исследование, в рамках которого разработана и представлена структурная модель изучения особенностей субъективного переживания одиночества на основе синергетического принципа с учетом альтернативности путей развития, кардинальных изменений в процессе взросления в подростковом и раннем юношеском возрасте.

При построении структурной модели психологического исследования, направленного на изучение феномена одиночества в подростковом и раннем юношеском возрасте мы опираемся на системно-эволюционную концепцию личности и синергетику как общенаучный принцип в контексте метапарадигмальности современной науки. Принимая во внимание основные положения синергетики, важно отметить, что, во-первых, по словам И. Пригожина, она нацелена не на существующее положение системы, а на возникающие в ней процессы и принимает за исходные данные следующие компоненты: открытость, нестабильность, неравновесность и нелинейность. Так как объектом психологии развития является личность в процессе развития в многообразии индивидуальных форм и проявлений (психические феномены и явления), мы можем рассматривать ее как неравновесную систему, которая может быть описана нелинейно и обладает способностью к самоорганизации. Личность на этапе взросления как самоорганизующаяся система активно стремится к преобразованию и саморазвитию, а одиночество как психический феномен, особенно остро проявляется в подростковом и раннем юношеском возрасте. Методологические основания системно-эволюционной концепции личности и синергетики позволяют нам очертить границы по выработке нового системного взгляда на проблему одиночества в представленные возрастные периоды. Мы можем понимать одиночество как личностное образование в контексте его форм, проявлений и условий развития, а личность как высший уровень саморазвивающихся систем в процессе эволюции (Редина, 2020).

Во-вторых, «за пределами равновесия системы ее элементы могут вести себя совершенно иначе, чем в равновесии, а сама система становится чувствительной к флуктуациям (даже незначительным колебаниям). Таким образом, появляется новый режим ее существования, новые формы самоорганизации» (Нартова-Бочавер, 2005, с. 23). Открытая нелинейная самоорганизующаяся система (личность) всегда подвержена колебаниям. Именно в колебаниях система развивается и движется к относительно устойчивым структурам. Приток энергии в систему вызывает флуктуации и делает ее неравновесной. Как следствие, организация системы расшатывается и изменяются ее свойства и параметры. Важно отметить, что если система очень сложна, а к такой системе можно отнести личность человека, и переменных много, то при заданных условиях в ней может существовать не одно, а несколько «равноправных» состояний, к которым система может стремиться и выбор которых определяется даже не-

значительными внешними воздействиями. Опираясь на данное положение, важно отметить, что чувствительность к комплексному воздействию внешних средовых факторов, возможность непредсказуемых изменений в подростковом и раннем юношеском возрасте, позволяет нам говорить о наличии кризисных состояний и системы «разветвления» в момент структурной перестройки (точке бифуркации) в выборе пути индивидуального развития в данные возрастные отрезки (Редина, 2020). В данном случае, мы рассматриваем новые формы самодетерминации и самоорганизации применительно к феномену одиночества в процессе развития личности.

Можно схематично на рис. 1 представить момент структурной перестройки личности (системы) в выборе пути индивидуального развития в точке бифуркации или («режиме с обострением» (blow up) по С.П. Курдюмову). Одиночество как личностное образование в кризисный момент индивидуальных изменений в подростковом и раннем юношеском возрасте может переживаться по-разному, в нескольких плоскостях: вариант А (ресурс развития и самопознания); вариант Б (выступать в форме психологической защиты или становиться фактором, тормозящим личностное развитие).

Под внешними средовыми воздействиями и факторами в подростковом и раннем юношеском возрасте можно рассматривать изменение социальной ситуации развития, ведущей деятельности, восприятия окружающей действительности, и в связи с этим обретением новых форм социального взаимодействия. Как отмечает Л.С. Выготский «социальная ситуация развития представляет собой исходный момент для всех динамических изменений, происходящих в развитии в течение данного периода» (Выготский, 2020, с. 25). Диапазон личностных возможностей в данные возрастные периоды обусловлен, в первую очередь, решением индивидуальных задач развития, появлением новых психосоциальных новообразований, формированием идентичности, т.е. качественными, количественными и структурными преобразованиями в процессе развития личности, характеризующими представленные этапы развития.

В процессе построения структурной модели особенностей переживания одиночества, мы опираемся на базисные основания синергетики и системно-эволюционной концепции личности. Теоретико-методологическое обоснование феномена одиночества в подростковом и раннем юношеском возрасте с точки зрения данных подходов открывает новый путь не только к познанию самой личности, к изучению особенностей ее развития, но и раскрывает отдельные стороны особенностей переживания одиночества на этапе взросления (Белов, 2020).

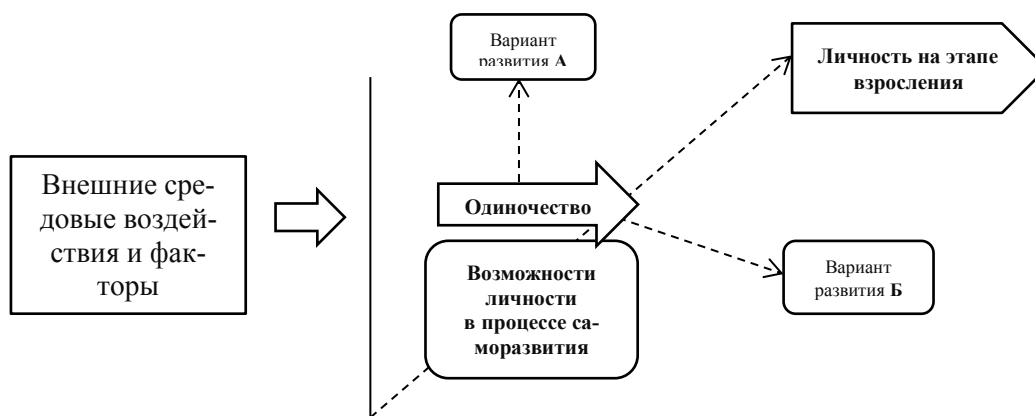


Рисунок 1. Структурная модель поливариантного развития одиночества как личностного образования на основе синергетики

Важно отметить, что любая система на некотором отрезке пути может развиваться линейно и быть предсказуемой (стабильные периоды развития), а в точке бифуркации (кризисный переломный момент эволюции), ее дальнейшее изменение может осуществляться по одному из возможных вариантов, которые выбирает сама система. С помощью анализа средовых воздействий и внутренних возможностей системы в процессе саморазвития, мы можем увидеть и обозначить возможные пути ее самоорганизации в переломных кризисных точках. Определяя вектор нашего исследования, мы исходим из базисного основания, что человек не статичен, а активен, он всегда находится в процессе развития и становления своей личности, представляя собой открытую сложную систему, способную к самоорганизации (Белов, 2020). Синергетический принцип построения современного психологического исследования, направленного на изучение переживания одиночества позволяет нам по-новому взглянуть на данный феномен: личность в подростковом и раннем юношеском возрасте проявляет способность к локальной упорядоченности происходящих с ней процессов, к поиску собственных тенденций самодетерминации, саморазвития как в конструктивном, так и в неконструктивном плане эволюции системы.

Таким образом, синергетика задает новый вектор развития исследовательских программ в психологии, формирует новое метанаучное мышление и метарефлексию в современном научном сообществе, демонстрирует новую картину мира и тем самым учит современного исследователя смотреть на мир по-другому, в ином фокусе. В современном научном поле на определенном уровне абстракции изучаемого нами феномена можно увидеть подобие рисунка событий, фундаментальную общность процессов, происходящих, на первый взгляд, в совершенно несопоставимых областях существующей событийной реальности (Князева, 1992).

Библиографический список

1. Белов В.В. Концепция личности в акмеологии лидерства: системно-эволюционный подход / Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2017. № 4. - С. 43-57
2. Белов В.В., Редина А.В. Интегративный подход к изучению особенностей субъективного переживания одиночества у обучающихся общеобразовательных учреждений с различными типами саморегуляции в подростково-юношеском возрасте. Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2020. № 4, С.235-258
3. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. – СПб.: Перспектива, 2020. – 224с.
4. Делокаров К.Х. Системная парадигма современной науки и синергетика. Общественные науки и современность. 2000. № 6. С.110-118
5. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным. Вопросы философии. 1992. № 12. С. 3-20.
6. Козлов В. Движение за развитие человеческого потенциала. Ярославль, 2004. – 169 с.
7. Нартова-Бочавер С.К., Потапова А.В. Введение в психологию развития: учебное пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2005. – 216 с.
8. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: пер. с англ./Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
9. Редина А.В. Феномен одиночества в подростковом и раннем юношеском возрасте в рамках современного психологического дискурса. Актуальные вопросы психологии развития и формирования личности: методология, теория и практика. Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург 29-30 сентября, 2020, С.77-82
10. Стахнева Л.А. Подходы к пониманию предмета современной психологии в контексте постнеклассического типа рациональности. Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: социальные и гуманитарные науки. – 2013. - №2 (52). – С. 372-375
11. Тузов В.В. Синергетика как методология исследования процессов самоорганизации сложных систем. Библиосфера, 2007. № 1, С. 52-59
12. Хакен Г. Синергетика. – М.: Мир, 1980. – 406 с.].
13. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика учение о взаимодействии. – Москва-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. – 320 с.

УДК 159.99; 364.042

Т.В. Рогачева

Комплексная реабилитация как практическое применение результатов междисциплинарных исследований

Аннотация. В статье предложен сравнительный анализ применения результатов междисциплинарных исследований в западной и отечественной практике организации и проведения комплексной реабилитации людей с инвалидностью. Подчеркивается, что теоретической основой для проведения реабилитации для западных специалистов служит био-психо-социальная модель здоровья-болезни, тогда как российские специалисты стоят на разных теоретических основаниях. Рассмотрены правовые нормативные основания оказания реабилитационных услуг, обоснование и функционирование междисциплинарных бригад.

Ключевые слова: комплексная реабилитация, био-психо-социальная модель здоровья-болезни, медицинская модель здоровья-болезни.

Complex rehabilitation as a practical application of the results of interdisciplinary research

Abstract. The article presents a comparative analysis of the application of the results of interdisciplinary research in the Western and domestic practice of organizing and conducting comprehensive rehabilitation of people with disabilities. It is emphasized that the theoretical basis for rehabilitation for Western specialists is the bio-psycho-social model of health-disease, while Russian specialists stand on different theoretical bases. The legal and regulatory grounds for the provision of rehabilitation services, the rationale and functioning of interdisciplinary teams are shown.

Keywords: complex rehabilitation, bio-psycho-social model of health-diseases, medical model of health-diseases.

Введение. Междисциплинарные исследования как ответ на цивилизационные вызовы эпохи пост-модерна дали возможность ученым синтезировать накопленные знания и предложить варианты их практического применения. Деятельность, которая осуществляется в той области, которая еще, образно говоря, не поделена дисциплинами между собой, открывает новые перспективы, как перед наукой, так и перед практикой. Данный вопрос можно рассмотреть на примере организации и использования результатов научных исследований реабилитации за рубежом и в России. Разработка основных вопросов по организации и осуществлению комплексной реабилитации, несомненно, потребовала участия специалистов различных областей теоретического знания, и наиболее востребованными для данной деятельности выступили междисциплинарные исследования. Именно в вопросе практической внедрения научных разработок в нормативную и практическую деятельность лежит принципиальное отличие западных и отечественных междисциплинарных исследований.

Теоретические основы исследования. Теоретической основой данной статьи выступили концепция био-психо-социальной модели здоровья – болезни, положенная в основу Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ), труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные теоретическим основам комплексного подхода к реабилитации, а также нормативные правовые международные и российские документы, регламентирующие проведение реабилитационных мероприятий.

Методы исследования. Сравнительный анализ отечественного и западного подходов к комплексной реабилитации.

Результаты и обсуждение. Россия регламентирует деятельность в сфере реабилитации инвалидов в рамках международных соглашений, а также национального законодательства и иных нормативных правовых актов Российской Федерации. основополагающим документом, определяющим политику Российской Федерации в сфере реабилитации инвалидов, является Федеральный закон № 181 «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (Российская..., 1995). Данный Закон определяет понятие реабилитации инвалидов, ее цели, основные направления, требования к организациям, осуществляющим реабилитацию инвалидов. В Законе установлено, что реабилитация инвалидов представляет собой «систему и процесс полного или частичного восстановления способностей инвалидов к бытовой, общественной, профессиональной и иной деятельности», направленные на «устранение или возможно более полную компенсацию ограничений жизнедеятельности, вызванных нарушением здоровья со стойким расстройством функций организма, в целях социальной адаптации инвалидов, достижения ими материальной независимости и их интеграции в общество» (Российская..., 1995, с. 13).

Уже в нормативном определении реабилитации звучит понятие «система», смысл которой заключается в необходимости «наделить инвалидов возможностью для достижения и сохранения максимальной независимости, полных физических, умственных, социальных и профессиональных способностей и полного включения и вовлечения во все аспекты жизни» (Российская..., 1995, с. 21). Подобный подход отражен в «Стандартных правилах обеспечения равных возможностей для инвалидов», устанавливающих, что «государствам следует обеспечить предоставление инвалидам услуги по реабилитации с тем, чтобы позволить им достигнуть и поддерживать оптимальный уровень их самостоятельности и жизнедеятельности».

Законом определены основные направления реабилитации инвалидов. К ним относятся: медицинская реабилитация; профессиональная ориентация, обучение, содействие в трудоустройстве; социально-средовая, социально-педагогическая, социально-психологическая и социокультурная реабилитация; социально-бытовая адаптация; физкультурно-оздоровительные мероприятия, спорт. Поэтому

для результативной реабилитации требуется комплексный подход, в котором участвуют разные специалисты, что также зафиксировано в нормативных документах. Например, в Приказе Минздрава (Приказ..., 2020) прямо указано, что «медицинская реабилитация на всех этапах осуществляется мультидисциплинарной реабилитационной командой». Приказ Минтруда РФ «Об утверждении технического задания Пилотного проекта по отработке подходов к формированию системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов» определил понятие системы комплексной реабилитации и абилитации, под которой понимается «создание и функционирование системы организаций, обеспечивающих реабилитационный и абилитационный процессы, оказание ранней помощи и сопровождение инвалидов на основе эффективного межведомственного взаимодействия при обеспечении социальной защиты инвалидов, с учетом особенностей нарушения их здоровья, а также сопровождения детей-инвалидов, и (или) их семей» (Приказ..., 2017).

Западная система организации реабилитационного процесса базируется на серьезных работах философов, социологов, медиков различных направлений, психологов, поэтому вопрос практического применения нормативных правовых оснований проведения комплексной реабилитации прямо связан с той теоретической платформой, которой придерживаются специалисты. Ярким примером служит появившаяся в результате междисциплинарных научных разработок МКФ, которая является основополагающим методическим документом для всех специалистов, занимающихся реабилитацией людей с ограниченными возможностями здоровья. В данной классификации объединились два концептуальных взгляда на здоровье и его нарушения, что выступило отражением научной полемики между приверженцами «медицинской модели» и сторонниками «социальной модели», применяемой в МКФ. Первым, как известно, концепцию био-психо-социальной модели предложил Дж. Энджел (Engel, 1977), который высказал несколько возражений против медицинской модели здоровья-болезни. Во-первых, указывает Дж. Энджел, различные отклонения от биохимических показателей в организме еще не являются заболеванием, организм по-разному реагирует на внешние воздействия и различные обстоятельства жизни. Во-вторых, автор ссылается на концепцию Г. Селье, подчеркивая, что стрессовые реагирования на различные психосоциальные нагрузки влияют на формирование дисфункций организма гораздо сильнее, чем это допускает медицинская модель болезни. В-третьих, само выздоровление человека зависит не только и не столько от медицинского вмешательства, сколько от психологических и социальных факторов (доверие к лечащему врачу, отношение родственников, проблемы ухода, питания и пр.). Дж. Энджел предлагает рассматривать медицинскую деятельность как вид социальной практики. Таким образом, био-психо-социальная модель базируется на системном подходе, в котором здоровье и болезнь рассматриваются как своеобразный континуум, в котором выделены уровни: клеточный, органа (или ткани), индивидуальный, микросоциального окружения и макросоциального окружения. МКФ, имея теоретическим основанием био-психо-социальную модель здоровья – болезни, позволяет определять рамки для описания в первую очередь состояния здоровья и различных факторов, влияющих на это здоровье, предлагая интегративную оценку ситуации человека. МКФ является классификацией здоровья в том смысле, что в ней представлены все аспекты человеческого функционирования и инвалидности, которые должны рассматриваться в контексте здоровья, когда оно может быть нарушено вследствие болезни, нарушения, увечья и травмы. И с этой точки зрения МКФ является языком для комплексной реабилитации, то есть позволяет организовать реабилитационный процесс как комплексный, осуществляемый в междисциплинарной бригаде при привлечении специалистов разного профиля и разных специальностей.

Однако в России, как замечают А.Б.Холмогорова и О.В.Рычкова, данному подходу, несмотря на его эвристичность, «не удалось стать общепринятой парадигмой, объединить представителей разных научных направлений для расшифровки сложных взаимовлияний факторов, предопределяющих, например, психические расстройства» (Холмогорова, 2017, с. 11). В России, которая ратифицирует нормативные документы без тщательного теоретического изучения, основным противоречием является ориентация основной части медиков на медицинскую модель здоровья-болезни, тогда как психологи, педагоги, специалисты по социальной работе и др. чаще опираются на био-психо-социальную модель здоровья-болезни, которая является яркой демонстрацией междисциплинарного подхода.

Само применение МКФ в практической деятельности российских специалистов до сих пор не обязательно, а многие специалисты используют данную классификацию не очень грамотно. Достаточно сложным теоретическим вопросом остается неадекватное применение тех понятий, которые принципиально по-разному трактуются в западном и отечественном научном дискурсе. Ярким примером здесь служит понятие способностей. Так, западная традиция опирается на серьезные методологические позиции многих философов, начиная со Спинозы, включает работы социологов, психологов и педагогов. Поэтому понятие «способности» в западной традиции прямо связано с проблемой активности человека в мире. Обращает на

себя внимание соотносению категории «способность» с телесной организацией человека, что дает возможность рассматривать данную категорию через понимание активности, которая выступает наравне с функциями и структурами организма основной составляющей в МКФ. Причем, трудясь над овладением собственной телесности, человек тем самым формирует и свои способности и становится частью мира.

Проблема способностей в отечественной психологии до сих пор выступает как нерешенная. Как писала О.М. Дьяченко, «в настоящее время понятие «способности» является одним из наиболее широко используемых психологических понятий... С одной стороны, к способностям стало относиться все: вся сфера возможностей, проявлений индивидуальности, творческого потенциала и пр. С другой стороны, понятие способностей стало перекрываться другими психологическими понятиями, такими как уровень интеллектуального развития, уровень развития творческого мышления, превращаясь тем самым в ничто, теряя свое собственное психологическое содержание» (Дьяченко, 1996, с. 98).

Отечественные медики указывают, что «в отличие от биологических методов, естественнонаучных, а значит, экспериментально уместных, уже психологические исследования требуют как минимум операционализации концептов, то есть, оставляют зазор интерпретативности. Методы гуманитарных наук достаточно сложно экспериментально подтверждать. Для оценки знаковых, смысловых культурных конструкций нужен специальный подход: качественный тип исследований. Для медицины это совершенно ново, и вряд ли легко будет принята качественная методология в привычную к количественным — многоцентровым рандомизированным и плацебо-контролируемым — исследованиям научную парадигму. «Соглашение экспертов» в критериях доказательности имеет уровень C, то есть слабую доказательность» (Таратухин, 2015, с. 83). Об этих же сложностях пишут психологи: «Необходимость подчеркнуть новизну и специфику биопсихосоциального подхода привела к гиперболизации ряда его черт, искусственно усиливая противопоставление биомедицинской модели... В любом конкретном случае как исследователь, так и практик вынуждены ограничивать анализ факторов здоровья и болезни определенным кругом вопросов и переменных, и за биомедицинской моделью как объяснительной моделью здоровья и болезни сохранена довольно широкая сфера применения» (Рассказова, 2015, с. 19).

Возникает сложная проблема интеграции теоретического аппарата медицины, методологических оснований медицинской психологии и социологии, которая требует «интеграционного понимания и описания болезни и здоровья как психосоматических процессов, составляющих единый континуум механизмов совладания с дезадаптирующей реальностью. Такое интегративное понимание потребует теоретических разработок, выходящих за пределы традиционной интерпретации патофизиологических и психопатологических явлений» (Бобров, 2017, с. 101).

Как подчеркивают Е.В.Мельникова с коллегами, «важно понимать отличие терминов МКФ от бытовых смыслов слов «активность» и «участие». Активность – это термин для описания составляющих здоровья, а не любая активность врача или активность вокруг индивида. Это активность пациента в отношении выполнения задач, возникающих по ходу жизни... Так, к активности или участию с позиции МКФ не будет относиться приготовление пищи, если сам пациент в этом процессе не участвует» (Использование..., 2017, с. 8). Таким образом, отличие заключается в актуальности любой деятельности для индивида (активность) и направленности этой деятельности (участие), т.е. понятие «активность» связано с любой активной деятельностью человека, снижающей ограничения его жизнедеятельности для себя, а «участие» - во взаимодействии этого же индивида с другими людьми.

Понятно, что применение МКФ требует функционирования междисциплинарной бригады, в которой все специалисты равны. Как пишут Е.Р.Исаева с коллегами, «к основным компонентам этого подхода относятся терапевтическая среда, общее понимание целей и тесное взаимодействие в междисциплинарной бригаде, ... где каждый имеет ряд специфических и ряд взаимозаменяемых функций: например, ответственность за пациента может нести любой из специалистов в составе бригады» (Сравнительный..., 2017, с. 49). В российской практике такие бригады тоже существуют, однако зачастую главную роль в ней играет медик, который придерживается, как правило, медицинской модели болезни-здоровья.

Заключение. Можно констатировать, что, несмотря на серьезные наработки отечественных ученых по вопросу комплексной реабилитации людей с инвалидностью, в практической работе специалистов, оказывающих реабилитационные услуги, данные результаты используются либо не в полном объеме, либо не применяются. Западные подходы к комплексной реабилитации базируются на серьезной методологической основе междисциплинарных исследований, которые внедряются в практическую деятельность и закрепляются законодательно.

Библиографический список

1. Бобров А.Е. Проблема психосоматических соотношений и некоторые методологические вопросы психопатологии // Социальная и клиническая психиатрия. 2017. №1. С. 98 – 103.

2. Дьяченко О.М. Проблема развития способностей: до и после Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 1996. № 5. – С. 98 –109.
3. Использование МКФ в амбулаторной и стационарной медицинской реабилитации: инструкция для специалистов / Е.В. Мельникова, Т.В. Буйлова, Р.А. Бодрова, А.А. Шмонин, М.В. Мальцева, Г.Е. Иванова // Вестник восстановительной медицины. 2017. № 6. С. 7– 20.
4. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ). Женева: ВОЗ; СПб.: Институт усовершенствования врачей-экспертов, 2001. 346 с.
5. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 августа 2016 г. (с изменениями на 25 августа 2017 года) № 436н «Об утверждении технического задания Пилотного проекта по отработке подходов к формированию системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов».
6. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31 июля 2020 г. N 788н «Об утверждении порядка организации медицинской реабилитации взрослых».
7. Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Биопсихосоциальный подход к пониманию здоровья и болезни // Обзор психиатрии и медицинской психологии. 2015. №2. С. 17 – 21.
8. Сравнительный анализ российского и британского подходов в нейропсихологической диагностике и нейропсихологической реабилитации / Е.Р. Исаева, Ю.В. Мухитова, М. Д. Селькин, И.Л. Гуреева, Н.А. Гомзякова // Ученые записки СПбГМУ им. акад. И. П. Павлова. 2017. № 24(1). С. 47–51.
9. Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. 48 сессия. Дополнение №49 (A/48/49). С.292–306.
10. Таратухин Е.О. Биопсихосоциальный подход – новое требование междисциплинарности // Российский кардиологический журнал. № 9. (125). 2015. С. 80–83.
11. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 № 181-ФЗ. Москва. URL.: Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (Дата обращения: 20.04.2021).
12. Холмогорова А.Б., Рычкова О.В. 40 лет биопсихосоциальной модели: что нового // Социальная психология и общество. 2017. Т.8. №4. С. 8–31.
13. Engel G. L. The need for a new medical model: a challenge for biomedicine // Science. 1977. Vol. 196 (4286). P. 129 –136.

УДК 159.9

Ю.Н. Слепко

Интеграция естественных и гуманитарных наук в контексте нового понимания предмета психологии

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-18-00157, <https://rscf.ru/project/18-18-00157>

Аннотация. В статье обсуждается проблема взаимодействия естественных и гуманитарных наук в плане более глубокого познания предмета психологической науки. Утверждается, что отход от традиционного для советской психологии определения психики как свойства высокоорганизованной материи и определение предмета психологии как внутреннего мира человека приводит к необходимости построения новых способов интеграции естественных и гуманитарных наук. Понимание предмета психологии как внутреннего мира человека, с одной стороны, приводит к усилению дисциплинарных границ психологии как самостоятельной науки, с другой, обращает внимание исследователей на принципиальные сложности соотношения естественнонаучного и гуманитарного знания. Утверждается, что важнейшей задачей современной психологии является не организация междисциплинарного взаимодействия, а интенсивная разработка проблемы предмета.

Ключевые слова: интеграция, психология, предмет психологии, внутренний мир человека, способности.

Integration of natural and human sciences in the context of a new understanding of the subject of psychology

Abstract. The article discusses the problem of interaction between the natural sciences and the humanities in terms of a deeper understanding of the subject of psychological science. It is argued that the departure from the traditional for Soviet psychology definition of the psyche as a property of highly organized matter and the definition of the subject of psychology as the inner world of a person leads to the need to build new ways of integrating the natural and humanitarian sciences. Understanding the subject of psychology as the inner world of a person, on the one hand, leads to the strengthening of the disciplinary boundaries of psychology as an independent science, on the other hand, draws the attention of researchers to the fundamental difficulties in correlating natural science and humanitarian knowledge. It is argued that the most important task of modern psychology is not the organization of interdisciplinary interaction, but the intensive development of the problem of the subject.

Keywords: integration, psychology, the subject of psychology, the inner world of a person, abilities.

Введение. Проблему предмета можно отнести к числу наиболее значимых для современной психологической науки. Это связано в первую очередь с тем, что длительное время в российской (советской) психологии психика понималась как «свойство высокоорганизованной материи, возникающее на определенной стадии развития жизни и являющееся особой формой отражения» (Пономарев, 1967, с. 414). Не вдаваясь в настоящий текст в обсуждение достоинств и недостатков такого понимания предмета (подробнее см., например, в (Мазилев, 2020)), отметим следующее. Последние тридцать лет российская психология находится в состоянии не только активной рефлексии опыта ее развития, но и пытается дать такое определение предмета, которое соответствовало бы и сложности психической жизни, и данным множества дисциплин, изучающих психику человека. Несмотря на периодически появляющиеся попытки вновь свести психику к свойству высокоорганизованной материи и отражению объективного мира, важнейшим результатом последних десятилетий является формулировка предмета психологии как «субъективного внутреннего мира человека, опосредующего взаимодействие человека с внешним миром» (Шадриков, 2015, с. 31).

Теоретические основы исследования. Определение предмета как внутреннего мира человека характеризуется рядом методологических, теоретических, эмпирических, конкретно прикладных и пр. преимуществ (подробнее в (Мазилев, 2020; Шадриков, 2015)). В отмеченных и ряде других исследований дана подробная характеристика внутреннего мира человека - описан его генезис, структура, связь с внешним миром, показано место способностей в структуре внутреннего мира, охарактеризована роль деятельности в его развитии и пр. Между тем, нельзя сказать, что данная в указанных работах характеристика внутреннего мира является законченной. Сложность строения, динамичность функционирования и развития внутреннего мира требуют решения множества соответствующих проблем. В предложенном понимании предмета заложена актуальная необходимость интеграции множества данных самых разных предметных областей знания, занимающихся изучением внутреннего и внешнего мира человека. При этом интеграция (от лат. *integratio* - восстановление, восполнение) должна быть направлена на более глубокое, полное, целостное понимание внутреннего мира человека.

Результаты и их обсуждение. Говоря о интеграции предметных областей знания, ее ведущим средством мы рассматриваем организацию дисциплинарного взаимодействия как между разделами самой психологии (внутридисциплинарное взаимодействие), так и между психологией и дисциплинами, в объект которых входит изучение психики человека (междисциплинарное взаимодействие). Несмотря на отнесение психологии к гуманитарных наукам, не теряет популярности идея организации ее взаимодействия с науками естественными (биология, физиология, нейронауки, физика, математика и пр.). В настоящей статье мы акцентируем внимание на некоторых ограничениях, возникающих в процессе организации междисциплинарного взаимодействия психологии и естественных наук

Следуя распространенному сегодня пониманию вариантов междисциплинарного взаимодействия (Касавин, 2010), связь психологии и естественных наук может быть организована в одном или сразу нескольких направлениях: «Мультидисциплинарность как одностороннее дополнение одной дисциплины другой; собственно междисциплинарность как взаимодействие дисциплин; трансдисциплинарность как построение интегральных структур» (Касавин, 2010, с. 21). Значимость для понимания предмета науки организации междисциплинарного взаимодействия определяется тем, что «м-ис-

следования (междисциплинарные - Ю.С.) предполагают альтернативность эмпирической интерпретации, что приводит к резкому расширению сферы фактов по сравнению с д-исследованием (дисциплинарным - Ю.С.). Особому характеру м-эмпирии сопутствует и необходимость политеоретического описания, а также интерактивный перевод с языка одной дисциплины на другой» (Касавин, 2010, с. 13). Даже из такого короткого определения ясно, что в ходе организации взаимодействия психологии и естественных наук должны быть решены задачи соотнесения способов интерпретации эмпирических фактов (например, в рамках теории объяснения), установлены правила и пути теоретического описания, соотнесены языки научных дисциплин.

Описанные сложности с разной успешностью решаются в рамках, например, психофизиологии, нейропсихологии и нейрофизиологии, когнитивных наук и пр. Продуктивность такого взаимодействия определяется тем, как исследователи преодолевают границу между субъективным и объективным миром, то есть предметами психологии и естественных наук. Например, одним из способов мультидисциплинарного взаимодействия является использование в гуманитарном знании пространственно-временных параметров естественнонаучного знания, которые «обычно указывают не столько на специфическую предметную область, сколько на способы исследования, связанные с отдельными науками» (Касавин, 2009, с. 763). Несмотря на узкий, прикладной характер использования пространственно-временных параметров естественнонаучного знания, «теории пространства в гуманитарных науках касаются фундаментальных измерений человеческого мира и выражают их в специфических нестрогих параметрах, - таких как «верх» и «низ», «центр» и «окраина», «поверхность» и «глубина», «удаленность» и «близость», «опережение» и «отставание», - которые фиксируются уже на уровне обыденного сознания. Они служат экспликации того, в каких именно координатах и векторах описывается динамика и статика человеческого существования, конструируется его онтология (Касавин, 2009, с. 763). Таким образом использование пространственно-временных параметров распространяется на решение задач интерпретации и объяснения эмпирических фактов (в том числе и методов их установления), формулировки теоретических описаний, формирования естественнонаучного языка гуманитарного знания. Не менее важно, что результаты подобного взаимодействия проникают не только в обыденное сознание, но и принимаются научным гуманитарным сообществом.

Не имея в рамках настоящего текста возможности оценить конкретные примеры использования «теории пространства в гуманитарных науках» (см., например, исследования К. Левина, З. Фрейда и мн.др.), акцентируем внимание на принципиальной сложности использования категорий пространство и время в понимании субъективного внутреннего мира как предмета психологии.

Напомним, что предметом современной психологии является «психика как субъективный внутренний мир человека» (Шадриков, 2015, с. 31). Понятия «субъективный» и «внутренний» подразумевают его противопоставление объективному внешнему миру, наиболее общие характеристики которого отражены в понятиях пространства и времени (Касавин, 2009; Никулин, 2010). Взаимоотношения этих миров построены таким образом, что «внешний мир представлен во внутреннем мире в виде различных языковых отображений (прежде всего, в чувственных ощущениях и восприятиях субъекта) и в виде ощущений и восприятий включен в него... В своем порождении внутренний мир тесно связан с внешним, но одновременно он и самостоятелен, и существует независимо от него: это внутренний мир человека, проживающего свою жизнь» (Шадриков, 2015, с. 67-68). В данном случае необходимо подчеркнуть не столько встроенность внешнего мира во внутренний, сколько самостоятельность последнего, так как это определяет и специфику предмета психологии, и ее самостоятельность как предметной области гуманитарного знания.

В свою очередь самостоятельный предметный статус естественных наук, изучающих внешний, объективный мир (противоположный внутреннему, субъективному), определяется использованием языка пространственно-временных характеристик. Наиболее общей характеристикой пространства является понимание его как «объективной реальности, формы существования материи, характеризующейся протяженностью и объемом» (Пространство, 2010, с. 504); времени - как «объективной формы существования бесконечно развивающейся материи. Вне времени и пространства движение материи невозможно» (Время, 2010, с. 96). Ввиду этого может быть поставлен вопрос - насколько соответствующе специфике внутреннего мира человека будет использование понятий пространства и времени для объяснения особенностей его функционирования? Проще говоря, может ли психология в своем определении внутреннего мира не только использовать понятия пространства и времени, но и объяснять внутренний мир пространственно-временными характеристиками?

Выше мы уже упоминали, что «в гуманитарном знании пространственно-временные параметры обычно указывают не столько на специфическую предметную область, сколько на способы исследования, связанные с отдельными науками» (Касавин, 2009, с. 763). То есть речь идет лишь о методе, о

использовании пространственно-временных характеристик как вспомогательных средствах изучения внутреннего мира человека. Примеров последнего множество - от топографических моделей психики до построения уравнений множественной регрессии при анализе профессиональных портретов специалистов. Однако, если топографическое представление выполняет в большей степени вспомогательную функцию, то популярные в психологии методы регрессионного анализа, структурного моделирования формируют упрощенное причинно-следственное представление о способах воздействия на развитие необходимых качеств, «портретов» человека. Таким образом метод естественных наук, явно не соответствующий специфике внутреннего мира человека, начинает выполнять не вспомогательную функцию, а формирует соответствующее ему представление о структуре взаимосвязей элементов внутреннего мира, о его развитии и т.д. Кроме того в таком случае пространственно-временные параметры «фиксируются на уровне обыденного сознания. Они служат экспликации того, в каких именно координатах и векторах описывается динамика и статика человеческого существования, конструируется его онтология» (Касавин, 2009, с. 763). Таким образом формируются материалистические установки на понимание субъективного внутреннего мира не только в среде научного сообщества, но и среди широкой массы потребителей психологического знания.

В начале статьи мы обращали внимание, что организация взаимодействия между естественными и гуманитарными науками может реализовываться в виде мульти-, меж- или трансдисциплинарных отношений. В рассмотренных примерах мы видим, что в настоящее время отношения психологии и естественных наук могут быть реализованы на уровне мультидисциплинарных исследований: «Такие системы характеризуются использованием некоторой дисциплинарной онтологии и методов для работы в другой дисциплине или их группе. В рамках мультидисциплинарных систем сохраняется четкость м-границ, и такая четкость, предполагающая различие предметов, методов и результатов взаимодействующих дисциплин, даже является условием успеха» (Касавин, 2010, с. 21). Однако, декларируя возможность таких отношений, мы видим, что в реальных исследованиях зачастую сохранение четкости м-границ не соблюдается. Признавая уникальность субъективного внутреннего мира человека, исследователи встраивают дисциплинарную онтологию и методы естественных наук в содержание психологического знания - в интерпретацию, объяснение и понимание данных мультидисциплинарных исследований. Таким образом происходит не обогащение одной системы знания (психологической) за счет другой (естественнонаучной), а поглощение первой второй.

Заключение. Конечно, сказанное является крайне дискуссионным моментом. Однако, если это действительно верно, то рассмотрение междисциплинарного взаимодействия как ведущего средства интеграции в психологии на самом деле таковым не является. Определение в качестве предмета психологии внутреннего мира человека требует в значительно большей степени организации внутридисциплинарного взаимодействия и более активного изучения именно внутреннего мира. Чтобы психологии быть готовой к взаимодействию с естественными науками, которое приводило бы к сохранению четкости м-границ, сохранению различия предметов, методов и результатов взаимодействующих дисциплин, ей необходима соответствующая специфике своего предмета методология (подробнее см. в (Мазиллов, 2017; Мазиллов, 2020).

Последняя должна способствовать решению ряда следующих задач. Во-первых, внутренний мир человека должен изучаться соответствующими ему средствами психологической науки. Система знания о внутреннем мире должна быть устойчивой к сохранению четкости м-границ в ходе взаимодействия с другими науками, в том числе естественными. Во-вторых, если в естественных науках существуют фундаментальные понятия, определяющие реальность, объективность внешнего мира, то и по отношению к внутреннему миру человека должны быть определены такие понятия. Уже сам термин внутренний мир человека позволяет, с одной стороны, говорить о его реальности, с другой, не сводить содержание психической жизни к пространственно-временным характеристикам внешнего мира. В-третьих, вряд ли возможно абсолютное разграничение понятий гуманитарных и естественных наук. В данном случае возможно продуктивное использование, например, понятия время, которое «выражает собой объективную длительность, порядок и направление событий, а также субъективное отношение к изменениям и жизненное ощущение» (Касавин, 2009, с. 128). Включение в характеристику понятия времени субъективного компонента позволяет характеризовать динамические и генетические аспекты внутреннего мира человека. В-четвертых, специфичными внутреннему миру человека должны быть и способы объяснения множества получаемых в психологических исследованиях данных. В ряде исследований (Мазиллов, 2020; Мазиллов, Слепко, 2020) было показано, что в психологии необходима разработка собственной теории объяснения, соответствующей специфике ее предмета. Использование существующих в настоящее время теорий и моделей объяснения (Ж. Пиаже, Р. Браун, К. Гемпель, Е.П. Никитин и др.) приводит к редукции психологического знания к знанию непсихологическому.

Конечно, перечисленными задачами не ограничивается спектр проблем и вопросов, актуальность которых возрастает ввиду использования в качестве предмета психологии понятия внутреннего мира человека. В настоящем тесте автор не стремился показать, что психологии не требуется интеграция знания средствами междисциплинарного взаимодействия. Однако современный уровень развития психологической науки требует осуществления в первую очередь углубления в понимании своего предмета как мира внутренней жизни человека, укрепления таким образом своих дисциплинарных границ. Последнее особенно важно по той причине, что психология в сравнении с естественнонаучным знанием значительно более молодая научная дисциплина. Но, несмотря на это, никакая другая наука не способна занять нишу изучения субъективного внутреннего мира человека. Методы естественных наук, с одной стороны, слишком грубы для познания субъективных проявлений внутреннего мира, с другой, позволяют фиксировать лишь объективно наблюдаемые явления и процессы.

Библиографический список

1. Время // Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 27-е изд., испр. Москва : Издательство «Оникс», Издательство «Мир и Образование», 2010. 736 с. С. 96.
2. Касавин И. Т. Время // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с. С. 128-130.
3. Касавин И. Т. Междисциплинарные исследования в контексте рефлексии и габитуса // Междисциплинарность в науках и философии. Москва : ИФРАН, 2010. - 205 с. С. 15-35.
4. Касавин И. Т. Пространство // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с. С. 762-763.
5. Мазилев В. А. Предмет психологии. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 175 с.
6. Мазилев В. А. Методология психологической науки : История и современность. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. 419 с.
7. Мазилев В. А., Слепко Ю. Н. Объяснение в психологическом исследовании. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 157 с.
8. Никулин Д. В. Пространство // Новая философская энциклопедия. В. 4 тт. Т. 3. Москва : Мысль, 2010. 692 с. С. 370-372.
9. Пономарев Я. Психика // Философская энциклопедия. В 5 тт. Т. 4. Москва : Советская энциклопедия, 1967. 592 с. С. 414-417.
10. Пространство // Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 27-е изд., испр. Москва : Издательство «Оникс», Издательство «Мир и Образование», 2010. 736 с. С. 504.
11. Шадриков В. Д. Способности и одаренность человека. Москва : Институт психологии РАН, 2019. 274 с.
12. Шадриков В. Д., Мазилев В. А. Общая психология : учебник для академического бакалавриата. Москва : Юрайт, 2015. 411 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акопов Г.В., доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара. E-mail: akopovgv@gmail.com

Александрова Е.А., кандидат культурологии, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва. E-mail: elizavetaray@gmail.com

Ансимова Н.П., доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль. E-mail: miklinar@yandex.ru

Афонина А.В., кандидат психологических наук, первый заместитель директора, Университет Непрерывного Образования и Инноваций, Иваново. E-mail: office@unoi.ru

Базиков М.В., кандидат психологических наук, руководитель проектов, МСК-Строй, Москва. E-mail: basicov@mail.ru

Белова Е.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры непрерывного психолого-педагогического образования, Ивановский государственный университет, Иваново. E-mail: belova_e_a@mail.ru

Белякова Е.А., психолог, Рыбинский психоневрологический интернат, Ярославль. E-mail: karmennnn@yandex.ru

Богомаз С.Л., кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной психологии, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Беларусь, Витебск. E-mail: lovekafedra@mail.ru

Богомолова Т.Б., педагог-психолог, Покров-Рогульская ОШ, Покров, Ярославская область. E-mail: tamaro4k77@mail.ru

Бугайчук Т.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль. E-mail: mischenko@inbox.ru

Вавакина Т.С., Институт психологии РАН, Москва. E-mail: pozn_v@mail.ru

Васильева С.Н., психолог, Центр психологического консультирования «Академия семьи», Рошино, Челябинская область. E-mail: vsn97@mail.ru

Гордякова О.В., кандидат психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Московский институт психоанализа, Москва. E-mail: o_gordyakova@mail.ru

Длужневская Л.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль. E-mail: Konovalova_ludm@mail.ru

Длужневский И.Г., магистр психологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль. E-mail: dlughnevsky@list.ru

Завгородняя Е.В., доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории методологии и теории психологии, Институт психологии имени Г.С. Костюка НАПН Украины, Украина, Киев. E-mail: zolen1958@gmail.com

Задорожнюк И.Е., доктор философских наук, научный сотрудник, МИФИ, Москва. E-mail: basicov@mail.ru

Зеленкова Т.В., кандидат психологических наук, доцент, Государственный гуманитарно-технологический университет, Орехово-Зуево. E-mail: tzelenk@mail.ru

Зобков В.А., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир. E-mail: zobkov@gmail.ru

- Каримова В.М.**, учитель начальных классов, Новоатъяловская СОШ, Тюменская область, E-mail: stud0000102444@study.utmn.ru
- Кисляков П.А.**, доктор психологических наук, профессор факультета психологии, Российский государственный социальный университет, Москва. E-mail: pack.81@mail.ru
- Козлов В.В.**, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии, Президент Международной Академии Психологических наук, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль. E-mail: kozlov@zi-kozlov.ru
- Корнеева Е.Н.**, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль. E-mail: e.korneeva.korneeva@yandex.ru
- Лебедев А.Н.**, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии личности, Институт психологии РАН, Москва. E-mail: lebedev-lubimov@yandex.ru
- Ледовская Т.В.**, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль. E-mail: karmennnn@yandex.ru
- Лопатина Н.В.**, преподаватель кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, Иваново. E-mail: vesy210@mail.ru
- Мазиллов В.А.**, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль. E-mail: v.mazilov@yspu.org
- Масляная О.В.**, старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль. E-mail: M.O.V-mm@yandex.ru
- Мединцев В.А.**, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории методологии и теории психологии, Институт психологии им. Г.С. Костюка НАПН Украины, Киев, Украина. E-mail: vladislav-medintsev@yandex.ru
- Морожанова М.М.**, аспирант, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Беларусь, Витебск. E-mail: morozhamari@yandex.by
- Мухамбеткалиев Д.К.**, магистр, ректор, Международная Академия Семьи и Развития Личности, Нур-Султан, Казахстан. E-mail: daniyar_mk@mail.ru
- Назаров В.И.**, доктор психологических наук, профессор кафедры непрерывного психолого-педагогического образования, Ивановский государственный университет, Иваново. E-mail: vi-nazarov@yandex.ru
- Орлова Н.В.**, Московский институт психоанализа, Москва. E-mail: o_gordyakova@mail.ru
- Пашкович С.Ф.**, аспирант кафедры психологии, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Беларусь, Витебск. E-mail: suhov69@mail.ru
- Перегонцева Т.В.**, кандидат педагогических наук, начальник отдела учебно-методической работы Управления по реализации программ и проектов МАУ «Информационно-методический центр» города Тюмени, Тюмень. E-mail: peregontv61@mail.ru
- Поддубный С.Е.**, Институт психологии РАН, Москва. E-mail: pozn_v@mail.ru
- Позняков В.П.**, доктор психологических наук, главный научный сотрудник, Институт психологии РАН, Москва. E-mail: pozn_v@mail.ru
- Полянко А.В.**, Тихоокеанский государственный медицинский университет, Владивосток. E-mail: polyanko2001@gmail.com
- Редина А.В.**, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург. E-mail: redinaanna@bk.ru

Рогачева Т.В., доктор психологических наук, заведующий отделением реабилитационной диагностики и мониторинга, Областной центр реабилитации инвалидов, г. Екатеринбург. E-mail: TVRog@yandex.ru

Рубцова Е.А., Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва. E-mail: elizavetaray@gmail.com

Рубцова Н.Е., доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии и психологии труда, Российский новый университет, Москва. E-mail: hope432810@yandex.ru

Рукавишникова Н.Г., кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль. E-mail: nrug@list.ru

Силаева О.А., соискатель кафедры социальной педагогики и психологии, Шуйский филиал ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», Шуя. E-mail: konkys2012@inbox.ru

Скворцова А.Б., Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль. E-mail: nastya.skvorczova.00@bk.ru

Слепко Ю.Н., кандидат психологических наук, доцент, декан педагогического факультета, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль. E-mail: slepko@inbox.ru

Солынин Н.Э., кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль. E-mail: sonik7-39@yandex.ru

Соснин В.А., кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт психологии РАН, Москва. E-mail: slavabusya@mail.ru

Старцева О.Е., Тихоокеанский государственный медицинский университет, Владивосток. E-mail: startseva.olia@mail.ru

Стрижак Н.Ю., кандидат биологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики детства, Тюменский государственный университет, Тюмень. E-mail: n.y.strizhak@utmn.ru

Тамазин М.В., кафедра общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль. E-mail: tamazin1997@mail.ru

Токарев Я.В., Магнитогорск. E-mail: j.tokarev@ukfaeton.ru

Толочек В.А., доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт психологии РАН, Москва. E-mail: tolochekva@mail.ru

Турчин А.С., доктор психологических наук, профессор кафедры общей и прикладной психологии, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова Институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург. E-mail: ast55@mail.ru

Ульянова Г.В., магистр, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Кольчугино, Владимирская область. E-mail: ulyanovagv@yandex.ru

Филатов Д.О., аспирант, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир. E-mail: filvladimir1993@rambler.ru

Филатова О.В., кандидат психологических наук, заведующая кафедрой «Психология личности и специальная педагогика», Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир. E-mail: ofilvladimir@yandex.ru

Цымбалюк А.Э., кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль. E-mail: tsumba@inbox.ru

Шмелева Е.А., доктор психологических наук, заместитель директора по научной работе, профессор кафедры социальной педагогики и психологии, Шуйский филиал ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», Шуя. E-mail: noc_shmeleva@mail.ru

Научное издание

Интеграция в психологии: теория, методология, практика

Сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции

Научный редактор:
доктор психологических наук, профессор
Владимир Александрович Мазилов

Редакционная коллегия:
кандидат психологических наук, доцент Татьяна Владимировна Бугайчук,
доктор психологических наук, доцент Юрий Николаевич Слепко

Технический редактор выпускных сведений С.А. Сосновцева
Компьютерная верстка – О.В. Первушина

Подписано в печать 08.07.2021.
Формат 60х90/8
Объем 26 п. л., 21,64 уч.-изд.л. Тираж 100 экз.
Заказ № 121

Издано в ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1

Типография ЯГПУ
150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44
Телефоны: (4852) 7264-05, 32-98-69